

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(к X Всероссийскому съезду судей)

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ЧАСТЬ I

**Нижний Новгород
2022**

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
УПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО ДЕПАРТАМЕНТА
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ПРИВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «РОССИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СУДЕЙ»
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(к X Всероссийскому съезду судей)**

*Сборник материалов
Всероссийской межведомственной научно-практической
конференции*

Часть I

Нижний Новгород
2022

УДК 343(063)+347.9(063)
ББК 67.410я431
П68

Редакционная коллегия:

Поправко В. И. – председатель Нижегородского областного суда
Журавлёва Ю. В. – директор Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук
Ярцев Р. В. – судья Нижегородского областного суда, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Рецензенты:

В. Н. Корнев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Е. В. Бурдина,
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

П68 Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей. В двух частях. Часть I / под ред. В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2022. 350 с.

ISBN 978-5-905953-45-3

Сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей)» посвящён X Всероссийскому съезду судей. В представленных статьях отражены актуальные вопросы, посвящённые судебной реформе России в историческом и современном аспектах.

Публикуемые материалы представляют интерес для научного сообщества, правоприменителей, преподавателей, аспирантов, магистрантов, адъюнктов, студентов.

ISBN 978-5-905953-45-3

**УДК 343(063)+347.9(063)
ББК 67.410я431**

© Нижегородский областной суд, 2022
© ПФ ФГБОУВО «РГУП», 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поправко В.И.</i> Вступительное слово	7
--	---

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Королев Б.И.</i> Российская судебная реформа 1864 г. в оценках периодических изданий 60–90-х годов XIX века	17
<i>Поправко В.И.</i> Решения съезда судей Российской Федерации: этапы становления и развития судебной власти	24
<i>Сальников С.П., Кайнов В.И.</i> Оптимизация правового статуса мирового судьи в контексте внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации	44
<i>Сим А.В.</i> Независимость судебной власти и статуса судьи в рамках конституционных поправок 2020 года	54
<i>Терехов Е.В.</i> История возникновения и развития суда присяжных в отечественном уголовном процессе (на примере Нижегородского окружного суда)	63
<i>Торопкин С.А.</i> Становление и эволюция системы послеслужебного обеспечения судей в самодержавной России	68

РАЗДЕЛ II.

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Волосова Н.Ю.</i> Цифровое правосудие: мировые тенденции и возможность использования	76
<i>Ишимуратов А.Р.</i> Цифровизация уголовного судопроизводства (на примере Республики Казахстан)	82
<i>Крыгин С.В., Кропачев С.Ю.</i> Цифровизация судебной системы: проблемы и перспективы	88

<i>Малыгин К.В.</i> Перспективы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве	93
<i>Мальшева Е.Ю.</i> Предмет гражданского права и инновационные объекты (соотношение, проблемы правоприменения, законодательные прогнозы)	101
<i>Фролов А.Н.</i> Перспективные вопросы внедрения информационных технологий и искусственного интеллекта в деятельность судов	108

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Востриков П.П., Беагон М.А.</i> Участие Уполномоченного по защите прав предпринимателей и прокурора в судебной защите экономических прав субъектов предпринимательской деятельности	115
<i>Гошуляк Т.В.</i> Проблемы отказа в принятии искового заявления в гражданском судопроизводстве	119
<i>Доможирова Л.Ю.</i> Судебный примиритель как гарант эффективного судопроизводства	125
<i>Дудукина Т.Г.</i> Правовая природа и значение подготовительной части судебного разбирательства по гражданскому делу	136
<i>Железнова Н.Д.</i> Актуальные вопросы деятельности апелляционного суда общей юрисдикции в контексте постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 22 июня 2021 г. «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»	141
<i>Кандалина А.Н.</i> Гарантии судебной защиты: некоторые особенности применения закона «О защите прав потребителей» в условиях пандемии	147
<i>Кравченко Е.Ю.</i> Феномен «судебной ошибки» в гражданском судопроизводстве: причины, негативные последствия, меры предупреждения	155
<i>Несвит Е.А.</i> Защита прав гражданина-должника в приказном производстве	160
<i>Шевченко О.А.</i> Институт тайны совещания судьи в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении	167

РАЗДЕЛ IV.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РФ

<i>Агеев А.Н.</i> Современные вопросы о принципе непосредственности уголовного судопроизводства	171
<i>Аменицкая Н.А.</i> Следственный судья и судебный следователь в российском уголовном судопроизводстве	177
<i>Беспалова А.А.</i> Вопросы применения судами Оренбургской области ювенальных технологий при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних	183
<i>Бессонов В.А., Наметкин Д.В.</i> Правовые аспекты защиты граждан, оказывающих содействие правосудию	190
<i>Гладышев Ю.А.</i> Начальник криминальной полиции как субъект деятельности по раскрытию преступлений	194
<i>Исаев В.В.</i> Возможность использования систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании по уголовному делу	199
<i>Клоков С.Н.</i> К вопросу о реформировании института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	202
<i>Кузьменко В.С.</i> Обман как элемент преступного посягательства, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, установленный при разрешении гражданского дела	208
<i>Кузьмин М.Н.</i> Прокурорская проверка как форма осуществления прокурорского надзора	213
<i>Кучерук Д.С.</i> Особый порядок судебного разбирательства: к чему приводит «шатание» законодателя и что с этим делать правоприменителям	219
<i>Лизунов А.С.</i> Аудиопротоколирование допроса и очной ставки на стадии предварительного расследования	229
<i>Маслов Д.Е.</i> Некоторые аспекты рассмотрения дел с участием присяжных заседателей	232
<i>Скорев В.А.</i> К вопросу о копировании обвинений в текстах судебных актов	239
<i>Страхова Е.Р.</i> Некоторые вопросы правового обеспечения принудительного доставления участников уголовного процесса	245
<i>Стукалова Т.В.</i> Проблемы обеспечения прав и свобод личности в ходе досудебного производства по уголовным делам: к вопросу о допустимости доказательств	250
<i>Ярцев Р.В., Акоюн А.А.</i> Частное определение (постановление) суда в отношении адвоката: пробелы судебной практики	257

РАЗДЕЛ V.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

<i>Базурина Е.Н., Кувычков С.И.</i> Гуманитарные основы существования судебной системы	279
<i>Иванова Л.Н.</i> Человеческий интеллектуальный ресурс в правосудии и социальные технологии урегулирования конфликтных ситуаций в судейской среде	284
<i>Овчаров А.О., Овчарова Т.Н.</i> Правовой, политический и социально-экономический аспекты принципа субсидиарности	292
<i>Свешиников Г.А., Свешиникова И.Ю.</i> О некоторых аспектах реализации информационной политики судебной системы	298
<i>Терехов А.М., Кувычков С.И.</i> Анализ судимости за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	305
<i>Шмелев К.В.</i> Анализ доступности правосудия для лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте цифровизации	311

РАЗДЕЛ VI.

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

<i>Верюлин А.В.</i> Взаимодействие средств массовой информации с органами судебной системы	317
<i>Фетисова Т.В.</i> К вопросу о необходимости разработки критериев эффективности взаимодействия органов судебной системы и средств массовой информации: постановка проблемы	326
<i>Яшина Н.В.</i> Опыт работы пресс-служб судебной системы Пензенской области. Актуальные вопросы	344

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Поправко

Вячеслав Иванович,

председатель Нижегородского областного суда

Уважаемые коллеги!

Судейское сообщество Приволжского федерального округа Российской Федерации в преддверии X Всероссийского съезда судей организовало проведение в г. Нижнем Новгороде Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Правосудие в современном мире» (к X Всероссийскому съезду судей).

Организаторами конференции выступили Нижегородский областной суд, Управление Судебного департамента в Нижегородской области, Региональное отделение общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» Нижегородской области, Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Это уже пятая, в некотором роде юбилейная конференция, которая проходит на базе Нижегородского областного суда, Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия и посвящена актуальным вопросам юридической науки и практики.

Обозначим темы предыдущих научных симпозиумов. Так, в ноябре 2010 года состоялась Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста». В ее рамках обсуждены актуальные вопросы применения мер пресечения судами и правоохранительными органами, их реализации органами уголовно-исполнительной системы; причины допускаемых ошибок. По результатам конференции выработаны принципы единого подхода к разрешению проблемных вопросов применения мер пресечения в условиях изменения уголовно-процессуального законодательства.

В мае 2012 года Нижегородский областной суд обратился к теме: «Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования». Это позволило объединить усилия теоретиков и практиков по усовершенствованию процедуры судебной защиты прав,

свобод и законных интересов личности; разработке внутригосударственных правовых средств защиты от возможных нарушений, допускаемых в ходе досудебного производства по уголовному делу.

В сентябре 2013 года в ходе конференции «Апелляция: реалии, тенденции и перспективы» (посвященной 75-летию Нижегородского областного суда) содержательно обсуждались актуальные вопросы становления и развития института апелляционного рассмотрения гражданских и уголовных дел. Особое внимание было уделено предложениям по усовершенствованию соответствующего отраслевого законодательства.

Результаты конференции отражены в сборниках статей, которые стали настольной книгой не только судей, прокуроров, адвокатов и иных практикующих работников Нижегородской области, но и широкой научной общественности России.

В 2018 году Нижегородский областной суд совместно с Приволжским филиалом Российского государственного университета правосудия выпустил в свет сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Реформирование судебной системы в России: история и современность», который стал по своему содержанию уникальным.

В сборник вошло более 100 статей под авторством докторов и кандидатов юридических наук, 17 статей – судей Нижегородской области и других субъектов России. В публикации нашло отражение мнение специалистов юридических вузов страны и ученых правовых школ.

Нынешняя Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Правосудие в современном мире» приурочена к X Всероссийскому съезду судей.

На предыдущем IX Всероссийском съезде судей, который состоялся 6–8 декабря 2016 года, отмечалось, что современный этап социально-экономического развития страны ставит перед российской судебной системой новые задачи, к числу которых относятся:

- повышение качества и доступности правосудия;
- повышение авторитета судебной власти;
- совершенствование видов судопроизводства, законодательных гарантий на получение гражданами полной и достоверной информации о деятельности судов;
- разработка уголовно-правовой концепции государства с целью упорядочения изменений, вносимых в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации;

– укрепление кадрового состава судебной системы и гарантий статуса судей;

– оптимизация и законодательное определение норм служебной нагрузки судей;

– укрепление социальных гарантий судей, включая повышение денежного вознаграждения, реализацию прав на медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение, обеспечение судей жилыми помещениями;

– повышение оплаты труда и социальных гарантий работников аппаратов судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

В итоговом Постановлении Съезда обращалось внимание на вопрос повышения уровня материального обеспечения работников аппаратов судов и системы Судебного департамента. Отмечалось, что необоснованно низкий уровень оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих судебной системы создает серьезные проблемы формирования и обеспечения стабильности кадрового состава работников аппаратов судов и системы Судебного департамента, особенно в условиях мегаполисов. Сменяемость кадрового состава в крупных регионах России составляет от 150 до 400% в год. Это усугубляется значительной служебной нагрузкой в условиях высоких требований к уровню образования и степени ответственности за выполняемую работу. В связи с этим предлагалось обратить особое внимание на необходимость законодательного урегулирования правового положения работников аппаратов судов.

В целях подготовки проведения X Всероссийского съезда судей 25 мая 2021 года состоялось пленарное заседание Совета судей Российской Федерации в режиме видео-конференц-связи. На заседании выступили Лебедев В.М., Момотов В.В., были рассмотрены вопросы повестки дня:

– о ходе реализации Плана мероприятий по выполнению постановления IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 года № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» (далее – План мероприятий) по состоянию на 25 мая 2021 года;

– о выполнении п. 1.1 Плана мероприятий (О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в части урегулирования вопросов прекращения (приостановления) отставки судьи по его собственной инициативе;

определения в законе понятия и процедуры дисциплинарного производства в отношении судьи);

– о выполнении п. 1.3 Плана мероприятий (О нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов Российской Федерации)¹.

8 июля 2021 года состоялись заседания Оргкомитета по подготовке и проведению X Всероссийского съезда судей и Президиума Совета судей Российской Федерации в режиме видео-конференц-связи.

На заседаниях рассмотрены вопросы повестки дня:

– О плане реализации предложений Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В.М., озвученных на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 25 мая 2021 года;

– Об учреждении юбилейной медали «X Всероссийского съезда судей»;

– О ходе реализации Плана мероприятий по выполнению постановления IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 года № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» (далее – План мероприятий) по состоянию на 8 июля 2021 года:

– О выполнении п. 1.3 Плана мероприятий (О нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов Российской Федерации);

– О внесении в региональные законодательные акты изменений в связи с вступлением в законную силу Федерального закона от 05 апреля 2021 года № 63-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и Федеральный закон "О мировых судьях в Российской Федерации" в части уточнения срока полномочий мирового судьи»;

– О внесении дополнений в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в целях устранения правовой неопределенности в части налогообложения налогом на доходы физических лиц денежной компенсации, выплачиваемой судьям, не воспользовавшимся правом на санаторно-курортное лечение, а также оплаты судьям стоимости проезда в пределах территории Российской Федерации к месту использования отпуска и обратно².

---

¹ См.: 25 мая 2021 года состоялось пленарное заседание Совета судей Российской Федерации в режиме видео-конференц-связи // Сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssr.ru/news/lienta-novostiei/42249>.

² См.: 8 июля 2021 года состоялись заседания Оргкомитета по подготовке и проведению X Всероссийского съезда судей и Президиума Совета судей Российской Федерации в режиме видео-конференц-связи // Сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssr.ru/news/lienta-novostiei/42817>.

Продолжая традиции плодотворного сотрудничества с Приволжским филиалом Российского государственного университета правосудия, мы поздравляем руководство, коллектив вуза, студентов, всех тех, кто когда-то связал с учреждением свой жизненный путь, с 20-летием.

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (до 2014 года – Российская академия правосудия) создан в 2001 году в соответствии с приказом Верховного Суда Российской Федерации (от 10 августа 2001 года № 4) и приказом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (от 10 августа 2001 года № С1-8/С1-1295) на основании решения Ученого Совета Университета (от 15.02.2001 года протокол № 1).

Родоначалником и бессменным руководителем, ректором, с 2021 года президентом Российского государственного университета правосудия (г. Москва) является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, судья в отставке Ершов В.В.

Валентин Валентинович является председателем экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, членом Совета Московского областного отделения Ассоциации юристов России, членом редакционных советов журналов «Российское правосудие», «Российский судья», «Российская юстиция», «Права человека», «Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение». Награжден правительственными и ведомственными медалями, почетными знаками и грамотами, лауреат ряда профессиональных премий.

С 2021 года ректором ФГБОУВО «РГУП» является Кулаков В.В., доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН.

Со дня основания по 2013 год филиал возглавлял А.В. Чубаров, в 2013–2016 – В.М. Зимин, с сентября 2016 года и по настоящее время ПФ РГУП руководит Ю.В. Журавлева.

На протяжении многих лет Нижегородский областной суд осуществляет взаимодействие и сотрудничество с Приволжским филиалом Российского государственного университета правосудия как со специализированным вузом по подготовке специалистов для судебной системы.

Нижегородский областной суд является базой прохождения стажировок, учебной, производственной и преддипломной практик обучающихся; оказывает содействие в части трудоустройства выпускников Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия.

Большинство из них успешно работают в аппарате суда, а многие в дальнейшем назначаются на должность мировых и федеральных судей.

Судьи Нижегородского областного суда делятся своим практическим опытом со студентами в качестве преподавателей: проводят практические и семинарские занятия, читают лекции по основным и специальным курсам. Считаю, что это уникальная возможность для студентов познакомиться с живыми примерами из правоприменительной практики и получить необходимые в дальнейшей профессиональной деятельности знания и навыки.

Кроме того, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия проводит обучение по программам переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппарата судов на факультете повышения квалификации.

Нижегородский областной суд и Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия осуществляют плодотворное сотрудничество в области проведения совместных научных мероприятий: конференций, научно-практических семинаров, круглых столов, в том числе международного и всероссийского уровня.

С уверенностью можно сказать, что Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия готовит высококвалифицированных специалистов для судебной системы РФ.

Подтверждением этому является то обстоятельство, что выпускники вуза на протяжении десятилетия пополняют ряды судейского сообщества. Еще недавно выпускники, а сегодня судьи – они на своем личном примере доказывают, что каждый из них гордится своей профессией.

Согласно Указу Президента Российской Федерации Путина В.В. от 25 декабря 2020 года № 812 в стране 2021 год объявлен Годом науки и технологий. Именно на это нацелена работа конференции, которая отражена в сборнике со следующим разделам:

- теоретико-исторические проблемы совершенствования правосудия и организации судебной деятельности;
- концепция цифрового правосудия: современное состояние, тенденции и перспективы;
- проблемы повышения эффективности гражданского и административного судопроизводства;
- актуальные проблемы теории и практики применения уголовного и уголовно-процессуального права;
- информационно-правовые инструменты и социально-гуманитарные исследования современного российского правосудия;

– вопросы эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей, кандидатов и докторов юридических, экономических, философских, исторических наук, заслуженных юристов Российской Федерации Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Н. Новгород), Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; Нижегородской академии МВД России; Волжского государственного университета водного транспорта (г. Н. Новгород); Оренбургского государственного университета; Ростовского юридического института МВД России; Пермского государственного национального исследовательского университета; Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина; Сибирского института бизнеса и информационных технологий (г. Омск).

На страницах сборника опубликованы статьи представителей судебного сообщества РФ и Приволжского федерального округа: мировых судей, судей г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Оренбургского областного суда, Пензенского областного суда, Верховного Суда Республики Мордовия, Верховного Суда Республики Татарстан, Верховного Суда Удмуртской Республики, Пермского краевого суда, студентов и магистрантов заявленных вузов, помощников и гражданских служащих соответствующих судов.

Сочетание теоретической и правоприменительной составляющих содержательно характеризует сборник конференции, который, и в этом есть уверенность, будет дополнен соответствующим изданием.

В условиях стремительного развития научно-технического прогресса, комплексной информатизации жизни человека и общества реалии сегодняшнего дня ставят перед судебной системой цель по внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в ее повседневную деятельность.

Успешная реализация мероприятий информационной политики судебной системы способствует выходу на новый уровень развития информационной среды, внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства, трансформации способов распространения информации, улучшению технического оснащения судов, эффективному функционированию сайтов судов и государ-

ственных автоматизированных систем, в связи с чем необходима выработка новых направлений и задач Концепции информационной политики судебной системы Российской Федерации¹.

Не случайно одним из знаковых направлений на площадке конференции стала тема: «Концепция цифрового правосудия (современное состояние, тенденции и перспективы)». Читателю будем полезным ознакомиться с международным опытом использования цифровых технологий, который, безусловно, заслуживает тщательного изучения.

Согласимся с мнением заведующей кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета, доктором юридических наук, доцентом Волосовой Н.Ю. в том, что «внедрение цифровых технологий в систему отправления правосудия следует рассматривать как системную и всеобъемлющую реформу, выходящую далеко за рамки только технологического процесса. Эта реформа включает не только правовые, организационные и культурные аспекты, которые оказывают значительное влияние на функционирование различных институтов полностью независимых друг от друга, но также и этические аспекты, порождающие применение таких инструментов в секторе правосудия».

В этом же ключе мы обращаем внимание на статью судьи Верховного Суда Республики Татарстан, кандидата юридических наук Ишмуратова А.Р. «Цифровизация уголовного судопроизводства (на примере Республики Казахстан)», в которой раскрываются вопросы нормативного регулирования процесса расследования и рассмотрения электронных уголовных дел, организационного обеспечения судопроизводства, в том числе в таком направлении, как информационная безопасность.

Созвучной заявленному направлению является статья судьи Пермского краевого суда Малыгина К.В. «Перспективы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве», в которой автор, оценивая критические взгляды на цифровизацию процессуальных отношений, предлагает апробировать возможности электронных документов в производстве по материалам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном статьями 108, 109, 125, 165 УПК РФ.

Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ положения ГПК РФ дополнены Главой 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное согла-

---

¹ См.: Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.).

шение», положения КАС РФ – статьями 137.1-137.7, регулируемыми примирительную процедуру. В соответствии с вышеназванным законом разрешаемые судами споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону. При этом с введением в действие указанного закона наряду с правильным и своевременным рассмотрением и разрешением дел мирное урегулирование споров стало являться одной из задач гражданского и административного судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ, ст. 3 КАС РФ). Именно на судью законодатель возлагает обязанность принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства (п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ, п. 10 ч. 3 ст. 135 КАС РФ).

Разделяем мнение председателя Городецкого городского суда Нижегородской области Доможировой Л.Ю. в том, что «применение предусмотренных законом примирительных процедур в рамках гражданского и административного судопроизводства в условиях постоянной повышающейся нагрузки на суды всех инстанций является хорошим подспорьем в достижении задач справедливого правосудия наиболее эффективным и наименее затратным путем».

Заявленная тематика развивается в инновационном ключе кандидатом психологических наук, доцентом, заведующей кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия Ивановой Л.Н. в статье «Человеческий интеллектуальный ресурс в правосудии и социальные технологии урегулирования конфликтных ситуаций в судейской среде».

Судебная реформа, проводимая в России в последние годы, повлекла значительные изменения в судебной системе, выражающиеся, прежде всего, в повышении уровня транспарентности судебного разбирательства, открытости, прозрачности и доступности правосудия.

В качестве одной из приоритетных задач федеральной целевой программы (далее – ФЦП) «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» было обозначено обеспечение открытости и прозрачности правосудия. Своей актуальности задача не потеряла и на современном этапе развития судебной системы, являясь важнейшей в ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы».

Нормативное регулирование открытости правосудия осуществляется начиная с 2000-х годов, когда общая политика государства была направлена на построение информационного общества. За это время были приняты и утверждены следующие определяющие в этом вопросе правовые акты: Концепция информационной политики судебной системы, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», Кодекс судейской этики и др.

5 декабря 2019 года Советом судей РФ одобрена «Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы» (далее – Концепция), выражающая официальные взгляды судейского сообщества России на цели, задачи, принципы и основные направления работы в информационной сфере, а также на системы регулирования возникающих при этом общественных и правовых отношений.

С направлениями информационной политики, которые реализуются (и планируются) при взаимодействии судебной системы Нижегородской области и Приволжского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (ПФ РГУП), можно ознакомиться в статье судьи Нижегородского областного суда, кандидата юридических наук, доцента кафедры гражданского процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия Свешникова Г.А. и преподавателя кафедры теории и истории права того же университета Свешниковой И.Ю.

В этом же контексте полезной будет информация, представленная в статье консультанта Пензенского областного суда Яшиной Н.В. «Опыт работы пресс-службы судебной системы Пензенской области. Актуальные вопросы».

Все упомянутые нами статьи, а также каждая из статей сборника заслуживают отдельного внимания, в комментарии не нуждаются, подлежат осмыслению и применению как в научной, так и правоприменительной деятельности.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Королев Б. И.,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. В ОЦЕНКАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 60–90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена анализу отношения российской общественности к судебной реформе 1864 г., к «старому» и «новому» суду, выраженному в периодической печати 60–90-х годов XIX века. Преемственность судебных реформ в прошлом и в настоящем выражается в определенном «образе» суда, последний влияет на авторитет суда и правосудия в обществе, способствует правовому воспитанию населения и развитию его правосознания.

Ключевые слова: судебная реформа; «старый суд»; «новый суд»; Судебные уставы 1864 года; периодические (повременные) издания; общественное мнение.

*«Всякий чувствует, что без нового суда
невозможна никакая безопасность,
и всякий ожидает его, как манны небесной».*

А. В. Никитенко [3, с. 43]

Обращение к оценкам отечественной судебной реформы 1864 года, к выражению отношения общества к «старому» и «новому» суду через периодическую печать созвучно современному этапу российской судебной реформы, подчеркивает преемственность судебных реформ. Оценка «старого» и «нового» суда, как в прошлом, так и в настоящем, позволяет сформировать «образ» суда, что влияет на авторитет суда и правосудия в обществе, способствует правовому воспитанию населения и развитию его правосознания.

Актуальность темы также обусловлена тремя аспектами: а) судебные реформы как 1864 года, так и современная, преследовали цель устранения недостатков суда и правосудия дореформенной или советской и постсоветской эпохи, в частности, ликвидации волокиты, затягивания и перегибов судебных процессов, кумовства, взяточничества, коррупции; б) судебные реформы вместо «старых» (дореформенных) судов создавали новые судебные органы – от мировых судей до общих и специальных судов; в) благодаря судебным реформам стремились повысить авторитет судебной власти, развить и повысить доверие населения к правосудию, к «новому» суду. Рупором выражения интереса как к самим реформам, так и отправлению в судах правосудия, формирования «образа» «нового» суда стала и до сих пор является периодическая (повременная) печать. Реформы 60-х годов, внедрение новых тенденций общественного развития породили возможность для формирования основ гражданского общества: независимый суд; самоорганизующиеся общественные организации и проекты; организованное или организуемое общественное мнение, транслируемое посредством органов периодической печати и другие. В этих условиях возрастает значение печатного слова, периодическая печать становится основой консолидации общественного мнения. Появляются, развиваются новые каналы взаимодействия государства и общества, происходит генезис «общественно-государственной политики» как симбиоза гражданского и государственного секторов [7, с. 47, 50–51].

Обзор отечественных периодических изданий 60–90-х годов XIX века позволяет проследить генезис отношения данных изданий к судебной реформе 1864 года как к «старому», так и к «новому» суду. Отношение к реформам, особенно к судебной, предопределяло место печатных изданий в спектре общественного мнения той эпохи: консервативная (отражение позиции государственников) и либеральная (отражение мнений общественности) общественность [7, с. 47, 50–51]. Повременные издания (выходили ежедневно, еженедельно, ежемесячно; по типу – газеты и журналы) одновременно сообщали, разъясняли информацию, выражали отношение к реформе, формировали общественное мнение о ней, влияя на сознание населения. Печать отражала взаимосвязь и взаимовлияние – от власти к обществу и наоборот.

В качестве особенностей выражения отношения печати к судебной реформе выделим: частичное ослабление «цензурного гнета» по закону 1865 года и последующее ужесточение цензуры; разрешение и возможность отражения в печатных изданиях только официальной, цензуровой

разрешенной, версии; отсутствие в печати критических или резко отрицательных, «левых» статей и позиций по отношению к реформе. Так, современный исследователь М.Г. Коротких подчеркивает зависимость прессы той эпохи от цензуры, что «в России не было традиции оппозиционного выступления печати против правительства», поэтому «не могло появиться материалов, прямо осуждавших судебную реформу» [5, с. 79].

Издания выражали мнения о судебной реформе, как ее основоположников, так и юристов, практикующих специалистов, выдающихся представителей общественности. Юристы-практики и публицисты стремились прокомментировать новшества, разъяснить их преимущества, плюсы, формируя положительное общественное мнение по отношению к «новому» суду. В дальнейшем они рассчитывали опереться именно на поддержку той прогрессивной, образованной общественности, которая изначально поддержала реформу. В частности, интересны публикации некоторых авторов Основных положений (проекта реформы): С.И. Зарудный комментировал содержание судебной реформы в России и вопросы судостройства Италии; Н.А. Буцковский рассуждал о доказательствах в уголовном процессе. Обратим внимание, что среди юристов-авторов основ судебной реформы были не только теоретики, но и практики [4, с. 101–115, 171–178; 5, с. 81–82]. Например, К.П. Победоносцев не только участвовал в проектировании самой реформы (разработка проекта по гражданскому судопроизводству), но в дальнейшем обобщил сложившуюся судебную практику, подготовив для практикующих судей «Судебное руководство» в 1872 году [6, с. 27–47, 53–403]. Относительно обвинений в заимствовании и подражании юристы, авторы проекта замечали: «наш нормальный путь, не подражание, а разумное применение общих начал, выработанных юридическою наукою» [3, с. 16, 27]. Не случаен сам факт, что еще на стадии подготовки реформы ее проект был опубликован, чтобы вызвать всестороннее обсуждение его содержания: поступило 448 разных замечаний со всех концов России, в итоге проект получил одобрение со стороны не только русских, но и лучших иностранных юристов и публицистов [1, с. 159–162, 165].

К настоящему времени в историографии оценок судебной реформы 1864 года и отношения к ней общественности в 60–90-е годы XIX века представлены несколько позиций: а) консервативная – реформа не соответствовала предыдущим этапам развития судебной системы России, нарушила преемственность ее развития, была излишне «радикальной»; б) славянофильская – реформа носила прозападный характер, привнесла

в судебный строй России чуждые, заимствованные у Европы элементы; в) либеральная, западная – одобрение и поддержка реформы, которая привела к российской адаптации западноевропейских судебных институтов (мировой судья, адвокатура и т.д.), способствовала появлению в России именно «правосудия», судебного способа защиты прав подданных. Юрист А.Ф. Кони делил сторонников реформы на теоретиков, подражателей, приверженцев сочетания старого и нового и судебных практиков, относя авторов реформы именно к последней группе [4, с. 12]. Современный исследователь М.Г. Коротких выделяет суждения, связанные с критикой отдельных институтов реформы и предложения о дальнейшем развитии начал реформы [5, с. 79].

Первое, консервативное направление наиболее ярко было представлено в работах и публикациях В.Я. Фукса и графа В.Н. Панина, идеализовавших традиции и «старый суд». Фукс считал, что реформа носила тенденциозный, радикальный характер, нарушив традиции органического развития нашего суда. Он обвинил ее основоположников в «ребяческом недомыслии и политическом легкомыслии», подчеркнув, что реформа «не коренилась на исторической почве», не имела задатков и была заимствована [3, с. 10, 12, 17–19]. Опираясь на факты, он приводил отрицательные стороны судебной жизни, примеры невежества судей и следователей, случаи произвола, необоснованные вердикты присяжных заседателей, делая вывод о непригодности Судебных уставов [2, с. 11].

Недовольство реформой выражали и представители высшей администрации: шеф жандармов Шувалов, министр внутренних дел Валуев, директор департамента МВД граф Д.Н. Толстой, граф В.Н. Панин (публикации в «Русском архиве», например, за 1885 год). Так, граф Панин называл введение принципа гласности в судопроизводство концом мира [3, с. 10, 12, 17–19].

Консервативно настроенный редактор журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мецкерский и известный публицист М.Н. Катков, изменивший свое отношение к реформе и примкнувший к консервативному лагерю в начале 1870-х гг., полагали, что суд присяжных в очень многих случаях выносил слишком мягкие вердикты, не соответствовавшие тяжести совершенных преступлений. Смыслом своей деятельности они сделали не только разоблачение судебных ошибок, недостатков судопроизводства, но и обоснование идеи неразвитости правосознания российской общественности, неготовности русского народа к суду присяжных [2, с. 6]. Обратим внимание, что печатные издания М.Н. Каткова («Московские ведомости»

и «Русский вестник») не просто транслировали общественные настроения, они стали организационными и идеологическими центрами создания и обработки общественных настроений [7, с. 47, 50–51]. Впоследствии М.Н. Катков обвинял составителей Судебных Уставов в государственной измене [3, с. 15]. Несомненно, повлияли на эту смену череда покушений на императора Александра II, новеллы в судопроизводстве и оправдательные судебные решения суда присяжных.

Несмотря на преимущественно отрицательное отношение к реформе со стороны славянофилов, были среди них и положительные отзывы. Так, сравнивая «новый» и «старый суд», И.С. Аксаков замечал, что только при упоминании «старого» – «волос встает дыбом, мороз дерет по коже» [3, с. 16]. Подчеркивая, что «новый» суд легко был воспринят народным сознанием, он утверждал, что «правый суд, суд самостоятельный, независимый и равный для всех призван обновить русскую жизнь...». В оценке реформы на страницах газеты «День» он подчеркнул, что судебная реформа стала следствием отмены крепостного права, однако сама реформа «не вытекает из старого порядка». Славянофил, профессор Лешков указывал, что Уставы «воскресили наш самобытный суд». Одновременно отрицательно оценили реформу ряд других славянофилов [1, с. 147–150, 224–225].

Заняв либеральную позицию, полностью поддержали судебную реформу такие издания, как журналы «Наше Время», «Военный Сборник», «Журнал Министерства Юстиции», газеты «Сын Отечества», «Весть», «Акционер», «Народное Богатство», «Современник», «Отечественные записки», «Голос», «Библиотека для чтения», «Современная летопись», «Русский листок», «Русская старина», «Петербургские ведомости», наконец, журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости», редактором которых был М.Н. Катков. В 60-е годы известный публицист приветствовал реформу, указывая, что различие между старыми и новыми судами заключалось в том, что «прежние портили людей, а новые исправляют их и воспитывают». «Вестник Европы» замечал, что реформа «сделана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшие на себя тяжкие обязанности судей» [1, с. 147–157, 225–228; 3, с. 51, 56–65; 5, с. 81].

В период проведения реформы восторженные отзывы о новом суде заполнили страницы российской периодики, проблемы суда стали предметом горячего обсуждения. Однако ряд периодических изданий обратил внимание на трудности реализации судебной реформы, когда необхо-

димо вынужденное сочетание старых элементов суда и новых, особенно в провинции: «клином входят в старую организацию», «борьба будет неизбежна». Критические замечания представили «Вестник Европы», «Современная летопись», «Отечественные записки» [1, с. 224–225; 5, с. 80].

Подчеркнем, что единодушие по вопросу относительно оценок новых судов в обществе было довольно иллюзорным. Это подтверждали не только правительственные круги, напуганные попыткой царевубийства 1866 года (приветствуя реформу, они готовили меры относительно ее ревизии), но и печатные издания (конфликт между «Московскими ведомостями» и «Санкт-Петербургскими Ведомостями» по «нечаевскому делу» 1871 года). Если первое издание ратовало за новый суд, то второе попыталось поколебать доверие к нашему суду в отношении к публичному разбирательству дел о государственных преступлениях [2, с. 3–5].

В периодической печати периода реализации судебной реформы основными темами обсуждения являлись как общие темы и принципы организации судоустройства и судопроизводства (причины реформы, введение суда присяжных, принципы судебной деятельности, вопросы финансирования), так и весьма узкие вопросы, в которых подробно разбирались, в первую очередь, профессионалы юристы. Среди общих рассуждений статьи периодических изданий затрагивали вопросы необходимости, своевременности, пользы и результатов судебной реформы, проблему невозможности преемственности «нового» суда с предшествующими институтами и сочетания в суде старых и новых элементов (например, судьба волостного суда), вопрос радикализма или умеренности реформы, связь отмены крепостного права и судебной реформы. Например, относительно причин реформы все спектры общественной мысли, выраженные в печати, были едины: несправедливость и устаревшее законодательство, злоупотребления и продажность судей, их низкая квалификация, зависимость судей от административных властей, бюрократическая волокита, обвинительный уклон судебных решений. «Старый суд» имел в обществе плохую репутацию, что подтверждают пословицы: «законы святы, да судьи супостаты», «не бойся суда, а бойся судьи», «судье полезно, что в карман полезло», «когда карман сух, тогда и суд глух», «мздой и уздой обратишь судью в твою волю» [1, с. 40–41, 44, 145–165].

Из конкретных тем в печати обсуждались: структура судов; место, подсудность, выборность и сроки полномочий мировых судей; отделение

судебной власти от административной, институт несменяемости судей; подготовка судебных кадров и требования к кандидатам; необходимость суда присяжных; развитие адвокатуры как независимого института; вопросы судопроизводства (переход от следственного к обвинительному процессу); принципы судопроизводства. Так, первые примеры использования в суде принципа гласности, по свидетельствам печати, произвели на общество очень сильное впечатление: ускорился процесс рассмотрения дел, стало ослабевать недоверие к суду, исчезли рутинные, буквеедство, жестокость [3, с. 36–42]. Однако низкий уровень правовой культуры и правосознания нашего общества не могли позволить оценить всю ценность и значение судебной реформы: «какая-нибудь журнальная сплетня производит больше впечатления, чем это бессмертное дело» [6, с. 43]. Тем важнее в современной России, благодаря судебной реформе, не только открывать новые суды, осуществлять их информатизацию, но и способствовать совершенствованию правовой культуры и правосознания нашего общества.

Список источников

1. *Блинов И.А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г. Историко-юридический очерк. Петроград: Сенатская типография, 1914. 234 с.
2. *Галкин А.Г.* Консервативная российская общественность в борьбе за ревизию основ судебной реформы 1864 г. // Научный журнал КубГАУ. 2011. №7. С. 1–16 [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/26.pdf> (дата обращения: 26.07.2021).
3. *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ: Т. 2. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. 496 с.
4. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. М. : Статут; РАП, 2003. 352 с.
5. *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Извлечения // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 42–106.
6. *Победоносцев К.П.* Судебное руководство. М. : Статут; РАП, 2004. 431 с.
7. *Попов Э.А.* «Департамент Каткова»: новационные технологии общественного влияния на курс государственной политики реформируемой России // Вестник СурГПУ. 2020. № 3 (66). С. 43–53 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.surgpu.ru> (дата обращения: 27.07.2021).

Поправко В. И.,
председатель Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ¹

I Всероссийский съезд судей проходил 17–18 октября 1991 года. Можно по-разному воспринимать этот исторический момент, но факт исчезновения с мировой карты Советского Союза повлек необходимость изменения институциональных механизмов вновь созданного государства – РСФСР, касающихся, в том числе, судебной власти. Новая концепция судебной реформы в РСФСР [5] стала триггером обсуждения судебного сообщества.

Состояние судебной системы того времени оценивалось как крайне плачевное. В своем докладе по отчету Совета судей Российской Федерации о работе, проделанной после 1-го Всероссийского съезда судей, член Президиума Совета судей, председатель Невского районного народного суда г. Санкт-Петербурга Сидоренко Ю.И., характеризуя предыдущий период, отмечал: «Судейский корпус находился на грани развала, происходил массовый уход судей. В каждом регионе лежали десятки, а по России сотни заявлений об увольнении. А желающих стать судьей практически не было. Самое опасное заключалось в том, что ослабление судебного корпуса, происходившее на протяжении ряда лет, могло вскоре привести к его полной неспособности выполнять свои обязанности по защите прав и интересов граждан». Основное направление в работе делегатов съезда было предопределено необходимостью создания отдельной судебной ветви власти, как гарантии сохранения независимости суда от иных публичных органов государства, полное отчуждение от административного соподчинения судебных органов и приход к сугубо процессуальным взаимоотношениям между судами разных инстанций; создание состязательного процесса, основанного на равноправии сторон.

В это время принимается Декларация прав и свобод человека и гражданина [4], которая впоследствии выступит локомотивом приведения российского законодательства в соответствии с общепризнанными международными нормами в области прав и свобод человека. Наиболее за-

---

¹ В публикации использованы материалы, размещенные на сайте Совета Судей Российской Федерации // <http://www.ssrj.ru/>.

метными шагами в этом направлении стало наделение судов prerogativeм контроля по рассмотрению жалоб на арест и заключение под стражу, практические меры к введению суда присяжных, расширение возможностей единоличного рассмотрения дел, создание системы арбитражных судов, создание Конституционного Суда РФ.

Заданный съездом вектор придал импульс в подготовке проекта Закона о статусе судей, который был принят Верховным Советом 26.06.1992 г. [3] и послужил формированию органов судейского сообщества на местах.

И если первый съезд сформулировал концептуальные положения начинающейся судебной реформы, то *II Всероссийскому съезду судей* (29–30 июня 1993 года) предстояло подвести итоги сделанному, определить приоритеты судебной реформы на данном этапе, утвердить Положение об органах судейского сообщества, принять Кодекс поведения судьи, решить ряд других важных вопросов.

На II Всероссийский съезд судей было избрано 557 делегатов, прибыли и были зарегистрированы 512 делегатов. Впервые в работе съезда наряду с судьями судов общей юрисдикции приняли участие судьи арбитражных и военных судов.

Как отмечалось в Постановлении II Всероссийского съезда судей, особо остро ощущалась нескоординированность действий органов государственной власти по работе с судебной реформой. Разностороннее понимание подходов к изменению судебной системы существенно отражалось на реализации правовой и социальной защищенности судей, обеспечении гарантий их независимости. Съезд совершенно верно выражал тревогу относительно личной безопасности судей, членов их семей и их имущества.

Такие основополагающие признаки правового государства как демократизм, верховенство права предопределили трансформацию инквизиционного процесса в состязательный. Во главу была поставлена необходимость обеспечения каждого гарантированным правом на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь. В качестве гарантии доступности юридической помощи для неимущих и малоимущих граждан предусматривалось скорейшее принятие Основ законодательства об адвокатуре, закрепляющих многообразие форм деятельности профессиональных защитников, в том числе учреждение муниципальной адвокатуры.

Принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. Конституция Российской Федерации закрепила пути становления и развития страны. Анализ первых шагов реформирования судебной системы Российской Федерации позволяет говорить о формировании тенденций, направленных на либерализацию правосудия и укрепление независимости судей.

На фоне определенных положительных шагов по реформированию судебной власти существовал ряд факторов, замедляющих развитие судебной системы. Несостоятельное материально-техническое обеспечение, устаревшие формы судопроизводства, высокий уровень волокиты, судебного и следственного произвола в силу архаичности процессуального законодательства оказывали сдерживающее влияние в создании полноценных механизмов осуществления независимого справедливого правосудия. Несмотря на особую остроту и значимость вышеуказанных проблем для государства и общества в целом, многие из них не будут решены еще долгое время.

По поручению II Всероссийского съезда судей Совет судей 21 октября 1993 года принял Кодекс чести судьи Российской Федерации, устанавливающий правила поведения судей в профессиональной и внеслужебной деятельности, обязательные для каждого судьи, независимо от занимаемой должности. Дальнейшей практикой Верховного Суда РФ и квалификационных коллегий Кодексу был придан нормативный характер. Принятие Кодекса, по мнению председателя Александровского городского суда Владимирской области Шаймердянова А.К., свидетельствовало о том, что судейское сообщество озабочено не только вопросами социальной защиты судей, сохранением льгот и привилегий, но и качественным состоянием судейского корпуса, наведением порядка в собственном доме.

III (внеочередной) Всероссийский съезд судей (24–25 марта 1994 года) проводился во исполнении Указа Президента Российской Федерации от 25.12.1993 г. № 2289, которым рекомендовалось Совету судей Российской Федерации провести Всероссийский съезд судей для выдвижения кандидатур на вакантные должности судей Конституционного Суда Российской Федерации. Состоялся 24–25 марта 1994 года.

На съезде были рассмотрены актуальные вопросы развития судебной системы: о приведении Закона «О статусе судей Российской Федерации» в соответствие с Конституцией Российской Федерации, о концепции судебной системы Российской Федерации, об обеспечении

безопасности судей Российской Федерации, о внесении изменений в Положение об органах судейского сообщества Российской Федерации.

Съезд еще раз подчеркнул особенную значимость конституционных положений, касающихся единства судебной системы, указав, что проект закона о судебной системе Российской Федерации должен охватывать всю судебную систему в принципе. Положения законов, которые регулируют деятельность Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного суда, должны соответствовать будущему закону о судебной системе. Как указано в постановлении, лишь совокупная деятельность указанных судов в рамках объединяющей их судебной системы Российской Федерации гарантирует защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также юридических лиц.

При этом Съезд отметил чрезмерную радикальность в создании специализированных судов (трудовые, семейные и т.д.), которая способствовала бы опасности размытия судебной системы России. В постановлении съезда была предложена следующая система судов: районный суд, республиканский (областной) суд, федеральный окружной суд, образующийся на территории нескольких регионов, Верховный Суд РФ. При этом указывалось, что место военных судов должно быть сохранено в рамках общей судебной системы. Создание самостоятельной системы военных судов может иметь негативные последствия: отдаление армии от гражданского общества, снижение уровня правовой защищенности военнослужащих, нарушение принципа равенства граждан перед законом и судом. Отдельной строкой прозвучало видение мировой юстиции, целью которой является максимальное приближения правосудия к населению.

Съезд судей отмечал, что усовершенствование судебного делопроизводства, повышение эффективности судебных решений в значительной мере зависит от механизмов их исполнения. Это, в свою очередь, требует принятия законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах».

В целях реализации независимого существования судебной системы Съезд считал необходимым учредить Судебный департамент, единственной задачей которого было бы ресурсное, организационное и кадровое обеспечение судов. Отмечалось, что формирование и деятельность Судебного департамента должны проходить при участии и контроле со стороны органов судейского сообщества.

Созыв *IV (чрезвычайного) Всероссийского съезда судей* (3–5 декабря 1996 года) был обусловлен стагнацией в реформировании судебной вла-

сти. Председатель Совета судей Российской Федерации Сидоренко Ю.М. в своем докладе «Отчет о работе Совета судей Российской Федерации» хлестко высказывался об отношении властей к суду: «... судебная реформа, так и не начав осуществляться в полном объеме, все более замедляет свои темпы, а реальные условия деятельности судов таковы, что стал вопрос о возможности дальнейшего осуществления правосудия в стране. Если использовать терминологию военных, то последние два года мы отбивали атаки и удерживали завоеванные плацдармы. Движения вперед не было. Сейчас уже нет иллюзий, что руководители государства не знают о положении дел в судах. Все в курсе. Совершенно очевидно наличие активного противодействия со стороны чиновничества дальнейшему становлению сильной независимой судебной власти. Следствием такого противодействия стало отсутствие надлежащей законодательной базы для дальнейшего развития и отсутствие надлежащего финансирования. Проблема финансирования из частной и временной проблемы переросла в глобальную, от ее решения будет зависеть судьба судебной реформы. Сейчас решается вопрос о том, будет ли в нашем государстве независимая судебная власть, либо будет система учреждений, именуемых судами, в которой чиновники, называющиеся судьями, будут заниматься правоприменительной практикой?».

Отчаянные призывы к сохранению судебной власти не были огульными. В 96-ом году останавливали работу суды Москвы, Санкт-Петербурга, Амурской, Калужской, Камчатской, Кемеровской, Ленинградской, Омской, Самарской, Томской, Ивановской, Тульской, Ульяновской, Иркутской и других областей. С 5-го ноября объявили забастовку работники аппарата районных судов республики Коми. Некоторые председатели судов изыскивали возможность финансовой поддержки судов за счет средств местного бюджета предприятий, организаций, коммерческих структур, банков, что противоречило требованиям Конституции о финансировании федеральных судов только из федерального бюджета и приводило к потере независимости судов и судей. Оставались незанятыми 1241 судебное кресло.

Как отмечалось в выступлении Председателя Верховного Суда РФ Лебедева В.М. «О состоянии судебной системы и прогноз ее развития», изменение ситуации требовало признания всех действующих судов общей юрисдикции федеральными, изменения формирования бюджета судебной системы, создания Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, создания института мировых судей.

Видение этих и других кардинальных вопросов, касающихся состояния судебной системы, законодательного, кадрового, финансового и материального обеспечения судебной деятельности, перспектив развития судебной реформы и судебной деятельности, нашло свое отражение в итоговых постановлениях Съезда судей.

V Всероссийский съезд судей состоялся 27–29 ноября 2000 года и проходил на фоне уже введенных в действие Федеральных конституционных законов «О судебной системе Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О судебных приставах», «Об исполнительном производстве», «О финансировании судов Российской Федерации», «О судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», «О мировых судьях в Российской Федерации». Однако исторический дискурс развития судебной реформы определялся неудовлетворительным состоянием процессуального законодательства. Новые Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Российской Федерации не приняты, что существенным образом отражалось на своевременном и качественном разрешении дел, а в конечном итоге, на надлежащей судебной защите прав участников судопроизводства. Не решена проблема, связанная с реализацией конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Перспектива принятия проекта федерального закона «Об адвокатуре в Российской Федерации» неясна. Оставался актуальным вопрос о безотлагательном приведении законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Нуждался в серьезной корректировке Федеральный конституционный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Съезд открыл Президент Российской Федерации Путин В.В., главной мыслью обращения которого стало суждение: «Суд – это не просто сфера Вашей профессиональной деятельности. Это государственный институт, работа которого непосредственно касается судеб миллионов людей... И нам с вами надо уметь эффективно распоряжаться этим огромным властным ресурсом. Использовать его так, чтобы укреплять авторитет власти, поднимать к ней доверие народа. А в целом – работать над повышением государственного престижа страны».

В обращении Президента РФ были обозначены вопросы о необходимости расширения возможностей бесплатного оказания гражданам правовой помощи адвокатскими службами; о развитии института миро-

вых судей, об обеспечении безотлагательного доступа граждан к правосудию; о совершенствовании порядка отбора кандидатов в судьи и процедур их назначения и освобождения от должности; о необходимости создания административных судов.

Неслучайно рефреном прозвучало выступление Председателя Верховного Суда РФ Лебедева В.В., который, в частности, отметил, что по ряду принципиальных позиций, в том числе касающихся обеспечения доступа граждан к правосудию, сокращения сроков разрешения дел, повсеместной реализации Федерального закона «О мировых судьях», совершенствования процедур правосудия и работы службы судебных приставов реформа продвигается медленно.

Тон конференции был задан и в отчете Председателя Совета судей Российской Федерации Сидоренко Ю.И., который обозначил пути решения намеченных задач:

- развитие системы мировой юстиции, поэтапное увеличение штатов федеральных судей, совершенствование процессуального законодательства, введение сокращенных согласительных процедур;

- повышение престижа судебной работы, обеспечение надлежащих материальных и социальных гарантий, решение вопросов безопасности участников процесса и судей;

- укрепление и развитие службы судебных приставов;

- повышение качества обучения на юридических факультетах при особом внимании к подготовке и переподготовке судей и кандидатов на судебские должности с опорой на базу открывшейся Академии правосудия;

- создание муниципальной адвокатуры для защиты малоимущих граждан.

Участники Съезда пришли к общему выводу, что совместные усилия органов публичной власти и судов должны быть направлены на дальнейшее укрепление независимости и самостоятельности судебной ветви власти; завершение создания законодательных основ; модернизация уголовного и гражданского процессуального законодательства; разработка Административно-процессуального кодекса и принятие Административного кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; завершение создания института высококвалифицированной юридической помощи для граждан в целях обеспечения статьи 48 Конституции РФ, а также многие другие фундаментальные задачи.

Все эти и другие немаловажные вопросы нашли свое отражение в постановлениях съезда: «О ходе судебной реформы в Российской Федерации и перспективах развития судебной системы», «О судебных приставах по обеспечению и установлению порядка деятельности судов», «О введении института мировых судей в субъектах Российской Федерации», «О Регламенте Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации».

VI Всероссийский съезд судей состоялся 30 ноября – 2 декабря 2004 года, в его работе впервые приняли участие делегаты от мировых и уставных судов. Оценивая прошедший период, Президент Российской Федерации Путин В.В. констатировал: «Есть все основания сказать о том, что это было время динамичного и плодотворного развития судебной системы, причем по всем направлениям: и в плане обновления законодательной базы правосудия, и улучшения материально-технического снабжения, и обеспечения деятельности судов... Одним из самых важных достижений преобразований является то, что граждане все чаще решают свои проблемы именно через суд. Это говорит о возрастающем доверии к институту судебной власти».

Вместе с тем Президентом были обозначены и ключевые направления развития судебной системы: полная реализация принципа независимости суда, при котором особая роль отводится органам судейского сообщества; повышение профессионализма мировых судей; открытость правосудия для участников судебного процесса и общества в целом; взаимодействие судебной власти и средств массовой информации с целью выработки четких принципов сотрудничества и взаимодействия; информатизация судов.

На повестку Съезда Председателем Верховного Суда РФ Лебедевым В.В. были вынесены следующие актуальные вопросы: формирование качественного состава судейского корпуса Российской Федерации и в этой связи о работе квалификационной коллегии; необходимости обсуждения Кодекса судейской этики; предупреждение коррупционных проявлений и объективное формирование образа российского судьи, российской судебной системы при сотрудничестве со средствами массовой информации.

Как отмечал Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Яковлев В.В., решение обозначенных проблем виделось в недопустимости ослабления лежащих в основе правосудия принципов самостоятельности и независимости судебной власти; в сохранении и

дальнейшем обеспечении доступности и качества правосудия; в обеспечении доверия общества к судебной власти; во всестороннем финансовом, кадровом и материально-техническом, информационном обеспечении правосудия.

На съезде много внимания было уделено вопросам обеспечения реализации принципов публичности и гласности правосудия, в том числе взаимодействия судов со средствами массовой информации. В качестве шагов по развитию данного направления Советом судей была принята Концепция информационной политики судебной системы¹, разработаны рекомендации по разрешению конфликтных ситуаций между судебными органами и средствами массовой информации, связанных с защитой чести и достоинства судей, учрежден журнал «Судья».

В 2008 году (2–4 декабря) состоялся *VII Всероссийский съезд судей*. К этому времени, исходя из конституционных принципов построения судебной системы в Российской Федерации и основных направлений Концепции судебной реформы, в целях обеспечения доступности правосудия, реализации права на судебную защиту, создания действенных механизмов для защиты прав и законных интересов граждан и организаций в сравнительно короткий период был создан Конституционный Суд Российской Федерации, возрождены суды присяжных и мировая юстиция, образована четырехзвенная система арбитражных судов, включающая в себя самостоятельный апелляционный и кассационные арбитражные суды, сформированные по принципу судебных округов. В 16 субъектах Российской Федерации функционировали конституционные и уставные суды. На федеральном и региональном уровнях сформированы и активно действовали органы судейского сообщества. Для обеспечения деятельности судов общей юрисдикции и органов судейского сообщества создан федеральный орган – Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

Важным шагом на пути укрепления самостоятельности и независимости судебной власти явились утвержденные Правительством Российской Федерации федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России на 2002–2006 гг. и на 2007–2011 гг.», благодаря которым существенно улучшилось материально-техническое обеспечение федеральных судов, включая строительство и реконструкцию зданий и поме-

---

¹ Концепция информационной политики судебной системы принята 16 ноября 2001 г. Советом Судей Российской Федерации.

щений судов, их компьютеризацию. Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации создана уникальная Государственная автоматическая система Российской Федерации «Правосудие», объединяющая в единое информационное пространство все суды общей юрисдикции и систему Судебного департамента. Получило широкое распространение повсеместное введение в деятельность арбитражных судов электронного обеспечения правосудия. Начата публикация судебных актов, принимаемых арбитражными судами, на едином портале. Увеличена штатная численность судей и работников аппаратов судов, что позволило более оперативно разрешать существенно возросшее число судебных дел и материалов.

Однако существенное обновление законодательства, определяющего судоустройство, судопроизводство в российских судах, а также законодательства, применяемого судами при рассмотрении конкретных дел, повлекло поспешное в ряде случаев принятие законоположений. Частое и не всегда оправданное изменение законодательства, отсутствие межотраслевой и внутренней согласованности правовых норм приводили к дестабилизации судебной деятельности и правоприменительной практики. Достаточно сказать, что в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, введенный в действие 1 июля 2002 года, были внесены сотни изменений и дополнений девяносто тремя, в Гражданский кодекс Российской Федерации – тридцать девятью, в Уголовный кодекс Российской Федерации – пятидесяти шестью, в Налоговый кодекс Российской Федерации – ста шестьюдесятью федеральными законами.

В то же время архаичность российского законодательства, особенно в части понятийного аппарата правового поля судов общей юрисдикции и Верховного Суда являлась актуальной проблемой. Не были приняты законы о судах общей юрисдикции, о Верховном Суде Российской Федерации, об административных судах, кодекс административного судопроизводства – суды вынуждены руководствоваться Законом РСФСР «О судоустройстве РСФСР» 1981 года, который к тому времени безнадежно устарел и находился в противоречии с действующим законодательством¹. Стала явной проблема своевременной реализации на законодательном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации [6].

---

¹ Суды, которые были учреждены Верховным Советом в рамках Закона СССР от 04.08.1989 г. «О статусе судей в СССР», не образовывали самостоятельную судебную систему и находились в едином государственном аппарате.

В свете выработки антикоррупционных мер, а также мер, направленных на обеспечение независимости судей, повышения качества и открытости правосудия, особую значимость приобретали принятие федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», внесенного Верховным Судом Российской Федерации. Названный закон предусматривал широкое распространение информации о деятельности судов и предусматривал сделать «прозрачным» движение дел в судах, содержание принимаемых судебных актов.

Бичом для скорого, своевременного и справедливого правосудия выступало нарушение сроков рассмотрения материалов, где основными причинами являлись: ненадлежащая подготовка дел, ненадлежащее уведомление лиц о времени и месте судебного заседания, ненадлежащее качество дознания и предварительного следствия по уголовным делам и т.д.

На этом направлении создание внутригосударственного средства правовой защиты от нарушений права каждого на осуществление судопроизводства в разумные сроки было обусловлено безотлагательным принятием проекта федерального закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов».

Было очевидным, что за прошедшее десятилетие после принятия ФЗ РФ «О мировых судьях в Российской Федерации» и до VII Всероссийского съезда судей сформировалась ситуация, при которой нагрузку на мировых судей при ежемесячном рассмотрении каждым судьей 250–300 и более дел и материалов, можно было считать ненормированной.

В связи с этим принятие подготовленного Верховным Судом Российской Федерации ФЗ РФ от 11 марта 2006 г. № 36-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О мировых судьях»¹, ФЗ от 22 июля 2008 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации" и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» о существенном сужении компетенции мирового судьи по рассмотрению гражданских дел, признавалось своевременным, но недостаточным.

---

¹ В соответствии с ФЗ РФ от 11 марта 2006 г. № 36-ФЗ параметры расчета численности населения на одном судебном участке изменились с 15 до 23 тысяч до 15 до 30 тысяч человек.

В качестве действенных мер, направленных на обеспечение равномерной нагрузки на мировых судей и повышение тем самым эффективности правосудия, предлагалось дальнейшее совершенствование юрисдикции мировых судей. Это признавалось возможным путем: отнесения к подсудности районных судов значительного количества уголовных дел и дел об административных правонарушениях; упрощения форм и процедур судопроизводства; внедрения и развития альтернативных способов разрешения споров, в том числе примирительных процедур и посредничества (медиации); изменения законодательства в части назначения мировых судей не на конкретный судебный участок, а в административный район.

Важным вектором деятельности Всероссийского съезда судей являлась либерализация и гуманизация правосудия. В частности, делегаты обратили свое внимание на необходимость декриминализации ряда уголовных преступлений, создания практики реализации альтернативных лишению свободы видов наказания.

На Съезде отмечалось, что далеко не последнюю роль в ухудшении качества правосудия играла правовая неграмотность населения, что проявлялось в определенном юридическом нигилизме или пассивном следовании закону среди граждан. Разрешение данной проблемы виделось в изменениях законодательства о правовой помощи социально ослабленным гражданам.

На Съезде в качестве приоритетных направлений дальнейшего совершенствования судебной системы были определены: повышение качества функционирования судебной системы, укрепление ее независимости, обеспечение разумных сроков рассмотрения дел в судах, гуманизация правосудия, безусловное исполнение судебных решений, улучшение подготовки и переподготовки судей и кандидатов в судьи, создание системы возмещения гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство и исполнение судебных решений в разумные сроки.

Эти и иные ключевые аспекты были отражены в постановлении Съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования».

VIII Всероссийский съезд судей состоялся 17–19 декабря 2012 года, в нем приняли участие более 700 делегатов. Исторические константы того времени позволяли утверждать, что произошла глубокая модернизация российской судебной системы, которая сделала решительные шаги

по пути демократизации судебной власти, гуманизации правосудия. Принят ряд федеральных законов, направленных на обеспечение открытости и прозрачности правосудия [8], разумности сроков при рассмотрении дел, повышение эффективности и качества рассмотрения дел [9], обеспечение доступности правосудия [10] и предотвращения коррупции в органах судебной власти.

Обращаясь к делегатам Съезда, Президент Российской Федерации Путин В.В. отметил: «Ваш профессиональный и нравственный долг – быть объективными и беспристрастными, глубоко знать нормы права и правоприменительную практику, учитывать тончайшие нюансы рассматриваемых дел, за сухой правовой нормой всегда видеть конкретного человека. Только тогда можно утверждать законность, правду и справедливость. Это не только ответственный тяжелый труд, но и высокая гражданская миссия» [2].

С учетом положительного опыта реализации федеральных целевых программ развития судебной системы России на 2002–2006 и на 2007–2012 годы распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013–2020 годы [7]. За последние четыре года получило дальнейшее развитие законодательство, регулирующие вопросы судостроительства и судопроизводства. Принят и вступил в законную силу Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», которым установлены порядок формирования, состав и компетенция судов общей юрисдикции, предусмотрена процедура апелляционного рассмотрения не вступивших в законную силу решений. В связи с введением апелляционных процедур внесены соответствующие изменения в ГПК РФ и УПК РФ. Внесены изменения в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», направленные на предотвращение коррупции в органах судебной власти, устанавливающие обязанность кандидата на должность судьи и судей представлять сведения об имуществе и обязательствах имущественного характера, сведения о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей.

Существенно изменилось арбитражное процессуальное законодательство: установлены специальные правила рассмотрения арбитражными судами корпоративных споров, усовершенствован механизм пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам; установлены новые правила упрощенного производства; дальнейшее раз-

витие получил институт арбитражных заседателей; предусмотрено широкое использование электронных технологий в арбитражном судопроизводстве. Принят Закон, предусматривающий создание суда по интеллектуальным правам. Федеральным конституционным законом в судебной системе создан новый судебный орган, уполномоченный рассматривать конфликты, связанные с применением мер дисциплинарного воздействия в отношении судей – Дисциплинарное присутствие.

На Съезде было констатировано, что Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» объединила в единое информационное пространство свыше 85 тысяч автоматизированных рабочих мест более чем на трех тысячах объектов на территории всей страны. Суды оснащены компьютерной и оргтехникой, комплексами аудио- и видеопротоколирования судебных процессов, обеспечен публичный доступ к базам решений судов. Созданы интернет-сайты всех федеральных судов общей юрисдикции, на которых с 1 июля 2010 года размещаются сведения о назначенных и рассмотренных делах, тексты принятых судебных актов, иная информация о деятельности суда. Создан интернет-портал мировой юстиции: обеспечена интеграция участков мировых судей в ГАС «Правосудие». В системе Судебного департамента создано федеральное государственное бюджетное учреждение «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие», основными целями которого определены, в частности, поддержка пользователей указанной автоматизированной системы; хранение и автоматизированная обработка судебной информации (включая электронные архивы судебных дел); интеграция информационных ресурсов и судебной статистики. Активно внедряются и широко используются новейшие информационные технологии в системе арбитражных судов. Так, в 2008 г. создан единый «Банк решений арбитражных судов», в 2010 г. – новая версия системы «Картотека арбитражных дел».

Вместе с тем, на Съезде отмечалось, что законодательство, регулирующее вопросы функционирования судебной системы, требовало дальнейшего совершенствования. Предлагалось формирование института административной юстиции и установления в законе процедуры административного судопроизводства для разрешения споров, возникающих в сфере административных правоотношений; установление судебного контроля за действиями и решениями органов публичной власти в ходе выполнения ими функций государственного управления и обеспечения прав граждан на местное самоуправление.

Актуальными оставались вопросы изменения уголовного законодательства и развития судебной практики декриминализации ряда деяний и гуманизации уголовной ответственности; оптимизации практики применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, в том числе залога и домашнего ареста. Не было снято напряжение относительно чрезмерной нагрузки судей, актуальным являлось предложение по изменению законодательства в части назначения мировых судей не на конкретный судебный участок, а в административный район, не на конкретный срок, а бессрочно. Остро звучала тема установления единого порядка обеспечения функционирования мировой юстиции с передачей организационного обеспечения деятельности мировых судей на федеральный уровень. Признавались заслуживающими внимания предложения о расширении полномочий помощников судей, введение института профессионального представительства в арбитражных судах. Помимо этого, оптимизация судебной нагрузки рассматривалась через передачу отдельных категорий дел в компетенцию иных органов, расширение категории дел, подлежащих рассмотрению в особом порядке.

Судоустройственные вопросы традиционно касались ненадлежащего материального обеспечения судей, предоставления жилья, медицинского обслуживания, санаторно-курортного лечения, повышения уровня безопасности судебной деятельности, социальной защиты членов семьи судьи. Серьезное внимание уделялось кадровому усилению судов, организации повышения квалификации, профессиональной переподготовке и стажировке судей и работников аппаратов судов.

На Съезде был принят новый Кодекс судейской этики, структура которого включила в себя общие требования, предъявляемые к поведению судьи; принципы и правила профессионального поведения судьи и его поведения во внесудебной деятельности.

Пристальное внимание делегатов Съезда было уделено вопросам расширения форм взаимодействия со средствами массовой информации, укрепления взаимопонимания между судейским и журналистским сообществом в целях развития конструктивного диалога и обеспечения адекватного отражения деятельности органов правосудия в общественном сознании.

IX Всероссийский съезд судей состоялся 6–8 декабря 2016 года.

Среди государственных актов в области судоустройства несомненным достижением являлось стратегическое решение об образовании единого высшего судебного органа государства – Верховного Суда Российской Федерации.

ской Федерации. Это обеспечило укрепление единства статуса судей, единообразие судебной практики и толкования норм права, направленность законодательных инициатив на сближение основных правил судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, устранило правовую неопределенность в вопросах подведомственности дел, положительно сказалось на укреплении конституционных гарантий на доступ к правосудию граждан и хозяйствующих субъектов. Значимый вклад в обеспечение законности вносят решения Конституционного Суда Российской Федерации.

На дальнейшее укрепление и развитие демократических основ уголовного судопроизводства, повышение открытости правосудия и доверия общества к суду было направлено принятие законов о введении суда присяжных в районных судах и гарнизонных военных судах.

Результатом совершенствования административного судопроизводства явилось принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, закрепляющего специальный порядок рассмотрения и разрешения административных дел в судах общей юрисдикции.

Важной дополнительной гарантией обеспечения конституционно-правового статуса судьи в РФ стало образование в соответствии с Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» в составе Верховного Суда РФ Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ.

По результатам сформированной судами Российской Федерации судебной практики в истекший период состоялась реформа третейского разбирательства в Российской Федерации: на законодательном уровне закреплены требования к структурной организации третейских судов, компетенции третейских судов, статусу и ответственности третейских судей. Указанные нововведения позволяли сделать систему третейского разбирательства споров в РФ прозрачной, минимизировать злоупотребления при использовании третейских судов в экономике, защитить интересы «слабой» стороны таких разбирательств.

По инициативе Верховного Суда РФ принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ и ряд других законов, направленных на гуманизацию уголовного законодательства. В соответствии с ними ряд преступлений небольшой тяжести, а также экономической направленности исключен из числа уголовно наказуемых деяний, введен новый институт назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении виновных от уголовной ответственности. Это направ-

ление развития законодательства заслуживало поддержки, в частности, путем разработки понятия «уголовного проступка» и мер уголовно-правового воздействия, не порождающих судимости.

Одним из путей повышения качества осуществления правосудия и совершенствования судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций стало утверждение федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (далее – Программа).

Мероприятия, предусмотренные Программой, подготовили необходимую базу для внедрения элементов электронного правосудия и реализации требований Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», которым внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ, касающиеся: подачи документов в суды в электронном виде, в том числе в форме электронного документа; выполнения судебных актов в форме электронного документа; совершенствования правил о направлении судебных извещений; направления судебных актов и их копий в форме электронного документа.

В соответствии с Концепцией развития информатизации судов до 2020 года осуществлялись мероприятия по интеграции автоматизированных систем федеральных арбитражных судов в ГАС «Правосудие».

На стадии завершения находилась выдача электронных подписей судьям федеральных судов общей юрисдикции и работникам аппаратов судов. Доработан «Модуль распределения дел» программного средства ГАС «Правосудие», автоматизирован процесс отображения информации о движении судебных дел на официальных сайтах судов, подготовке текстов судебных актов к размещению на сайтах судов; осуществлялось межведомственное взаимодействие с ФССП России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации в части обеспечения электронного документооборота, создания соответствующих технических условий, в том числе для предъявления к оплате исполнительных документов в электронном виде в подразделения ФССП России и банковские учреждения; установлен единый порядок сканирования итоговых судебных решений и размещения их в электронном хранилище; разработан комплекс про-

грамм «Электронное хранилище судебных документов», вошедший в состав комплекса программ «Судебное делопроизводство».

На Съезде отмечалось, что современный этап социально-экономического развития страны ставит перед российской судебной системой новые задачи, к числу которых относятся:

- повышение качества и доступности правосудия;
- повышение авторитета судебной власти;
- совершенствование видов судопроизводства, законодательных гарантий на получение гражданами полной и достоверной информации о деятельности судов;

- разработка уголовно-правовой концепции государства с целью упорядочения изменений, вносимых в уголовное и уголовно-процессуальное законодательства Российской Федерации;

- укрепление кадрового состава судебной системы и гарантий статуса судей;

- оптимизация и законодательное определение норм служебной нагрузки судей;

- укрепление социальных гарантий судей, включая повышение денежного вознаграждения, реализацию прав на медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение, обеспечение судей жилыми помещениями;

- повышение оплаты труда и социальных гарантий работников аппарата судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Обращаясь к делегатам Съезда, Президент РФ В.В. Путин отмечал: «Безусловно, жизнь, развитие страны требуют корректировки, настройки нашей правовой системы и законодательства. Но вместе с тем нужно признать, что наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой несистемно, что создает немало угроз в процессе правоприменения. Судейское сообщество способно повлиять на эту ситуацию. Уверен, что парламент с должным вниманием отнесется к вашему авторитетному мнению. Стабильность и предсказуемость законов – общая для всех цель, гарантия качества национальной юрисдикции. Это чрезвычайно важные вещи, которые мы всегда должны помнить» [1].

В целях формирования независимых и самостоятельных апелляционных и кассационных инстанций съезд поддержал концепцию дальнейшего развития судоустройства системы судов общей юрисдикции, подготовленную Верховным Судом Российской Федерации, о создании

самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, структурное выделение которых, не связанное границами административно-территориального деления, позволит унифицировать построение судебной системы Российской Федерации и оптимизировать судебную нагрузку.

Многолетняя практика решения судами вопросов условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания и освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, показывала, что судам приходится учитывать не только правовые, но и социальные последствия таких решений.

Съезд пришел к выводу, что с учетом расширения участия институтов гражданского общества в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и профилактике преступлений и иных правонарушений представляется целесообразным передача рассмотрения данных вопросов наблюдательным комиссиям, которые должны образовываться в субъектах Российской Федерации с участием в их составе представителей заинтересованных органов власти.

Это, с одной стороны, позволит усилить общественный контроль за обоснованностью дальнейшего нахождения в местах лишения свободы осужденных, которые для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания либо не могут его отбывать по состоянию здоровья, а с другой стороны, снизить служебную нагрузку судей.

В итоговом Постановлении Съезда обращалось внимание на вопрос повышения уровня материального обеспечения работников аппаратов судов и системы Судебного департамента. Отмечалось, что необоснованно низкий уровень оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих судебной системы создает серьезные проблемы формирования и обеспечения стабильности кадрового состава работников аппаратов судов и системы Судебного департамента, особенно в условиях мегаполисов. Сменяемость кадрового состава в крупных регионах России составляет от 150 до 400% в год. Это усугубляется значительной служебной нагрузкой в условиях высоких требований к уровню образования и степени ответственности за выполняемую работу. В связи с этим предлагалось обратить особое внимание на необходимость законодательного урегулирования правового положения работников аппаратов судов.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. На протяжении долгих лет участники судейского сообщества, воля которых повсеместно отражалась в итоговых постановлениях Съезда, ставили перед собой цель по созданию независимой, самостоятельной и справедливой судебной ветви власти. Благодаря общим усилиям и единому порыву удалось сконструировать такую систему судов, которая отвечает необходимым принципам и стандартам современного правосудия и, самое главное – понятна простым гражданам.

Список источников

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на IX Всероссийском съезде судей // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/1715853419.

2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на VIII Всероссийском съезде судей // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17158.

3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

4. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

5. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 44. Ст. 1435.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан» // ВКС РФ. 2005. № 4.

7. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 21.05.2020) О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. № 1. Ст. 13.

8. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

9. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

10. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

Сальников С. П.,

доктор юридических наук,

мировой судья судебного участка № 6 Сормовского судебного района г. Нижнего Новгорода

Кайнов В. И.,

доктор юридических наук, профессор,

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин СЗФ РГУП,

г. Санкт-Петербург

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИРОВОГО СУДЬИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕСЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового статуса мирового судьи как участника производства по делам об административных правонарушениях, гражданских, уголовных в современной России. При этом изучается вопрос о правомерности называть мирового судью судом субъекта Российской Федерации, выявляются и исследуются основополагающие признаки, присущие мировым судьям, отличающие их от других судебных органов.

Ключевые слова: мировой суд; мировой судья; судебная система.

Мировая юстиция – важнейшее звено судебной системы, которое имеет собственные правовые традиции и глубокую историческую основу. Этот институт впервые возник в Российской Империи в 1864 году и просуществовал 25 лет. Попытка возродить мировую юстицию в 1912 году связана с именем Петра Аркадьевича Столыпина, который видел в мировых судьях одну из форм самоорганизации общества, повышения его гражданской ответственности.

Окончательное оформление российской мировой юстиции состоялось в 1998 году с принятием Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». В этом законе в полной мере отражены демократические традиции мировой юстиции – предусмотрено избрание мировых судей либо региональным представительным органом, либо непосредственно населением. Выбор конкретной модели формирования корпуса мировых судей остается в компетенции субъектов Российской Федерации.

Как указал в своем выступлении на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 12 февраля 2019 года председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов «20 лет существования в Российской Фе-

дерации мировой юстиции показали, что решение о возрождении этого института было исторически верным и тому лучшим свидетельством служат показатели ежегодной работы мировых судей».

Основной функцией профессиональной деятельности судей является осуществление ими правосудия, соответственно функция правосудия является ведущей.

Согласно ч. 1 ст. 118 Конституции РФ процесс реализации данной функции принадлежит суду. Главная же роль в суде принадлежит именно судьям, которые являются носителями судебной власти и осуществляют правосудие, обладают неприкосновенностью, независимостью и другими гарантиями, которые закреплены в Конституции РФ.

Исходя из этого, исследователи-правоведы полагают, что содержанием правового статуса судьи является его компетенция: совокупность гарантированных государством прав и обязанностей, а также функций, возложенных на него государством.

Поскольку основной функцией судьи является конституционно значимая функция по осуществлению правосудия, то исключительностью этой функции и определяется исключительность статуса судьи.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.11.2012 г. № 27-П было указано, что конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, с помощью которого необходимо обеспечивать каждому защиту прав и свобод.

В результате общество и государство, предъявляя к судье высокие требования, связанные с его профессиональной деятельностью, должны обеспечить и гарантии для осуществления им данных ему полномочий.

Переходя к рассмотрению поправок в Конституцию Российской Федерации, которые были приняты в виде федерального закона Российской Федерации ФКЗ №1 от 14 марта 2020 года, возникает потребность уточнения правового статуса мирового судьи как участника производства по рассматриваемым делам. В свете этого следует отметить, что, несмотря на то, что существуют различные точки зрения в понимании правового статуса, правоведы согласны с тем, что он необходим для характеристики того или иного субъекта права, его прав и обязанностей, места среди других субъектов права. Правовой статус является проявлением комплекса разных социальных связей, отношений, интересов, концентрирует совокупность юридических и общесоциологических явлений.

В большинстве своем, правовой статус, как определяется в литературе, затрагивает интересы каждого человека и коллектива, организации

и учреждения, отражает взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими. При первоначальном анализе правовых норм складывается мнение, что правовой статус всех судей без исключения идентичен, так как установлен Федеральным законом от 26 июня 1992 года №3132-1 (в редакции от 02.08.2019 г.) «О статусе судей в Российской Федерации». Но при последующем изучении данного вопроса можно сделать вывод, что указанный закон, определяя статус судей, имеет ввиду их правовое положение в обществе, характеризуя обеспеченную им государством социальную защищенность, их права и ограничения, связанные с должностью судьи, одинаковую возможность всех судей участвовать в работе органов судейского сообщества и т.д.

Отдельным вопросом является правовой статус судьи как одной из категорий судей по сравнению с другими, принадлежащими к иным видам судебных органов. Интересную точку зрения выражает В.Г. Меретуков, который утверждает, что «наличие единого статуса судей судов различных звеньев судебной системы России отнюдь не означает полного совпадения их правового положения».

Таким образом, исследуя правовой статус мировых судей в контексте внесенных поправок в основной закон современной России, необходимо подчеркнуть, что они, с одной стороны, обладают единым с иными судьями (судьями федеральных судов) статусом, установленным Федеральным законом от 26 июня 1992 года №3132-1 (в редакции от 02.08.2019 г.) «О статусе судей в Российской Федерации», а с другой – имеют только им присущие черты, позволяющие их выделить в отдельный вид судебных органов.

На сегодняшний день, к сожалению, ни Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ (в редакции от 30.10.2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации», ни Федеральный закон от 17 декабря 1998 года №188-ФЗ (в редакции от 28.11.2018 г.) «О мировых судьях в Российской Федерации» не содержат норм, специально посвященных правовому статусу мировых судей.

Законодатель закрепил лишь положение о том, что мировые судьи, во-первых, входят в единую судебную систему Российской Федерации, относятся к судам субъектов Российской Федерации. Очевидно, что данная формула не раскрывает всей сложности и разноплановости правового положения органов мировой юстиции.

Необходимо отметить, что ни в дореволюционном, ни в современном законодательстве, ни в юридической литературе не приводится достаточно полных и четких определений терминов «мировая юстиция», «мировой судья», «мировой суд», которые бы отражали их сущность и специфические черты. Как правило, предметами изучения и дискуссий становятся лишь отдельные аспекты деятельности мировых судей. Наличие различных изменений в законах и подзаконных актах, а также большого количества научных статей на сегодняшний день, не исключает проблемы единообразной трактовки указанных терминов.

Вопрос о правомерности называть мирового судью судом субъекта Российской Федерации в юридической литературе не раз поднимался. При этом были высказаны диаметрально противоположные мнения - от недопустимости отнесения мировых судей к судам до фактического приравнивания понятий «суд» и «судья».

К примеру, В.В. Дорошков, придерживаясь мнения разграничения указанных терминов, предлагает внести в законодательство следующие изменения. По его мнению, там, где законодатель под мировым судьей подразумевает орган судебной системы, следует заменить термин «мировой судья» на термин «мировой суд». Таким образом, в п. 2 ст. 4 ФКЗ от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ (в редакции от 30.10.2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации» и в соответствующие статьи законов субъектов Российской Федерации необходимо внести изменения, заменив термин «мировой судья» на термин «мировой суд», из чего следует следующее предложение В.В. Дорошкова – разграничить данные термины и в Федеральном Законе от 17 декабря 1998 года №188-ФЗ (в редакции от 28.11.2018 г.) «О мировых судьях в Российской Федерации». Исследователь считает, что данное изменение позволило бы правоприменителям определить сущность указанных терминов для общей юридической практики.

Говоря о правовом статусе мировых судей, Н.Н. Куприянович выявляет специфику правового положения мировых судей через исследование законодательно установленных требований, предъявляемых к ним. По ее мнению, к их числу относятся требования, во-первых, к самим судьям, во-вторых, к порядку их формирования (назначения или избрания) и прекращения деятельности, в-третьих, к компетенции судьи, порядку и способам ее реализации.

В.В. Гуцев раскрывает правовой статус этих судей посредством сопоставления по ключевым параметрам особенностей формирования и деятельности дореволюционных и современных мировых судей.

Анализируя вышесказанное, наиболее оптимальный и удобный путь раскрытия правового статуса мировых судей – это выявление и исследование основополагающих признаков, присущих мировым судьям, отличающих их от других судебных органов.

Исследуя характеристику полномочий мировых судей, следует обратить внимание на то, что названные судьи являются носителями судебной власти.

Во-первых, предназначение мировых судей, как и других судей, – это осуществление правосудия. Они наделяются полномочиями осуществлять правосудие, исполняя свои обязанности на профессиональной основе, выступая от имени государства. Способом осуществления правосудия признается разбирательство и разрешение дел в судебных заседаниях, где наиболее полно реализуются все демократические принципы судебной деятельности.

Мировой судья независим и подчиняется только закону. Он вправе принимать судебные решения, обязательные для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц. Неисполнение постановления мирового судьи, равно как иное проявление неуважения к нему, влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Во-вторых, мировой судья – судья общей юрисдикции. Это означает, что он относится к судьям, которые рассматривают гражданские, уголовные и административные дела, чьи решения обжалуются в апелляционном и надзорном порядке. Вместе с тем, в отличие от федерального судьи, мировой судья, согласно положениям статьи 3 ФЗ от 17 декабря 1998 года №188-ФЗ (в редакции от 28.11.2018 г.) «О мировых судьях в Российской Федерации», не наделяется правом вынесения судебных решений, касающихся ущемления прав и свобод гражданина, предусмотренных статьями 22, 23, 25 Конституции Российской Федерации. Согласно отраслевому законодательству, он не вправе осуществлять иные функции судебной власти помимо осуществления правосудия, которыми наделяются суды общей юрисдикции, в том числе пересматривать свои постановления по уголовным делам в порядке надзора или вновь открывшихся обстоятельств.

В-третьих, мировые судьи относятся к судам субъектов Российской Федерации. Особенности полномочий и деятельности мирового судьи могут устанавливаться не только федеральными законами, но и законами субъектов Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных им федеральными законами. Эти пределы определяются действующим федеральным законодательством. В частности, создание и упразднение должностей мировых судей, порядок их назначения на должность, деятельность мировых судей, срок полномочий регламентируются законами субъектов Российской Федерации.

В-четвертых, мировые судьи являются элементом (звеном) единой судебной системы Российской Федерации. Содержание понятия «звено судебной системы» в юридической литературе, как правило, определяется кругом полномочий и обязанностей, предоставленных тем или иным судебным органам, и характером выполняемых им функций.

При этом мировым судьям, наряду со специфическими признаками, присущи и общие для всех судов российской судебной системы черты:

- единство процессуальной формы рассмотрения дел (подсудность и т.д.);
- наличие общих принципов (независимость судей, гласность, равноправие, состязательность сторон и т.д.);
- единство судебных функций (они созданы для выполнения единой функции – осуществление правосудия, вправе пересматривать свои решения в порядке вновь открывшихся обстоятельств).

В-пятых, мировой судья является должностным лицом, наделенным полномочиями осуществлять правосудие. При этом исполняет свои обязанности на профессиональной основе, обладает специальным статусом.

Однако когда применительно к судоустройству речь идет о мировом судье, то произвольно возникают образы не конкретного должностного лица, а особого учреждения органа судебной власти, осуществляющего правосудие, низшего звена судебной системы.

Структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанавливаются в порядке, предусмотренным законом субъекта Российской Федерации. Работники аппарата мирового судьи являются государственными служащими соответствующего субъекта Российской Федерации.

На основании изложенного можно сделать вывод, что мирового судью можно рассматривать в разных качествах:

- как учреждение, судебный орган, входящий в единую судебную систему России;
- как должностное лицо, представляющее судебный орган;

– как основополагающую составляющую мировой юстиции, т.е. системы мировых судебных ведомств и их учреждений.

В дополнение к перечисленным признакам, В.В. Дорошков называет еще такие характерные черты современных мировых судей как:

– выполнение только судебных функций суда низшей судебной инстанции;

– профессионализм;

– статус местного (локального) суда субъекта Федерации;

– небольшие сроки осуществления своих полномочий (сменяемость);

– специальная ограниченная юрисдикция (т.е. рассмотрение гражданских и уголовных дел о малозначительных спорах, правонарушениях, административных проступках);

– единоличное осуществление судопроизводства;

– склонение сторон к примирению, ликвидация конфликта как важная цель любого вида судопроизводства;

– использование отдельных упрощений процедур в гражданском и уголовном судопроизводстве;

– наличие апелляционного порядка пересмотра судебных решений.

Рассматривая цели и задачи, стоящие перед мировыми судьями, необходимо исходить из того, что судебная власть в правовом государстве призвана обеспечить защиту и охрану прав и свобод граждан от любых посягательств, обеспечив тем самым господство права. В этом контексте мировые судьи призваны защищать нарушенные или оспариваемые права, свободы и охраняемые законом интересы «каждого гражданина», действуя в пределах своей компетенции.

Постановка конкретной задачи перед мировыми судьями как составной части российского правосудия, должна рассматриваться в качестве элемента общей задачи правосудия, имеющего свои индивидуальные особенности. При отсутствии строго определенных целей и задач, своеобразных средств и способов их достижения пропадает ясность в понимании необходимости и целесообразности создания любого нового правового института. Именно конкретные задачи должны служить базой для установления наиболее оптимального порядка деятельности мировых судей, отличного от выполнения этой функции федеральными судьями.

Мировые судьи присущими им методами и средствами должны обеспечить скорую, объективную и эффективную защиту нарушенных прав и интересов по делам, которые отнесены законом к их компетенции.

Соответственно, важным изменением нынешнего законодательства может стать закрепление на федеральном уровне целей и задач, которые стоят перед судебной системой, в целом, и мировыми судьями субъектов Российской Федерации, в частности, отразив тем самым специфику различных институтов судебной власти. Именно эту специфику и закрепляют принятые в новой редакции частей 2 и 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации.

Части 2 и 3 Конституции РФ изложены в следующей редакции:

«2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. 3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом.

Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; федеральные суды общей юрисдикции; Арбитражные суды; мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается.»

Как видно из содержания частей 2 и 3 ст. 118 Конституции РФ, Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» определены не только виды судопроизводства, благодаря которым реализуется судебная власть (конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное – ч. 2 ст. 118 Конституции РФ в новой редакции), но и перечень судов, включенных в судебную систему – Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов РФ (ч. 3 ст. 118 Конституции РФ в новой редакции).

Обратив внимание на данное обстоятельство, Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, сославшись на п. 3.1 определения Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. №1567-о «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации"» подчеркивают позицию Конституционного Суда РФ в том, что вопросы организации судебной системы нашего государства «являются предметом конституционного регулирования и требуют конституционного закрепления ее основных

параметров, что дает конституционному законодателю определенную свободу усмотрения при том условии, что его представления о целесообразной организации судебной власти не могут противоречить положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ».

Следует согласиться с тем, что представленные в новой редакции части 2 и 3 ст.118 Конституции РФ определяют реальное положение судебной системы в нашем государстве.

Права Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, когда указывают: «Функционирование эффективной судебной системы, структура которой подтверждается Основным Законом, бесспорно, важное обстоятельство». Они ссылаются на Европейский Суд по правам человека, который неоднократно в своих решениях подчеркивал, что вопросы, связанные с обеспечением правосудия, и деятельность его институтов, обязательны для всякого демократического государства. Они являются жизненными, публичными интересами государства. Конституционный статус судебной власти очень значим. Он выступает выражением ее независимости в системе разделения властей государства и свидетельствует о растущей роли судебной системы.

В статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обращается внимание на то, что «каждый человек имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Судебная система России, в том числе и мировые судьи, соответствуют приведенной норме, она пользуется доверием народа и вершит справедливое правосудие. Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу «Морис против Франции» подчеркнул: «Как гарант справедливости, имеющий фундаментальное значение в правовом государстве, правосудие должно пользоваться доверием общества, что служит успешному выполнению возложенных на суды обязанностей».

Статья 118 Конституции РФ в новой редакции еще значимее демонстрирует, что судебная система Российской Федерации представляет собой самостоятельную ветвь власти, она обособлена и независима от других властей.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что мировые судьи, с одной стороны, обладают единым с другими судьями правовым статусом, и кроме того – имеют только им присущие черты, исходя из их природы и законодательно установленных к ним требований. Современные мировые судьи являются носителями судебной власти;

относятся к судам общей юрисдикции и одновременно с этим к судам субъектов Российской Федерации; составляют низовое звено в судебной системе страны; являются должностными лицами, наделенными полномочиями осуществлять правосудие; представляют мировой суд, составляющий основополагающий элемент мировой юстиции.

Список источников

1. *Гущев В.В.* Становление и развитие мировой юстиции в России: монография. М. : Кодекс, 2018.
2. *Гущева Ю.В.* Примирительная процедура в праве: доктрина, практика, техника. Н. Новгород, 2013. 289 с.
3. *Дорошков В.В.* К вопросу о сущности правовой природы мирового судьи // Вестник Сибирского юридического института. 2015. № 4 (45). С. 23–29.
4. *Дорошков В.В.* Мировой суд в судебной системе Российской Федерации: монография. М.: Норма, 2018.
5. *Задерако В.Г., Желали Т.И., Фролов Ю.А.* Мировые суды в Российской Федерации: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический ин-т МВД России, 2003. 106 с.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. № 55(8109). 16 марта.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
8. Конституция Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2020.
9. *Куприянович Н.Н.* Организация деятельности мировых судей: монография. М. : Спарк, 2016.
10. *Меретуков В.Г.* Юридический процесс: монография. М. : Норма, 2017.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-о «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionno-go-suda-rf-ot-17072014-n-1567-o-po/>.
12. Постановление ЕСПЧ от 28 мая 2002 г. Дело «Стаффорд против Соединенного Королевства» (Stafford – United Kingdom) (жалоба № 46295/99) (Большая Палата) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 2.
13. Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 2015 г. Дело «Морис против Франции» (Morice v. France) (жалоба № 29369/10) (Большая Палата Европейского Суда) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 6.
14. Федеральный закон от 26 июня 1992 года № 3132-1 (в редакции от 02.08.2019 года) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда

народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

15. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (в редакции от 30.10.2018 года) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

16. Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (в редакции от 28.11.2018 года) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

17. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» М. : Норма: ИНФРА, 2020. 240 с.

Сим А. В.,

кандидат юридических наук, доцент,

*заведующая кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И СТАТУСА СУДЬИ В РАМКАХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK 2020 ГОДА

Аннотация. В статье анализируются конституционные поправки 2020 года, коснувшиеся баланса системы разделения властей в РФ и правового статуса судебной власти и статуса судьи в частности, делается вывод о незавершенности данного реформирования и необходимости дальнейшей законодательной конкретизации и уточнения Конституционным Судом РФ.

Ключевые слова: конституционные поправки 2020 года; система разделения властей; правовой статус судьи; судебная власть.

Понятие «статус судьи» является дискуссионным в сфере юриспруденции. Хотя данный термин и раскрытие его содержания неоднократно встречается в решениях Конституционного Суда РФ, по мнению которого «конституционно-правовой статус судьи, являющийся не личной его привилегией как гражданина, а средством, призванным обеспечить публичные интересы, прежде всего интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина, служит одновременно и гарантиями самостоятельности и независимости судебной власти» [13].

Тем самым Конституционный Суд РФ связал между собой статус судьи, правосудие и гарантии прав и свобод человека. Поэтому можно говорить о том, что усечение статуса судьи как отправителя судебной власти, минимизация его гарантий и уровня независимости невольно сокращает эффективность правосудия и механизма защиты прав, отрицательно воздействует на правосознание граждан.

Неотъемлемым условием поддержания особого статуса судьи в России является независимость и неприкосновенность судей, гарантированная Конституцией РФ. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, судейская неприкосновенность по своему объему и содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности. Конституционное положение о неприкосновенности судьи, закрепляющее один из существенных элементов статуса судьи и важнейшую гарантию его профессиональной деятельности, направлено на обеспечение основ конституционного строя, разделение властей, самостоятельность и независимость судебной власти. Неслучайно Конституционный Суд РФ обращает на принцип разделения властей особое внимание и рассматривает независимость судьи как институциональную независимость всей судебной власти. В действительности независимость судейского корпуса от влияния на него извне или давления любого рода есть ключевая гарантия независимого правосудия [9, с. 475].

Независимость судей реализуется посредством особого порядка привлечения к уголовной ответственности. Эта норма стала развиваться в законодательстве, а также она стала толчком для установления специальной процедуры привлечения судей РФ к ответственности, охраны занимаемых судьей жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа, иного имущества, тайны переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электронных и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений) [6].

Следует согласиться с Т.Г. Ермошиным, который считает, что «независимость судьи – это совокупность степеней свободы, ограничений и преференций судьи как носителя судебной власти, представляющая собой способность (положение, состояние) личности осуществлять беспристрастно и профессионально правосудие независимо от любых попыток воздействия на нее со стороны участников судебного процесса, представителей других ветвей государственной власти, политических, экономических, криминальных кругов, подчиняясь только Конституции РФ и

федеральному закону» [3, с. 10]. Имея в виду самостоятельность судебной власти, необходимо обратить внимание на независимость судей не только «внутри» судебного разбирательства, но и со стороны остальных ветвей власти. Самостоятельность предполагает раздельность и соответственно отсутствие соподчиненности.

Таким образом, исследование проблем самостоятельности и независимости судебной власти и статуса судьи, а также принципа разделения властей представляет интерес как для научного понимания, так и практического применения.

В июле 2020 года вступили в действие новые поправки в текст Конституции РФ. В части судебной власти были внесены изменения в ст. 83 п. «е. 3» и в ст. 102 ч. 1 п. «л», которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий судьи, в том числе по порочащим основаниям. Прекращаются «Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочия Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими проступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий» [5].

Следовательно, в правовом регулировании судебной системы нашей страны появилась новелла. Теперь Конституция РФ в своих положениях рассматривает механизм досрочного прекращения полномочий судей РФ. Что касается судейского корпуса, то Конституция РФ его «расформирует», отделяя тех судей, которые могут досрочно прекратить свои полномочия по предложению Президента РФ Советом Федерации РФ, и судей остальных звеньев, т.е. судей областных, районных судов и, соответственно, мировых судей РФ.

Исчерпывающий перечень оснований прекращения полномочий судьи закреплен в ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», данная процедура происходит по инициативе судьи, а также в случае наступления определенного факта (например, в силу состояния

здоровья судьи, его смерти...). Тем не менее, досрочное прекращение полномочий рассматривается также как дисциплинарная ответственность судьи за совершение проступка, наличие такого проступка устанавливает квалификационная коллегия. Согласно ст. 12.1 «решение о наложении на судью, за исключением судьи Конституционного Суда РФ, дисциплинарного взыскания, принимается квалификационной коллегией судей и может быть обжаловано в суде в порядке, установленном федеральным законом» [6]. Ст. 26 ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» включает в себя правила о порядке обжалования решений квалификационных коллегий судей, на основании которых «решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке либо в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации (в отношении решений квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации) лицом, в отношении которого оно принято» [15]. Обжалование решений квалификационной коллегии происходит в порядке административного судопроизводства в апелляционную инстанцию.

Отметим, что Всеобщая декларация прав человека закрепляет положение о том, что «каждый человек имеет право на эффективную правовую защиту в компетентных национальных судах от нарушений основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [2]. ЕСПЧ в своих решениях говорит о том, что «запрещается абсолютное лишение лица права на судебную защиту, нанесение ущерба его сути» [11]. В силу ст. 46 Конституции РФ «решения государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, в результате которых нарушены права и свободы гражданина или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд» [8]. Конституционный Суд РФ отметил, что «никаких исключений из этого конституционного принципа законодательство Российской Федерации не допускает» [12]. Однако суд указал, что «Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство гарантируют каждому судебную защиту его прав и законных интересов, а также возмещение вреда, причиненного незаконными действиями и решениями государственных органов и должностных лиц... Конституционно-правовые основы статуса судьи обуславливают обязанность федерального законодателя урегулировать порядок привлечения судей к ответственности таким образом, чтобы исключить нарушения принципов независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи» [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нашем законодательстве создан и действует механизм обжалования решений квалификационных коллегий. Имеющийся механизм обеспечивает исполнение права на доступ к правосудию тех судей РФ, которые привлечены к дисциплинарной ответственности, а также их право на обжалование решения в апелляционную инстанцию.

Соответственно, в действующем законодательстве зафиксирована неприкосновенность судей, их особый правовой статус и специальные процедуры приостановления или утраты этого статуса. Также Конституционный Суд РФ отмечал, что условия привлечения судей РФ к ответственности не должны приводить к умалению статуса судьи, а также не вели бы к уменьшению их профессиональной независимости и самостоятельности.

Именно наличие органов судейского сообщества предполагает создание данных условий реализации привлечения судьи к ответственности. Органами судейского сообщества служат квалификационные коллегии судей, которые призваны исполнять нормы закона о статусе судей в РФ. В юридической литературе справедливо говорится о том, «судейское сообщество и его органы занимают в системе правовых институтов государственной власти особое место, поскольку их роль чрезвычайно важна для обеспечения реальной независимости судей как носителей судебной власти. Феномен судейского сообщества, судейского самоуправления существует во всех демократических государствах, так как судейское самоуправление – это неотъемлемая составная часть независимой судебной власти» [1]. Здесь стоит отметить, что новая процедура досрочного прекращения полномочий судьи Конституционного Суда РФ реализуется Советом Федерации РФ, тем самым появляется некий момент вмешательства со стороны законодательной власти в независимость судебной власти. Но иницируется данная процедура самим Конституционным Судом РФ, а именно большинством голосов не менее двух третей от числа действующих судей [16].

Изменения предполагают «порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий по основаниям «совершения ими проступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных, предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий» [5], но при этом они не вводят процедуру обжалования решения. В Конституции РФ прекращение полномочий

судьи раньше было предусмотрено бланкетной нормой ст. 121, которая отсылала к федеральному законодательству. В Конституции РФ фактически возникла норма прямого действия, которая стала регулировать порядок досрочного прекращения полномочий по порочащим или другим, закрепленным в законе причинам.

Однако Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16.03.2020 года сказал, что «наделение соответствующими полномочиями Совета Федерации и Президента Российской Федерации не может рассматриваться как несовместимое со ст. 10 Конституции Российской Федерации, гарантирующей самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, и с конституционной природой судебной власти в демократическом правовом государстве, принимая во внимание, что в соответствующей процедуре участвуют Президент Российской Федерации и законодательная власть в лице Совета Федерации, и она во всяком случае не допускает немотивированного и ничем необоснованного прекращения полномочий судей...» [4].

В новой редакции статей 83 и 102 Конституции РФ говорится о председателях, заместителях и судьях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных судов. Вместе с тем, в ФКЗ «О судебной системе РФ» к федеральным судам относятся также «арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды» [17]. Тем самым Конституция РФ поставила равенство кассационных и арбитражных окружных судов. В названии всех кассационных судов (общей юрисдикции) имеется предписание о такой кассационной процессуальной стадии, в то время как в названии арбитражных судов округов имеется предписание о юрисдикционной подсудности.

Стоит отметить, что новые поправки в Конституцию РФ предполагают перераспределение полномочий между ветвями государственной власти, что ставит необходимость в переосмыслении реализации конституционного принципа разделения властей в нашем государстве. Хабриева Т.Я. говорит о том, что «неординарный характер конституционных положений обуславливает различные способы их воздействия на общественные отношения. Конституция и, следовательно, ее нормы могут применяться непосредственно либо путем издания других правовых актов, которые устанавливают порядок применения конституционных норм» [18]. В силу новых поправок увеличилось в объеме полномочия Президента РФ и законодательной власти РФ в их воздействии на судебную ветвь власти. На основании изложенного, перед нами встает вопрос

о том, как новые полномочия воздействуют на самостоятельность и независимость суда. Так, Конституционный Суд РФ в своем заключении указал, что «конкретизация принципа разделения властей и других основ конституционного строя, касающихся статуса федеральных органов государственной власти, в указанных главах Конституции Российской Федерации допускает различные варианты и предполагает высокую степень дискреции конституционного законодателя в регулировании организации, полномочий и деятельности Президента Российской Федерации, Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства Российской Федерации и судов» [4].

В перспективе развития новых положений основного закона РФ стоит предположить, что досрочное прекращение полномочий судей РФ по инициативе Президента РФ не займет место института судейского самоуправления и не будет использоваться часто. В обратной ситуации это привело бы к уклонению от основных гарантий судебной власти, а также судебной независимости, что стало бы базой для пересмотра основных конституционных идей правосудия как внутри государства, так и в международных отношениях в сфере судебной власти. Образовались бы коллизии и конфликты компетенций между «новыми» участниками правоотношений и членами этих правоотношений (председатели судов, органы судейского сообщества).

На этом основании, те нормы, которые закрепляют полномочия Президента РФ, и сам процесс досрочного прекращения полномочий судей обязан излагаться так, чтобы компетенции Президента РФ и Совета Федерации ФС РФ не пересекались с компетенцией квалификационных коллегий. Главная часть этой процедуры заключается в обеспечении права судьи на обжалование соответствующего решения Совета Федерации ФС РФ на равных основаниях со сходными решениями, принятыми квалификационными коллегиями судей. В случае, если решение Совета Федерации ФС РФ будет окончательным и не будет подлежать обжалованию, данное полномочие должно быть подтверждено Конституционным Судом РФ.

Конституционный Суд РФ говорил о том, что «федеральный законодатель устанавливает особый правовой режим приобретения, осуществления и прекращения статуса судьи, включая специальные квалификационные требования к кандидатам на должность судьи, а также порядок назначения на должность, пребывания в должности и прекращения полномочий судьи» [13]. Исходя из этого, можно предположить, что консти-

туционные поправки 2020 года могут спровоцировать сокращение гарантий независимости судейского корпуса и самостоятельности судебной власти.

Стеничкин Н.Г. говорит о том, что «риски нарушения конституционного равновесия в связи с изменениями в Конституции в том случае, если конституционные новеллы не будут конкретизированы в законодательстве и интерпретированы Конституционным Судом, будут чрезвычайно высокими. Изменениями в Конституции государственная власть перераспределится таким образом, что судебной ветви власти будет сложно находиться в стороне от политических процессов, пребывать «над схваткой», существенно возрастают риски зависимости судебной власти от других институтов государственной власти, что создает дополнительные предпосылки для предвзятости, тенденциозности и необъективности при осуществлении правосудия, предпосылки не процессуального взаимодействия судей и сенаторов»[14].

Отметим, что аналогичная проблема реорганизации государственной власти, вследствие которой вставал вопрос о наличии полноты в реализации принципа независимости и самостоятельности судебной власти, образовывалась и в других государствах. К примеру, Конституционный трибунал Республики Польша решением от 9 ноября 1993 г. признал неконституционными положения Закона о судах общей юрисдикции, в силу которого исполнительная власть могла отозвать судью, который в период пребывания в должности «отступил от принципа независимости» [7]. Данное положение было признано не соответствующим конституционному принципу независимости судей и нарушающим принцип разделения властей и принцип демократизма. Конституционный трибунал подчеркнул, что лишение полномочий судьи органами исполнительной власти влечет разбалансировку системы сдержек и противовесов. Также схожие примеры имеются и в других государствах.

На основании вышеизложенного, современная задача государства состоит в создании особых правовых механизмов, которые не допустили бы возможность злоупотребления властью над судами и реализовали бы новые конституционные нормы согласованно с принципом сдержек и противовесов в системе разделения властей и действующими нормами о судебском самоуправлении. В ином случае будет сложно утверждать об истинной самостоятельности и независимости судебной власти и статуса судьи в РФ.

Список источников

1. *Бозров В.М.* Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник. М. : ЮСТИЦИЯ, 2017. 568 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.
3. *Ермошин Т. Г.* Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. №6. С. 10–16.
4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 56. 17 марта.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
6. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 г. № 3132-1 (в ред. от 5.04.2021г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.
7. *Клеандров М.И.* Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М. : Норма, 2008. 448 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
9. *Кузнецова В.С.* Спорные вопросы неприкосновенности и ответственности судей // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1. С. 474–480.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1474-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 128, статьями 313, 316, 323 и 324 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пунктом 35 статьи 5, статьями 7, 119 и 123 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства» // Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 466–467.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 07 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона РФ "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22965/.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона РФ "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 19, 21 и 22 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Россий-

ской Федерации” в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

14. *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // LEX RUSSICA. 2020. № 5. С. 40–51.

15. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в ред. от 8.12.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

16. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

17. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

18. *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография. М. : Наука РАН, 2016. 318 с.

Терехов Е. В.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,

судья Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории возникновения и развития на первоначальном этапе суда присяжных заседателей, учрежденного в ходе Великой судебной реформы 1864 года, конкретные аспекты деятельности данного института показаны на примере работы Нижегородского окружного суда.

Ключевые слова: присяжные заседатели; Судебные уставы 1864 года; Нижегородский окружной суд.

С 01.06.2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей» [9], согласно которому значительным образом расширена подсудность суда с участием при-

сяжных заседателей; данная форма судопроизводства впервые распространена на районные (городские) суды. Данная, без преувеличения скажем, революция отечественного уголовного процесса с новой силой оживила старую дискуссию о целесообразности и эффективности данной формы судопроизводства в нашей стране.

Сразу же следует отметить, что рассмотрение уголовных дел судами с участием присяжных заседателей до настоящего времени так и не стало в нашей стране носить сколько-нибудь массового характера. Так, в 2019 году судами с участием присяжных заседателей рассмотрено лишь 773 уголовных дела (осуждено 783 лица, оправдано – 242), в 2020 году рассмотрено с участием присяжных заседателей еще меньше уголовных дел – всего 745 (осуждено 668 лиц, оправдано – 249) [1].

Что мешает более широкому распространению данного института в России и, главное, оправданно ли такое распространение? Для ответа на эти вопросы нам представляется важным и интересным провести параллели между актуальным состоянием суда присяжных в России и историческим моментом появления и первыми этапами развития данного института в нашей стране.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года [7] создали в России принципиально новую судебную систему. Так, учрежденный данными уставами суд присяжных на долгие десятилетия стал основой отечественной судебной системы. К примеру, в 1885 году присяжными было разрешено 19527 уголовных дел, в 1890 году – 17074 дела [6], что в десятки раз больше, нежели сейчас. Основная масса дел рассматривалась присяжными заседателями в окружных судах.

Для участия в рассмотрении уголовных дел присяжные заседатели избирались (а не назначались, как сословные представители) из российских подданных всех сословий, кроме духовенства. Автор Судебных уставов обозначал потенциального присяжного заседателя как «человека». В то же время теория и практика уголовного судопроизводства, как и фактически любой другой публично значимой деятельности в России того времени, исходили из понимания исключительно мужского состава его участников, женщины к работе суда присяжных не привлекались.

Одним из основных отсекающих факторов при формировании списков присяжных заседателей был имущественный ценз. Потенциальный присяжный должен был иметь не менее ста десятин земли, или владеть другим недвижимым имуществом ценою от 500 руб. (в губернских городах – от 1 тыс. руб., в столицах – от 2 тыс. руб.), или получать жалования

или дохода от капитала, занятия, промысла не менее 200 руб. в год, а в Москве и Петербурге – не менее 500 руб. в год [7, ст. 84].

Для понимания масштаба можем сравнить предлагавшийся законодателем имущественный ценз с жалованием судьи и прокурорского работника того времени. Так, согласно соответствующему Приложению к этим же Судебным уставам, член окружного суда (читай, в современных условиях – судья суда субъекта РФ) получал 2200 рублей денежного содержания в год, товарищ прокурора этого же суда получал 2000 рублей, при необходимом минимуме годового жалования присяжного заседателя в 200 рублей.

Заканчивая краткий обзор основных требований, предъявляемых к присяжным в Имперской России, отметим, что сословный характер конкретной коллегии присяжных заседателей сильно зависел от конкретной местности, размера уезда, особенностей его хозяйственной деятельности. Так, по уголовному делу в отношении жителя г. Сергача мещанина Глазова И.А., обвинявшегося в убийстве жены, 27 из 30 кандидатов в присяжные заседатели являлись крестьянами [10, 1073]. По уголовному делу по обвинению в изнасиловании крестьянина села Гагино 26 из 30 кандидатов в присяжные заседатели также являлись крестьянами [10, 1071], что было обусловлено очевидным сословным преимуществом крестьянского населения Сергачского уезда Нижегородской губернии. Более крупный, торговый уездный город Арзамас показывает уже другой сословный состав коллегии присяжных: по уголовному делу цехового Василия Полякова, обвинявшегося в убийстве жены, из 32 кандидатов в присяжные 11 были крестьянами, 11 – мещанами, 5 – купцами, 5 – цеховыми [10, 1035].

Изначально присяжные заседатели избирались особыми Временными комиссиями, состоящими из лиц, назначаемых для этого ежегодно уездными земскими собраниями. Таким образом, мы видим фактически выборный порядок формирования списка присяжных заседателей, к кандидатам в который законом предъявлялись в том числе интеллектуально-нравственные требования. При этом, конечно же, остается открытым вопрос о конкретном практическом содержании и эффективности данной выборной процедуры. По замыслу законодателя, выборы из общих списков Комиссия производила «по своему усмотрению и по внимательном обсуждении, в какой мере каждое лицо... способно, по своим нравственным качествам и другим причинам... к исполнению обязанностей присяжного заседателя» [7, ст. 99]. Насколько добросовестно и компетентно

члены комиссии определяли способности и нравственные качества конкретного кандидата в присяжные – остается лишь предполагать.

Подсудность суда присяжных по Судебным уставам 1864 года носила широкий характер и включала в себя все преступления и проступки, за которые закон требовал наказания, соединенного с ограничением или лишением прав состояния. Компетенция присяжных заседателей распространялась на большое количество преступлений, в том числе на убийства, изнасилования и другие преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, а также разбои, грабежи, кражи и прочие преступления против собственности граждан. Как мы уже отмечали ранее, такая обширная подсудность создавала значительную нагрузку на суд присяжных заседателей, рассматривавших в год десятки тысяч уголовных дел. Тем самым суд присяжных становится центральным рабочим институтом правосудия в Царской России.

За три недели до открытия судебных заседаний присяжные из очередного списка назначались по жребию. Избранные по жребию заседатели извещались о том повестками. За неявку в суд без уважительных причин присяжный заседатель мог быть подвергнут штрафу от 10 до 100 руб. в первый раз и от 20 до 200 руб. – во второй [5, ст. 651]. Эти достаточно жесткие правила, а главное – неукоснительное их соблюдение обеспечили надлежащую явку в судебное заседание кандидатов в присяжные заседатели. По всем изученным нами уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей Нижегородским окружным судом в 1869–1918 гг., доступным в Центральном архиве Нижегородской области, явка в судебное заседание кандидатов составляла всегда более 90 процентов, неявка носила единичный характер, чего не скажешь о современных присяжных, являющихся по вызову суда одним человеком из десяти.

Если в результате проверки списков присяжных наличное число заседателей оказывалось менее тридцати, то председатель суда делал распоряжение о пополнении их состава по жребию запасными. Пополненный таким образом список предоставлялся сторонам для немотивированного отвода. Прокурор имел право отвести не более шести заседателей, а адвокат – столько человек, чтобы из 30 осталось не менее 18 неотведенных лиц. Из числа неотведенных присяжных по жребию выбирались 12 комплектных и 2 запасных заседателя [5, ст. 654–656].

Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей отвечало тем же правилам, что и без их участия, т.е. оно проводилось пуб-

лично, устно, состязательно, с проверкой доказательств и прениями сторон. В конце прений прокурор произносил обвинительную речь; старшие присяжных вручался вопросный лист, где в общеупотребительных выражениях приводилось то, в чем обвинялся подсудимый, и спрашивалось, виновен он или не виновен по предметам обвинения [5, ст. 670].

Как показывает анализ судебной практики тех лет, при формулировании вопросного листа судам не всегда удавалось уйти от юридических формулировок. Так, по уголовному делу по обвинению В. Полякова перед присяжными поставлен вопрос: «виновен ли Поляков, что умышленно, без заранее обдуманного намерения лишил жизни жену?» [10, 1073]. По уголовному делу в отношении Глазова И.А. присяжные должны были ответить на вопрос: «лишение жизни жены было совершено подсудимым предумышленно или по внезапному побуждению?» [10, 1071]. Таким образом, суд того времени находил возможным формулировать перед присяжными вопросы очевидно юридического характера.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в ходе экскурса в историю развития суда присяжных в нашей стране, это динамика и действительная быстрота судебного рассмотрения уголовных дел с участием присяжных. Подавляющее большинство из изученных нами в ЦАНО уголовных дел были рассмотрены Нижегородским окружным судом в 1869–1918 гг. в течение лишь одного рабочего дня. Вся процедура судебного разбирательства – от формирования скамьи присяжных заседателей, судебного следствия и до вердикта присяжных и провозглашения приговора суда занимали в среднем не более 3-4 часов судебного заседания. При этом с очевидностью следует признать, что такой процессуальной скорости в немалой степени способствовало отсутствие как такового защитника в судебном разбирательстве всех из изученных нами уголовных дел.

Подводя итог, следует отметить безусловную прогрессивность института присяжных заседателей, появившегося в системе отечественного правосудия впервые в ходе Великой судебной реформы 1864 года. Продолжительная история функционирования данной формы судопроизводства в нашей стране убеждает нас в ее эффективности, в то же время, уже на современном этапе, указывая на необходимость ее дальнейшего совершенствования и расширения сферы применения.

Список источников

1. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
2. Демичев А.А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М., 2007.
3. Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. М., 1966. Т. 4.
4. Лухофской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908.
5. Полное собрание законов. № 41476. Устав уголовного судопроизводства.
6. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившихся в 1885 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II. СПб., 1890. Ч. 1.
7. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд. СПб., 1867.
8. Фармаковский В. Книжка для присяжных заседателей о суде присяжных. Вятка, 1876.
9. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Российская газета. 2016. № 139.
10. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 178. 95а.

Торопкин С. А.,

кандидат юридических наук, доцент,

*доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПОСЛЕСЛУЖЕБНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕЙ В САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ

Аннотация. Одной из гарантий принципа независимости и беспристрастности судей является система послеслужебного обеспечения судей. Настоящее исследование посвящено выявлению закономерностей и факторов создания и развития институтов пенсионного обеспечения судебных работников в самодержавной России. Проведен анализ причин возникновения и трансформации институтов государственного пенсионного обеспечения российских судей в период с XVII до начала XX в., изучена система эмеритальных пенсий Министерства юстиции Российской империи, иные него-

сударственные способы пенсионного обеспечения, определены функциональные характеристики пенсий судебных работников в указанный период.

Ключевые слова: пенсии судей; пенсионное обеспечение судей; история пенсионного обеспечения; негосударственные пенсии; пенсионная система судебного ведомства.

Современное состояние судебной системы во многом определяется историческим наследием, эволюцией институтов судебной власти, сложившимися традициями взаимоотношения общества и суда. Поэтому анализ исторического опыта важен не только для правильного понимания и оценки современных институтов судебной системы, но и помогает выбрать правильный вектор дальнейшего её развития.

На первоначальном этапе развития государственно-правовых отношений вознаграждением за государственную службу были раздаваемые властью привилегии, земельные наделы с крепостными крестьянами (поместья). В древнерусском государстве служилые люди, выполнявшие роль судей (наместники, волостели) получали жалованье путем «кормления», т.е. сбора средств с населения управляемых ими территорий. Таким же образом строилась и система их послеслужебного обеспечения. Очевидно, что подобная система материального обеспечения крайне отрицательно сказывалась на организации древнерусского правосудия и определила негативные тенденции в последующие столетия. Отсюда и возникли в народе такие поговорки, как: «В суд ногой – в карман рукой», «С сильным не борись, а с богатым не судись» и тому подобные [1, с. 514].

Как справедливо отмечалось профессором Ершовым В.В.: «Жесткие рамки абсолютной монархии в России длительное время не способствовали теоретическому исследованию и практической реализации идеи разделения властей» [2, с. 38], поэтому процесс формирования отдельной ветви судебной власти в России начался лишь в XVIII веке. В рамках гражданской службы судьи не выделялись из общего ряда государственных служащих, специальное законодательство о статусе судей отсутствовало [10, с. 7].

Первыми пенсии в Российской Империи стали получать отставные военные при получении на службе увечий либо их семьи при потере кормильца. Лишь в 1764 году Екатериной Великой был утвержден доклад Сената «О пенсиях статских чиновников» [5], который позволил гражданским чиновникам (в том числе и судьям) получать пенсию за выслугу лет. Однако общая сумма пенсионных выплат была строго ограничена

(первоначально – 25000 рублей) и претендовать на пенсию могло лишь ограниченное число чиновников. Пенсия назначалась строго индивидуально по согласованию с самой Екатериной, которая утверждала каждому претенденту размер его пенсии.

Поворотной вехой в системе пенсионного обеспечения работников судебной системы стало принятие в 1827 году Устава о пенсиях и единовременных пособиях [11]. Данный документ не только заменил множество существовавших разрозненно нормативно-правовых актов, но и определил базовые принципы государственного пенсионного обеспечения судей, которые действовали с некоторыми изменениями вплоть до 1917 года.

Работники судов не выделялись законодателем в отдельную категорию пенсионеров и назначение им пенсий происходило по общим правилам Устава 1827 года. Были установлены как пенсии для самих служащих – по выслуге лет, так и для их семей – в случае потери кормильца. Право на пенсию приобреталось «беспорочной» службой в течение установленного количества лет. От срока выслуги зависел и размер пенсии: прослужившие 35 лет получали полный пенсионный оклад, от 30 до 35 лет – 2/3 пенсионного оклада, от 20 до 30 лет – лишь 1/3 от оклада своего разряда.

Позднее даже такие длительные по современным меркам сроки выслуги были пересмотрены в сторону увеличения. Высочайшим Указом Правительствующему Сенату от 6 ноября 1852 года постановлялось: «Отменить 20-летний срок для получения пенсий по Общему Уставу и вместо теперешних 25-ти, 30-ти и 35-летних сроков оставить только два: 25-ти и 35-летний с тем, чтобы за 25 лет производилась половинная, а за 35 лет полная пенсия» [6]. Повышение пенсионного возраста и уменьшение размеров пенсий обосновывались необходимостью «соразмерить расходы казны на пенсии», а также удержать на службе полезных и опытных чиновников. Однако полагаем, что главной причиной принятия непопулярных мер все же была подготовка к войне с Турцией, которая требовала финансовых ресурсов.

Поскольку отдельного вида пенсий по инвалидности не существовало, законодатель лишь снижал сроки выслуги для тех служащих, чье здоровье в период службы значительно ухудшилось. Для гражданских чиновников закон предусматривал две степени утраты здоровья: а) «совершенно расстроенное на службе здоровье» или «неизлечимая болезнь»; б) «тяжкие неизлечимые болезни» (такие как паралич, лишение рассудка,

потеря зрения). При этом закон не требовал наличия причинно-следственной связи между ухудшением здоровья и выполнением должностных обязанностей, а лишь устанавливал сокращенные сроки выслуги пенсии для имеющих заболевания лиц.

Следует отметить, что пенсия рассматривалась государством исключительно как способ послеслужебного обеспечения человека, поэтому получать пенсию и одновременно жалование за службу было нельзя. Однако подобный подход уже в те времена встречал непонимание и недовольство служащих. Так, в 1896 году Сенатом была рассмотрена жалоба судьи Борзинского городского суда, коллежского советника Андрея Сендаровского, на министра финансов за отказ в выплате ему сверх жалования пенсии, назначенной за прежнюю службу. Из дела видно, что бывший окружной надзиратель акцизного управления Черниговской губернии, коллежский советник Сендаровский, состоял на службе 25 лет и 9 месяцев и при увольнении 6 октября 1887 года был освидетельствован врачебным отделением черниговского губернского правления. Болезнь давала Сендаровскому право на пенсию по сокращенному сроку выслуги. Впоследствии он был назначен на должность судьи, при этом выплата ему пенсии из государственного казначейства была прекращена. Рассматривая жалобу судьи, Сенат указал, что назначаемые по сокращенному сроку «за болезнь» пенсии, с поступлением пенсионеров вновь на службу с получением содержания должны быть прекращены независимо от того источника, из которого выплачивается жалование (казенных или городских средств) [8, с. 17–18].

Вдовы и дети классных чиновников, каковыми являлись и судьи, в случаях потери кормильца (находившегося на службе или получавшего пенсию) также могли рассчитывать на поддержку государства. Исключением являлись вдовы лиц убитых на поединках (дуэль считалась тяжким преступлением) и семьи чиновников «лишивших себя жизни».

Учитывая внешние военные угрозы и частые войны, которые велись Российской Империей в XVIII–XIX вв., государство в вопросах пенсионного обеспечения отдавало приоритет именно служащим военного ведомства. Поэтому размеры пенсий судей, как и других гражданских чиновников, были меньше чем у военных чинов, поскольку рассчитывались не от получаемого жалования, а исходя из утвержденного расписания окладов. Было установлено 9 разрядов с соответствующим фиксированным пенсионным окладом.

После издания Учреждения судебных установлений 1964 года, к высшему, первому разряду, относились сенаторы кассационных департаментов Сената – служащие высшего судебного органа того времени. При годовом жаловании в 7000 рублей, их пенсия в 1864 году составляла 1143 руб. 60 коп. в год, что сопоставимо (используя в качестве эквивалента золото) с суммой в 740365 современных российских рублей. Должности старшего председателя судебной палаты, председателя департамента судебной палаты, председателя окружного суда относились ко 2-му разряду, им пенсия назначалась в размере 857 руб. Должности товарища председателя окружного суда, члена судебной палаты, члена окружного суда, а также мирового судьи в столицах соответствовали 3-му пенсионному разряду (1-й степени), сумма их пенсии составляла 571 руб. 80 коп. (в пересчете на современный рубль – это 369905 рублей).

Таким образом, следует отметить, что ко времени проведения судебной реформы заложенные в 1827 году суммы пенсионных окладов явно устарели, поскольку не позволяли отставному судье заместить даже половину жалования. Так, если член окружного суда получал ежегодно 2200 рублей жалования, то при выходе в отставку после 35 лет государственной службы он получал пенсию в размере 571 руб. 80 коп., т.е. всего лишь 25% от жалования. Поэтому многие судьи того времени были недовольны размером пенсии, так как после прекращения службы их доходы резко сокращались.

В это трудно поверить сегодня, но в конце XIX века говорили о том, что «немало людей талантливых и достойных покинули привлекательную службу в судах, променяв её на службу в других ведомствах, адвокатуру или частные занятия, а оставшимся на судебной службе гнет тяжелого и дурно оплачиваемого труда стал угрожать ослаблением необходимой энергии и интереса к порученному им важному делу» [4, с. 67].

Понимая негативные тенденции по одновременному увеличению государственных расходов на пенсии и росту среди работников судебной системы недовольства размером пенсионных выплат, государственная власть вынуждена была искать альтернативные способы пенсионного обеспечения служащих. Важную в решении этой проблемы роль сыграли эмеритальные кассы, являвшиеся по сути аналогом современных негосударственных пенсионных фондов. Эмеритальные кассы создавались по инициативе государства, которое регулировало на законодательном уровне их деятельность, но капитал эмеритальных касс формировался

за счет взносов участников кассы, обязанных отчислять в кассу определенный процент своего заработка.

Вычеты из жалования судебных работников в эмеритальную кассу начали производиться с 1866 года [7]. Первоначально размер вычета составлял 6% от оклада, впоследствии с 1885 года размер отчислений был снижен до 4%.

Эмеритальная касса министерства юстиции была открыта 1 июля 1885 года. В то время капитал кассы составлял 5993273 рубля 60 коп. при 7500 участниках, а в 1894 году этот капитал, непрерывно увеличиваясь, составил уже 14094957 рублей 10 коп. при 10302 участниках. Равным образом, постоянно возрастала сумма расхода на эмеритальные пенсии: в 1885–1886 годах она равнялась 52323 руб. 60 коп., а в 1894 году – 216661 руб. 18 коп. [4, с. 68].

Получать эмеритальную пенсию могли судебные работники, прослужившие в министерстве юстиции, уплачивая членские взносы не менее 10 лет. Эмеритальные пенсии подразделялись на 9 разрядов (в зависимости от жалования и соответственно произведенных отчислений), при этом 3-й разряд разделялся на 2 степени. Далее каждый из разрядов дифференцировался на 4 класса (учитывая срок выслуги): полный оклад (выслуга более 35 лет), 2/3 оклада (выслуга от 25 до 30 лет), 1/2 оклада (выслуга от 20 до 25), 1/3 оклада (выслуга от 10 до 20 лет).

Таким образом, эмеритальные пенсии дифференцировались на 40 величин с учетом размера отчислений служащего и срока его выслуги. Максимальный размер эмеритальной пенсии составлял 1143 руб. 60 коп. (сенатор кассационной палаты, прослуживший 35 и более лет), минимальный – 42 руб. 90 коп. (помощники секретаря при мировых съездах, прослужившие от 10 до 20 лет). Эмеритальная пенсия судьи окружного суда, прослужившего 35 лет составляла 571 руб. 80 коп. в год, т.е. ровно столько же, сколько и пенсия из государственного казначейства.

Отсюда следует, что эмеритальные кассы позволили в 2 раза увеличить пенсии судебных работников, обеспечив замещение заработка на уровне 50%, что является хорошим показателем даже по современным стандартам Международной организации труда. Кроме самих служащих получить эмеритальную пенсию могли также и члены их семей: жена и дети, потерявшие кормильца.

Таким образом, в самодержавной России пенсионные гарантии, предоставляемые судебным работникам, играли важную роль. Во-первых, пенсии делали государственную службу более привлекательной. Как

отмечалось в начале прошлого века: «многие стремятся быть непременно на государственной службе. Единственно чванством и желанием получать чины и ордена такого стремления, конечно, объяснить нельзя. И если вы спросите у чиновника, почему он держится так цепко за свое место, то ответ вы получите такой: место прочнее другого, да и старость, как ни как, обеспечена» [3, с. 110].

Во-вторых, пенсии выполняли антикоррупционную функцию. Как справедливо отмечал известный русский историк С.М. Соловьев, одной из причин учреждения пенсионной системы было желание властей «отнять у чиновника побуждение копить денежку на черный день, на старость и болезнь, копить за счет просителей и подчиненных» [9, с. 336].

В-третьих, пенсия была наградой за «беспорочную» службу государству и стимулировала судей к добросовестному исполнению обязанностей. Абсолютное большинство подданных Российской империи не имели никаких пенсионных прав, поэтому наличие системы пенсий должно было формировать в судебных служащих чувство лояльности, благодарности по отношению к государству.

Совершенствование материального обеспечение судей может осуществляться в различных формах, как посредством повышения оплаты труда, заработной платы действующих судей, так и через повышение уровня пенсионного обеспечения отставных служащих. И то и другое требует от государства затрат материальных средств, но преследует различные цели. Полагаем, что развитие системы пенсионного обеспечения в большей мере, чем просто повышение оплаты труда, способствует добросовестной государственной службе судьи, поскольку является своего рода наградой, итогом беспорочной службы, целью, к которой можно стремиться. Для получения пенсии всегда была необходима долгая, «беспорочная» служба, выполняемая профессионалом, что, безусловно, отвечает интересам государства.

Примечательно, что система особого пенсионного обеспечения в министерстве юстиции Российской империи распространялась не только на судей, но также и на работников аппарата суда, которые также являлись получателями государственной пенсии за выслугу лет и эмеритальной пенсии. Исторический опыт показывает, что введение двухуровневой системы пенсионного обеспечения в рамках судебного ведомства (государственные пенсии и эмеритальные пенсии) способно без дополнительных затрат со стороны государства повысить качество пенсионных гарантий судебных работников.

Список источников

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. 4-е изд., стер. М. : Русский язык. Медиа, 2009. 814 с.
2. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М. : РГУП, 2018. 627 с.
3. *Новиков А.И.* Записки о городском самоуправлении. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1904. 220 с.
4. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб. : Сенатская типография, 1901. 431 с.
5. О пенсиях статских чиновников: Высочайше утвержденный доклад Сената. № 12175. 7 июня 1764 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XVI.
6. О правилах для назначения пенсий и пособий увольняемым со службы чиновникам и семействам их: Именной указ № 26747, 6 ноября 1852 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. XXVII.
7. О производстве из жалования лиц, назначенных уже и имеющих поступить на новые судебные должности, вычета в эмеритальную кассу. Именной указ. № 43129, 19 марта 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. XXXXI.
8. *Смирнов Е.И.* Уставы о пенсиях и единовременных пособиях: Официальное издание 1896 г., дополненное продолжением 1902 г., а равно позднейшими узаконениями, разъяснениями Правительствующего Сената, необходимыми выдержками из других частей Свода Законов, штатами, циркулярами и пр. Свод Законов. Т. 3: Кн. 2 / сост. Смирнов Е.И. СПб. : Гос. Тип., 1906. 575 с.
9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XIII. М., 1965. 686 с.
10. *Тиганов А.И.* Правовой статус судей в России в XVII – начале XX века: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012. 28 с.
11. Устав о пенсиях и единовременных пособиях. № 1592. 6 декабря 1827 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание II. Т. II.

РАЗДЕЛ II.

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волосова Н. Ю.,

*доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Оренбургского государственного университета,
г. Оренбург*

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье поднимается вопрос использования и внедрения системы цифрового правосудия. Автором отмечается, что данная система постепенно становится общемировой практикой. Однако пока еще рано говорить об использовании возможностей искусственного интеллекта при вынесении судебных решений, хотя такой опыт есть в ряде стран. Дан анализ преимуществ внедрения системы цифрового правосудия: повышение эффективности, прозрачности и доступности. Обозначены ключевые проблемы такого внедрения.

Ключевые слова: суд; цифровое правосудие; принципы; доступ к правосудию; электронный документооборот; цифровой приговор.

Тенденция внедрения цифрового правосудия уже имеет опыт в ряде государств различных правовых систем (англосаксонской и романо-германской), которые используют данную систему при отправлении правосудия. В частности, такие страны как Великобритания, США, Китай, ряд стран Латинской Америки и Карибского бассейна постепенно вводят систему электронного правосудия для рассмотрения пока небольшой категории дел, да и не во всех формах судопроизводства. Электронное правосудие становится современной реальностью.

Поднимая вопрос о цифровом правосудии, следует отметить несколько основных направлений, которые формируются или уже сформировались в настоящее время в некоторых государствах. Это электронный документооборот, электронное предоставление информации и наиболее

спорное, но уже нашедшее свое практическое применение в некоторых государствах – электронное отправление правосудия. У каждого из этих направлений есть свой инструментарий, который в различных государствах реализуется через систему законодательных установок. Однако следует отметить, что какого-то единого подхода к законодательному решению проблемы электронного правосудия нет. Система электронного правосудия имеет небольшой временной опыт реализации, однако этот опыт уже позволяет выявить проблемы и перспективы такого использования.

В некоторых государствах в условиях стремительно развивающихся цифровых технологий обсуждается вопрос использования искусственного интеллекта при вынесении судебных решений, а в некоторых государствах такой опыт уже имеется.

В Бразилии нашла свое применение программа искусственного интеллекта «Electronic Judge». Это часть программной системы под названием «Правосудие на колесах», которая предназначена для ускорения работы перегруженной правовой системы Бразилии путем немедленного рассмотрения простых дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями.

В некоторых государствах (Германии, Финляндии) разрабатывается возможность принятия судебных решений по определенной небольшой категории дел соответствующей программой.

Активно к использованию цифрового правосудия подошел Китай. В китайском гражданском судопроизводстве широко распространено использование электронных доказательств и блокчейна, развивается общенациональный проект «Интеллектуальный суд», идет процесс активного создания мобильных судов. Этот процесс был запущен в Китае в 2017 г. Платформа социальных сетей WeChat используется для рассмотрения судебных дел. Однако это вовсе не значит, что Китай перешел полностью на цифровое правосудие. Но, что является примечательным, в 2019 г. в Китае мобильные суды рассмотрели около 3 миллионов дел. Это в основном были споры в области торговли и авторского права. Передача простых функций при рассмотрении несложных гражданских дел в руки виртуального судьи существенно разгружает систему правосудия в Китае несмотря на то, что судья-человек осуществляет контроль за ходом разбирательства и выносит основные решения по каждому делу. Цифровизация правовой системы помогает Китаю справляться с огромной рабочей нагрузкой судей.

Аналогичные программы существуют в Великобритании и США. Программа учитывает особенности системы англосаксонского права, где важную роль играют судебный или административный прецеденты. Она оценивает судебные решения по определенной категории аналогичных дел, которые были вынесены ранее и выдает вероятностные и возможные судебные решения на их основе. Данная программа, по словам ее создателей, должна обеспечить взаимодействие между человеком и машиной с целью взаимного компенсирования их недостатков [2, с. 203–204].

Среди сопутствующих систем, которые используются при отправлении правосудия, следует выделить разработанную американскими учеными систему DARE. Её задача – борьба с ложными показаниями в суде. Она способна распознавать ложные показания в судебном заседании. По мнению разработчиков, программа дает очень высокий процент достоверности результата.

Нельзя не отметить и опыт Сингапура. Данное государство отказалось от участия человека при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Виртуальный судья задействован в вынесении решений по такой категории дел.

E-court система внедрена в работу судов Швейцарии, Австралии, США, Индии, Белоруссии, Чехии и многих других стран. Суды многих государств заинтересованы во введении системы электронного суда. В частности, Верховный суд Швейцарии достаточно активно продвигал эту идею, разъясняя следующее: «E-court – это современная профессиональная альтернатива многолетним судебным процессам, значительным расходам на адвоката и судебным издержкам. Быстрый процесс: решение суда выносится через 30 дней после начала судебного разбирательства. Нет необходимости в посещении суда, в адвокатах и издержках на них. За проведение процесса взимаются лишь незначительные пошлины. Никаких непредвиденных ситуаций в суде. Никаких продолжительных судебных разбирательств, требующих много времени и сил. Решение выносится на основе представленных материалов и имеет юридическое обоснование» [3, с. 84].

Изучение международного опыта использования цифровых технологий позволяет отметить, что и система правосудия активно использует данные технологии для решения стоящих перед ней задач. IT-разработки могут создать более интеллектуальные системы правосудия за счет внедрения новых, более совершенных технологий. Однако анализ зарубеж-

ного законодательства указывает на то, что цифровое правосудие практически не используется при рассмотрении уголовных дел.

Представленный опыт использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия безусловно заслуживает тщательного изучения.

Почему так активно продвигаются цифровые технологии в систему правосудия? Причина не только в том, что это существенно облегчает деятельность судов, а суд делается скорым, прозрачным и доступным. Во многих государствах остается низкий уровень доверия к системе правосудия и обвинения в вынесении неправосудных решений. В связи с этим обещания цифровой справедливости могут быть особенно привлекательными с точки зрения формирования общественного мнения. Цифровое правосудие может принести важные преимущества с точки зрения качества и легитимности, среди них можно выделить следующие:

- повышение эффективности и результативности управления делами за счет сокращения времени обработки и повышение качества информации;
- доступ к услугам правосудия за счет использования таких инструментов онлайн, как цифровые процессы и виртуальные слушания;
- повышение прозрачности за счет облегчения доступа к информации и сокращение возможностей для коррупции.

Полагаем, судебные процедуры при отправлении электронного правосудия должны достигнуть двух целей – законности и экономичности. В данном контексте законность следует рассматривать как полное соответствие процедуры цифрового правосудия действующему законодательству; экономичность – эффективность, действенность и своевременность.

Именно анализ опыта, а в некоторых случаях и «неудач», в развитии системы электронного правосудия полезно рассмотреть, чтобы снизить риски, связанные с внедрением электронного правосудия. Внедрение электронного правосудия имеет долгосрочные перспективы для всей системы правосудия. Среди них следует отметить то, что оно меняет полностью институциональные механизмы, традиционно применяемые системой правосудия. Внедрение цифровых технологий в систему отправления правосудия следует рассматривать как системную и всеобъемлющую реформу, выходящую далеко за рамки только технологического процесса. Эта реформа включает не только правовые, организационные и культурные аспекты, которые оказывают значительное влияние на функционирование различных институтов, полностью независимых друг от друга,

но также и этические аспекты, порождающие применение таких инструментов в секторе правосудия. Например, оцифровка судебной процедуры требует стандартизации и упрощения процессов, а это повлечет за собой внесение существенных изменений в законодательство, затрагивающее права участников процесса. Очень сложный вопрос связан с уголовным судопроизводством. Это оценка риска рецидива и уровня опасности виновного лица.

Даже если цифровые технологии специально не направлены на дискриминацию, использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве создает риск возобновления детерминистских доктрин в ущерб доктринам индивидуализации наказания, которые получили свое широкое распространение с 1945 года в большинстве европейских судебных систем.

Разработанная во Франции Марком Анселем доктрина «новой социальной защиты» стала основой уголовного права: вместо чисто карательного и детерминированного подхода была введена система социальной реабилитации, направленная на предотвращение совершения преступления путем исключения причин и условий для их совершения. Этот подход нашел свое отражение в разработанных инструментах уголовной политики, в которых основное внимание уделяется целям перевоспитания и ресоциализации правонарушителей. Будет ли она сохранена при цифровом правосудии?

Полагаем, что инструменты электронного уголовного правосудия должны разрабатываться в соответствии с этими основополагающими подходами, определяя ведущую роль судьи в индивидуализации приговора и индивидуализации наказания, и должны быть основаны на объективных характеристиках личности.

Также полагаем, неправильно считать электронное правосудие наиболее эффективным способом повышения доступности и качества правосудия, поскольку несоблюдение ключевых принципов осуществления судопроизводства является скорее комплексной проблемой, обусловленной не столько техническими аспектами, решаемыми с помощью новых технологий, сколько проблемами организации власти, соблюдения прав граждан и низкого уровня правовой культуры населения [1].

В связи с этим возникает вполне правомерный вопрос, а готовы ли мы отказаться от таких важных принципов судопроизводства как осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, непосредственность, устность судебного разбирательства и многих

других. Возникает и другой вопрос, а будут ли данные принципы сохранены и смогут ли они быть трансформированы, ассимилированы или внедрены в новую систему правосудия? Внедрение системы электронного правосудия требует уточнения используемых принципов судопроизводства, а также реального их обеспечения. Как полагаем, не все принципы найдут свое применение при осуществлении электронного правосудия.

Информатизация судебных систем, безусловно, ведет к повышению уровня доступности правосудия – чего, к сожалению, пока нельзя сказать о его качестве. Если под качеством понимать сокращение сроков рассмотрения дел, а также иные показатели, тесно связанные с «технической» частью судебного процесса, внедрение современных IT-технологий его существенно повысит. Вместе с тем качество правосудия определяется не только техническими возможностями, но и, в большей мере, человеческим фактором.

По мнению ряда исследователей, цифровизация формализует судебные процедуры еще сильнее, правосудие станет «шаблонным» [1]. А о воспитательной функции правосудия, о которой писал в своих работах А.Ф. Кони, нам придется забыть.

Рассмотренная совокупность проблем приводит некоторых исследователей к выводу о нецелесообразности введения системы цифрового отправления правосудия, в том числе и в Российской Федерации.

Отвергать то, что является очевидным и неизбежным, было бы не совсем правильно, но и говорить о том, что это нужно внедрять немедленно, прямо сейчас – это делать поспешный шаг, который может привести к печальным последствиям. Постепенное и вдумчивое внедрение цифровых технологий при отправлении правосудия будет куда более эффективным, нежели поспешные шаги, не учитывающие важные аспекты реализации судебной властью своей функции – функции отправления правосудия.

Ввиду ограниченности статьи в ней была поднята лишь небольшая часть наиболее дискуссионных вопросов использования цифровых технологий при отправлении правосудия. Их внедрение в деятельность судов Российской Федерации дело недалекого будущего. Однако процесс внедрения должен учитывать такие важные аспекты как:

– институциональный подход к построению системы цифрового правосудия и соответствующий инструментарий;

- формирование принципов цифрового правосудия, которые в первую очередь были бы направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина;
- обеспечение доступности к системе.

Список источников

1. *Гейко П.* Цифровизация правосудия: преимущества и риски [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsifrovizatsiya-pravosudiya-preimushchestva-i-riski/> (дата обращения: 10.07.2021).
2. *Михайленко Н.В.* Перспективы и проблемы отправления цифрового правосудия в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 4. С. 201–205.
3. *Приходько Л.В.* Зарубежный опыт внедрения и использования системы «Электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82–86.

Ишмуратов А. Р.,

*кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Республики Татарстан,
г. Казань*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация. В статье раскрывается опыт правоохранительных органов и судов Республики Казахстан по цифровизации уголовного судопроизводства, анализируются нормативные и организационные стороны этого процесса, рассматривается возможность использования данного опыта в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровые технологии; уголовное судопроизводство; электронное уголовное дело; расследование; нагрузка; цифровизация.

Вопросы оптимизации судебной нагрузки являются актуальными для судебной системы Российской Федерации. В апреле 2019 года рабочая группа, созданная для подготовки проектов технического задания и государственного контракта о разработке норм нагрузки судей и работников аппарата судов, побывала в Республике Казахстан и Республике

Болгария, где внимательно изучила опыт нормирования судебной нагрузки и ее оптимизации. В составе делегации находились председатель Липецкого областного суда И.И. Марков, председатель Арбитражного суда Республики Мордовия С.В. Александров, заместитель председателя Южного окружного суда И.И. Василенко, судья Верховного Суда Республики Татарстан А.Р. Ишмуратов, заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия Е.В. Бурдина, доцент той же кафедры Е.В. Рябцева, сотрудники Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

В Республике Казахстан наша делегация получила много полезной информации о способах оптимизации нагрузки на суды, в рамках этой работы хочу остановиться на одном из направлений – внедрении цифровых технологий в судопроизводство.

Цифровизация судопроизводства в целом и уголовного, в частности, осуществляется по всему миру, в связи с чем опыт зарубежных государств, в особенности стран, имеющих схожий с российским порядок производства по уголовным делам, представляет теоретический и практический интерес.

Государственной программой «Цифровой Казахстан» предусмотрен перевод судебного делопроизводства в цифровой формат. Эта же задача поставлена в Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденным Президентом республики 15 февраля 2018 года.

Внедрение в деятельность судебной системы Казахстана современных информационных технологий способствует расширению доступа к правосудию, исключению судебной волокиты, упрощению работы судей.

Суды Республики Казахстан практически полностью отказались от формирования судебных дел на бумажном носителе. Повсеместно завершается переход к полноценным электронным судебным делам. Все судебные дела, пока за исключением уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, имеют электронный формат. 90% исков подается в электронном виде. Материалы дел не распечатываются, фиксирование хода судебного заседания осуществляется с помощью технических средств, протокол судебного заседания составляется в усеченном виде без распечатывания хода судебного заседания на бумаге [1, с. 16]. По мнению казахстанской стороны, автоматизация судебного процесса позволила разгрузить суды.

Особый интерес для нас представляет цифровизация уголовного судопроизводства, включающая регистрацию преступлений, досудебное расследование, прокурорский надзор и судебное рассмотрение.

До 2015 года в Республике Казахстан регистрация преступлений производилась разрозненно по ведомствам. В 2015 году создана информационная система «Единый реестр досудебных расследований» (ИС ЕРДР). С этого момента завершен переход на электронную регистрацию всех заявлений о преступлениях в единой системе без передачи материалов в судебный орган. В этой системе содержатся сведения о регистрации преступлений, о принятых процессуальных решениях и прокурорском надзоре.

В 2016 году Верховным Судом разработана и внедрена информационно-аналитическая система судебных органов «Төрелік», позволившая автоматизировать процессы во всех судах. Система позволяет обеспечить электронный обмен процессуальными документами по всем судебным инстанциям, прием уголовного дела и его судебное рассмотрение, доступ к материалам дела участников процесса через судебный кабинет, формирование отчетности в электронном формате.

Интеграция двух информационных систем осуществлена 1 декабря 2017 года.

В декабре 2017 года в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан были внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате [5]. Согласно статье 42.1 УПК РК уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется в бумажном и (или) электронном форматах. Первое уголовное дело было рассмотрено уже в январе 2018 года [2].

Процедура электронного производства по уголовному делу в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан подробно не регламентирована, обозначены лишь возможность ее введения и определенный перечень процессуальных документов и видов доказательств, которые могут иметь электронный формат.

Вместе с этим законодатель предоставил Генеральному прокурору Республики Казахстан полномочия принимать нормативные акты, обязательные для исполнения всеми органами уголовного преследования, по вопросам ведения уголовного судопроизводства в электронном формате (ч. 6 ст. 58 УПК РК).

Такой нормативный акт был принят 3 января 2018 года и содержит Инструкцию о ведении уголовного судопроизводства в электронном

формате [4]. Данная Инструкция определяет порядок действий в информационной системе «Единый реестр досудебных расследований». Согласно инструкции, ведение электронного судопроизводства заключается в осуществлении досудебного расследования в электронном формате, в том числе путем ввода электронного документа либо вложения PDF-документа в «Единый реестр досудебных расследований» (ЕРДР) на основе принятых должностным лицом процессуальных решений и действий, а также заполнения необходимых реквизитов электронных информационных учетных документов, подписываемых электронно-цифровой подписью. Информационная система «Единый реестр досудебных расследований» имеет дополнительные функционалы:

- модуль «Электронное уголовное дело», предназначенный для организации, подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела;

- «SMS- оповещение», позволяющее через мобильную связь и (или) электронную почту направлять текстовые сообщения участникам уголовного процесса для их уведомления либо явки к лицу, ведущему уголовный процесс;

- функционал «Публичный сектор», позволяющий участникам уголовного процесса посредством Интернета с соблюдением требований информационной безопасности и конфиденциальности получить удаленный доступ к имеющимся и иным сведениям в ЕРДР о принятых процессуальных решениях, материалам уголовного дела в отношении себя или о защищаемом им лица, подавать жалобы и ходатайства.

Решение о выборе электронного формата уголовного дела принимает лицо, которому поручено досудебное расследование, при принятии его в свое производство. В случаях, предусмотренных инструкцией, возможен переход с электронного формата на бумажный.

Доступ к материалам уголовных дел имеет надзирающий прокурор, получающий посредством информационной системы информирование о принимаемых по делу решениях и имеющий возможность проверки законности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс, а также передачи электронного уголовного дела в суд.

Вопросы нормативного регулирования, как справедливо отмечает В.А. Задорожная, касаются в основном процесса расследования электронного уголовного дела, многие аспекты правосудия не нашли отраже-

ния в нормативных актах, тем не менее, электронные уголовные дела расследуются и рассматриваются в судах Республики Казахстан [3, с. 73].

Согласно утвержденному графику совместного приказа Министра информации и коммуникаций Республики Казахстан от 20 марта 2018 года № 98, Генерального Прокурора Республики Казахстан от 13 марта 2018 года № 37, Министра финансов Республики Казахстан, Министра обороны Республики Казахстан, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан, Председателя Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции Республики Казахстан от 16 марта 2018 года № 66, Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан и Министра внутренних дел Республики Казахстан «О поэтапной цифровизации уголовного процесса, включая процесс рассмотрения обращений граждан», органы уголовного преследования в 2018 году перешли к расследованию электронных дел по проступкам и преступлениям небольшой тяжести, в 2019 году предусмотрен переход по преступлениям средней тяжести, до 2021 года – по всем категориям.

Кроме нормативного регулирования процесса расследования и рассмотрения электронных уголовных дел, требуется организационное обеспечение судопроизводства.

При внедрении информационных систем особое внимание было уделено информационной безопасности. Материалы электронных уголовных дел хранятся на серверном оборудовании, что исключает риски утери уголовных дел из-за «человеческого фактора». Специальные шифровальные комплексы обеспечивают безопасность каналов связи на всех уровнях.

Информационная безопасность обеспечивается доступом пользователя в систему через электронно-цифровую подпись, логин/пароль или биосканер (отпечаток пальца), хронологию событий можно проверить по функционалу «Журналирование событий», в котором отражаются все действия сотрудников следствия, прокуратуры и суда.

Техническое оснащение рабочих мест сотрудников органов уголовного преследования предусматривает наличие персонального компьютера, многофункционального устройства (принтера и сканера), биодатчика, дополнительного монитора для участников процесса, стилуса для электронного подписания документов с помощью графического планшета, web-камеры.

Среди преимуществ электронного уголовного дела – процессуальная экономия времени, сокращение сроков расследования и получения электронных санкций, прозрачность уголовного процесса, минимизация рисков фальсификации и исключение утери уголовных дел, доступ к уголовному делу в режиме онлайн, экономия финансов, актуальная правовая статистика, системный ведомственный контроль и прокурорский надзор.

Система электронного уголовного дела содержит 360 образцов базовых процессуальных документов, позволяет получать персональные сведения из государственных баз данных, интегрирована с информационной системой Верховного Суда Республики Казахстан, реализованы функционалы, связанные с электронным назначением и получением криминалистических исследований, электронным назначением и получением судебных экспертиз.

Анализ опыта правоохранительных органов и судов Республики Казахстан по цифровизации уголовного судопроизводства приводит к выводу, что основной упор был сделан на организационную составляющую этого процесса – создание информационных систем, обеспечение условий для хранения информации по уголовным делам, доступа участников уголовного судопроизводства к этой информации с соблюдением требований информационной безопасности и конфиденциальности, и лишь затем понятие электронного судопроизводства было закреплено законодательно.

Полагаю, что для цифровизации уголовного судопроизводства Российской Федерации следует в первую очередь обратить внимание на интеграцию информационных систем правоохранительных органов и судов, организационное обеспечение судопроизводства, цифровизацию доступа к правосудию.

Вне всякого сомнения, опыт правоохранительных органов и судов Республики Казахстан заслуживает внимания и может быть использован при реформировании российского уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Александров С.В.* Использование лучших судебных практик как перспективное направление совершенствования судебной системы России (на примере Республики Казахстан) // Правосудие в Республике Мордовия. 2019. № 20. С. 14–18.

2. В соответствии с обновленным УПК в Казахстане впервые рассмотрено «электронное уголовное дело» // Верховный Суд Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://sud.gov.kz/rus/calendar/2018/01/09> (дата обращения: 26.07.2021).

3. *Задорожная В.А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: История, теория, практика. 2018. № 4(19). С. 70–75.

4. Инструкция о ведении уголовного дела в электронном формате. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 26.07.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=4;-106 (дата обращения: 26.07.2021).

Крыгин С. В.,

кандидат юридических наук, доцент,

*доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Кропачев С. Ю.,

*преподаватель кафедры математики, информатики и информационных технологий
Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают возможности цифрового преобразования российской судебной системы с целью повышения эффективности судопроизводства при решении различных задач в области обеспечения правосудия и проблемы, осложняющие переход к полноценному цифровому правосудию.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровые инструменты; искусственный интеллект; машинное обучение; Legaltech; Lawtech.

В настоящее время цифровой трансформации подвержены практически все сферы жизни общества. На государственном уровне в России поддерживается и реализуется значительное количество программ и проектов, направленных на внедрение цифровых технологий в рамках перехода к цифровому обществу. Не стала исключением и такая консерватив-

ная, склонная к традиционализму, сфера, как правовая. В частности, принята новая редакция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», продлевающая программу, ранее действующую до 2020 года [3]. Создатели данной программы прямо указывают, что одной из проблем, влияющих на качество правосудия и требующей решения, является внедрение в судебную систему современных цифровых технологий в общей структуре инновационного подхода развития системы правосудия.

Несомненно, что технологии всегда в том или ином виде присутствовали в юридической практике, позволяя повысить производительность труда, например, категория инфраструктуры, которую можно отнести к аппаратному обеспечению: компьютеры, принтеры, факсы, многофункциональные устройства. Но мы не будем рассматривать весь перечень подобного рода цифровых инструментов, а обратимся к более инновационным цифровым технологиям, появляющимся в юридической области.

Рассматривая одну из главных задач цифровой трансформации системы правосудия, использование программного обеспечения и технологий для автоматизации и упрощения операций, улучшения качества сопровождения юридических процессов, можно выделить два основных направления развития технологий – Legaltech и Lawtech. На данный момент эксперты не пришли к единому мнению, считать эти термины тождественными или нет [6]. По нашему мнению, эти направления различаются по своим целям. Legaltech, в первую очередь, представляет собой совокупность программного обеспечения и цифровых инструментов, которые направлены на оптимизацию профессиональной деятельности юриста и возникающего в ней документооборота, например проект Ravel Law [8], в рамках которого оцифровано и доступно более 40 млн страниц материалов библиотеки юридического факультета Гарвардского университета, а также реализованы другие продукты. В свою очередь Lawtech более ориентирован не на отрасль, а на субъект права в целом и используется в сфере оказания юридических услуг клиентам, например, интернет-платформа Avvo.com [4], предоставляющая возможность круглосуточного получения юридической консультации. Таким образом, решения Legaltech больше предназначены для деятельности профессионального юриста, тогда как продукты Lawtech в основном направлены на автоматизированное получение юридических услуг клиентом. Поэтому для достижения целей нашей статьи далее остановимся на возможностях решений, предлагаемых Legaltech.

В настоящее время в Legaltech наиболее активно развиваются следующие цифровые технологии:

- инструменты рабочего процесса, например, конструкторы документов, разработанные на основе стандартных шаблонов;
- алгоритмы искусственного интеллекта/машинного обучения, например, алгоритмы анализа юридических документов на соответствие определенным нормам права, умные контракты;
- инструменты для работы с большими данными, например, анализ всех уголовных дел по ключевым словам;
- решения облачных технологий, обеспечивающие удаленное хранение информации и быстрый доступ к ней;
- технология распределенной книги учета (Distributed Ledger Technology), разрабатывается на основе распределенного децентрализованного реестра (блокчейна);
- решения по взаимодействию с клиентом, позволяющие упростить или автоматизировать создание проектов документа, провести анализ содержимого текста, согласовать изменения.

Большая часть из рассмотренных технологий в основном служат для облегчения деятельности юриста, например, в процессе поиска необходимой информации, но не обрабатывают саму информацию с точки зрения юридической логики. Ключевым препятствием в этом является сама особенность предметной области юриспруденции как источника информации.

При реализации своих функций профессиональный юрист собирает максимум информации из существующих источников, например, изучает договора, соглашения, акты, протоколы и другие материалы, имеющие значение в рамках рассматриваемого дела, по результатам анализа которых выявляет значимые юридические факты. Документы, поступающие на изучение, как правило, разнородны и имеют существенные отличия, и тем сложнее дать правовую оценку их содержания, соотнести положения этих материалов с нормами действующего законодательства, чтобы понять правовую природу отношений и определить круг правовых норм, которые необходимо применить. На заключительном этапе требуется определить возможные варианты решения дела и выбрать либо наиболее оптимальный вариант, например, рекомендовать досудебное соглашение о сотрудничестве, либо решение, наиболее точно соответствующее действующему законодательству и нормам права.

Здесь и кроется самое главное препятствие для применения инструментов автоматизации, использующих юридическую логику. Дело в том, что при анализе текста профессиональный юрист в первую очередь оценивает содержание документа, извлекая из него смысловые блоки, опираясь на свой практический опыт, знание предметной области и юридическую теорию, таким образом некую сформированную «юридическую картину мира». Реализация подобного подхода, как наиболее оптимального с точки зрения юридической практики, программными средствами достаточно затруднительна. Для решения данной проблемы, в рамках автоматизации процессов в юридическом судебном делопроизводстве, наиболее перспективными представляются технологии, основанные на искусственном интеллекте и машинном обучении.

Перевод в цифровую форму юридической логики и создание полноценного цифрового инструмента, принимающего на основе анализа данных выводы и решения, как полноценная команда специалистов, возможно только при осознанном тесном взаимодействии профессиональных юристов как экспертов в предметной области, лингвистов для разработки методик и инструментов обработки текстов и разработчиков, реализующих программное исполнение продукта.

Такое количество взаимодействующих сторон обусловлено особенностями разработки и сложностью реализации технологии Legaltech, основанной на искусственном интеллекте AI. Профессиональный юрист мыслит высокими категориями абстракции и использует неалгоритмизируемые подходы при решении задач, так как причинно-следственная связь между элементами в юриспруденции может быть неочевидной или косвенной, тогда как разработчик программного обеспечения, наоборот, мыслит строго логически, формируя решение из последовательных алгоритмизируемых процессов. Лингвист, действуя самостоятельно, столкнется с тем, что без специалистов-правоведов невозможно точно выявить смысловую составляющую нормативного правового акта, учитывая особенности юридического языка и используемой терминологии, содержащей неочевидные значения и двоякие толкования.

Преодоление этих сложностей возможно в процессе эффективной коммуникации и вовлеченности всех сторон в процесс разработки продукта, а также уместным будет применение метода first-principles [5], основанного на разложении сложной задачи на более простые составляющие и постепенного планомерного продвижения от простых вещей к сложным.

Для автоматизации творческой задачи, ее решения без участия специалиста, программные инструменты либо сканируют и переводят представленные материалы в цифровой формат, либо преобразуют в требуемый формат. Алгоритмы машинного обучения анализируют содержание текста, выделяют смысловые блоки, устанавливают логические связи и взаимосвязи между этими блоками. Искусственный интеллект LegalAI после анализа данных генерирует выводы, опираясь на юридическую логику. Например, в ходе судебного разбирательства можно автоматически установить процессуальную категорию спора, определить вопросы, являющиеся предметом доказывания и проанализировать сложившуюся практику рассмотрения судом подобных дел, чтобы вынести определенное судебное решение или сделать заготовку такого решения.

Наиболее сложной задачей при создании программного инструмента, способного формулировать рассуждения и умозаключения по результатам анализа данных первичного материала, является обеспечение искусственного интеллекта логикой и экспертными знаниями в соответствующей предметной области. Одного только распознавания текста недостаточно, требуется построение графа знаний предметной юридической области, опираясь на объективную юридическую реальность. Таким образом, данная технология выходит за рамки привычного понимания юриспруденции, а перспективы гораздо шире типичной работы с юридическими документами.

Несомненно, что развитие искусственного интеллекта, в частности, в области юриспруденции, является одним из приоритетных направлений исследований и разработок мировых технологических лидеров зарубежных стран.

В настоящее время, как показывает практика и существующие решения для зарубежных правовых систем, в случае обработки русскоязычного текста в сфере юриспруденции, изначально машинные алгоритмы должны опираться на юридические концепции и графы знаний, созданные для решения узконаправленных задач, в первую очередь, чтобы избежать сложностей, обуславливаемых уникальностью русского языка, впрочем, с другой стороны, это дает преимущество отечественным разработчикам перед зарубежными компаниями.

Список источников

1. Автоматическая обработка текста [Электронный ресурс]. URL: <http://aot.ru/history.html> (дата обращения 26.08.2021).
2. Муромцев Д., Романов А., Волчек Д. Индустриальные графы знаний – интеллектуальное ядро цифровой экономики. [Электронный ресурс]. URL: <https://controleng.ru/innovatsii/ontologija/> (дата обращения 26.08.2021).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902391636?marker=6540IN> (дата обращения 25.08.2021).
4. Experienced lawyers are ready to help. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avvo.com/> (дата обращения 25.08.2021).
5. First Principles: Elon Musk on the Power of Thinking for Yourself. [Электронный ресурс]. URL: <https://jamesclear.com/first-principles> (дата обращения 25.08.2021).
6. Is There a Difference Between LawTech and LegalTech [Электронный ресурс]. URL: <https://thelawboutiquelondon.medium.com/is-there-a-difference-between-lawtech-and-legaltech-68f776d5ab98> (дата обращения 25.08.2021).
7. LegalTech Startup Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/content/dam/openweb/documents/pdf/uki-legal-solutions/report/tr-legaltech-startup-report-2019.pdf> (дата обращения 25.08.2021).
8. Ravel is a legal analytics and research company [Электронный ресурс]. URL: <https://home.ravellaw.com/products-and-technology> (дата обращения 25.08.2021).
9. The British Nationality Act as a logic program [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/5689.5920> (дата обращения 25.08.2021).

Малыгин К. В.,

аспирант юридического факультета

Пермского государственного национального исследовательского университета,

судья Пермского краевого суда,

г. Пермь

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование, практическое применение, а также ближайшие перспективы использования информационных технологий в уголовном процессе России. Оценивая критические взгляды на цифровизацию

процессуальных отношений, автор предлагает апробировать возможности электронных документов в производстве по материалам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном ст.ст. 108, 109, 125, 165 УПК РФ.

Ключевые слова: информация; электронный документ; информационные технологии; электронное правосудие.

В современном обществе информационные технологии выступают неотъемлемой частью экономических отношений, образования и производственной деятельности, социальной коммуникации, при наличии тенденции на укрепление их значения.

Так, в принятой главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года Окинавской хартии Глобального информационного общества отмечено, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века, их революционное воздействие касается образа жизни людей, образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества [8].

Таким образом, информационные технологии прочно вошли в основные сферы человеческой жизни, а их применение является необходимым условием эффективного развития общественных отношений.

В то же время указанные технологии активно используются и в противоправных целях. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ по состоянию на апрель 2021 года, на деяния в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации приходится более четверти регистрируемых преступлений (27,2%, – 184,9 тыс.), при этом темпы их прироста хоть и замедлились, но остаются значительными (+31,5%) [12].

В России значимость данного явления осознается, в связи с чем реализуется государственная программа «Информационное общество», преследующая в качестве целей: предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе; обеспечение исполнения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляемых в электронной форме предоставление гражданам и организациям услуг, а также повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий [2].

Были приняты Федеральный закон от 10 января 2002 года № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [13] и, заменивший его, Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [15], которые установили равнозначность информации в электронной форме, подписанной электронной подписью, документам на бумажном носителе.

А также Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с ч. 2 ст. 11.1 которого физические лица и организации вправе предоставлять информацию в органы государственной власти в форме электронных документов, подписанных электронной подписью [14].

Однако, несмотря на действие указанной государственной программы на протяжении более 10 лет [11] и приведенные выше вызовы киберпреступности, уголовное судопроизводство России в области использования информационных технологий развивается медленно, значительно отставая от законодательства зарубежных стран и даже от других отраслей внутринационального процессуального права (гражданского, арбитражного).

Так, на настоящий момент применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве по большей части выражается:

- в использовании систем видео-конференц-связи для обеспечения участия лиц, содержащихся под стражей, в судебных заседаниях судов апелляционной (ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ) и кассационной (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ) инстанций, а также в судах первой инстанции при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), либо для допроса свидетелей, потерпевших, находящихся в других населенных пунктах (ч. 4 ст. 240 УПК РФ);

- в осуществлении аудиопотоколирования открытого судебного заседания наряду с ведением протокола на бумажном носителе, который остается основной формой фиксации хода судебного разбирательства (ч. 1 ст. 259 УПК РФ);

- представлении возможности обращения в суд с ходатайствами, заявлениями, жалобами, представлениями в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ);

– в возможности изготовления судебных решений в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судьи, по ходатайству сторон (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ).

Следует отметить, что указанные формы использования информационных технологий применяются в уголовном процессе ограниченно, сталкиваясь с недостатками правового регулирования или отсутствием достаточной практики. В результате даже те возможности, которые предоставлены законодательством, внедряются в правоприменительную деятельность крайне медленно.

Например, за 2020 год из 6229 обращений, поступивших в апелляционную инстанцию по уголовным делам Пермского краевого суда, лишь 673 или 10,8% были направлены в форме электронного документа в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ, тогда как такой порядок очевидно удобнее и оперативнее, чем «классическое» направление обращений по почте или с нарочным. Он требует лишь обладания усиленной квалифицированной электронной подписью [10], что не является серьезным препятствием для профессиональных участников уголовного судопроизводства.

К недостаткам правового регулирования можно отнести то, что, в отличие от апелляции и кассации, в суде первой инстанции законом прямо не предусмотрена возможность обеспечения участия лиц, содержащихся под стражей, при рассмотрении материалов в ходе досудебного производства или при разрешении уголовных дел по существу посредством систем видео-конференц-связи. В то время как потребность в этом присутствует.

Президиум Верховного Суда РФ был вынужден дать разъяснение, согласно которому, в условиях проведения карантинных мероприятий в следственных изоляторах и установленного для всех граждан режима самоизоляции, суд по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, вправе принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи [7]. При этом было отмечено, что использование данных систем не препятствует осуществлению подозреваемым (обвиняемым) предоставленных ему прав.

Как указывалось выше, в настоящее время большая часть взаимодействия между людьми осуществляется посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей и нередко данное взаимодействие имеет значение для уголовно-правового доказывания, что тре-

бует включения в него информации, существующей исключительно в цифровой форме. Такая информация не относится к «обычным» материальным следам преступления, для собирания которых предназначены «классические» средства доказывания. Она имеет существенные отличия, связанные с источником, в котором закреплена, особенностями ее хранения, способами доступа и восприятия, возможностями модификации и удаления. В связи с этим, правовое регулирование должно представлять такие средства доказывания, которые будут позволять наиболее эффективно выявлять, изымать (фиксировать), сохранять и передавать для дальнейшего использования информационные следы преступления. Использование для этих целей предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законом средств доказывания не всегда эффективно [1, с. 217].

Между тем в отечественной доктрине разработаны концепции модернизации уголовного процесса в условиях информационного общества, демонстрирующие возможность и необходимость широкого внедрения информационных и телекоммуникационных технологий на всех стадиях производства по уголовному делу, предполагающего постепенную замену письменной формы фиксации доказательственной информации ее фиксацией в форме электронного документа, отказ от монополии протокола как источника доказательств, электрификацию досудебного и судебного производства по уголовному делу, а также взаимодействия между судом, органами власти и другими участниками судопроизводства, т.е. внедрение элементов так называемого «электронного правосудия» [9]. Технические условия для этого существуют.

Некоторые исследователи, однако, высказывают критические замечания относительно возможности «оцифрования» уголовного судопроизводства, указывая в качестве проблем: сложность установления происхождения электронных документов, обеспечения их сохранности и аутентичности, ограничения несанкционированного доступа к ним; сложность удостоверения правильности отражения сотрудниками правоохранительных органов хода и результатов проводимых процессуальных действий [6, с. 58–63].

Сомнения относительно целесообразности более глубокого внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство присутствуют и среди судейского сообщества. Так, по данным исследования, проведенного О.В. Качаловой и Ю.А. Цветковым, идею о замене бумажного уголовного дела электронным поддерживают лишь 38,24% судей,

остальные 61,76% выступают против и, в первую очередь, ввиду риска несанкционированного доступа к сведениям, составляющим тайну следствия и риска фальсификации материалов уголовного дела [5, с. 95–101].

Однако реальность такова, что приведенные выше проблемы на современном этапе развития информационных технологий решены. Информационные технологии на настоящий момент позволяют не хуже письменных средств обеспечивать надежное хранение электронных документов, их защиту от несанкционированного доступа, копирования и модификации – и намного лучше удостоверять аутентичность документов, выявлять скрытые следы их изменения.

Достоверность цифровой информации может быть установлена применением современных криптографических средств (электронно-цифровой подписью или хеш-функцией), использованием защищенных цифровых носителей (CD-R и DVD-R диски), а также судебной экспертизой [3, с. 191–192].

При этом использование информационных технологий, в целом, и электронных документов, в частности, может, с одной стороны, существенно облегчить доступ к информации, с другой – обеспечить его ограничение определенным кругом лиц; сократить бюджетные расходы, связанные с бумажным документооборотом.

Относительно удостоверения правильности отражения хода и результатов проводимых процессуальных действий (следственных, судебных) следует отметить, что с этой задачей намного лучше справляются электронные средства фиксации, чем применяемая в настоящее время протокольная форма, зачастую представляющая собой лишь интерпретацию следователем (дознавателем) или секретарем судебного заседания воспринимаемой информации, правильность и полнота которой часто становится предметом спора сторон. Не зря в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ законодатель отдал предпочтение техническим средствам фиксации хода и результатов следственного действия по отношению к участию понятых, а в ч. 1 ст. 259 и ст. 260 УПК РФ закрепил аудиозапись судебного заседания в качестве средства проверки правильности составления протокола судебного заседания.

По нашему мнению, объективно существующей проблемой информационных технологий является недостаток практики их использования в уголовном судопроизводстве, причем именно в отечественном, так как в уголовном процессе зарубежных государств такой опыт существует [4].

Преодоление кризиса доверия к информационным технологиям, особенно у практических работников, представляется возможным лишь в условиях поэтапного расширения их непосредственного использования в производстве по уголовным делам.

Полагаем, что наиболее предпочтительным для начала внедрения информационных технологий является производство по материалам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном ст. ст. 108, 109, 125, 165 УПК РФ.

С одной стороны, это позволит внедрить и испытать использование электронных документов как в органах предварительного расследования и прокуратуры, так и в суде, проверить возможность электронного взаимодействия внутри системы данных органов и между ними, создать, внедрить и испытать программное обеспечение такого взаимодействия; оценить экономическую выгоду отказа от оформления материалов на бумажных носителях и экономию времени при пересылке материалов между различными органами, в особенности между судами различных инстанций.

С другой стороны, это не потребует существенного изменения законодательства и основных процедур производства по уголовным делам, поскольку в Уголовно-процессуальном кодексе уже существуют нормы, допускающие использование электронных документов для обращения с ходатайствами и жалобами, а также вынесение судебного решения в форме электронного документа (ст. 474.1 УПК РФ); подготавливаемые следователем материалы для направления в суд также могут быть изготовлены в форме электронных документов – заверенных электронной подписью копий с материалов уголовного дела, которое продолжит существовать на бумажных носителях.

Представляется, что правовое регулирование производства по указанным материалам должно включать в себя следующие положения:

– альтернативный характер использования электронных документов, который позволит при наличии технических препятствий обращаться в суд с ходатайствами, жалобами и материалами дела на бумажных носителях;

– возможность ведения судебного производства, включающего в себя представленные ходатайства, жалобы, материалы дела и составленные протоколы судебного заседания, аудиопротоколы, вынесенные судебные постановления исключительно в форме электронных документов, подписанных в порядке, предусмотренном ст. 474.1 УПК РФ;

– возможность «оцифрования» документов, в том числе апелляционных жалоб, составленных на бумажных носителях; обеспечение хранения таких документов в суде первой инстанции и их направление в вышестоящую инстанцию только по запросу;

– направление материалов дела и вынесенных судебных постановлений в суды апелляционной и кассационной инстанции исключительно в электронной форме через специальные программные комплексы и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Список источников

1. *Артамонова Е.А., Фирсов О.В.* Основы теории доказательств в уголовном процессе России. 4-е изд., пересмотр.и доп. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014. 240 с.

2. Государственная программа «Информационное общество» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/#section-targets> (дата обращения: 05.07.2021).

3. *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.

4. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2020. 216 с.

5. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iauj.net/node/1761> (дата обращения: 05.07.2021).

6. *Корнакова С.В.* Критическая оценка «оцифрования» уголовного судопроизводства / Дискуссионная трибуна // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 58–63.

7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/73972665/> (дата обращения: 05.07.2021).

8. Окинавская хартия Глобального информационного общества 21.07.2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 05.07.2021).

9. *Пастухов П.С.* Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 454 с.

10. Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=3658> (дата обращения: 05.07.2021).

11. Распоряжение Правительства от 20 октября 2010 г. № 1815-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 46.

12. Состояние преступности в России за январь–апрель 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 05.07.2021).

13. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» // Российская газета. 2002. № 6.

14. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

15. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Российская газета. 2011. № 75.

Малышева Е. Ю.,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

**ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ИННОВАЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ
(СООТНОШЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОГНОЗЫ)**

Аннотация. В статье исследуются вопросы межотраслевого и узкоотраслевого соотношения предмета гражданского права и так называемых «инновационных объектов», большая часть которых не получила должной конкретизации в законодательных нормах. В аспекте такого соотношения затронуты проблемы правоприменения и выдвинуты для дальнейшего обсуждения потенциальные изменения в законодательстве.

Ключевые слова: предмет гражданского права; инновационные объекты; этические компоненты; междисциплинарные компоненты; информация; информационные объекты; гражданский цифровой оборот; технологии.

Инновационная составляющая проявляется не только в сфере информационных и финансовых технологий и особом функционировании универсальных реалий информационного общества, в котором очевидны трансформации большинства объектов и субъектов (введение в оборот электронных персон, криптообъектов), но и в необходимой легализации

инных объектов, статус и правовой режим которых не подпадает под традиционные для обычного понимания критерии.

Своевременность исследований предметов отраслей права обоснована насущными требованиями не столько в межотраслевом, но в большей степени междисциплинарном аспекте, основной причиной чему служит «терминологическая» проблематика и необходимость выделения «базовых» понятий в инновационной сфере, сквозных для всех областей знаний и закрепленных правом в формате универсальных легальных дефиниций, а также принципиальных по содержанию новых правовых алгоритмов. Обращение в этой связи, и в первую очередь, к праву гражданского, его предмету и объектам гражданских прав обосновано первостепенным значением институтов гражданского права не только для эффективной реализации целей гражданского оборота, но и определяющим местом основного гражданско-правового инструментария для других отраслей права.

В современной доктрине анализируется «концепт цифрового гражданского оборота как особой сферы правоотношений, параллельной обычному гражданскому обороту» [4, с. 14], отмечается, «что особенностью субъект-объектного видения мира является асимметричность, которая предполагает, что в нем существуют разнокачественные элементы, одни из которых воздействуют на другие в одностороннем порядке» [3, с. 8], встречаются небезосновательные попытки ввести «этическую» компоненту в современную систему права [1, с. 46].

Мы также не можем не указать и на обстоятельства межотраслевых противоречий, возникших между гражданским и информационным правом, связанный с исключением в 2008 году «информации» из объектов гражданских прав. При этом отдельные виды информации все равно сохранили свою гражданско-правовую принадлежность, в частности в части четвертой ГК РФ.

Нельзя не отметить и возможные последствия межотраслевых противоречий и связанные с этим прогнозы, которые, конечно же, и в первую очередь касаются «предметной» составляющей большинства отраслей права.

Приведем по этому поводу позицию А.Г. Дейнеко, которым были предложены несколько сценариев развития межотраслевых противоречий [2, с. 176]. Указанный автор пишет: «В первом сценарии информационное право может развиваться до самостоятельной базовой отрасли, вобрав в себя «цифровые» институты из гражданского права, права интеллекту-

альной собственности, финансового права и даже уголовного: в этом случае мы можем стать свидетелями развития информационного права до состояния «гиперотрасли» и последующего выделения внутри нее таких подотраслей, как информационное гражданское право, информационное финансовое право и т.п. Во втором сценарии гражданское право, напротив, «поглотит» информационное право, устранив терминологические расхождения и включив информацию в ее различных проявлениях в число объектов гражданских прав» [2, с. 190].

Полагаем, что все объекты, имеющие хождение в гражданском обороте (в том числе и не получившие легального закрепления), должны быть, во-первых, соотнесены с предметом гражданского права, и (или) во-вторых, для потенциальных «инновационных» объектов должен быть предусмотрен механизм их «условной», возможно временной легализации в виде введения отдельных пунктов, аналогичным «временному экспериментальному правовому режиму» в ряде статей первой части ГК РФ.

Необходимость одновременного внесения изменений (дополнений) в нормы части первой ГК РФ обоснована, во-первых, фактами многочисленных заявлений в научных исследованиях по изменению содержания статьи 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав», проявляющихся, как правило, в предложениях по дополнению указанной нормы новыми пунктами, и, во-вторых, отрицанием большинством юридического сообщества факта легализации цифровых прав в формате прав имущественного рода.

Обращение к выявлению соотношения предмета гражданского права с новыми явлениями (прежде всего, инновационными объектами) основано постановкой и соответственно дальнейшим решением следующих принципиальных вопросов: какие объекты следует признать инновационными; какие механизмы носят инновационный характер; о каких сферах исследования должна идти речь в аспекте междисциплинарного соотношения; о каких правовых и иных последствиях при внедрении инновационных объектов может идти речь; нужен ли особый защитный механизм для инновационных объектов.

В самом общем виде «инновация» представляет собой новшество, нововведение, а «инновационный» соответственно означает «относящийся к инновациям». Мы ранее уже обращались к исследованию отдельных инновационных объектов и проблематике их легального закрепления в законодательных нормах [5, с. 131]. В частности, на примере «корпора-

тивной модели» и в контексте расширения предмета гражданско-правового регулирования был сделан анализ нововведений по бездокументарным ценным бумагам. К инновационным объектам были также отнесены «биообъекты», «цифровые права», информационно-коммуникационные технологии, которые представлены в виде: больших данных; нейротехнологий; искусственного интеллекта; систем распределенного реестра; квантовых технологий; компонентов робототехники и сенсорики; технологий беспроводной связи; технологий виртуальной и дополненной реальностей [5, с. 138].

Однако, продолжая исследования инновационных объектов, в том числе в аспекте их соотношения с проблематикой предмета гражданского права, нельзя не заметить того обстоятельства, что некоторые инновационные объекты содержат в себе «информационный» компонент и могут по своей сути быть отнесены к особым «информационным» объектам.

Так, в 2019 году был принят Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Указанный нормативный акт призван конкретизировать новый объект гражданских прав – «цифровые права», при этом показательно, что термин «информация» употребляется в его тексте несколько десятков раз, а его содержание не дает ответа в отношении его отраслевой принадлежности.

Это, в том числе, касается и различных видов технологий, к которым очевидно должны быть отнесены уже введенные в разговорный обиход и даже в гражданский оборот такие «техно-маркетинговые явления» как «цифровые платформы», «экосистемы», «инфо-сети» и т.п. Несмотря на то, что и в законодательстве, и в доктрине широко используется термин «технологии», легальное и доктринальное определение его отсутствует.

Исключение составляет определение информационных технологий, предложенное законодателем в статье второй соответствующего закона: «информационные технологии – *процессы, методы* поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и *способы осуществления таких процессов и методов*» (курсив мой – Е.М.) [6].

Анализируя данное определение можно сделать первоначальный вывод о том, что технологии – это не совсем обычный объект, так как акценты дефиниции расположены в плоскости по сути двух уровней. Первый уровень технологий как объекта – это *процессы и методы*, и со-

ответственно, второй уровень технологий как объекта – это *способы осуществления* процессов и методов (курсив мой – Е.М.).

Нетрадиционность квалификации технологий в качестве объекта гражданского оборота (междисциплинарный аспект), в качестве объекта права (межотраслевой аспект) и, соответственно, в качестве объекта гражданского права (цивилистический аспект) как раз и связана с привязкой технологий к «процессам», «методам» и «способам».

В этой связи полагаем, что в целях признания и квалификации технологии как объекта права, необходимо в первую очередь квалифицировать элементы, ее составляющие. И если в отношении понимания в праве категории «процесса» вопросов не возникает (в доктрине гражданского права родовое понятие «услуги» определено через процесс), то определение объекта через призму методов и способов скорее всего будет вызывать отрицание и даже отторжение. Полагаем, что современная юридическая наука должна взять на себя безотлагательную выработку механизмов имплементации в легальное законодательное пространство технологических продуктов (объектов) уже участвующих в гражданском обороте, а также потенциальных технологических продуктов (объектов).

Полагаем, что исследование технологий в качестве потенциального объекта права целесообразно начать с выделения в них двух составляющих: элементов «материальной» и «нематериальной» группы. При этом в структуру «материальной» группы могут входить: традиционные объекты (элементы), в частности, имеющие статус вещей или имущественных прав, а также нетрадиционные элементы, по своей сущности к объектам права не относящиеся, например способы реализации технологии, включая способы ее передачи.

Соответственно в структуру «нематериальной» группы могут входить: последовательность элементов технологии, **этические компоненты, организационные (процедурные) элементы легитимации** технологии, в том числе патентование. А дальнейшее исследование технологий в праве следует проводить по нескольким направлениям: технологии как **отдельный объект права**; технологии как **процесс**, относимый к действиям (по аналогии сделок, работ или услуг); технологии как **особое правовое средство**; технологии как **особый механизм права**, включающий в себя набор особых правовых средств, реализация которых выражается в результате, имеющим не только межотраслевое, но и междисциплинарное значение.

Мы, в свою очередь, хотели бы поставить под сомнение факт отнесения большинства «технологических» объектов исключительно под эгиду «интеллектуальных прав» и, соответственно, использования для «инновационных» объектов режима исключительного права, предусмотренного частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Наши сомнения подтверждаются также и на законодательном уровне: так, с 1 января 2022 года глава 77 ГК РФ (Право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии) утрачивает силу в соответствии с федеральным законом от 22.12.2020 № 456-ФЗ.

В связи с вышеизложенным наши предложения (прогнозы) сводятся к следующим тезисам:

По соотношению предмета гражданского права и инновационных объектов:

– соотношение предмета гражданского права и его объектов находится в прямой и непосредственной зависимости;

– вхождение новых (инновационных) объектов в гражданский оборот требует не только их легального закрепления в виде «универсальных» дефинитивных определений, но и логичное встраивание последних как в общую структуру гражданского кодекса, так и в структуру смежных отраслевых актов;

– необходимо не только переосмысление содержания составляющих предмет гражданского права отношений, но и системная корректировка «предметного скелета» гражданского права на случай его дальнейшего объективного расширения (нужен легальный алгоритм расширения предмета);

Проблемы правоприменения:

– на период до законодательного закрепления и (или) необходимой в целях правоприменения нормативной конкретизации инновационных объектов, необходимо принятие «пилотных» высших судебных актов, в которых бы предлагались минимальные «алгоритмы» судебного толкования;

– необходимо выявление «спорных» правовых блоков с инновационными объектами вне зависимости от их отраслевой квалификации;

– возможна также выработка нескольких вариантов судебного толкования в зависимости от различных «спорных» правовых блоков;

Законодательные прогнозы в отношении «инновационной составляющей» (часть первая ГК РФ):

– одновременные изменения всего подраздела 1. Части первой ГК «Общие положения» (главные акценты на статьях: 1,2,3,5,8,10 и 12);

– одновременное дополнение указанных выше статей части первой ГК РФ новыми пунктами в отношении принципиальной и необходимой легализации «технологических» отношений;

– одновременное дополнение указанных выше статей части первой ГК РФ новыми пунктами с «этическими» компонентами;

– признание «технологий» самостоятельным объектом гражданских прав, относимым к сложным объектам (ст. 128 ГК РФ и корректировка, и переименование ст. 134 ГК РФ).

Список источников

1. *Газян С.* Кодекс электронной этики // Бухгалтерия и банки. 2019. № 8. С. 46–48.
2. *Дейнеко А.Г.* Цифровые права в гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198.
3. *Иниакова А. О.* Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 1. С. 6–15.
4. *Карицья А.А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 14.
5. *Мальшева Е.Ю., Фетисова Т.В.* Инновационные объекты права // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 4. С. 131–152.
6. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; с изм. от 2 июля 2021 г. № 355-ФЗ.
7. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418; с изм. от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

Фролов А. Н.,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений
охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России,
полковник полиции, г. Нижний Новгород*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ

Аннотация. В статье предлагается авторский взгляд на применение информационных технологий и искусственного интеллекта в деятельности судебной системы Российской Федерации. В частности, обосновывается альтернатива использования преобразования речевых сигналов в текстовый документ взамен механического создания протокола судебного заседания. На основе изучения опыта применения данных технологий в других отраслях, предлагается механизм их внедрения в судебную систему Российской Федерации

Ключевые слова: суд; судьи; информационные технологии; искусственный интеллект; преобразование; речь; текстовый документ; протокол судебного заседания.

В условиях стремительного развития научно-технического прогресса, комплексной информатизации жизни человека и общества реалии сегодняшнего дня ставят перед судебной системой цель по внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в её повседневную деятельность.

Успешная реализация мероприятий информационной политики судебной системы способствует выходу на новый уровень развития информационной среды, внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства, трансформации способов распространения информации, улучшению технического оснащения судов, эффективному функционированию сайтов судов и государственных автоматизированных систем, в связи с чем необходима выработка новых направлений и задач Концепции информационной политики судебной системы Российской Федерации [3].

В настоящее время в научной литературе содержится значительное количество работ, посвящённых исследованию возможностей внедрения в судебную систему инновационных технологий (автоматизация, информатизация, искусственный интеллект и т.д.). По мнению Кириллова А.Е., «...применение современных технологий анализа могут быть использо-

ваны для решения задач прогнозирования и управления судебной деятельностью. Анализ динамики поступления заявлений по различным категориям споров позволяет выявить существующие закономерности загрузки судей, в том числе с учетом утвержденных коэффициентов сложности. Это предоставляет возможность на уже имеющихся данных построить модели прогнозирования, которые позволят использовать имеющиеся резервы и не допускать перегрузки судебной системы» [2].

Аналогичной точки зрения придерживаются Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г., которые в своём исследовании предлагают создать автоматизированную систему для исключения технических ошибок в приговорах суда, позволяющую снизить не только количество обжалуемых решений, но и снизить нагрузку на суды [6]. При этом авторами предлагается включить в вышеуказанную систему следующие подсистемы: а) неточности в редакции статей Особенной части УК РФ; б) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; в) проверка сроков давности; г) невозможность рассмотрения в особом порядке; д) исправительное учреждение.

По мнению Филимоновой С.А., «... в настоящее время требуется формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей, а также обеспечение доступа к сервисам СМЭВ¹ в продуктивной среде, в том числе с рабочих мест работников Судебного департамента для взаимодействия с Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах» [5].

Не оставлены без внимания и вопросы информационной безопасности. Гафаров Р.Ф., Рамазанов Р.М., Бикмиев Р.Г. предлагают рассмотреть возможность реализации механизма распространения централизованных политик безопасности и обновлений операционных систем и системных приложений для упрощения процедур администрирования и аудита безопасности автоматизированных рабочих мест в судах – объектах автоматизации ГАС «Правосудие» путем внедрения трехуровневой доменной структуры (Центр – субъект РФ – объект автоматизации). По мнению авторов, нормативные требования Концепции развития информатизации судов в части модернизации ГАС «Правосудие» и связанная с этим политика информационной безопасности должны соответствовать актуальности угроз. В противном случае данная политика может перейти в статус формального документа [1].

---

¹ СМЭВ – система межведомственного электронного взаимодействия (прим. – А.Ф.).

Констатируя весомый вклад в информатизацию судебной системы со стороны научного сообщества и специалистов по данному направлению деятельности, отметим, что вопросов по дальнейшему развитию информационно-политики в области правосудия остается немало.

Мы остановимся на наиболее актуальном и требующем оперативного внедрения вопросе, касающемся преобразования речевого сигнала в текст. Сегодня, в условиях возрастающей нагрузки на судебную систему, необходимо не просто не допустить снижения качества правосудия, а, напротив, создать соответствующие условия, способствующие судьям совершенствоваться в реализации правосудия.

Принимая участие 9 февраля 2021 года в совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, посвящённом итогам работы в 2020 году и задачам на 2021 год, Президент РФ Путин В.В. высоко оценил работу судебной ветви власти. Он указал, что это не только наша оценка: согласно отчёту той же Европейской комиссии, опубликованному в ноябре прошлого года, российские суды продемонстрировали один из лучших показателей среди стран Совета Европы. В частности, эксперты Еврокомиссии единодушно сочли российскую судебную систему наиболее оперативной, технологически развитой и наименее финансово затратной для граждан¹.

Безусловно, всё это стало возможным в результате кропотливой, рутинной работы судей и работников судебной системы. Поэтому изучение возможностей оптимизации использования человеческого ресурса за счёт внедрения информационных технологий и искусственного интеллекта в деятельность судебной системы является насущной проблемой дня сегодняшнего. Как показывает жизненный опыт – когда человек работает на пределе человеческих возможностей: во-первых, он ощущает на себе общее ухудшение самочувствия (переутомление, рассеянность, раздражительность), что впоследствии переходит в различные заболевания; во-вторых, происходит выгорание, наступает служебная деформация, что в конечном результате приводит к снижению качества выполняемой работы. В этих условиях возникает потребность в использовании достижений науки и техники.

Мы предлагаем заменить механическую работу по созданию протокола судебного заседания посредством использования аудиозаписи судеб-

---

¹ См.: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-vladimira-putina-na-soveschanijsudejsudov-09-02-2021.html>.

ного заседания с автоматической обработкой речевых сигналов во временной и частотной области через преобразование Спектра Фурье. Данный ресурс позволяет создать стенограмму судебного заседания автоматически, а внедрение искусственного интеллекта позволит отождествлять каждого участника процесса. Для этого необходимо до начала судебного заседания всем участникам по делу произнести набор ключевых фраз для дальнейшей идентификации голоса. При этом, если участник ранее проходил эту процедуру и его речевые сигналы сохранены в единой базе данных – повторного прохождения процедуры не потребуется.

При изучении практики применения информационных технологий в других отраслях народного хозяйства установлено, что автоматическое распознавание речи является динамично развивающимся направлением в области искусственного интеллекта. К примеру, внедрение call-центров позволило высвободить огромное количество операторов и улучшить качество обслуживания во многих аэропортах и на железнодорожных вокзалах. Системы автоматического распознавания речи широко применяются и в медицинских исследованиях, требующих ввода информации, когда руки медицинского работника заняты или когда требуется управлять автономными аппаратами исследования внутренних органов. Даже заполнение медицинских карт средним персоналом в «продвинутых» медицинских учреждениях ведётся голосом [4].

Следует отметить, что в судебной системе возможности автоматического распознавания голоса и перевода речевых сигналов в текстовый документ до настоящего времени не применялись. По нашему мнению, использование систем автоматического распознавания и синтеза речи имеет практическую значимость, так как применение данных технологий позволит выполнить за минуты то, на что раньше требовались часы ручной работы.

Первая система распознавания речи появилась в 1952 году¹. Она преобразовывала названные числа в текст. В настоящее время система распознавания речи есть почти у каждого в руках, так как установлена на многих смартфонах. Голосом мы можем управлять различными приложениями и девайсами, упрощающими нашу жизнь. Технологии распознавания речи вышли на принципиально новый уровень и сейчас продолжают активно развиваться, являясь одним из самых важных направлений в сфере искусственного интеллекта. Для более глубокого

---

¹ См.: https://voximplant.ru/blog/how_does_speech_to_text_work.

анализа механизма преобразования речи в текст, необходимо рассмотреть характеризующие его черты.

Распознавание речи – технология преобразования речевого сигнала в текст. Это многослойный процесс анализа акустических сигналов, их структурирования в слова, фразы, предложения и преобразования в текстовый формат.

Потребность в использовании перевода речевого сигнала в текстовый документ возникает тогда, когда необходимо создавать много печатного текста, но при этом не использовать ручной набор документа. Технология распознавания голоса существует уже около 70 лет. Раньше это сводилось к распознаванию простых слов и построению акустической модели. Речь представлялась статично и сравнивалась с готовыми шаблонами в словарях, что часто вело к ошибкам. Сейчас уровень точности и использование Speech-to-Text в повседневной жизни вышли на новый уровень. Благодаря машинному обучению, системы распознавания постоянно совершенствуются. Каждое новое распознавание определяет точность следующего. Когда голосовой запрос поступает в систему, она воспринимает это как сигналы, которые плавно переходят друг в друга без четких границ. Сам процесс распознавания речи восстанавливает то, что было сказано по этим сигналам.

По нашему мнению, механизм данного процесса с технической точки зрения должен проходить следующие этапы:

На первом этапе произведённый сигнал анализируется. Компьютер отправляет полученный запрос на сервер, где он очищается от шумов и помех. После этого запись сжимается: делится на фрагменты длиной 25 миллисекунд. Каждый фрагмент пропускается через акустическую модель, которая определяет, какие именно звуки были произнесены для последующего распознавания.

На втором этапе происходит распознавание сигнала. Эталонные произношения, которые хранятся в акустической модели, сравниваются с каждым речевым фрагментом записи. Система с помощью машинного обучения подбирает варианты произнесенных слов и их контекст и собирает из звуков предполагаемые слова.

На третьем этапе, на уровне обработки сигналов, происходит верификация диктора через запрос идентичности посредством сравнения входного образца с хранимым в базе шаблоном.

На четвертом этапе выполняется преобразование сигнала в текст. После этого, используя языковую модель, система определяет порядок

слов и подбирает нераспознанные слова по контексту. Полученная информация проходит через декодер, который объединяет данные от акустической и языковой моделей, и преобразует их в текст с наиболее вероятной последовательностью слов. При этом система последовательно формирует текст, отождествляя его с определённым диктором.

В реалиях сегодняшнего дня современную организацию невозможно представить без постоянных усовершенствований. Работа с инновациями отличается использованием принципиально новых, до этого не применяемых в отрасли решений. Внедрение указанных выше технологий в судебную деятельность представляется нам возможным на площадке Нижегородского областного суда. Для этих целей необходимо создать рабочую группу, которая будет выступать в качестве экспертного органа в создании технологически эффективного ресурса для распознавания речи и её преобразования в текстовый документ.

На первом этапе работы рабочей группы необходимо провести анализ и подготовку, оценить необходимость нововведения для деятельности судов, а также подготовить дорожную карту и спланировать результат. Далее необходимо проанализировать эффективность и недостатки при использовании таких технологий в деятельности других организаций. Сегодня подобные ресурсы активно используются Сбербанком России.

Кроме этого, на подготовительном этапе необходимо рассмотреть возможность внедрения гибридных способов объединения аудио- и видеомодальностей речи. В данном подходе независимо вычисляется параметрическое представление звукового и визуального сигналов, а затем, с учетом достаточно высокой степени синхронности этих модальностей, формируется единый вектор признаков (супервектор) для каждого сегмента сигнала. На этапе классификации (распознавания) речи применяются методы, использующие Скрытые Марковские Модели (СММ) или Искусственные Нейронные Сети, при этом создаются общие модели для акустических единиц речи (фонем) и визуальных единиц речи (визем – изображений формы губ при произнесении различных фонем) [4].

Определив оптимальный вариант программного обеспечения для внедрения инновации, необходимо приступить к обучению лиц, отвечающих за техническую поддержку данного ресурса. Вместе с этим потребуется разработка рекомендаций по внедрению нововведения. На этапе тестирования программы необходимо обеспечить обратную связь с судьями и информировать их о результатах внедрения преобразования сигнала речи в текст.

На заключительном этапе нововведений необходимо оценить текущее состояние результатов, проанализировать недостатки, а также положительные стороны инновации, внести соответствующие коррективы в работу системы.

Представляется, что существующий сегодня опыт применения цифровых технологий, должен быть реализован и в судебной системе России, поскольку это обеспечит купирование факторов деформационных процессов (психологические и физические перегрузки, ненадлежащее информационно-техническое оснащение), что в свою очередь позволит повысить качество правосудия. Не вызывает сомнения, что оценка эффективности применения рассмотренных технологий требует профессионального и глубокого анализа.

В заключение отметим, что полученные в ходе исследования результаты могут выступить весомой теоретической базой для последующих разработок и практического применения в судах. Кроме этого, идеи и выводы работы позволяют усовершенствовать работу судебной системы в целом.

Список источников

1. *Гафаров Р.Ф., Рамазанов Р.М., Бикмиев Р.Г.* Некоторые проблемы информационной безопасности судебной системы Российской Федерации // Научно-практический юридический журнал. Правосудие в Татарстане. 2019. № 1 (65). С. 62–65.

2. *Кириллов А.Е.* Использование информационных технологий в обеспечении правосудия // Научно-практический юридический журнал. Правосудие в Татарстане. 2017. № 1(61). С. 77–79.

3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.).

4. *Тампель И.Б., Карпов А.А.* Автоматическое распознавание речи: учеб. пособие. СПб. : Университет ИТМО, 2016. 138 с.

5. *Филимонова С.А.* Организация электронного межведомственного взаимодействия Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с федеральными государственными органами в рамках проведения проверок достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и контроля расходов // Научно-практический юридический журнал. Правосудие в Татарстане. 2020. № 1 (67). С. 76–77.

6. *Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г.* Использование автоматизированных систем при рассмотрении уголовных дел в Российском судопроизводстве: Взгляд в будущее // Научно-практический юридический журнал. Правосудие в Татарстане. 2018. № 2 (64). С. 25–28.

РАЗДЕЛ III.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Востриков П. П.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Беагон М. А.,

*студент 2 курса магистратуры ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

УЧАСТИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ПРОКУРОРА В СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье проанализированы теоретические и практические проблемы судебной защиты экономических прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, роли Уполномоченного по защите прав предпринимателей и органов прокуратуры в обеспечении гарантий такой защиты.

Ключевые слова: предпринимательство; субъекты предпринимательской деятельности; экономические права и законные интересы предпринимателей; способы защиты прав; прокурор; Уполномоченный по защите прав предпринимателей.

Основным источником правового регулирования защиты экономических прав субъектов предпринимательской деятельности выступает Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)». Данный закон регулирует отношения в области защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля уполномоченными органами государственной власти и подведомственными им государственными учреждениями.

В научной литературе, а также в отечественном законодательстве под способами защиты прав, как правило, понимаются закрепленные

законом материально-правовые и процессуальные меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и осуществляется воздействие на правонарушителя. Перечень общих способов защиты прав и интересов предпринимателей закреплен в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В зависимости от того, какой орган осуществляет защиту нарушенных прав, выделяют юрисдикционный и неюрисдикционный способы защиты прав и интересов.

Материально-правовые способы защиты предпринимательских прав представляют собой способы действий по защите прав в соответствии с охранительными нормами материального права, процессуальные способы используются непосредственно в процессе рассмотрения спора о защите прав. Самозащита, выделяемая в ст. 14 ГК РФ, не имеет законодательной дефиниции, однако содержит четко определенные границы – соответствие нарушению и несовершенство в целях его пресечения несоизмеримых действий.

Кроме того, существует и претензионный порядок урегулирования споров. Если закон или договор предусматривают обязательное досудебное предъявление претензии, то лицо, прежде чем обратиться в суд с иском, обязано направить требование об устранении нарушения своему контрагенту. «Если предъявление претензии предусмотрено законом или договором, но сторона обращается в суд, не предъявляя претензии, то суд возвращает иск заявителю либо оставляет его без рассмотрения» [4, с. 78].

Уполномоченный по защите прав предпринимателей обладает довольно широким кругом полномочий по защите экономических прав субъектов предпринимательской деятельности. В частности, нормы арбитражно-процессуального законодательства предоставляют Уполномоченному при Президенте РФ по защите прав предпринимателей право вступить в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований.

Представляется целесообразным распространить данное право также на уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ, поскольку данное нововведение способно повысить как качество защиты прав предпринимателей в суде, так и упростить процедуру вступления в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, уполномоченным по защите прав предпринимателей в субъектах РФ [2, с. 66].

Доступность судебной защиты является одной из основных гарантий для субъектов правоотношений, однако, с точки зрения предпринимательского сообщества, ее природа заметно трансформируется.

На имеющиеся недостатки правовых положений, регламентирующих осуществление права предпринимателей на судебную защиту прав и законных интересов, указывает Т.А. Улизко [5, с. 91]. Кроме того, несовершенства в сфере регламентации прав предпринимателей на судебную защиту в процессе производства по делу с участием нескольких лиц усматривает М.В. Артеева [1, с. 174].

Согласно ч. 1 ст. 52 АПК РФ, в отношениях по арбитражному процессуальному производству в качестве субъекта выступает прокурор. В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор, представляя государственные интересы в судебном процессе, обязан обеспечивать действительное исполнение правовых предписаний, среди которых имеются и нормы по защите прав предпринимателей.

Динамичное развитие экономики, изменения в законодательстве и организации прокурорского надзора требуют совершенствования и приведения в соответствие с новыми экономическими реалиями надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности.

На современном этапе развития российского общества и государства произошло существенное изменение приоритетных направлений деятельности прокуратуры в сфере предпринимательства и первостепенными для нее стали вопросы защиты прав хозяйствующих субъектов и свободы экономической деятельности [3, с. 43].

В целях защиты экономической системы в целом прокурор может представлять в суде интересы субъектов предпринимательской деятельности, что следует из смысла ч. 1 ст. 52 АПК РФ. При этом следует иметь в виду, что участие прокурора в арбитражном процессе направлено не на содействие определенной компании, интересы которой затрагиваются оспариваемым актом, а на защиту финансовых интересов в целом. Однако в осуществлении данных положений на практике их полная реализация не всегда очевидна. Следует согласиться с мнением А.М. Чупиной, которая обращает внимание на наличие неопределенности правового статуса прокурора в арбитражном процессе как одной из практических проблем защиты прав и интересов предпринимателей [6, с. 3–4]. Также существует противоречие в части необходимости исполнения прокурором положений ч. 5 ст. 4 АПК РФ. Кроме того, имеются и другие трудности

в реализации полномочий прокурора по защите прав предпринимателей в судебном процессе.

Субъекты предпринимательской деятельности имеют существенно более обширный перечень прав по охране законных имущественных интересов и без подачи иска в суд, чем остальные субъекты общественных отношений. Нередко предприниматели в меньшей степени заинтересованы в разрешении спора в судебном порядке, поскольку это влечет за собой увеличение сроков рассмотрения данного спора.

По этой причине право на обращение в суд для защиты своих интересов необходимо исследовать с точки зрения одного из путей защиты имущественных интересов, подверженных посягательству, применимых на практике лишь в случаях, при которых другие средства защиты не являются эффективными. Участие же прокурора в делах о защите предпринимателей все еще является довольно редким, а вот роль Уполномоченного по защите прав предпринимателей трудно переоценить как с точки зрения обеспечения прав предпринимателя, так и с точки зрения арбитражных судов, нагрузка которых была существенно снижена, в основном при разбирательстве дел в сфере страхования.

Список источников

1. *Артеева М.В. Буторина Т.Н.* Проблемы судебной защиты прав предпринимателей в рамках группового производства // Соотношение российского и международного права : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 11–15.
2. *Каленский П.В., Федоренко Л.В.* Правовые основы участия уполномоченного по защите прав предпринимателей в судах // Вестник СГЮА. 2017. № 4 (117). С. 65–68.
3. *Карханина А.А.* Способы защиты прав предпринимателей и роль прокуратуры в сфере защиты прав предпринимателей // Проблемы науки. 2020. № 5. С. 41–44.
4. *Степанова Н.Н.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора // Вестник науки и образования, 2018. № 1. С. 77–85.
5. *Улизко Т.А.* Способы и формы защиты прав предпринимателей в современной России // Мировая наука и современное общество: актуальные вопросы экономики, социологии и права : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Н. Плотников. 2016. С. 91.
6. *Чупина А.М.* Проблемные вопросы судебной защиты прав предпринимателей // Юридический факт. 2018. № 31. С. 3–4.

Гошуляк Т. В.,
кандидат юридических наук,
судья Пензенского областного суда,
г. Пенза

ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА В ПРИНЯТИИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем отказа в принятии искового заявления в гражданском судопроизводстве в свете действующего правового регулирования с предложениями по внесению изменений в процессуальное законодательство. Проанализированы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: исковое заявление; отказ в принятии; право на обращение в суд; судебная защита; гражданское судопроизводство.

Вопросы принятия к производству суда искового заявления, а также определения порядка рассмотрения судебного спора являются актуальными и дискуссионными. Как показывает статистика, количество дел, рассмотренных судами, растет из года в год. Если в 2018 г. количество рассмотренных дел составляло 31477000, то в 2020 г. эта цифра выросла до 38478000 [1]. Вышеизложенное свидетельствует о доверии граждан к судам Российской Федерации, высоком уровне правовой грамотности населения и правосознания. При указанных обстоятельствах правильное определение вида судопроизводства, а также заявленных оснований иска имеет первостепенное значение.

На наш взгляд, суды Российской Федерации, как гаранты обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан, обязаны создать условия для доступности правосудия и оказывать содействие в реализации процессуальных прав. На указанную обязанность судов неоднократно обращал внимание как Конституционный Суд РФ, так и Верховный Суд РФ.

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ при проверке конституционности ст. 134 Гражданского процессуального кодекса РФ неоднократно указывал, что право на судебную защиту, как оно сформулировано в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не свидетельствует о возможности выбора по своему усмотрению того или иного способа и процедуры судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным категориям дел определяются федеральными законами [6].

Случаи отказа в принятии искового заявления урегулированы статьей 134 ГПК РФ. В настоящем исследовании будет уделено внимание анализу подпункта 1 части первой статьи 134 ГПК РФ, согласно которому судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях либо не подлежит рассмотрению в судах; заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым настоящим Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя [3].

Указанные законодательные положения являлись предметом неоднократной проверки в Конституционном Суде РФ.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. №4-П проверялась конституционность пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса РФ. При этом, Конституционный Суд признал указанные нормативные положения в их взаимосвязи не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 2, 17, 18, 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) в той мере, в какой эти положения, исходя из судебной практики и буквального толкования, являются препятствием для обращения в суд наследников лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений, с нарушениями требований закона (например, в случае подложности документов, при отсутствии волеизъявления и т.д.), с исковыми требованиями об аннулировании такой записи, а если производство по делу возбуждено – для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу [8].

В Постановлении от 22 апреля 2013 года №8-П Конституционный Суд РФ дал оценку конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса РФ, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

В указанном деле рассматривалась процедура защиты избирательных прав по заявлениям наблюдателей от политических партий, избирателей, наблюдателей от региональных отделений политических партий, которые подаются в связи с выявленными нарушениями избирательного законодательства при установлении итогов голосования, определении результатов выборов.

Конституционный Суд признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они предусматривают права избирателей, наблюдателей от политических партий, регионального отделения политической партии на обращение в суд за защитой избирательных прав; на обжалование в суд решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, нарушающих права непосредственно самих наблюдателей, связанные с осуществлением ими полномочий по наблюдению за выборами; на обращение в суд с защитой прав и законных интересов самой политической партии соответственно.

Вышеуказанным решением Конституционный Суд РФ оспоренные положения, за исключением подпункта «з» пункта 9 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», признал не соответствующими Конституции Российской Федерации в той части, в которой они исключают для граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, возможность обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах.

Конституционный Суд также отметил, что до внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство суды общей юрисдикции не вправе отказывать в принятии к рассмотрению заявлений граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, в защиту своих избирательных прав, нарушенных при установлении итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах [9, п. 2].

В определениях от 8 июля 2004 г. №238-О и от 24.01.2006 №3-О Конституционный Суд РФ придерживается правовой позиции о том, что положения, содержащиеся в пункте 1 части первой статьи 134 ГПК РФ в нормативном единстве с частью первой статьи 246 и частью первой статьи 251 ГПК РФ, не предполагают отказ суда в принятии заявления об оспаривании принятого и опубликованного в установленном порядке

нормативного правового акта органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, если заявитель полагает, что данным актом нарушаются его права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации, законами и другими нормативными правовыми актами [7].

На наш взгляд, высказанная Конституционным Судом правовая позиция представляется обоснованной, поскольку на стадии принятия искового заявления, без исследования фактических обстоятельств дела невозможно определить, затрагивают ли права и законные интересы заявителя оспариваемые нормативно-правовые акты. Иное означало бы нарушение конституционного права на судебную защиту, поскольку по смыслу требований статьи 3 ГПК РФ заявитель самостоятельно формулирует основания для обращения в суд.

Предметом проверки Конституционного Суда РФ в Определении от 05.03.2009 №278-О-П явились положения пункта 1 части первой статьи 134 ГПК РФ. Конституционный Суд РФ в данном определении также придерживается правовой позиции, высказанной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 25 января 2001 г., в Определении от 27 мая 2004 г. №210-О, согласно которой оспариваемое положение пункта 1 части первой статьи 134 ГПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает отказ судьи в принятии искового заявления о возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства в случаях, когда спор не разрешается по существу вследствие незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением.

В действующем процессуальном законодательстве, а именно, в Кодексе административного производства Российской Федерации установлена специальная процедура рассмотрения дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, или права на исполнение судебного акта суда общей юрисдикции в разумный срок; об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей [4, гл. 23, 26].

Указанные правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют огромное значение в правоприменительной практике с целью недопущения ограничения конституционного права граждан на судебную защиту, регламентированного ст. 47 Конституции РФ.

Вместе с тем, по нашему мнению, актуальная редакция п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ подлежит некоторой коррективке.

Так, с принятием Федерального закона РФ от 28 ноября 2018 г. №451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» из Гражданского процессуального кодекса РФ исключено понятие «подведомственности» [11, ст. 10].

В связи с указанными изменениями суду общей юрисдикции было предоставлено право передачи дела по подсудности в арбитражный суд [3, ст. 152].

В этой связи предлагается распространение указанных полномочий суда общей юрисдикции и закрепление возможности передачи дела по подсудности в Конституционный Суд Российской Федерации в случае, если дело подлежит рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства, либо в иные суды общей юрисдикции, мировым судьям для разрешения в порядке уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях.

При этом, по нашему мнению, следует также закрепить возможность суда перейти к рассмотрению заявления в порядке уголовного судопроизводства либо производства по делу об административных правонарушениях в том же суде в случае, если соблюдаются правила подсудности. В данной ситуации необходимо будет закрепить возможность электронного перераспределения поступившего заявления другому судье в случае, если в суде общей юрисдикции имеется специализация судей. Данные полномочия предлагается предоставить председателю суда соответствующего уровня.

Указанные меры позволят усовершенствовать механизм реализации конституционного права граждан на судебную защиту, обеспечив сокращение общих сроков нахождения дел в судах, повысят эффективность правосудия, будут служить дополнительной гарантией судебной защиты.

В то же время некоторыми правоведами предлагается расширение оснований для отказа в принятии исковых заявлений. В частности, Д.А. Туманов, С.А. Алехина предлагают ввести понятие «неправового характера спора» [10]. Е.Д. Умнова полагает возможным дополнить ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и ст. 220 ГПК РФ словами «имеются другие основания, установленные иным федеральным законом» [11]. А.В. Гончарова в качестве оснований для отказа в принятии иска считает необходимым указать подведомственность дела несудебным органам; рассмотрение дела по-

средством иной формы осуществления правосудия; очевидную непринадлежность спорного права истцу [2].

На наш взгляд, расширение перечня оснований для отказа в принятии искового заявления, равно как и установление открытого перечня данных оснований, является нецелесообразным. Европейский Суд по правам человека также неоднократно высказывал правовую позицию, которой также придерживается и Верховный Суд Российской Федерации согласно которой, если одна из судебных систем, существующих в государстве, отказала в рассмотрении спора в связи с отсутствием компетенции, необходимо установить обязанность второй судебной системы принять заявление к рассмотрению без исследования вопроса о компетенции [5].

При этом, по нашему мнению, само по себе существование в судебной системе Российской Федерации судов различного уровня и компетенции не должно являться препятствием к обеспечению доступа к правосудию с учетом самостоятельного определения судами порядка рассмотрения заявления.

Список источников

1. Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения: 10.07.2021).

2. Гончарова А.В. Формирование оснований для отказа в принятии исковых заявлений // Современное право. 2018. № 10. С. 94–98.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

5. Обзор судебной практики ВС РФ №3 за 2016 г., утвержденный Президиумом ВС РФ 19.10.2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ломакина Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. №548-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рущина Александра Петровича на нарушение его конституционных прав положением пункта 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. №1061-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества

«Аэрофлот» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 41 и частью 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. №1119-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2006 №3-О «По жалобе гражданина Коженова Александра Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 №4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

9. Решение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

10. *Туманов Д.А., Алехина С.А.* К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылках права на предъявление иска // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 100–101.

11. *Умнова Е.Д.* Наличие соглашения об уплате алиментов как основание для отказа в принятии иска о взыскании алиментов (прекращения гражданского дела) // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 4. С. 18–22.

12. Федеральный закон от 28.11.2018 №451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 10.07.2021).

Доможирова Л. Ю.,

*председатель Городецкого городского суда Нижегородской области,
г. Городец, Нижегородская область*

СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ КАК ГАРАНТ ЭФФЕКТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье приводится анализ применения предусмотренных законом примирительных процедур в рамках гражданского и административного судопроизводства, раскрываются виды примирительных процедур, общие принципы использования, порядок и срок применения. Обращается внимание на активную роль суда

в содействии примирению сторон, анализируются особенности инструментария судебного примирения в контексте реализации задач судопроизводства.

Ключевые слова: административное судопроизводство; медиация; судебное примирение.

Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ положения ГПК РФ дополнены Главой 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», положения КАС РФ – статьями 137.1-137.7, регуливающими примирительную процедуру [8].

В соответствии с вышеназванным законом, разрешаемые судами споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону.

При этом, с введением в действие указанного закона, наряду с правильным и своевременным рассмотрением и разрешением дел, мирное урегулирование споров стало являться одной из задач гражданского и административного судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ, ст. 3 КАС РФ).

Именно на судью законодатель возлагает обязанность принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства (п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ, п. 10 ч. 3 ст. 135 КАС РФ).

Несомненно, наиболее благоприятным исходом любого судебного спора в рамках гражданского и административного судопроизводства является его окончание миром, например, путем заключения между сторонами мирового соглашения.

Согласимся с мнением Жуйкова В.М., что в принципе высшим достижением правосудия при разрешении споров является окончание производства по делу таким образом, чтобы из суда удовлетворенными выходили не только истец или ответчик, а обе стороны, т.е. чтобы в деле не оставалось стороны побежденной, униженной, недовольной как другой стороной, так и судом, вынесшим решение [3].

В своей повседневной работе при рассмотрении гражданских и административных дел судьи часто сталкиваются с ситуацией, когда стороны спора готовы пойти на примирение, но не всегда могут найти между собой точки соприкосновения и, оставаясь один на один, приступить и провести переговоры. Кроме того, нередко конфликт, послуживший причиной обращения в суд, заходит так далеко, что сторонам становится невозможно договориться об его разрешении самостоятельно.

Следует учитывать и то, что в гражданских делах, подлежащих рассмотрению в судах общей юрисдикции, участниками спора могут выступать граждане, не имеющие элементарных юридических познаний, и в силу финансовой составляющей не обращающиеся за квалифицированной юридической помощью. Кроме того, сторонам, пусть и достигшим какого-то соглашения самостоятельно, сложно сформулировать его условия, облечь их в юридическую форму, с тем, чтобы данные условия мог утвердить суд посредством вынесения определения об утверждении мирового соглашения.

Указанные факторы вызывают необходимость запускать сложный процессуальный механизм, связанный с вынесением судебного решения и его последующим пересмотром судами апелляционной и кассационной инстанции, так как вынесенный по такому делу судебный акт, как правило, одну из сторон, а иногда и обе, не устраивает, что приводит к его обжалованию. Стандартная процедура разрешения спора через вынесение судебного решения неизбежно ведет к увеличению времени, которое гражданин, обратившийся за защитой своих прав, будет вынужден провести в судебных инстанциях.

Применение предусмотренных законом примирительных процедур в рамках гражданского и административного судопроизводства в условиях постоянной повышающейся нагрузки на суды всех инстанций является хорошим подспорьем в достижении задач справедливого правосудия наиболее эффективным и наименее затратным путем.

Выступая на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 года, его председатель Момотов В.В. отмечал: «В октябре 2019 года вступили в силу инициированные Верховным Судом изменения в законодательство, которые привели к полному реформированию института примирения сторон.

Впервые в процессуальном законодательстве регламентируется институт примирительных процедур. Закрепляются их виды (переговоры, медиация, судебное примирение и другие), общие принципы использования (добровольность, сотрудничество, равноправие, конфиденциальность), порядок и срок, в течение которого они могут применяться. Благодаря изменениям активизировалась роль суда в содействии примирению сторон, расширился инструментарий и горизонты для такого содействия, сторонам предоставлены новые возможности и стимулы для примирения.

Появилась и абсолютно новая для нашей правовой системы примирительная процедура – судебное примирение. Это перспективный инсти-

тут, так как в качестве судебного примирителя выступают судьи в отставке, опыт и высокая квалификация которых поможет сторонам разрешить спор быстро и продуктивно» [1].

Процедура урегулирования спора путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение) довольно подробно прописана в ст. 153.6 ГПК РФ, а также ст. 137.6 КАС РФ.

Регламент проведения судебного примирения утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 г. № 41, в соответствии с которым судебное примирение осуществляется с участием судебного примирителя – судьи, пребывающим в отставке и включенным в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [5].

Использование судебного примирения осуществляется для реализации таких задач судопроизводства, как мирное урегулирование споров, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Согласно ст. 1 Регламента, судебное примирение проводится в целях достижения сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон.

Задачами судебного примирения являются соотнесение и сближение позиций сторон по делу, выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказания им содействия в достижении результата примирения.

Список судебных примирителей утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2020 № 1, в соответствии с которым в Нижегородской области пять судебных примирителей. Это судьи в отставке Арбитражного суда Нижегородской области, Нижегородского областного суда, одного из районных судов [6].

Из них по специализации «гражданское и административное судопроизводство» – Баландин Б.А., Каширская Н.А., Цыганова Т.И.; по специализации «гражданское судопроизводство» – Курепчикова О.С., Падалкина Е.Ю.

Преимущество судебного примирения очевидно и состоит в том, что судебным примирителем выступает не просто практикующий юрист, а именно судья в отставке, т.е. лицо нечуждое судебной системе, хорошо знающее законодательство и сложившуюся судебную практику. А потому он, используя приобретенный за годы работы судьей опыт, предлагает сторонам наиболее приемлемые для разрешения конфликта варианты, кото-

рые позволили бы разрешить спор миром. При этом судебный примиритель занимает нейтральную, независимую от сторон позицию, не заинтересован в исходе спора. Немаловажным является и то обстоятельство, что примирение сторон возможно при одновременном соблюдении принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности.

Как показывает практика, стороны, зная, что судебным примирителем является судья в отставке, изначально с определенной долей недоверия относятся и к нему самому, и к предложенным им вариантам разрешения конфликта, данным им разъяснениям по существу возникшего спора. В этой связи судебный примиритель несет моральную ответственность за доверие, оказанное ему сторонами, что психологически не всегда просто, а поэтому от судьи в отставке, согласившегося стать судебным примирителем, требуется определенное мужество.

В рамках примирительной процедуры судебный примиритель встречается со сторонами, выясняет их позицию в споре, определяет его правовую составляющую, разъясняет сторонам нормативные акты, подлежащие применению при разрешении данного спора, и сложившуюся судебную практику. Встречаясь с судебным примирителем, стороны получают от него необходимые рекомендации для скорейшего урегулирования спора. В рамках примирительной процедуры стороны с помощью судебного примирителя могут проверить правомерность и разумность предъявленных исковых требований, обоснованность возражений на них.

Как справедливо отметила Наумова Е.А., «задачами судебного примирителя являются "соотнесение и сближение позиций сторон по делу, выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказание им содействия в достижении взаимоприемлемого результата примирения", основанного, в том числе, на понимании и оценке сторонами обоснованности заявленных требований и возражений» [4].

Самым благоприятным для сторон итогом судебного примирения является заключение мирового соглашения, которое впоследствии утверждается судом. При этом определение суда об утверждении мирового соглашения с участием судебного примирителя обязательно для сторон и вступает в законную силу немедленно после его вынесения.

Завершение процедуры судебного примирения возможно и путем частичного или полного отказа от иска; частичного или полного признания иска; признания обстоятельств, на которых другая сторона основыва-

ет свои требования или возражения. В любом случае это происходит только тогда, когда стороны пришли к взаимному консенсусу.

Задача судебного примирителя как раз и заключается в том, чтобы подвести стороны к достижению таких договоренностей по разрешению возникшего конфликта, которые позволили бы прийти к решению, как минимум психологически и морально устраивающему обе стороны. Поэтому роль судебного примирителя выходит за рамки чисто юридического решения проблемы, связанной с процессуальным оформлением мирового соглашения и заявления об его утверждении.

Сокращение времени рассмотрения дела в суде, отсутствие процедуры обжалования принятого по итогам примирительных процедур судебного акта, нивелирование последующих проблем, связанных с его исполнением – все это повышает доверие граждан к такой процедуре судопроизводства, а соответственно и судам, способствует формированию у граждан положительного мнения о судебной системе в целом.

Судебное примирение обладает еще одной привлекательной для участников процесса особенностью – данная процедура для сторон является бесплатной. Оплата труда судебного примирителя осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14.04.2020 года № 504, которым утверждены Правила оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей (половина оклада судьи соответствующего суда, пропорциональная количеству занятых дней) [7].

Активная роль в способствовании применения при разрешении конкретного спора процедуры судебного примирения в гражданском и административном процессе отводится и председательствующему по делу судье, которая заключается не только в разъяснении сторонам возможности разрешения дела миром, но также и ее преимущества альтернативным путям разрешения дела.

В 2020–2021 гг. в Городецком городском суде Нижегородской области тщательным образом был изучен вопрос возможности применения института судебного примирения при разрешении гражданских и административных дел, а также детально проработан механизм, обеспечивающий реализацию судебным примирителем своих полномочий.

Так, на информационном стенде суда для посетителей размещена информация о возможности разрешения гражданских и административных дел путем судебного примирения как альтернативной процедуры разрешения спора. Размещен список судебных примирителей.

С целью реализации судебным примирителем своих полномочий, а также для комфортного проведения предусмотренных законом примирительных процедур, в здании суда оборудована специальная комната, где имеется рабочее место для подготовки соответствующих документов.

Заместителем председателя суда по гражданским делам Поваровой А.Е. с целью активизации процесса по внедрению в суде при рассмотрении дел процедуры судебного примирения осуществлены организационные мероприятия; для судей разработан методический материал, содержащий в себе в том числе образцы процессуальных документов; проведена учеба для судей и аппарата.

По ее инициативе и при непосредственном участии Городецким городским судом Нижегородской области была впервые опробована процедура рассмотрения гражданского дела с участием судебного примирителя. Так, 04.03.2021 г. при рассмотрении гражданского дела по иску ПАО Сбербанк к ответчикам (физическим лицам) о расторжении кредитного договора и досрочном взыскании задолженности по нему с обращением взыскания на жилое помещение судьей вынесено определение о проведении примирительной процедуры, утверждена кандидатура судебного примирителя из числа судебных примирителей Нижегородской области Курепчиковой О.С. (судья Нижегородского областного суда в отставке).

Примечательно, что по данному делу требования банка заключались не только в досрочном взыскании задолженности по кредитному договору, но и в обращении взыскания на жилое помещение ответчиков.

В ходе примирительной процедуры 10.03.2021 г. с участием судебного примирителя стороны заключили мировое соглашение, которое было утверждено судом. В соответствии с условиями заключенного мирового соглашения стороны установили новый график платежей по кредиту с учетом просроченной задолженности, тем самым устранив последствия нарушенного обязательства, которые влекло обращение взыскания на квартиру.

Это дело наглядно показало и судьям, и участникам процесса, насколько весомым становится участие судебного примирителя при ведении сторонами переговоров об условиях мирового соглашения по социально значимым судебным делам.

Не вызвал удивление тот факт, когда по аналогичному делу (по спору между банком и гражданином) ответчик и его представитель заявили ходатайство о применении процедуры судебного примирения фактически еще на стадии подготовки по делу.

При рассмотрении данного гражданского дела (судья Трухин А.П.) по иску ПАО Сбербанк к ответчикам (физическим лицам) о расторжении кредитного договора и досрочном взыскании задолженности по нему с потенциальных наследников с обращением взыскания на заложенное имущество была назначена процедура судебного примирения. Стороны 26.03.2021 г. достигли соглашения о порядке и сроках погашения общей задолженности по кредитному договору наследодателя, установили график погашения задолженности и уплаты процентов за пользование суммой задолженности по основному долгу. Указанное мировое соглашение, утвержденное судом, позволило восстановить нарушенное право кредитной организации на получение суммы займа после смерти заемщика, а ответчикам – избежать обращения взыскания на жилое помещение, которое являлось предметом залога.

Всего за период пять месяцев 2021 года Городецким городским судом Нижегородской области было рассмотрено 5 гражданских дел с участием судебного примирителя, в каждом из которых достигнут положительный результат судебного примирения: утверждено мировое соглашение¹.

Это, кроме указанных, гражданское дело (судья Ситникова Н.К.) по иску гражданки, действующей за себя и в интересах несовершеннолетних детей к бывшему супругу о разделе совместно нажитого имущества и определении долей в праве на имущество, гражданское дело (судья Сивохина И.А.) по иску гражданина к виновнику о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием.

Заслуживает отдельного внимания гражданское дело (судья Поварова А.Е.), производство по которому было окончено также утверждением мирового соглашения с участием судебного примирителя, по спору между соседями, суть которого заключалась в установлении границ земельных участков. Данный спор между пятью гражданами, из-за так называемой межи, продолжался на протяжении нескольких лет и был успешно разрешен в суде путем достижения согласия о границах сразу пяти земельных участков.

---

¹ Пока, к сожалению, граждане не активно прибегают к судебному примирению: в 2020 году с участием судебного примирителя окончено 798 гражданских дел и 1 административное дело в судах общей юрисдикции. В эту статистику не вошли отказ от иска, признание иска ответчиком в результате применения, что является существенным показателем работы судебного примирителя, но в целом это говорит о крайне низком уровне использования возможностей данной примирительной процедуры. (Из выступления председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25.05.2021 г. [1]).

Кроме указанных дел, в мае 2021 г. Городецким городским судом Нижегородской области процедура судебного примирения была применена при разрешении спора в рамках КАС РФ, когда многолетнее противостояние между гражданином и муниципалитетом было разрешено путем заключения сторонами соглашения о примирении.

На протяжении нескольких лет гражданка, имеющая состав семьи в количестве пяти человек, проживающая в жилом помещении по договору социального найма, пыталась доказать администрации, что занимаемое ее семьей жилое помещение является аварийным, и они нуждаются в предоставлении другого благоустроенного жилого помещения. В свою очередь со стороны администрации в суд предъявлялись иски о расторжении с данной семьей договора социального найма жилого помещения по тем основаниям, что наниматели намеренно ухудшали жилое помещение.

Данный спор продолжительное время находился в так называемом правовом тупике – гражданка успешно в суде оспаривала решения межведомственной комиссии, которая упорно отказывалась признавать жилое помещение аварийным и не пригодным для проживания. Но сама она, в силу недоверия к администрации, не предпринимала никаких мер к сбору и предоставлению необходимых документов для признания нуждающейся в улучшении жилищных условий.

При рассмотрении очередного административного иска об обжаловании решения межведомственной комиссии администрация района выступила с инициативой о проведении по данному делу процедуры судебного примирения с тем, чтобы судебный примиритель – независимое в процессе лицо, помог сторонам как минимум начать диалог, определить юридически значимые обстоятельства, на которых стороны основывают свои требования и возражения.

В соответствии со ст.137.6 КАС РФ в рамках примирительной процедуры судебный примиритель в целях соотнесения и сближения позиций сторон по делу и выявления дополнительных возможностей для урегулирования спора, оказания сторонам содействия в достижении взаимоприемлемого результата примирения, основанного также на понимании и оценке сторонами обоснованности заявленных требований и возражений, несколько раз проводил переговоры со сторонами. В рамках примирительной процедуры с участием сторон было вновь обследовано жилое помещение административного истца и составлен соответствующий акт.

Результатом судебного примирения, продолжавшегося практически два месяца, стало заключение сторонами соглашения о примирении, в соответствии с которым, на основании вновь проведенного обследования жилого помещения, администрация в течение определенного срока приняла на себя обязательство признать его аварийным, что может явиться основанием для последующей постановки административного истца на учет в качестве нуждающейся в улучшении жилищных условий.

Таким образом, привлечение судебного примирителя позволило разрешить затянувшийся административный спор и определить юридические обстоятельства, которые впоследствии могут явиться основанием для улучшения жилищных условий гражданина.

Следует отметить, что по всем делам, рассмотренным в первом полугодии 2021 г. Городецким городским судом с применением процедуры судебного примирения, в роли судебного примирителя неизменно выступала судья Нижегородского областного суда в отставке с 35-летним стажем работы в должности судьи Ольга Сергеевна Курепчикова. Она безотказно соглашалась на участие в данной процедуре, не считаясь с личным временем, подстраивалась под график работы суда и желание сторон о времени проведения примирительных процедур. Именно благодаря ее профессионализму, такту, умению найти подход к противоборствующим сторонам и дару убеждения ни одна примирительная процедура не была прекращена невозможностью ее дальнейшего проведения, а, напротив, по всем делам производство по делу прекращалась утверждением мирового соглашения.

Необходимо констатировать и тот факт, что с момента первого разрешения в суде спора с участием судебного примирителя, доверие участников процесса к этой процедуре возросло. В настоящее время в судебных заседаниях стороны все настойчивее демонстрируют свою заинтересованность в применении примирительной процедуры, иногда заявляя ходатайство об ее применении уже на стадии подготовки по делу.

Неоспорима и роль суда в обеспечении успешности проведения примирительной процедуры в условиях, когда круг судебных примирителей не велик, а их проживание удалено от места нахождения суда. Именно на суд ложится обязанность по организации примирительных процедур, именно суд обеспечивает их техническую сторону, в том числе информирует лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения очередной примирительной процедуры, что называется, выступает координатором.

В силу того, что применение института судебного примирения еще только начинает набирать обороты, еще только начинает формироваться судебная практика, судьи Городецкого городского суда столкнулись с рядом проблем, препятствующих использованию данного института при рассмотрении гражданских и административных дел в полную меру.

Во-первых, малое количество утвержденных судебных примирителей в Нижегородской области (из судей судов общей юрисдикции только двое), что делает затруднительным привлечение указанных лиц к осуществлению процедуры судебного примирения в случае отказа кого-то из них вступить в процесс по состоянию здоровья или по иным причинам. Согласимся с мнением Доловой М.О. и Багрянской П.Д., что на сегодняшний день утвержденный список судебных примирителей никак не коррелирует с количеством судов общей юрисдикции и арбитражных судов [2].

Во-вторых, удаленность проживания утвержденных судебных примирителей от места нахождения Городецкого городского суда Нижегородской области.

Разрешение указанных проблемных вопросов было бы возможным при увеличении количества судебных примирителей, действующих на территории Нижегородской области, и утверждение в качестве судебных примирителей кандидатов из числа судей, пребывающих в отставке, проживающих в непосредственной близости от соответствующего судебного района либо нескольких судебных районов.

Анализ рассмотренных дел с участием судебного примирителя позволяет сделать вывод о том, что данная процедура может применяться судом по разным категориям споров, позволяет разрешить затяжные конфликты между сторонами и избежать длительных судебных процедур, связанных с обжалованием судебных актов и их последующим исполнением.

Несмотря на кажущуюся сложность, процедура судебного примирения является эффективной и становится востребованной, что свидетельствует о необходимости расширения применения института судебного примирения при разрешении гражданских и административных споров, особенно относящихся к категории социально значимых.

Список источников

1. Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25.05.2021 г. // Сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42229>.

2. Долова М.О., Багрянская П.Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104–119.

3. Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. № 9. С. 24–30.

4. Наумова Е.А. Возможности примирения сторон в новых правилах судопроизводства по гражданским делам и делам, возникающим из публичных правоотношений // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 2. С. 35–39.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей». Документ опубликован не был [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/search/>.

7. Постановление Правительства РФ от 14.04.2020 г. № 504 «Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей» // Сборник законодательства РФ. 2020. № 16. Ст. 2614.

8. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Сборник законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4099.

Дудукина Т. Г.,

кандидат юридических наук,

судья Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

Аннотация. Автор раскрывает правовую природу, цели и задачи подготовительной части судебного разбирательства по гражданскому делу, предмет и пределы доказывания, процессуальные действия сторон и суда по формированию условий для разрешения дела по существу.

Ключевые слова: гражданский процесс; стадии судебного заседания; подготовительная часть.

Подготовка дела к рассмотрению его судом по существу происходит во всех досудебных стадиях, а также в стадии подготовки к судебному разбирательству. Под подготовительной частью судебного заседания следует понимать начальную часть судебного заседания, в которой суд

с участием сторон и других участников процесса проводит ряд важных процессуальных действий с момента открытия судебного заседания и до окончания рассмотрения дела по существу.

Необходимость существования данного этапа судебного процесса определяется закономерностями рассмотрения дела по существу. Совершенно очевидно, что суд не может сразу после открытия судебного заседания приступить к существу дела – расследованию фактических обстоятельств, составляющих основу судебного спора. Предварительно он должен осуществить совокупность процессуальных действий, которые объединены одной целью – проверить и установить, имеются ли все необходимые условия, созданы ли все предпосылки для того, чтобы полно и качественно провести судебное следствие и только потом вынести по делу правосудное решение.

Цель подготовительной стадии судебного заседания состоит в том, чтобы обеспечить достижение истины по делу. Задачи данного этапа производства по делу в суде таковы: 1) совершение процессуальных действий, направленных на защиту прав и законных интересов участников гражданского процесса; 2) подготовка условий для представления и исследования доказательств на судебном следствии; 3) принятие мер по устранению препятствий для дальнейшего рассмотрения гражданского дела; 4) совершение процессуальных действий, необходимых для формирования начала судебного разбирательства по делу; 5) выяснение новых обстоятельств по делу, имеющих значение для последующего доказывания предмета судебного спора.

Подготовительная часть судебного заседания в том виде, в котором она определена вышеприведенными правовыми нормами, имеет место в трех стадиях: судебном разбирательстве, предварительном судебном заседании и апелляционном производстве. Между тем, любая судебная процедура, предусмотренная ГПК РФ, не может обойтись без такой ее составной части как начальная – подготовительная.

Правила, объединенные в ст. ст. 160–171 ГПК РФ, образуют деятельность сторон и суда в начальной части судебного разбирательства дела по первой инстанции, предварительного слушания. Нормы, регулирующие подготовительную часть судебного заседания, органически и тесно взаимосвязаны и обеспечивают вместе с другими процессуальными правилами вынесение судом законного и обоснованного решения.

Суд вправе проводить процессуальные действия, предусмотренные ст. ст. 160–171 ГПК РФ, в необходимом для нужд предстоящего судебного

го следствия объеме, в начале каждого судебного заседания, на всем протяжении судебного процесса.

В начальной стадии судебного разбирательства ряд процессуальных действий носят исключительно подготовительный характер в отношении судебного следствия. К этим действиям следует отнести такие, например, действия, как проверка явки сторон, свидетелей, экспертов, других участников процесса в судебное заседание. Далее к этим действиям можно отнести предупреждение свидетелей, экспертов об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, заключений, удаление свидетелей из зала судебного заседания, разъяснение процессуальных прав и обязанностей.

Вместе с тем в подготовительной части судебного заседания в принципиальном плане должен быть определен круг источников доказательств, с помощью которых будет устанавливаться предмет доказывания. Фактически в подготовительной части судебного заседания судебное доказывание уже начинается.

При обсуждении в подготовительной части судебного заседания ходатайств сторон о вызове новых свидетелей, при разрешении вопросов о возможности рассмотрения дела в отсутствие не явившихся участников процесса суд и стороны не могут не касаться в известной мере обстоятельств дела. Отмечая существенность или несущественность для дела показаний свидетелей, экспертов, специалистов, стороны не могут не коснуться оценки их показаний или заключений (экспертов, специалистов), полученных во время досудебного производства, в ходе рассмотрения дела по существу. Только такой разбор этого вопроса сторонами может убедить суд в возможности рассмотрения дела в отсутствие не явившихся свидетелей, экспертов, других участников процесса. Не затрагивая существа дела, нельзя правильно решить вопрос, о вызове свидетелей, экспертов, а также об истребовании, получении и приобщении к делу новых доказательств.

Доказательственный материал претерпевает известную предварительную подготовку, включая своего рода и сортировку и отсеивание, которая должна сделать его не только удобным к употреблению во время судебного следствия, но и заложить начало самому процессу использования доказательств на суде, как того требует ГПК РФ, в духе состязательности, с безусловным соблюдением прав сторон на возможность беспрепятственного представления своих доказательств и их исследования.

При этом, в подготовительной части судебного разбирательства суд и стороны работают с доказательствами не с точки зрения выявления их недостоверности или достоверности, а лишь с точки зрения допустимости и относимости их к данному делу, давая при этом ответ на вопрос, какое значение эти доказательства могут иметь для данного дела. В последующих частях стадии судебного разбирательства суд и стороны анализируют представленный фактический материал и оценивают его с точки зрения достоверности, убедительности, т.е. в конечном итоге пригодности для того, чтобы стать основанием для вынесения решения по делу. Вполне понятно поэтому, что анализ и оценка доказательств в подготовительной части судебного разбирательства преследует другие цели и задачи, чем анализ и оценка доказательств в последующих частях судебного разбирательства.

Проведение подготовительной части судебного заседания не должно толковаться в том смысле, что председательствующий судья довольствуется пассивным удостоверением явки участников в судебное заседание. В подготовительной части судебного заседания состязательность и равноправие сторон сочетаются с активностью суда.

Суд призван здесь решать вопросы правового характера, реализуя широкий круг дискреционных полномочий, что позволяет ему по своей инициативе совершать процессуальные действия для достижения целей правосудия. Не навязывая свою позицию сторонам, председательствующий обязан ставить перед ними вопросы для обсуждения, выработки мер по устранению выявившихся препятствий и добиваться взаимодействия, которое должно привести к принятию правильных решений.

В подготовительной части судебного заседания суд уполномочен войти в разрешение вопроса об удовлетворении ходатайства стороны, по которому ей ранее уже было отказано, при наличии на то оснований.

На данном этапе производства по делу сторона может поставить под сомнение то или иное доказательство, в виду его недопустимости, не относимости и заявить ходатайства по этому поводу.

В плане доказывания имеет значение действие суда по удалению из зала судебного заседания свидетелей. В подготовительной части судебного заседания председательствующий, судебный пристав обязан принять меры к тому, чтобы ожидающие вызова для дачи показаний свидетели, другие участники процесса не контактировали с допрошенными участниками процесса.

В подготовительной части судебного заседания могут приниматься решения определяющие дальнейшее движение дела: решение о приостановлении производства по делу, о передаче дела по подсудности, о прекращении производства по делу, оставлении заявления без рассмотрения.

Процессуальные действия, осуществляемые судом в этой части судебного разбирательства, являются не формальной процедурой, поскольку влияют на правильное рассмотрение дела по существу.

Если суд в подготовительной части судебного заседания неправильно разрешил вопрос об отводе судьи и рассмотрел дело в незаконном составе, то все его последующие действия, совершенные в точном соответствии с законом, не в состоянии уже устранить допущенное нарушение. В этом случае решение суда будет неизбежно отменено вышестоящим судом в связи с неправильным решением вопроса об отводе и самоотводе, как судьи, так и любого другого участника процесса, о котором говорится в Кодексе.

Далее, как бы тщательно и всесторонне не были допрошены явившиеся в суд свидетели и эксперты, специалисты, но если суд необоснованно отклонит ходатайство о дополнительном вызове свидетелей, истребовании доказательств или неправильно решит вопрос о рассмотрении дела в отсутствие неявившихся участников процесса, то совершенно очевидно, что судебное следствие будет проведено не полно, всесторонне и качественно. В подобном случае решение суда, как вынесенное на основании недостаточности доказательств, либо в отсутствие извещения лиц, участвующих в деле будет, безусловно отменено.

В равной мере, будет трудно обеспечить вынесение судом законного и обоснованного решения, если свидетели не предупреждены об уголовной ответственности за отказ от дачи и за дачу заведомо ложных показаний, если у них не отобрана подписка об этом, если они не были удалены из зала судебного заседания и не были приняты меры к недопущению общения допрошенных и недопрошенных свидетелей между собой. В этих условиях весьма трудно, а иногда невозможно получить достоверные, правдивые показания свидетелей, которые могли бы быть положены в основу судебного решения.

Следовательно, можно заключить, что строгое соблюдение всех требований процессуального закона, относящихся к подготовительной части судебного заседания, имеет весьма важное значение для правильного проведения судебного разбирательства в целом. Без соблюдения всех этих законодательных предписаний невозможно создать благоприятные условия для правильного разрешения и рассмотрения дела по существу.

Железнова Н. Д.,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доцент кафедры гражданского процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АПЕЛЛЯЦИОННОГО СУДА ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 16 ОТ 22 ИЮНЯ 2021 Г.
«О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ»**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы, возникающие в апелляционном производстве и влияющие на эффективность судебного разбирательства, в том числе вопросы, связанные с распределением апелляционных функций между судами первой и апелляционной инстанций и о расширении полномочий суда апелляционной инстанции.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; апелляционный суд; эффективность судебного разбирательства; постановление Пленума Верховного Суда РФ.

С 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], существенно изменивший гражданское процессуальное законодательство, в том числе институт апелляционного производства.

Многие положения закона направлены на решение проблем повышения эффективности правосудия по гражданским делам в судах апелляционной инстанции для достижения цели и разрешения задач, определенных процессуальным законом в отношении лиц, участвующих в деле.

Большая роль в данном вопросе отведена постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 22 июня 2021 г. «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» [6].

Важность указанного постановления не вызывает сомнений, поскольку он актуализировал судебную практику судов апелляционной

инстанции, наработанную с учетом процессуальной реформы, сохранив при этом преемственность подходов, принципов и базовых положений апелляционного производства по гражданским делам.

Председатель судебного состава Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ) Сергей Астахов, представляя в апреле 2021 г. на Пленуме проект постановления о нормах гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции, обратил внимание на то, что при его разработке учитывались не только требования процессуальной экономии и соблюдение разумных сроков рассмотрения гражданских дел, но и повышение эффективности судопроизводства и доступности судебной защиты [1].

В юридическом сообществе России постановление получило достаточно высокую оценку, его актуальность не вызывает сомнений, однако следует отметить, что оно, к сожалению, не решило всех давно возникших проблем в правоприменительной практике судов апелляционной инстанции по гражданским делам.

Так, одной из наиболее важных проблем является проблема распределения апелляционных функций между судами первой и апелляционной инстанций.

На данную проблему неоднократно обращали внимание, как теоретики права, так и практикующие юристы, но до настоящего времени она так и не нашла своего решения.

Законодатель не внес каких-либо новшеств в вопросе, связанном с возбуждением дела в суде апелляционной инстанции, поэтому остается открытым вопрос: кто же и каким образом возбуждает апелляционное производство: суд первой или второй инстанции. Нет соответствующих разъяснений и в исследуемом нами постановлении Пленума.

В п. 31 Постановления содержится только разъяснение о том, что судья суда апелляционной инстанции после поступления дела с апелляционными жалобой, представлением, поданными в установленный статьей 321 ГПК РФ срок и соответствующими требованиям статьи 322 ГПК РФ, принимает апелляционные жалобу, представление к производству суда апелляционной инстанции и проводит подготовку дела к судебному разбирательству.

С точки зрения законодателя суд апелляционной инстанции не выносит определений о возбуждении апелляционного производства. Видимо, это связано с тем, что начальный этап зарождения апелляционного

производства осуществляется судом первой инстанции, хотя на практике судьи апелляционной инстанции выносят определение о возбуждении апелляционного производства, что представляется весьма разумным с точки зрения положений ч. 4 ст. 1 ГПК РФ и ст. 261 АПК РФ.

В арбитражном судопроизводстве ситуация выглядит иным образом.

В АПК РФ конкретно указано, что суд второй инстанции выносит определение о принятии апелляционной жалобы к производству суда в течение 5 дней со дня получения. Именно суд апелляционной инстанции вправе решить вопрос об оставлении апелляционной жалобы без движения, либо о ее возвращении (ст. 261 АПК РФ).

Принимая во внимание, что одним из важных направлений повышения качества и эффективности правосудия в гражданском судопроизводстве является обеспечение единообразия судебной практики, учитывая стремление законодателя унифицировать нормы ГПК РФ и АПК РФ, положительный опыт работы арбитражных судов в части возбуждения апелляционного производства самим судом апелляционной инстанции, а не судом первой инстанции, как фактически имеет место, Пленуму Верховного Суда РФ следовало в новом постановлении дать соответствующие разъяснения относительно вынесения судом апелляционной инстанции определения о принятии апелляционной жалобы к производству суда и возбуждении апелляционного производства.

На наш взгляд, у данной проблемы есть прикладной аспект, поскольку наличие у суда первой инстанции функций суда второй инстанции, позволяет суду первой инстанции при получении апелляционных (частных) жалоб и представлений привлекать в процесс новых лиц, чьи права, по их утверждению, содержащемуся в апелляционной жалобе, нарушены обжалуемым судебным постановлением.

В данном случае не исключено нарушение срока рассмотрения апелляционных жалоб (определения) представления и соответственно даты вступления судебного постановления в законную силу, что не может не сказаться на эффективности судебного разбирательства, и не будет способствовать достижению цели и разрешению задач, определенных процессуальным законодательством в ст. 2 ГПК РФ по отношению к лицам, участвующих в деле.

В связи с этим заслуживает внимания точка зрения О.В. Баулина о том, что «единственной функцией суда первой инстанции при получении апелляционной (частной) жалобы или представления прокурора

должна быть функция направления дела с жалобой (представлением) в суд второй инстанции, поскольку нет ни теоретических оснований, ни логических предпосылок для передачи апелляционных функций, распорядительных полномочий в отношении жалобы суду первой инстанции» [2].

Не менее актуален вопрос относительно полномочий суда апелляционной инстанции о направлении дела в суд первой инстанции в случае существенного нарушения норм гражданского процессуального права, который фактически оставлен без внимания в новом постановлении Пленума ВС РФ, хотя решение данного вопроса, безусловно, имеет важное значение для повышения эффективности правосудия.

Статья 328 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень полномочий суда апелляционной инстанции, однако такое полномочие, как направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае отмены решения суда, в нем отсутствует.

Определенная попытка исправить положение сделана Пленумом ВС РФ в п.п. 53 и 54 постановления от 22.06.2021 г. №16, где в качестве исключения из общего правила указаны три случая направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции при отмене решения суда:

- если решение суда подлежит отмене ввиду нарушения судом первой инстанции правил подсудности (части 2, 21 статьи 33 ГПК РФ);

- если суд второй инстанции придет к выводу о том, что решение суда первой инстанции является незаконным и (или) необоснованным, поскольку принято только на основании признания иска ответчиком либо только в связи с истечением срока исковой давности или признанием неуважительными причин пропуска срока обращения в суд, без исследования и установления иных фактических обстоятельств дела (часть 4 1 статьи 198 ГПК РФ);

- если признаны обоснованными доводы апелляционных жалобы, представления о том, что дело, рассмотренное судом первой инстанции в порядке упрощенного производства, подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства, либо имелись основания для отмены решения, принятого в порядке упрощенного производства, предусмотренные ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

Вместе с тем, в постановлении не содержится каких-либо разъяснений относительно того, как поступить апелляционному суду, если дело было рассмотрено незаконным составом суда, в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим обра-

зом о времени и месте судебного заседания, если суд первой инстанции не привлек к участию в деле необходимых лиц, однако вынес решение, разрешив вопрос о их правах и обязанностях, а также, если имело место нарушения правил о ведении протокола судебного заседания в первой инстанции.

В указанных случаях, с точки зрения Пленума ВС РФ, видимо следует обратиться к ч. 5 ст. 330 ГПК РФ, которая при наличии вышеперечисленных нарушений обязывает суд второй инстанции перейти к рассмотрению дела по правилам полной апелляции, что, на наш взгляд, никоим образом не будет способствовать эффективности судебного рассмотрения дела, т.к. ограничит права лиц, обратившихся за судебной защитой, ибо эти лица будут лишены возможности пройти первую инстанцию, высказать свои доводы, представить необходимые доказательства, обжаловать решение в апелляционном порядке, т.е. будут ограничены в осуществлении своих процессуальных прав.

Следует отметить, что данная проблема отсутствует в административном судопроизводстве, где статьей 309 КАС РФ суду апелляционной инстанции предоставлено право отменить решение суда и направить административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае существенных нарушений норм процессуального права. В связи с этим представляется убедительной и не утратившая своей актуальности позиция А.С. Морозовой о том, что существенность нарушений основных положений процесса приводит к ничтожности производства в суде первой инстанции, потому исправить такие нарушения может только суд первой инстанции. Апелляционный суд в таком случае может лишь выявить такую судебную ошибку, но не вправе заменить собой суд первой инстанции [4].

Данная точка зрения согласуется с позицией Конституционного суда РФ, содержащейся в Постановлении от 21 апреля 2010 г. № 10-П, о том, что суд апелляционной инстанции правомочен отменить решение мирового судьи, который рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, и направить дело мировому судье на новое рассмотрение [5].

К сожалению, законодатель не учел позицию Конституционного суда РФ и не наделил суд второй инстанции таким полномочием, как направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Оставил без внимания данную проблему и Пленум Верховного Суда РФ, хотя, как показывают материалы судебной практики, суды апелляционной инстанции практикуют направление дел на новое рассмотрение в суд первой инстанции при наличии существенных нарушений норм процессуального права.

На наш взгляд, отсутствие соответствующих изменений в указанном вопросе, как со стороны законодателя, так и со стороны Верховного Суда РФ не будет способствовать эффективности правосудия в апелляционном производстве судов общей юрисдикции, поскольку не позволит в полной мере достичь цели и разрешить задачи, определенные ст. 2 ГПК РФ.

В конечном итоге это породит коллизии между правом и судебной практикой, что, по мнению многих правоведов, дискредитирует гражданское процессуальное законодательство[3].

Список источников

1. *Астаиов С.* Верховный Суд РФ впервые за 8 лет актуализировал апелляционную практику по гражданским делам [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/29847/.

2. *Баулин О.В.* Реформа апелляционного производства в гражданском процессе – нереализованная возможность [Электронный ресурс]. URL: https://advpalata.vrn.ru/blogi/reforma_apellyacionnogo_proizvodstva_v_grazhdanskom_processe_nerealizovannaya_vozmozhnost/.

3. *Коришунов Ю.А.* Апелляционное производство в российском гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-1/7-korshunov.pdf>.

4. *Морозова А.С.* Проблемы направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции апелляционным судом // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 113–116.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. №10-П. «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью "ТриК" и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 4.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 22 июня 2021 г. «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

7. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Кандалина А. Н.,
кандидат юридических наук,
судья Борского городского суда Нижегородской области,
г. Бор, Нижегородская область

**ГАРАНТИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА
«О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Аннотация. В условиях пандемии и экономической нестабильности проблемы защиты прав потребителей приобрели особую значимость, в связи с чем возникла необходимость в разработке новых механизмов противодействия возникающим рискам.

Ключевые слова: нарушение прав потребителей; судебная защита прав потребителей; досудебная претензия; практика рассмотрения споров о защите прав потребителей.

В своей повседневной жизни мы все приобретаем какие-либо товары, пользуемся теми или иными видами услуг. Приобретая товар или услугу, любой гражданин становится потребителем. Подчас гражданину самому трудно разобраться в многочисленных нормах и правилах, касающихся его прав как потребителя. Возникают многочисленные вопросы: кого закон считает потребителем, изготовителем, продавцом, что такое ненадлежащее качество товара, что такое недостаток в товаре, какой товар ненадлежащего качества можно заменить, к кому обращаться в случае покупки некачественного товара.

Законодательство России, защищающее права и интересы потребителей, еще достаточно молодо, но практика его применения в настоящее время уже достаточно велика. В связи с чем законодателями прилагаются заметные усилия для превращения этой области права из набора обещающих лозунгов в реальную, действующую силу.

Знание установленных правил позволяет потребителям избежать произвола со стороны продавцов товаров, а производителям предотвратить лишние затраты на возмещение убытков от проданной некачественной продукции.

Как известно, в России гарантии защиты прав потребителей прописаны в Гражданском кодексе Российской Федерации, Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» и других федеральных законах.

Также в некоторых случаях применяются нормы международного права – например, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств - участников СНГ в области защиты прав потребителей от 25 января 2000 года.

В соответствии со ст. 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Каждый человек, проживающий на территории Российской Федерации, безусловно, имеет право защищать свои интересы любым законным способом. К тому же у потребителей есть еще и защита государства: их интересы отстаивают Роспотребнадзор и специально ориентированные на это объединения.

В спорных ситуациях за защитой своих законных интересов потребители обращаются с иском в суд. Это одна из наиболее важных гарантий охраны его прав, поскольку суд независим и подчиняется только закону.

Необходимо отметить, что в отношениях с продавцами и исполнителями потребитель как бы является пострадавшей, слабой стороной, поэтому защиты и гарантий у него больше. Ведь он сам выбирает, в какой суд подавать иск, и к тому же освобождается от уплаты государственной пошлины.

Традиционно споры о защите прав потребителей имеют неизменно большой удельный вес в общем количестве дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции.

В 2020 году и в первой половине 2021 года Борским городским судом Нижегородской области рассмотрено 218 гражданских дел о защите прав потребителей, в т.ч. 165 дел рассмотрено с вынесением решения. Производство по 16 делам данной категории было прекращено в связи с отказом истца от иска и заключением мирового соглашения. Все гражданские дела возбуждались по искам самих потребителей, самостоятельно обратившихся в суд за защитой нарушенного, по их мнению, права.

Наибольшее количество решений за этот период времени было вынесено по искам, вытекающим из договоров в сфере услуг торговли, строительных и коммунальных услуг, договоров с финансово-кредитными учреждениями.

В последнее время часто имеют место обращения граждан в суд с требованиями о взыскании неустойки за нарушение сроков строительства и сдачи дома в эксплуатацию, а также связанные с договорами о долевом участии в строительстве жилых помещений.

Так, истец К.Е.А. обратилась в суд с иском к ООО «И» о взыскании неустойки в размере 102837 руб. 84 коп., компенсации морального вреда в размере 10000 руб., штрафа в размере 50% от суммы, присужденной судом.

В обоснование иска истец указала, что между ней и строительной компанией был заключен договор участия в долевом строительстве, в соответствии с которым ответчик обязался в предусмотренный договором срок построить с привлечением денежных средств участников долевого строительства многоквартирный дом.

Условия договора в части оплаты долевого взноса в размере 2508 240 руб. истцом исполнены в полном объеме. Просрочка исполнения по договору со стороны застройщика составила 82 дня. На дату 21 декабря 2018 года ставка рефинансирования Центрального Банка РФ составляет 7,5% годовых. Неустойка, которую ответчик обязан выплатить истце, составляет 102 837 руб. 84 коп.

Представитель ответчика иск не признал. При этом пояснил, что сроки сдачи дома действительно были нарушены. Связано это было с финансовым кризисом. В соответствии с законом, в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик выплачивает участнику долевого строительства неустойку.

Однако суд, исследовав все обстоятельства дела, признал несоразмерными последствия нарушения строительной организацией своего обязательства перед дольщиком, в связи с чем уменьшил размер неустойки до 90000 руб., а также взыскал компенсацию морального вреда в сумме 5000 руб. и штраф в размере 5000 руб.

Также имели место многочисленные обращения потребителей в Борский городской суд Нижегородской области с исками к застройщикам об устранении недостатков и понуждении их к выполнению работ по договору. Так, в 2020 году и за 6 месяцев 2021 года в Борский городской суд Нижегородской области поступило 46 таких исков, а именно: о безвозмездном устранении недостатков, взыскании неустойки, взыскании убытков, возмещении морального вреда, взыскании штрафа, продлении срока гарантии.

В процессе судебного разбирательства только в одном случае между сторонами была достигнута договоренность с ответчиком о добровольном разрешении спора и производство по делу прекращено, поскольку это не противоречило закону и не нарушало права и законные интересы других лиц. В остальных случаях судом было вынесено решение с удовлетворением полностью либо частично исковых требований истцов.

Актуальной в обществе на сегодняшний день остается тема, связанная с качеством оказания коммунальных услуг, правомерностью взыскания платежей и другими проблемами, вытекающими из жилищно-коммунального хозяйства. Граждане обращаются в суд за защитой своих прав потребителей в указанной сфере в связи с необоснованным и беспочвенным отключением газоснабжения, горячего водоснабжения, с требованиями о проведении капитального ремонта. В основном такие иски разрешаются до вынесения решения путем заключения мирового соглашения.

Заключая договоры купли-продажи мебели, установку окон, покупатели, предварительно оплачивая товар, рассчитывают на своевременную его доставку и установку, однако не всегда продавцы соблюдают установленные договором сроки. За один год и 6 месяцев Борским городским судом было рассмотрено 27 подобных исков.

События последних полутора лет, обусловленных пандемией (замедление международной торговли, увеличение сроков поставки товаров, закрытие границ и приостановка авиасообщения, продолжительная самоизоляция персонала сферы торговли и услуг, вынужденный простой бизнеса и т.д.), безусловно, повлекли за собой многочисленные негативные последствия для потребителей.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции, в условиях экономической нестабильности, проблемы защиты прав потребителей приобрели особую значимость. Поэтому, как показывает практика, возникла необходимость в разработке новых механизмов противодействия возникающим в связи с этим рискам.

Защита прав потребителей в Российской Федерации должна быть доступная, законодательно закреплённая и эффективная. Недаром на этом сделан акцент в Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 года № 1837-р.

Действующее законодательство не предусматривает зависимость уровня гарантий потребителям от внешних условий и не предполагает возможности снижения этого уровня в период пандемии. Напротив, в этот период государство старается обезопасить граждан от потенциальных рисков нарушения их прав и законных интересов, для чего вводит дополнительные механизмы, правда, некоторые из которых носят временный характер.

Сегодня российского туриста можно встретить в любом уголке земного шара. В туристическом бизнесе работают тысячи профессионалов и, казалось бы, настало время, когда любая, самая невероятная мечта может быть воплощена. Но приходит сезон отпусков, и вновь появляются исчезнувшие туристические фирмы, обманувшиеся в своих ожиданиях и потерявшие деньги туристы.

Потребители туристических услуг и услуг по авиаперевозке в период пандемии пострадали достаточно серьезно – забронированные ими туры были отменены, оплаченные средства размещения закрыты, а перелеты в зарубежные страны временно запрещены. Многие авиакомпании согласовали возврат денежных средств или гарантировали перенос бронирования на будущие даты, предоставляли бонусные мили или иные не денежные компенсации.

Надо отметить, что нередко в процессе исполнения данной услуги принимают участие несколько лиц. Тем не менее, ответственным перед потребителем, как правило, признается лишь один из субъектов.

Так, участниками отношений по туристическому обслуживанию выступают турагент, туроператор, владелец отеля или иного средства размещения, перевозчик, что обусловлено комплексным характером туристского продукта. При этом договор об оказании туристских услуг заказчик (потребитель) заключает с турагентом или туроператором.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» именно туроператор несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность перед туристом (заказчиком туристского продукта) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта, в т.ч. за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги. Иными словами, туроператор отвечает перед

туристом за действия (бездействие) всех третьих лиц, привлеченных к исполнению услуг, входящих в состав туристского продукта.

В 2020–2021 гг. девять раз потребители обращались в Борский городской суд Нижегородской области за защитой своих прав при ненадлежащем исполнении ответчиком обязанностей предоставления туристических услуг.

Так, гражданин З. обратился в суд с иском к ООО «Т» о взыскании оплаченных по договору об оказании туристских услуг денежных средств в размере 259800 руб.; взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 25.03.2020 г. по 30.04.2020 г. в размере 1561 руб. 64 коп.; взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 01.05.2020 г. по день фактического исполнения обязательства по оплате; взыскании компенсации морального вреда в размере 10000 руб.; штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу истца; взыскании судебных расходов на оплату юридических услуг по подготовке искового заявления в размере 5000 руб.

В обоснование иска истец указал, что 12 декабря 2019 года между ним и турагентом был заключен договор в соответствии с которым ответчик обязывался оказать истцу комплекс туристских услуг. Туроператором и исполнителем по договору является ООО «Т».

В соответствии с условиями договора истец оплатил стоимость услуг в полном объеме. В связи с эпидемиологической обстановкой в стране истец отказался от договора и потребовал возврата денежных средств, обратившись к турагенту, которым впоследствии указанное заявление было передано туроператору. Так как денежные средства на расчетный счет истца не поступили, истец обратился к туроператору с письменной претензией. Позже в адрес истца поступил ответ на претензию от ответчика с информацией о том, что тур был аннулирован с удержанием фактически понесенных расходов (ФПР).

На дату обращения с иском в суд денежные средства на расчетный счет истца не поступали, в связи с чем нарушены его права в соответствии со ст. 782 п. 1 ГК РФ, ст. 32 Закон РФ «О защите прав потребителей», в соответствии с которыми потребитель вправе расторгнуть договор об оказании услуги в любое время, уплатив исполнителю часть цены пропорционально части оказанной услуги до получения извещения о расторжении указанного договора.

Представитель ответчика, действующий в пределах полномочий по доверенности, с иском не согласен, представил суду письменный отзыв, согласно которому следует, что услуги туроператором по договору не были оказаны ввиду наступления обстоятельств, за которые ни одна из сторон не несет ответственности, носили чрезвычайный и не предотвратимый характер.

Анализируя установленные по делу обстоятельства, суд нашел требования истца подлежащими удовлетворению в части возврата уплаченной денежной суммы в размере 259800 руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами, исходя из следующего: как следует из статьи 14 ФЗ № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране (месте) временного пребывания туристов (экскурсантов) угрозы безопасности их жизни и здоровья, а равно опасности причинения вреда их имуществу, турист (экскурсант) и (или) туроператор (турагент) вправе потребовать в судебном порядке расторжения договора о реализации туристского продукта или его изменения. Наличие указанных обстоятельств подтверждается соответствующими решениями (рекомендациями) федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принимаемыми в соответствии с федеральными законами.

При расторжении договора о реализации туристского продукта в связи с наступлением обстоятельств, указанных в настоящей статье, туристу и (или) иному заказчику возвращается денежная сумма, равная общей цене туристского продукта, а после начала путешествия – ее часть в размере, пропорциональном стоимости не оказанных туристу услуг.

Решением Борского городского суда Нижегородской области иск 3. удовлетворен частично. С Общества с ограниченной ответственностью «Т» в пользу истца взысканы уплаченные денежные средства по договору на оказание туристских услуг от 12 декабря 2019 года в размере 259800 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами за период с 25 марта 2020 года по 12 ноября 2020 года в размере 7998 руб. 09 коп., расходы по составлению искового заявления 1000 руб., а всего 268798 руб. 09 коп. (двести шестьдесят восемь тысяч семьсот девяносто восемь рублей 09 копеек) с выплатой до 31 декабря 2021 года. В иске истцу о взыскании процентов, компенсации морального вреда в размере 15000 руб., штрафа, судебных расходов в размере 4000 руб. отказано.

Указанное решение суда сторонами в апелляционном порядке не обжаловалось.

В последние годы законодателем намечен курс на снижение количества судебных разбирательств по делам о защите прав потребителей. Для этого во многих сферах вводится досудебный порядок обжалования. Досудебному урегулированию споров способствует и обязательный претензионный порядок предъявления требований – он действует, например, в сфере связи, туристических услуг, в сфере перевозок, в связи с чем предполагается обязанность граждан перед обращением в суд направить поставщику услуги досудебную претензию.

В настоящее время судебная защита прав потребителей остается основным и эффективным механизмом защиты. В 2020–2021 гг. из 218 рассмотренных гражданских дел, решения об отказе в удовлетворении исковых требований были приняты только по 44 делам, что составляет 20% от общего количества рассмотренных дел данной категории. Это означает, что остальные 80% смогли в суде разрешить все спорные нюансы и защитить свои права.

Таким образом, анализируя рассмотренные Борским городским судом Нижегородской области гражданские дела, можно сделать вывод, что большая часть обращений потребителей за судебной защитой нарушенных прав является обоснованной и правомерной.

Отметим, что при удовлетворении требований потребителя в связи с нарушением его прав, которые не были удовлетворены в добровольном порядке, суд взыскивал с ответчика штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование истцом.

Приведенные цифры свидетельствуют не только о нарушениях закона и прав потребителей, допускаемых некоторыми организациями и предпринимателями в сфере торговли и оказания услуг, но и нежелании добровольно, без судебного решения восстанавливать их нарушенные права.

Вызывает сожаление то, что встретившись с некачественным товаром или недобросовестно выполненной услугой, потребитель чаще всего машет рукой на возможность отстоять свои права, то ли потому что связываться не хочется, то ли не верится, что от обманувших продавцов или поставщиков услуг можно чего-то добиться. Однако можно. И нужно. И вполне реально, ведь, как говорится: защита потребителей – дело рук самих потребителей.

Кравченко Е. Ю.,
кандидат юридических наук,
судья Кстовского городского суда Нижегородской области,
г. Кстово, Нижегородская область

ФЕНОМЕН «СУДЕБНОЙ ОШИБКИ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРИЧИНЫ, НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В рамках статьи освещается феномен «судебной ошибки» в гражданском судопроизводстве. Автор публикации демонстрирует основные причины, способствующие возникновению данного негативного явления. Предлагает меры по предупреждению судебных ошибок, в том числе путём совершенствования действующего законодательства, что способствует повышению эффективности гражданского процесса.

Ключевые слова: судебная ошибка; судья; реформа судебной системы; гражданское судопроизводство; права граждан; защита прав и свобод.

Ежегодно в российском государстве происходят различные преобразования и масштабные реформирования, которые автоматически затрагивают практически без исключения все сферы общественно-социальной жизни граждан. Ярким примером сказанного служит период, охватывающий 2019–2021 гг., когда пандемия новой коронавирусной инфекции поистине захватила все сферы жизни. Меняется экономика российского государства, осуществляется модернизация политики, культурной отрасли и отрасли образования.

Не менее заметны и преобразования в правовой области, где принимаются новые правовые акты, вносятся изменения в уже существующие с одной единой целью – совершенствование действующего законодательства и приведение его к международно-правовым стандартам.

Происходящие изменения, как уже было отмечено, затронули все сферы. Не явилась исключением и сфера отечественной судебной системы, которая, без какого-либо преувеличения, сегодня является ключевым структурным элементом демократического государства, каким является Российская Федерация. Современная судебная система должна быть максимально совершенной, поскольку от неё в прямой зависимости находится уровень доверия граждан к государственно-правовому аппарату в целом. Однако приходится констатировать, что уровень доверия сегодня

недостаточен, так как присутствует такое негативное явление как правовой нигилизм.

В этой связи, осуществляемое реформирование преследует цели борьбы и с данной проблемой. Конечно, говорить о достижении запланированных итогов реформы еще рано, но уже сейчас можно наблюдать положительную тенденцию и динамику, свидетельствующую о возрастании роли и значения российской судебной системы в целом и судов РФ, в которые за защитой своих законных прав, интересов и свобод обращается все больше граждан и организаций.

Каждый гражданин, который решил обратиться за разрешением своей проблемы (спора), отправляясь в суд, возлагает на правосудие большие надежды. Зачастую от разрешения такого спора зависит судьба человека, близких ему людей, его прав и интересов, его имущества. Доверяя порой самое дорогое, граждане предполагают, что осуществляемое правосудие непоколебимо, в высшей степени справедливо, принимаемые решения законны и безошибочны [6, с. 873]. Однако приходится констатировать и обратное явление: судебные ошибки случаются и на сегодняшний день.

Такой феномен, как «судебная ошибка», негативно сказывается на всём институте правосудия, понижая уровень доверия граждан к нему и провоцируя разрастание уже существующего правового нигилизма. Однако суть проблемы гораздо глубже, ведь допускаемые судьями ошибки способствуют нарушению прав человека, серьёзным образом ослабляют защиту конституционных прав и свобод граждан, например, при осуществлении контроля за деятельностью различных субъектов правоотношений. Судебные ошибки становятся преградой при разрешении возникающих в обществе правовых конфликтов, могут причинить моральный и материальный вред, последствия которого порой бывают просто невозможными. Такое явление несёт в себе массу негативных последствий, нарастающих как «снежный ком»: подрывается авторитет не только судебной и государственной власти, но и утрачиваются весьма важные рычаги обеспечения верховенства закона [2, с. 10], чего, как представляется, не должно быть в демократическом государстве.

Как любое явление, судебные ошибки имеют причины их возникновения. Анализ таких причин не менее важен, как и принятие мер к их устранению. Зная корень такого явления, появляются механизмы работы над их ликвидацией, что способствует их уменьшению и устранению впоследствии, автоматически повышая качество самого правосудия.

Осуществив исследование научно-правовых трудов по обозначенной проблематике, а также основываясь на собственном опыте, было установлено, что правоведа-цивилисты, процессуалисты и другие специалисты в области гражданско-правовой доктрины, к причинам совершения судебных ошибок относят самые разные факторы и обстоятельства.

Прежде всего, следует помнить о том, что человек – не робот, ему свойственно ошибаться. Любая человеческая деятельность может сопровождаться ошибками. Будь то врач, учитель, строитель или судья. Конечно, ошибки судей порой могут стоить судьбы человека, причинить его законным правам и интересам неизгладимый вред/ущерб, нанести ему особую душевную рану и причинить страдания (моральный вред). Особенно, если речь идёт об уголовном судопроизводстве, где приговоры, в основе которых лежит судебная ошибка, могут стоить человеческой жизни. Однако ошибочно мнение, согласно которому судебные ошибки, допущенные в гражданском судопроизводстве, менее опасны. Это не так. Их цена также может быть достаточно высока.

Среди наиболее распространённых причин совершения судьями ошибок следует относить также сложность находящихся в производстве судьи дел. Чрезмерная загруженность судебными делами также может впоследствии негативно сказаться на качестве рассмотрения дел. Большая нагрузка приводит к тому, что судья иногда вынужден рассматривать дела недостаточно качественно, а накопившаяся усталость может привести к невнимательности. Согласимся со словами Д.М. Масликова, который в ряд причин совершения судьями ошибок ставит и недобросовестное судейское отношение к осуществляемому правосудию, зачастую механическое восприятие конкретно-определённого дела [5, с. 28].

Нельзя исключать из перечня анализируемых причин также и неправильное применение норм материального права [1, с. 104], что также нередко встречается на практике. Речь, в частности, идёт о применении закона, не подлежащего применению или же неправильном истолковании правовой нормы (ч. 2 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ). Однако здесь следует оговориться, что ряд норм действующего отечественного законодательства может действительно нести неопределённый характер или нести нечёткую смысловую нагрузку, иметь двоякое толкование, нечёткую формулировку.

Например, вопросы, касающиеся восстановления срока для принятия наследства, восстановления срока исковой давности, срока подачи апелляционной жалобы по гражданскому делу – могут быть восстановле-

ны при наличии уважительных причин. Однако на вопрос о том, какие конкретно причины следует считать уважительными – действующее законодательство не даёт ответа. В результате чего, в каждой конкретной ситуации суд самостоятельно даёт оценку таким обстоятельствам и причинам, определяет возможность или же невозможность восстановления соответствующего срока. Как свидетельствует практика, по схожим категориям дел могут быть вынесены различные судебные решения в результате того, что один суд определённые обстоятельства признал уважительными, а другой нет.

Отсутствие необходимого профессионального судейского опыта также зачастую приводит к допущению ошибок. Нельзя исключить и те ошибки, которые порождаются личностными качествами самого судьи. Здесь речь идёт о добросовестном заблуждении, которое порой является первопричиной допущенной судьёй ошибки.

Как уже отмечалось, причин допущения судебных ошибок достаточно много, рассмотреть их все в рамках данной статьи достаточно проблематично. В связи с чем были обозначены, как представляется, наиболее распространённые и чаще всего встречающиеся в практической деятельности. Однако их наличие не означает фатальной неизбежности ошибок, допускаемых судьями. Судебные ошибки можно и нужно предотвращать. Для этого необходимо принятие предупредительных мер, реализация которых на практике значительно способствует повышению эффективности российского правосудия.

Считаем, что значительный положительный предупредительный эффект имеют разъяснения по тем или иным вопросам судебной практики, которые даёт Верховный Суд РФ в форме постановлений Пленума, а также в форме утверждаемых Президиумом этой высшей судебной инстанции страны различного рода информационных писем и обзоров судебной практики.

В рассматриваемом контексте важно также обратить внимание на ч. 2 ст. 20.1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [4], в которой законодатель регламентирует обязанность судьи повышать свою профессиональную квалификацию, говоря о том, что «повышение квалификации судей федеральных судов осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в три года...». Учитывая современные реалии, динамично меняющееся законодательство, процесс цифровизации правосудия – такая установленная законодателем периодичность повышения судейской квалификации представляется

недостаточной. В этой связи считаем, что повышение квалификации судей должно осуществляться не реже, чем один раз в два года, что предопределяет потребность во внесении соответствующих изменений в ч. 2 ст. 20.1 указанного нормативно-правового акта.

Учитывая принцип гласности и открытости судебной системы, видится весьма положительным распространение практики обмена судейскими мнениями, обсуждения судебной практики по тем или иным делам в рамках круглых судейских столов, всероссийских межведомственных научно-практических конференций, в рамках которых судьи могли бы повышать свой профессиональный уровень, делиться ценным опытом, обсуждать актуальные и остро стоящие проблемы, разрабатывать пути и меры по их разрешению.

Уверены, что обозначенные в представленном контексте предложения способствуют минимизации случаев судебных ошибок. Более совершенная система правосудия способствует повышению уровня доверия российских граждан к данному институту. В целом произойдёт повышение эффективности и результативности гражданского судопроизводства, в ходе которого надлежащим и справедливым образом будут разрешаться споры, защищаться гражданские права и свободы.

Список источников

1. *Алейников Б.Н., Алейникова А.Б., Кустова В.А.* К вопросу о причинах судебных ошибок // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., посв. 25-летию судебной реформы в Российской Федерации. 2017. С. 104–107.

2. *Голубева М.Л.* Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 250 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 170. 29 июля.

5. *Масликов Д.М.* Понятие гражданской ошибки в судебном процессе // Державинский форум. 2018. № 6. С. 28–35.

6. *Нецветова И.В.* Проблемы процессуального положения отдельных должностей аппаратов районных (городских) судов // Журнал «Молодой учёный». 2015. № 9. С. 873.

Несвит Е. А.,

кандидат юридических наук, доцент,

*мировой судья судебного участка № 1 Краснобаковского судебного района Нижегородской области,
пгт. Красные Баки, Нижегородская область*

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В контексте развития гарантий защиты прав и законных интересов гражданина-должника проанализировано приказное производство по гражданским и административным делам, рассматриваемым мировыми судьями. Внимание акцентировано на вопросах извещения должника о начале приказного производства – посредством направления взыскателем ему копии заявления о вынесении судебного приказа; о невозможности взыскания в приказном производстве судебных расходов (помимо государственной пошлины); о размещении текста судебного приказа на официальном сайте мирового суда в сети Интернет.

Ключевые слова: судебный приказ; гражданское судопроизводство; должник; права человека; судебные расходы; извещение.

Конституция Российской Федерации выделяет идею защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве приоритетного направления деятельности государства. Защита прав человека обеспечивается правосудием, осуществляемым только судом.

Одной из форм осуществления гражданского и административного судопроизводства выступает производство по вынесению судебного приказа. Аналогии приказного производства имелись в древнеримском праве, российском праве, начиная с XV века, достаточно давно присутствуют в праве европейских государств.

Несмотря на неоднозначные оценки приказного производства со стороны теоретиков [1, с. 178; 2; 9; 17, с. 37–38; 19], в условиях постоянного роста количества рассматриваемых судами дел, последнее выступает одной из наиболее востребованных форм осуществления судопроизводства, обеспечивающих значительную экономию ограниченных ресурсов государства, граждан и организаций.

Судебная статистика свидетельствует, что доля дел, разрешаемых судом в порядке приказного производства, неустанно растет¹, а перечень

---

¹ Согласно отчетам о работе судов общей юрисдикции за 2017, 2018, 2019 годы, размещённым на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети Интернет (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>), доля гражданских дел, рассмотренных в порядке приказного производства, составляет 67%, 73% и 77 % соответственно.

таких категорий со временем расширяется¹. При этом отменяется от 10% до 15% вынесенных судебных приказов.

Практическая востребованность приказного производства в гражданском и административном процессе предопределена необходимостью снижения нагрузки на судей, ускорением разрешения несложных типовых дел, экономией денег и трудозатрат взыскателей.

Вопросам приказного производства в современной России посвящены две кандидатские диссертации – Черемина М.А. и Шадловской О.В., а также, частично, докторская диссертация Громошиной Н.А. Наряду с этим, вопросам приказного производства уделено внимание в монографиях (Жилин Г.А.), научных статьях и учебной литературе.

В представленной работе приказное производство исследуется в части гражданских и административных дел, рассматриваемых мировыми судьями, и с точки зрения защиты прав гражданина-должника, на что в имеющихся работах обращено внимание лишь фрагментарно.

Целью работы выступает анализ современного законодательного регулирования приказного производства по гражданским и административным делам, рассматриваемым мировыми судьями, и судебной практики, поиск резервов для развития правозащитного потенциала приказного производства.

Как показывает судебная статистика и свидетельствует личный опыт, преимущественное количество судебных приказов мировыми судьями вынесено:

- по заявлениям финансовых организаций и их правопреемников – о взыскании долгов с граждан по договорам займа/кредита (гражданское судопроизводство);
- по заявлениям организаций, оказывающих коммунальные услуги – о взыскании с граждан задолженности за оказанные коммунальные услуги (гражданское судопроизводство);
- по заявлениям налоговых органов – о взыскании с граждан обязательных платежей и санкций (административное судопроизводство).

Приказное производство характеризуется рядом особенностей, среди которых можно выделить вынесение судебного приказа без ведома гражданина-должника.

---

¹ На момент появления приказного производства в ГПК РСФСР в приказном порядке подлежало рассмотрению 6 категорий дел, а по состоянию на конец 2020 года – таких категорий в ГПК РФ и КАС РФ уже 10.

Несмотря на то, что указанная особенность приказного производства компенсируется возможностью отмены судебного приказа по инициативе должника по формальному основанию и в упрощенном порядке, вопрос о защите прав гражданина-должника в ходе приказного производства не теряет своей актуальности.

Реформа процессуального законодательства, связанная с началом деятельности апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, привела к возложению на гражданских истцов обязанности направлять другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложений к нему документов.

Приказное производство в административном и арбитражном процессах содержит аналогичные требования в отношении приказного производства.

Несмотря на единую правовую природу приказного производства и проведенную реформу, приказное производство в гражданском процессе не требует от взыскателя направления должнику копии заявления о вынесении судебного приказа.

Как отмечают Соловьев А.А. и Огнева К.О. [18], направление должнику копии заявления о вынесении судебного приказа в административном судопроизводстве является ключевой гарантией соблюдения прав должника в приказном производстве. До вынесения судебного приказа он вправе заявить необходимые возражения, что позволит, в свою очередь, суду прийти к выводу о небесспорности заявленных требований.

Полагаю, что этот вопрос актуален и для приказного производства в гражданском процессе. Анализ действующего законодательства не позволяет найти разумных объяснений для усечения гарантий соблюдения прав должника в приказном производстве по гражданским делам.

Более того, сложившаяся ситуация вступает в противоречие с Концепцией единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7], согласно которой унификация процессуального законодательства в новом едином ГПК РФ призвана: устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права (гражданский и арбитражный процесс) с учетом Кодекса административного судопроизводства; сохранить наиболее удачные наработки существующих как АПК и ГПК, распространив их на весь гражданский процесс.

Отсутствие прямого законодательного предписания не лишает суды права применения гражданского процессуального законодательства

по аналогии с ч. 1 ст. 229.4, ч. 4 ст. 229.3 АПК РФ, что допускается частью 4 статьи 1 и частью 3 ст. 11 ГПК РФ.

На необходимость применения гражданского законодательства по аналогии в приказном производстве указывает и Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 27.12.2016 N 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» [13]. Из абз. 2 п. 19, абз. 5 п. 28 указанного постановления следует необходимость применения мировыми судьями положений АПК по аналогии.

Применение закона по аналогии либо на основании сложившейся на уровне высших судебных инстанций судебной практики, является временным средством преодоления пробелов и коллизий в праве. При этом основным средством их устранения выступает внесение изменений и дополнений в законодательство.

В связи с изложенным полагаю обоснованным и востребованным дополнение ч. 3 ст. 124 ГПК РФ третьим предложением, закрепляющим обязанность взыскателя при подаче в суд заявления о вынесении судебного приказа прикладывать к нему уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление взыскателем должнику копии заявления о выдаче судебного приказа. Это позволит суду возвращать взыскателю заявление о вынесении судебного приказа на основании п. 3 ч. 1 ст. 125 ГПК РФ.

Соответствующее решение позволит избежать излишних дискуссий в рассматриваемом вопросе и повысить уровень защиты прав граждан-должников в приказном производстве по гражданским делам.

Насущным и дискуссионным видится вопрос о взыскании в приказном производстве с должника издержек, связанных с рассмотрением дела в виде расходов на юридические услуги.

В юридической литературе [4; 5; 6; 8; 15] неоднократно предлагались варианты для взыскания издержек, связанных с рассмотрением дела: взыскание непосредственно судебным приказом либо вынесением отдельного судебного акта в порядке ст. 201 ГПК РФ [14; 16].

Полагаю, что удовлетворение подобного рода требований в той либо иной процессуальной форме не соответствует закону и сложившейся судебной практике.

Так, ст. 127 ГПК РФ допускает в приказном производстве из судебных расходов взыскать только госпошлину.

Соответствующая позиция нашла свое подтверждение в судебной практике. Это отражено в определении Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 378-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [11] и Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) [10].

Наряду с этим из п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [12] следует, что судебные издержки могут быть распределены между сторонами лишь в случае рассмотрения материально-правового спора, который в делах приказного производства исключается.

Таким образом, требования взыскателя о взыскании с должника в приказном производстве издержек, связанных с рассмотрением дела не соответствует требованиям закона и сформировавшейся на уровне высших судебных инстанций судебной практике. Изложенное, однако, не препятствует взысканию таких издержек в качестве убытков – на основании ст. 15 ГК РФ.

В рамках темы о правозащитном потенциале приказного производства считаю необходимым затронуть вопрос об извещении должника о вынесенном судебном приказе. Как отмечает профессор Дегтярев С.Л. [3], надлежащее вручение копии приказа должнику – ахиллесова пята приказного производства.

Этот вопрос важен также в силу того, что от даты получения копии судебного приказа (гражданское судопроизводство), от даты направления копии судебного приказа должнику (административное судопроизводство) начинается течь срок на подачу возражений, по истечении которого судебный приказ вступает в законную силу.

Значительная часть копий судебных приказов не доходит до должников по причинам, не зависящим от суда. Указанное обстоятельство в силу положений ст. 165.1 ГК РФ не исключает вступления судебных приказов в законную силу.

Вступление судебного приказа в законную силу при таких обстоятельствах существенно ограничивает право должника-гражданина на защиту, лишая его права своевременно поставить вопрос об отмене судебного приказа (при несогласии с ним).

В этой связи внимания заслуживает абз. 3 ч. 3 ст. 229.5 АПК РФ, предусматривающий размещение текста судебного приказа на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего дня после дня его вынесения.

Учитывая концепцию единого Гражданского процессуального кодекса [7], указание Верховным Судом РФ на необходимость применения мировыми судьями аналогии с АПК РФ [13], принимая во внимание необходимость развития гарантий защиты прав граждан в сфере судопроизводства, цифровизацию правосудия, видится обоснованным внесение изменений в действующее законодательство (ст. 123.5 КАС РФ, ст. 128 ГПК РФ, п. 8 ч. 5 ст. 15 федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации») в части обязательности размещения судебных приказов, вынесенных мировыми судьями в гражданском и административном судопроизводстве на официальных сайтах судебных участков мировых судей в сети Интернет.

Изложенные предложения представляют собой авторское видение вопроса о развитии законодательства о приказном производстве по гражданским и административным делам у мировых судей в ключе повышения гарантий защиты прав граждан-должников. Не претендуя на исключительную новизну и обязательность внедрения предложений допускаю, что отдельные положения носят дискуссионный характер, в силу чего рассчитываю на побуждение интереса к затронутой теме и отзывы заинтересовавшихся.

Список источников

1. Гражданское процессуальное право России : учебник / отв. ред. М.С. Шакарян. М. : Былина, 1996. 400 с.
2. *Громошина Н.А.* Приказное производство как инструмент оптимизации гражданского процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 93–96.
3. *Дегтярев С.Л.* Негативные последствия реализации принципа процессуальной экономии посредством «расширения» современного приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 57–60.
4. *Дружинина Ю.Ф., Трезубов Е.С.* О проблеме распределения судебных расходов в приказном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 91–106.
5. *Дубровин В.В.* Возмещение судебных издержек в приказном производстве у мирового судьи // Мировой судья. 2018. № 6. С. 35–40.

6. *Зайков Д.Е.* Проблемы взыскания судебных издержек в приказном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11. С. 29–33.

7. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.07.2021).

8. *Кузнецова Е.Х.* Взыскание судебных расходов в рамках приказного производства // Мировой судья. 2018. № 6. С. 30–34.

9. *Мурадыян Э.М.* Гражданское судопроизводство // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 648–682.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018: разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5/6.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 N 378-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28022017-n-378-o/> (дата обращения: 26.07.2021).

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (п. 18-19) // Российская газета. 2016. № 43. 1 марта.

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» [Электронный ресурс]. URL: www.vsrif.ru (дата обращения: 26.07.2021).

14. *Раздьяконов Е.С.* К вопросу о приказном производстве в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 31–36.

15. *Раздьяконов Е.С.* Судебные расходы в приказном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 7. С. 7–11.

16. *Решетникова И.В.* Новации в правовом регулировании упрощенного и приказного производства в арбитражном процессе // Закон. 2016. № 9. С. 100–106.

17. *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 782 с.

18. *Соловьев А.А., Огнева К.О.* Приказное производство по делам о взыскании обязательных платежей и санкций: новеллы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 1–13.

19. *Туманов Д.А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

Шевченко О. А.,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры конституционного и муниципального права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
мировой судья судебного участка № 1 Нижегородского судебного района
г. Нижнего Новгорода*

ИНСТИТУТ ТАЙНЫ СОВЕЩАНИЯ СУДЬИ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Аннотация. В статье анализируются пробелы правового регулирования института тайны совещания судей в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении. В данной статье автор приходит к выводу о необходимости законодательно закрепить формирование судебного акта по делу об административном правонарушении в совещательной комнате.

Ключевые слова: рассмотрение дела об административном правонарушении; тайна совещания судей; совещательная комната; принцип независимости судей.

На современном этапе развития общества прослеживается тенденция развития института тайны совещания судей, который известен уголовно-процессуальному, гражданско-процессуальному, арбитражно-процессуальному праву России, а также Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации. Действующим процессуальным законодательством предписана обязанность суда принимать судебное решение в специальной для этого совещательной комнате, где могут присутствовать исключительно судьи, входящие в состав суда.

Однако до сих пор нормативно-правовая возможность удаления в совещательную комнату в ходе судебного разбирательства при рассмотрении дела об административном правонарушении Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации не закреплена.

Отметим и тот факт, что обсуждение в научных и правоприменительных кругах правила о тайне совещательной комнаты довольно консервативно, и традиционным является то, что институт тайны совещания судей – одна из основополагающих гарантий независимости судей и служит обеспечению его законности и обоснованности (ст.ст. 297, 298 УПК РФ, ст.ст. 175, 176 КАС РФ) [6; 3].

Вместе с тем тайна совещания судей распространяется не только на момент принятия решения, но и действует после этого. Так, например, судьи арбитражного суда не вправе сообщать кому бы то ни было свиде-

ния о содержании обсуждения при принятии судебного акта, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, и иным способом раскрывать тайну совещания судей [1].

Существует и обратная позиция, в которой вопрос о практической целесообразности сохранения института тайны совещания судьи сомнителен. Так, по мнению А.Т. Боннер, единоличному судье совещательная комната абсолютна не нужна, учитывая, что по результатам рассмотрения дела судьи часто ограничиваются только принятием и оглашением резолютивной части решения, для составления которой нет необходимости удаляться в совещательную комнату [2].

Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением некоторых ученых в том, что роль рассматриваемого института преувеличена. По нашему мнению, совещательная комната сторонами процесса воспринимается как один из непеременных атрибутов судебной власти и отсутствие возможности тайно совещаться способно нивелировать саму идею суда.

Следовательно, принятие судом постановления по делу об административном правонарушении без удаления в совещательную комнату ведет к примитивному тренду упрощения судопроизводства и может способствовать принятию несправедливого решения.

Кроме того, нарушение тайны совещания судей, в соответствии с положениями уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального законодательства, а также Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, как посторонними лицами, так и самим судьей, признается законодателем существенным нарушением и служит основанием для отмены или изменения вынесенного процессуального решения в вышестоящих инстанциях.

Суду, всем иным участникам процесса для достижения истинных целей правосудия законом предоставляются определенные процессуальные права с возложением на них соответствующих процессуальных обязанностей, которые воплощаются именно в ходе производства по делам об административных правонарушениях. При этом отсутствие в Кодексе РФ об административных правонарушениях принципа совещания судей свидетельствует об отдельных пробелах правового регулирования.

В этой связи особый интерес представляет собой судебная практика, которая каким-либо образом затрагивала вопрос о совещательной комнате в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении.

Так, согласно выводам кассационной инстанции – процессуальные нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не обязывают судью удалиться в совещательную комнату для вынесения постановления и не предусматривают требования о тайне совещательной комнаты при производстве по делам об административных правонарушениях [5].

Вместе с тем, иной суд постановил, что «несмотря на то, что нормы КоАП Российской Федерации прямо не предусмотрено удаление судьи в совещательную комнату для вынесения решения, решение, равно как и постановление по делу об административном правонарушении, выносятся в совещательной комнате и в дальнейшем оглашается исходя из общеправовых принципов. Кроме того, удаление в совещательную комнату также продиктовано и необходимостью временных затрат для изготовления судебного акта» [4].

Приведенные судебные суждения наглядно демонстрируют имеющиеся взаимоисключающие аспекты по вопросу совещательной комнаты. Заметно, что отсутствие детального законодательного регулирования приводит к парадоксальной ситуации, когда противоположное поведение правоприменителя при схожих обстоятельствах является приемлемым и не рассматривается как нарушение норм права и, соответственно, чьих-либо прав.

На наш взгляд, для исключения явных противоречий предлагается законодательно закрепить формирование судебного акта по делу об административном правонарушении в совещательной комнате. Смысл данного правила можно объяснить тем обстоятельством, что судье необходимо время для оценки представленных доказательств, обдумывания решения по делу об административном правонарушении и, наконец, время на формирование внутреннего убеждения, которое может сложиться лишь при удалении в совещательную комнату для вынесения соответствующего постановления. При этом тайна совещания обеспечивает возможность принять решение вне постороннего воздействия.

Неясным представляется вопрос о том, какое количество времени необходимо судье для формирования внутреннего убеждения. Вместе с тем закрепление в нормативном акте формулировки о разумности времени нахождения в совещательной комнате в целях обеспечения законного вынесения процессуального решения может разрешить данную проблему.

Таким образом, тайна совещания судей, реализуемая в совещательной комнате, имеет большое правовое значение, представляет собой гарантию соблюдения ведущего основного начала производства по делу об административном правонарушении – принципа независимости судей при отправлении правосудия.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. *Боннер А.Т.* Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Проблемы применения. М. : ЛексЭст, 2005. С. 50.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Постановление Московского городского суда от 3 ноября 2011 г. по делу № 4а-2362/11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=84785#k4tSKrSsZWhUJsys1>.

5. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.05.2020 № 16-942/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=26840#OwSTKrSb0JbDU4GP>.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

РАЗДЕЛ IV.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РФ

Агеев А. Н.,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ О ПРИНЦИПЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению влияния новых технологий и пандемии коронавирусной инфекции на обеспечение принципа непосредственности в уголовном судопроизводстве. Осуществление дистанционных технологий в уголовном процессе ведёт к определённым ограничениям принципа непосредственности на основании ведомственных актов. Автор делает вывод, что любое ограничение принципа непосредственности следует допускать только в исключительных ситуациях, закрепляемых только в отраслевом федеральном законе.

Ключевые слова: принцип непосредственности; уголовное судопроизводство; цифровизация; дистанционные технологии; участники процесса.

Выдающийся немецкий ученый и правовед С. Маас (S. Maas) выделил 1907 году непосредственность в качестве самостоятельного принципа. В своей работе «Der Grundsatz der Unmittelbarkeit in der Reichsstrafprozessordnung», посвященной данному принципу, писал, что непосредственность, которая уменьшает риск деформации переданной информации и укрепляет прямую связь между доказательствами и судьей (лицом, рассматривающим дело), состоит из двух следующих элементов:

1. Непосредственность постижения факта, которая означает, что судья должен находиться в прямой связи с фактами дела.
2. Непосредственность процесса, которая означает, что судья должен непосредственно слышать и видеть участников судебного разбирательства и доказательства [7, с. 9].

С нашей точки зрения эти выводы актуальны, т.е. должны соблюдаться и в нашу «кибернетическую эпоху» в период подавляющей цифровой революции во всех сферах общественных отношений, в российском праве и судопроизводстве, возможно с определёнными исключениями, установленными законом.

Под принципом непосредственности понимается такое общее правило исследования доказательств в судебном разбирательстве согласно которому суд, рассматривающий уголовное дело, обязан в судебном заседании лично ознакомиться с доказательствами, на основании которых он будет разрешать это дело по существу, и воспринять содержащиеся в них сведения об исследуемых фактах непосредственно из первоисточников этих сведений.

Принцип непосредственности, его последовательная реализация в судебном разбирательстве, прежде всего, обеспечивают устранение искажений при получении судом необходимых для разрешения дела сведений и формирование у судей твердого и обоснованного внутреннего убеждения по вопросу о виновности подсудимого и установлении других исследуемых по делу фактов.

Однако даже поверхностное исследование УПК РФ показывает, что законодательная разработка принципа непосредственности как понятия в уголовном процессе РФ минимальна и неполноценна. Как гласит ч. 1 ст. 240 УПК РФ: «В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X (Особый порядок судебного разбирательства)». Принцип непосредственности исследования доказательств в ч.1 ст. 240 УПК РФ объективно не раскрыт [6, с. 240].

Учитывая теоретическую сущность принципа непосредственности, его ограничение следует допускать только в исключительных случаях, закрепленных в законе и обосновываемых, как правило, невозможностью реализации этого начала в определенных ситуациях.

Между тем современный УПК РФ допускает такие ограничения в целом ряде случаев, не все из которых можно достаточно обоснованно считать исключительными.

Однако в российской научной доктрине уголовного судопроизводства данный принцип понимается как требование обязательного представления и исследования в суде доступных первичных источников доказательственной информации об обстоятельствах преступления или его отсутствия. Первичным источником доказательств считается не только

подлинник документа или оригинальный материальный объект, но и лицо, составившее документ, давшее показание, закреплённое в документе или представившее материальный объект соответствующему уполномоченному должностному лицу, и лишь при обусловленном законом отсутствии такого лица может быть принят в качестве доказательства соответствующие документ и материальный объект.

Принцип непосредственности при анализе российским судом доказательств по уголовному делу входит с систему фундаментальных гарантий, обеспечивающих установление в ходе судебного процесса объективных фактических обстоятельств по делу. Но, как и любой другой принцип судопроизводства, указанный принцип не может быть эффективно-положительным, когда он применяется в отрыве от других обязательных принципов демократического уголовного судопроизводства РФ, закреплённых в Конституции РФ [1, с. 118] и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) [6, с. 6].

Данное утверждение даёт повод коррелировать сам процессуальный принцип непосредственности (ст. 240 УПК РФ) с другими составляющими фундамент исследования доказательств в уголовном суде: устностью, идёт в неразрывной связке (ст. 240 УПК РФ), законностью (ст. 7 УПК РФ), состязательностью сторон (ст. 15 УПК РФ), свободой оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), гласностью (открытостью) (ст. 241 УПК РФ), равенством прав сторон уголовного судопроизводства (ст. 244 УПК РФ) [6, с. 244] – и одновременно даёт шанс комплексно трансформировать принципы уголовной процедуры, развивая старые или моделируя новые правовые нормы в рамках всепроникающей цифровизации и возникающих общественных кризисов, которые настойчиво диктуют необходимость, как считают авторы, точного формулирования в законе закреплённых принципов и правового закрепления новых, например, принципа процессуальной экономии.

Несмотря на то, что принципы уголовного процесса российским законодателем закреплены не только в статьях главы 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ [6, с. 6], но и в других статьях различных глав процессуального закона, авторы считают, что все эти принципы относимы ко всем стадиям уголовного судопроизводства, обратное бы разрушало единство различных процессуальных процедур.

Основываясь на этом тезисе, можно определить сущность принципа непосредственности, который в значительной степени определяется методиками установления действительной материальной реальности (исти-

ны) по уголовному делу, составляющими основу уголовного процесса РФ, на двух разных, но взаимозависимых его частях – досудебным и судебным производством, со своими необходимыми последовательными стадиями. Например, это индивидуальное восприятие судьёй, прокурором, следователем, дознавателем, проверяющим, расследующим, рассматривающим или разрешающим дело по существу, всех доказательств, представленных на досудебное и судебное разбирательства, привлечение к участию в досудебном и судебном разбирательствах участников уголовного судопроизводства, подтверждающих или опровергающих относящиеся к делу доказательства, и обязанность судьи, прокурора, следователя, дознавателя изучить объективные факты, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию, являются обязательными правилами исследования доказательств в досудебном и судебном разбирательствах.

Безусловно, из этих процедур и методик есть некоторые исключения, которые чётко закреплены в действующем УПК РФ. Однако некоторые критики выступают за отмену исключений, предусмотренных разделом X УПК РФ. Так, А.В. Пиюк пишет: «В целях совершенствования судебной процедуры предлагается исключить из УПК РФ положения ч. 5 и ч. 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие запрет на исследование доказательств, напротив, закрепив обязанность суда убедиться в том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК РФ, по делу установлены. Следует предоставить суду право исследования доказательств, вызывающих сомнение у него либо участников уголовного судопроизводства и требующих уточнения» [3, с. 27].

Итак, нужны ли исключения при применении основополагающих принципов права, в частности, принципа непрерывности, останутся ли они неизменными в современном праве и непосредственно в уголовно-процессуальном праве РФ? Рассмотрим этот вопрос в фокусе непрекращающихся повальных цифровизации и новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (далее – пандемия коронавируса) в мире и России.

Эти два потока одновременно затронули все правотворческие, правоприменительные, правоохранительные, судебные, научно-образовательные направления деятельности правовой системы РФ. Ускоренная срочная цифровизация всех сторон общественной жизни в России, с одной стороны, стала спасителем от обвала общественных и производственных отношений в период пандемии коронавируса, которая со своей стороны явилась катализатором мощного взрывного взлёта дистан-

ционного использования рабочих мест в правовой сфере с использованием электронных технологий, с другой – кардинальным образом повлияла на действующую правовую реальность России, обнажив проблемы существования права, гражданина и государства в цифровой период бытия, в том числе сохранения действующих гарантий обеспечения прав и свобод человека, но уже при работе права не напрямую, а опосредованно, через искусственные электронные технологии.

С начала пандемии коронавируса 2020 года федеральные государственные органы (правоохранительные органы, прокуратура, суды) массово и достаточно быстро обратились к помощи потенциала цифровых технологий, позволяющих осуществлять функции государственных органов на различных интернет-платформах в дистанционном формате.

Так, Верховным Судом РФ достаточно оперативно подготовлены Постановления Президиума [4; 5] и даны рекомендации судам о порядке безотлагательного рассмотрения дел, в том числе уголовных, с обязательным использованием в судебных заседаниях системы видеоконференц-связи с целью обеспечения индивидуального участия и обеспечения процессуальных прав подсудимого и иных участников уголовного судопроизводства [2, с. 2].

Принцип непосредственности в том классическом смысле, в каком правоведы понимали его, на глазах изменяется в угоду другому, законом неопределённому принципу – процессуальной экономии, который в современных условиях становится факультативным принципом процессуальной необходимости.

Без сомнения, все ограничительные дистанционные действия судебных и правоохранительных органов в период пандемии коронавируса по организации и реализации непосредственных прав и обязанностей в сфере уголовного судопроизводства хотя и были формально основаны на ведомственных правовых актах, но сильно повлияли на непосредственное применение принципов права в соответствии с УПК РФ.

В результате такой правовой трансформации должно ли правосудие, в том числе уголовное, стать более доступным для граждан или (и) просто малозатратным для государства?

Прошедший полуторагодовой период борьбы с пандемией коронавируса и усиленного внедрения новых информационных технологий показал, что процесс диджитализации и дистанционности уже невозможно остановить, и он будет определять вектор развития права в РФ и Российского государства; важно, чтобы в этом движении люди, участники уго-

ловного судопроизводства, не оставались один на один ни с машинами, ни с автоматами, ни с искусственным интеллектом, сколь бы совершенными они ни были, в правовом поле.

Основываясь на важности значения принципа непосредственности в настоящем и будущем уголовного судопроизводства, можно сделать определённый вывод по его применению в изменяющихся условиях процессуальной практики. Сформулируем его таким образом, что ограничение принципа непосредственности следует допускать только в исключительных ситуациях, закрепляемых только в отраслевом федеральном законе и обосновываемых, в обязательном порядке, невозможностью реализации этого принципа в определяемых этим законом конкретных чрезвычайных процедурных случаях.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.07.2021).

2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28883/ (дата обращения: 21.07.2021).

3. *Плюк А.В.* Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Томск, 2017. С. 27.

4. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28814/> (дата обращения: 21.07.2021).

5. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. (с изм. от 29 апреля 2020 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28875/ (дата обращения: 21.07.2021).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.07.2021).

7. *Seļçuk H.* The actual role of the principle of immediacy in the Dutch criminal procedure: Master thesis research master in law, 2012. P.9.

Аменицкая Н. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ И СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ институтов следственного судьи и судебного следователя; этапов реформирования досудебного производства в отечественном уголовном процессе; исследуется целесообразность введения института следственного судьи.

Ключевые слова: следственный судья; судебный следователь; судебный контроль на досудебном производстве; следствие; дознание; модель уголовного судопроизводства.

На совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов в феврале 2020 года Председателем Верховного Суда В.М. Лебедевым была поддержана инициатива формирования института следственных судей в уголовном процессе [12].

Идея возможности введения подобного института в российском уголовном процессе не нова, и дискуссии об этом периодически возникали при обсуждении и проведении процессуальных реформ, в трудах, посвященных проблемам предварительного расследования, реализации состязательности, преодолении обвинительного уклона, эффективности судебного контроля в досудебном производстве – когда требовал разрешения вопрос о мере активности суда в доказывании, формах проявления судебной (юстиционной) функции в досудебных стадиях, взаимосвязи и соотношения ее с функциями прокуратуры и полиции на разных этапах формирования отечественного уголовного судопроизводства, развивающегося в традициях континентальной системы права.

Возобновлению полемики о необходимости появления следственного судьи в уголовном судопроизводстве на современном этапе способствовало поручение Президента Верховному Суду изучить целесообразность создания данного института [10]. И еще в 2014 году были разработаны Предложения о компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации [8], а в 2015 г. – Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [15].

Согласно этим документам – следственный судья определен как субъект, осуществляющий судебный контроль в досудебном производстве (предварительный и последующий) при разрешении процессуального спора сторон, а также закрепляющий доказательства, предоставленные сторонами обвинения и защиты – «депонирующий доказательства» и «обеспечивающий стороне защиты равные права доказывания по делу» [8; 15].

Авторы концепции утверждают об исторической преемственности института следственного судьи в России, т.е. о существовании его в уголовном процессе в конце XIX - начале XX века. Действительно, в ходе реформы 1864 года в уголовном судопроизводстве появился участник – представитель судебной системы, проводящий расследование. Первоначально предполагалось именовать его следственным судьей, однако в ходе обсуждения было принято решение использовать термин «судебный следователь», так как это «выражает, с одной стороны, его прямое назначение – производить следствия, а с другой – указывает на то, что следствия будут не в ведомстве полиции, а в ведомстве суда» [7, с. 69]. Как отмечено в трудах того времени, «также было принято решение отказаться от идеи основ английского предварительного следствия, в котором на обязанность судьи возлагалось бы лишь судебное закрепление обнаруженных дознанием доказательств, а также санкционирование мер, ограничивающих при дознании гражданские права частных лиц» [14, с. 272].

Появление института судебного следователя в отечественном уголовном процессе того времени диктовалась необходимостью, с одной стороны, сохранения активности государственных органов в расследовании (доказывании), и с другой – необходимостью минимизации обвинительного уклона их деятельности, что позволяло организовать проведение расследования с необходимой достоверностью и утверждать о возможности установления объективной истины в уголовном судопроизводстве.

Судебный следователь осуществлял функцию расследования, отдельную от обвинения и рассмотрения дела. Его полномочия включали:

- самостоятельно начинать следствие при наличии достаточных оснований (ст. 289, 297, 269, 309 УУС);
- собирать доказательства путем производства следственных действий (ст. 315–414 УУС);
- избирать в отношении обвиняемого меры принуждения как «способы, препятствующие уклониться от следствия» (ст. 415–432 УУС);
- давать поручение полиции (ст. 271 УУС) [16].

Статус *судебного* следователя позволял ему, в отличие от органов полиции (дознания), формировать доказательства: «обеспечивать для судебного следствия пользование такими уголовными доказательствами, которые иначе могли бы не дойти до рассмотрения его» [14, с. 289]. А также, как представителю судебной власти – самостоятельно принимать многие процессуальные решения, ограничивающие гражданские права лиц в ходе предварительного следствия: проводить выемки и обыски (ст. 357 УУС), подвергать вызываемых и не явившихся без уважительных причин лиц приводу и денежному взысканию, применять принудительные меры (ст. 389 – 394 УУС), т.е. осуществлять и некоторую часть функций судебного контроля. В то же время, часть функций по судебному контролю выполнял окружной суд и мировые судьи. Жалобы на действия следователя приносились окружному суду (ст. 493 УУС) [16].

Реформы уголовного процесса советского периода внесли существенные структурные изменения в судоустройство и судопроизводство, результатом чего явилось: включение следователя в системы полицейских и прокурорских ведомств; уравнивание задач, назначения и процессуальных форм следствия и дознания [4; 5]. Фактически отсутствие судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса, утрата связи между предварительным следствием и судебной властью при сохранении активной роли в доказывании субъекта расследования и сохранении им ряда полномочий, принадлежащих судебной власти [13], неизбежно привело к умалению судебной власти, репрессивности в уголовно-процессуальной сфере того времени.

В 60-х годах советского периода расширение прокурорского надзора за расследованием, усиление процессуализации предварительного производства явилось правовой реакцией законодателя на господствовавшее инквизиционное начало судопроизводства и стало формальным ограничением полицейского произвола в производстве по уголовным делам [5; 2; 13]. В этот период советскими учеными процессуалистами были разработаны принципиальные положения доказательственного права, основанные не на сопоставлении (противопоставлении) судебных доказательств (получаемых представителем судебной власти) и информации дознания, а на разработке понятия допустимого процессуального доказательства, должно соответствовать критериям процессуальной формы (единство содержательной и формальной сторон) [6].

Расширение судебного контроля в досудебном производстве произошло лишь в 90-х годах с принятием Концепции судебной реформы

[9], также закреплении в Конституции РФ осуществления судебного контроля как новой функции судебной власти [2].

Современный уголовный процесс, сохраняя характерные принципиальные идеи, конструкции и институты континентального процессуального права: стадийность, предварительное расследование и судебные следствия, производство следственных и иных процессуальных действий, субъекта, ведущего производство по делу, необходимость полно, достоверно и объективно устанавливать в ходе производства по делу относимые факты, наследовал также и некоторые институты советского процесса: формализованность процесса доказывания, толкование следствия и дознания как форм предварительного расследования и не признание судебной природы следствия. Более того, в 2001 году отечественный уголовный процесс испытал внедрение институтов англосаксонской уголовно-процессуальной системы: отнесение субъекта расследования к стороне обвинения, снижение активности суда в доказывании, закрепление принципа состязательности, в т.ч. и в досудебном производстве, отказ от принципа всестороннего, полного, объективного установления обстоятельств при производстве по делу. Такое смешивание конструкций и институтов принципиально различных правовых систем породило институциональный хаос и современные трудноразрешимые проблемы уголовного судопроизводства, среди которых: обвинительный уклон, излишняя формализация производства, сложности системного толкования и соответственно применения процессуальных институтов. Эти проблемы и причины их существования требуют первоочередного осмысления и разрешения в настоящее время.

Возвращаясь к рассмотрению современных инициатив введения института следственного судьи в российском уголовном судопроизводстве, обратим внимание на предлагаемые авторами варианты полномочий этого участника [8; 1; 15]. Так, предполагается наделение его следующими группами полномочий:

1. Рассмотрение потенциального или имеющегося спора сторон: о применении мер процессуального принуждения, производстве следственных и иных процессуальных действий и принятии процессуальных решений, ограничивающих права и законные интересы граждан; проверка законности и обоснованности их проведения в условиях, не терпящих отлагательства; обеспечение прав участников процесса. То есть полномочия судебного контроля, но осуществляемые специальным субъектом – следственным судьей.

2. Закрепление (легализация) в качестве доказательств сведений, предоставляемых сторонами для возможности последующего использования их в суде в качестве полноценных доказательств – т.е. депонирование. Что позволит, по мнению авторов, обеспечить равное право защиты на представление информации в качестве доказательств и уравнивает права сторон на формирование судебных доказательств в ходе досудебного производства. А в последующем позволит отказаться совсем от процессуальной формы [1].

Кроме того, предполагается освободить судей, рассматривающих уголовные дела, от полномочий следственного судьи.

Идея возложения функции судебного контроля в досудебном производстве на особых субъектов, представителей судебной системы, не осуществляющих рассмотрение и разрешение уголовных дел, аргументируется тем, что это обеспечит независимость судебного контроля. Что позволит расширить основания обжалования и рассмотрения (т.е. пределы судебного контроля) и позволит избежать формального подхода судов к контрольным функциям. Учитывая Постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. по делу «Де Куббер против Бельгии», Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1989 г. по делу «Хаусхилдт (Hauschildt) против Дании» [11] о критериях определения беспристрастности судьи – данные аргументы представляются обоснованными. Что в то же время не исключает вопроса – почему в уголовно-процессуальном кодексе нельзя предусмотреть участие судьи в рассмотрении вопросов судебного контроля как основание отвода при рассмотрении и разрешении того же дела? Первоначальная редакция ч. 2 ст. 63 УПК РФ предусматривала такое основание отвода, но в 2002 году была исключена [17].

Блок предложений о предоставлении возможности депонирования доказательств следственным судьей следует оценивать с учетом готовности подвергнуть отечественный уголовный процесс глубоким институциональным изменениям не в рамках исторически присущей российскому уголовному судопроизводству правовой модели.

Судебное депонирование доказательств – институт англосаксонской правовой системы, предусматривающий процедуру формирования доказательств на досудебном этапе, путем оценки и фиксации судом (следственным судьей) соблюдения процедурных правил сторонами обвинения и защиты, «участвующих в конфронтации» [3]. Встраивание в уголовное судопроизводство такого института окончательно закрепит в досудебном производстве за сторонами только обвинительную функцию или функ-

цию защиты и не позволит более рассматривать следователя (дознавателя) как субъекта ведущего расследование, обязанного полно, достоверно устанавливать обстоятельства совершенного деяния. Это вопрос о готовности отечественного уголовного процесса вообще отказаться от предварительного расследования.

Список источников

1. Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 27.07.2021).

2. Власов В.И. Судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовным делам: теоретико-правовая характеристика [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 27.07.2021).

3. Гамбарян А.С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 184–198.

4. Ежедельник советской юстиции. 1924. №12-13 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/3400> (дата обращения: 26.07.2021).

5. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М. : Наука, 2000. 365 с.

6. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.07.2021).

7. Мамонтов А.Г. Становление института предварительного следствия в рамках судебной реформы 1864 г.: монография. М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. 239 с.

8. Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://presidentsovet.ru/files/bf/f9/bff99bb741943f8aa3e9c0b85cdeb243.pdf> (дата обращения: 27.07.2021).

9. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.07.2021).

10. Перечень Поручений Президента Российской Федерации от 14 октября 2014 г. № Пр-2783 [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/351/> (дата обращения: 27.07.2021).

11. Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1989 г. по делу «Хаусхилдт (Hauschildt) против Дании» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/67292/> (дата обращения: 28.07.2021).

12. Российская газета. Столичный выпуск № 29(8083) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/28756/ (дата обращения: 27.07.2021).

13. Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявление в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 86–93 [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 24.07.2021).

14. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. Судопроизводство. М.: Зерцало, 2014. 486 с. (Серия «Русское историческое наследие»).

15. *Смирнов А.В.* Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 26.07.2021).

16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. СПб.: Тип. 2 отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1867. Репринтное издание.

17. Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 29.07.2021).

Беспалова А. А.,

*судья Оренбургского областного суда,
г. Оренбург*

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Уголовно-процессуальное законодательство России за последние годы претерпело много изменений и дополнений. При этом получили развитие нормы о новых дифференцированных формах производств, требующие неотложного научного осмысления. Объектом исследования служат правоотношения, которые реализуются посредством уголовно-процессуальных форм производств по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Предметом исследования является уголовно-процессуальная форма, возможности её дифференциации и унификации в современном уголовно-процессуальном праве; правовой статус несовершеннолетнего с учетом имеющихся дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов этих лиц, установленных как российским законодательством, так и международными стандартами; уголовно-процессуальные формы производств в отношении данных лиц.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; ювенальные технологии; производство по делам в отношении несовершеннолетних.

В уголовном судопроизводстве сохраняются уголовно-процессуальные формы, производство по которым ведется довольно длительное время, однако это не позволило им стать «идеалом» уголов-

ного процесса. К таким уголовно-процессуальным формам можно отнести производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Значимость исследований по названным формам производств объясняется значительным числом преступлений и иных общественных деяний, совершаемых несовершеннолетними.

Процессуальный статус данных участников производств обязывает предусмотреть в законе особые гарантии защиты их прав и законных интересов в соответствии с Конституцией РФ и международными стандартами, которые до настоящего времени не нашли своего полного отражения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Для этого необходимо его дальнейшее развитие.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства невозможно либо обречено на неудачу без глубоких всесторонних научных исследований, основанных на новых методологических подходах, выводящих научные знания на более высокий уровень. Исследование дифференцированных уголовно-процессуальных форм в качестве частных теорий производств по уголовным делам позволяет получить новые знания, поскольку, опираясь на достижения общей теории уголовно-процессуальной формы, они развивают ее положения применительно к своему конкретному предмету и дают возможность более детально раскрыть специфические закономерности исследуемых форм.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних может идти по пути развития ювенальных технологий.

Ювенальная юстиция – это новые правовые механизмы, медико-социальные, психолого-педагогические, реабилитационные процедуры (включая и судебные), программы, направленные на обеспечение прав и свобод несовершеннолетних, профилактику подростковой преступности, преступлений против детей и социально-психологическую реабилитацию несовершеннолетних как совершивших преступление (в т.ч. осуждённых и отбывающих наказание в местах лишения свободы), так и несовершеннолетних жертв преступлений. Первых, уже осуждённых, надо поддерживать, чтобы предупредить рецидив, а пострадавших – чтобы не допустить вторичной виктимизации (превращения человека в жертву). Рассмотрение гражданских дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних, также входит в систему ювенальной юстиции.

Не секрет, что дети в силу своего возраста не могут защищать свои права. В повседневной жизни дети часто сталкиваются с несправедливостью, неуважением к личности, жестокостью и нарушением законов. Именно поэтому они должны находиться под особой защитой государства.

Согласно ч. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Суд – это лишь звено в цепочке, название которой «Ювенальная юстиция».

Становление института ювенальной юстиции основано на модели, в которой суд является центральным звеном и объединяет вокруг себя различные службы и органы по работе с несовершеннолетними (социальные службы), в рамках действующего законодательства и имеющихся региональных ресурсов изыскивающие возможности для реабилитации оступившихся подростков.

В Оренбургской области работа по созданию ювенальных судов началась в мае 2007 года на базе Промышленного районного суда г. Оренбурга после издания совместного приказа председателя Оренбургского областного суда Емельянова В.А. и начальника управления судебного департамента при Верховном Суде РФ в Оренбургской области Купчика В.К. от 04.05.2007 г. № 76/о-303 л/с «О внедрении в Оренбургской области элементов ювенальной юстиции» и последующего за ним решения совета судей области от 25.05.2007 г. «О мерах по созданию ювенального суда в Промышленном районном суде г. Оренбурга».

На тот период было выбрано одно направление ювенальной юстиции – рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, а также представлений о направлении несовершеннолетних в ЦВСНП.

В короткий срок в суде был оборудован специальный зал для рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, помещение отремонтировано в современном стиле. Непосредственно в самом зале судебного заседания отсутствует металлическое ограждение для содержания обвиняемых, все присутствующие рассаживаются по периметру зала, также имеется отдельная комната, в которой созданы все условия для проведения бесед до судебного заседания, направленных на примирение сторон.

В суде были введены должности помощников судьи с функциями социального работника. Реально создавалась обстановка добродушного отношения к подростку.

Поскольку в Российской Федерации отсутствует закон о ювенальных судах, то суд руководствовался общими принципами – наличие мантии, символики.

Приказом председателя суда назначены судьи, рассматривающие дела данной категории.

В рамках применения ювенальных технологий рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего начиналось с изучения его условий жизни и воспитания, обстановки в семье.

Помощник судьи с функциями социального работника до начала рассмотрения уголовного дела проводил социальное обследование несовершеннолетнего и готовил доклад суду – карту социально-психологического сопровождения, в которой содержится вся информация о несовершеннолетнем: особенности семейного воспитания, образовательный маршрут, отношение законных представителей к правонарушению, сведения о физическом здоровье, жилищные условия, характеризующие данные, взаимоотношения в семье, со сверстниками, интересы, склонности несовершеннолетнего, его профессиональная ориентация. Данная карта исследовалась в судебном заседании, приобщалась к материалам дела и впоследствии при исполнении приговора или постановления суда направлялась в уголовно-исполнительные инспекции, отделения по делам несовершеннолетних.

Для обеспечения всестороннего исследования личности несовершеннолетнего, установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, помощником судьи при подготовке дела к судебному разбирательству приглашаются в судебное заседание представители отделений по делам несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, педагоги учебных заведений. В случаях, если несовершеннолетний отбывает наказание по приговору суда, в судебное заседание также приглашается инспектор уголовно-исполнительной инспекции, который дает показания по отбыванию наказания несовершеннолетним.

В ходе предварительных бесед с законными представителями и несовершеннолетними правонарушителями, в случае признания подсудимым своей вины, помощником судьи даются рекомендации о необходимости принесения извинений потерпевшим, возмещении ущерба с целью

смягчения наказания или примирения сторон. Результатом данных бесед явилось то, что по многим делам уголовные дела были прекращены в связи с примирением с потерпевшим. Законные представители несовершеннолетних возмещали материальный ущерб потерпевшим до судебного заседания, сами несовершеннолетние возвращали похищенное имущество или указывали место, где оно находится, потерпевшим приносились извинения несовершеннолетними подсудимыми, и они были удовлетворены послепреступным поведением подростков и не возражали против прекращения уголовного дела.

Во всех случаях при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, либо иных нарушений закона, допущенных должностными лицами, на которых законом возложена обязанность по профилактике преступлений безнадзорности несовершеннолетних, выносились частные постановления.

После вынесения судебного приговора или постановления подросток не исчезал с поля зрения суда, помощник взаимодействовал с органами, ведающими исполнением наказания ОДН, УИИ и другими службами. Проводились совместные встречи в УИИ, КДНиЗП по вопросам исполнения постановлений и приговоров, совместные рейды с целью осуществления контроля за выполнением условно осужденными несовершеннолетними обязанности, вмененной приговором суда – не находиться вне места своего жительства без сопровождения законных представителей после 22 часов до 6 часов утра.

В целях проведения эффективного мониторинга несовершеннолетних, а также активизации индивидуально-профилактической работы с детьми на базе суда проводились «Дни профилактики». Участниками данных встреч являлись несовершеннолетние, побывавшие в орбите суда, законные представители, судьи, рассматривающие уголовные дела в отношении несовершеннолетних, представители учебных заведений и различных служб – уголовно-исполнительной инспекции, отделений по делам несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, врачи-наркологи детской подростково-наркологической службы, работники УФСКН России по Оренбургской области, Военного комиссариата.

Каждый раз состав приглашенных специалистов менялся, чтобы в ходе данных встреч ребята могли получить всю необходимую для них информацию как о возможности получения психологической помощи,

прохождения курса лечения от алкоголизма и наркомании, возможности трудоустройства в летний период времени, так и многое другое. Судьи рассказывали о необходимости неукоснительного соблюдения обязанностей по приговору, постановлению суда, последствиях, которые могут наступить в случае совершения повторных преступлений. Ребята в ходе таких встреч могут задавать все интересующие их вопросы и получать ответы из «первых уст».

Вся эта большая работа делалась для того, чтобы как можно меньше несовершеннолетних, совершивших преступления, вновь становились обвиняемыми. Так как формирование личности несовершеннолетних еще не закончилось, такое внимательное отношение к ним в случае нарушения закона может привести к тому, что они задумаются о своем будущем.

К сожалению, в связи с тем, что Закон о ювенальных судах, принятие которого широко обсуждалось, так и не был принят, эксперимент по внедрению ювенальных технологий при рассмотрении уголовных дел был прекращен.

Однако эксперимент показал, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних желательно рассматривать не в обычном порядке, а с применением ювенальных технологий. Хотя в уголовно-процессуальном законе содержатся особенности рассмотрения таких дел, их применение является явно недостаточным.

В ходе анкетирования судьи Оренбургской области дали такие ответы на вопросы:

1. Имеется ли, по Вашему мнению, необходимость в образовании в российской судебной системе судов для рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних?

- да 94 (56%);
- нет 73 (44%);
- затрудняюсь ответить 0 (0%).

2. Считаете ли Вы обоснованным существование производства по делам в отношении несовершеннолетних как отдельной дифференцированной формы уголовного судопроизводства?

- да 152 (91%);
- нет 10 (6%);
- затрудняюсь ответить 5 (3%).

Список источников

1. *Абашиева Ф.А., Зинатуллин Т.З.* Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса М. : Юрлитинформ, 2008. 216 с.
2. *Абдуллаев М.И. Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права : учебник. СПб. : Питер, 2003. 576 с.
3. *Агешин Ю.А.* Политика, право, мораль. М. : Юридическая литература, 1982. 160 с.
4. *Алексеев В.Б.* Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М. : Юридическая литература, 1989. 640 с.
5. *Арямов И.А.* Особенности детского возраста. Очерки. М. : Учпедгиз, 1953. 192 с.
6. *Аширова Л.М.* Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе / под науч. ред. З.Д. Еникеева. М. : Юрлитинформ, 2007. 256 с.
7. *Бессарабов В.Г., Быкова Е.В., Курочкина Л. А.* Европейские стандарты прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2005. 232 с.
8. *Волженкина В.М.* Нормы международного права в Российском уголовном процессе. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 359 с.
9. *Воронова Л.Е., Ткачев В.Н.* Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия. Ростов-на-Дону : ЗАО «Книга», 2004. 219 с.
10. *Гуськова А.П., Муратова Н.Г.* Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства : монография. М. : ИГ «Юрист», 2005. 176 с.
11. *Гуськова А.П., Емельянов В.А., Юрченко Л.В.* Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России : монография. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2009. 216 с.
12. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание /пер. с англ.; под ред. Л.М. Карнозовой. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
13. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин. М. : Кодекс, 2007. 992 с.
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Б.Т. Безлепкина. М. : Проспект, 2012. 704 с.
15. *Ларин А.М.* Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. : Наука, 1985. 240 с.
16. *Левченко И.П., Облиенко С.В.* Индивидуальный социально-правовой статус личности : монография. М. : Книжный мир, 2005. 81 с.
17. *Левченко О.В., Мищенко Е.В.* Производство по отдельным категориям уголовных дел : учеб. пособие. Оренбург : ОГУ, 2011. 176 с.
18. *Левченко О.В., Мищенко Е.В.* Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : монография. М. : ИНФРА-М, 2013. 125 с.

Бессонов В. А.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

Наметкин Д. В.,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые правовые аспекты регулирования социальной и правовой защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; содействие; сотрудничество; меры социальной и правовой защиты; государственная защита; негласный аппарат.

Сотрудники правоохранительных органов в борьбе с преступностью правомочны применять достаточно большое количество средств и методов, предусмотренных федеральным законодательством. Одним из таких методов справедливо будет назвать институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, который многие годы не теряет своей актуальности и эффективности при организации противодействия преступности.

В теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) под содействием граждан следует понимать «осознанное волевое поведение субъектов, заключающееся в получении оперативно значимой информации и передаче ее представителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или осуществление конкретных действий по решению оперативно-розыскных задач борьбы с преступностью по инициативе органов - субъектов ОРД на условиях доверительности и конспиративности отношений» [1, с. 110].

В соответствии с действующим Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] (далее – ФЗ «Об ОРД»), главными задачами оперативных подразделений ОВД при осуществлении ОРД являются:

1 – выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2 – осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

3 – добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

4 – установление имущества, подлежащего конфискации.

По нашему мнению, именно институт содействия граждан способен решить вышеуказанные задачи в полном объеме. Кроме того, по смыслу действующего законодательства, содействие граждан целесообразно применять и при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). В связи с особой важностью и конфиденциальностью института содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, нами видится необходимым поставить вопрос об обеспечении безопасности негласного аппарата. В первую очередь это напрямую связано со спецификой деятельности привлекаемых лиц.

«Необходимость обеспечения конфиденциальности и применения иных мер защиты обуславливается характером преступлений, для выявления, предупреждения и раскрытия которых требуется сбор оперативной информации. Главным образом это тяжкие и особо тяжкие преступления, совершаемые группами (нередко организованными), которые тщательно скрывают свои намерения и действия, отличаются исключительной дерзостью и особой жестокостью, высокой степенью конспирации» [1, с. 109].

Статья 18 действующего Федерального закона № 144-ФЗ предусматривает меры правовой и социальной защиты для негласного аппарата. Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, что Федеральный закон №119-ФЗ от 20 августа 2004 г. [4] в качестве лиц, в отношении которых могут быть применены меры государственной защиты, не указывает лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям ОВД. По нашему мнению, такое положение действующего законодательства является несовершенным ввиду специфики деятельности негласного аппарата и реальной необходимости применении к лицам мер государственной защиты.

Здесь же стоит упомянуть и Федеральный закон №45-ФЗ от 20 апреля 1995 г. [5], который также не называет конфидентов субъектами государственной защиты.

В настоящем случае нами видится некоторое противоречие в действующем законодательстве. По факту мы сталкиваемся с тем, что ФЗ «Об ОРД» предусматривает меры социальной и правовой защиты в отношении граждан, оказывающих содействие ОВД, а законодательство о государственной защите не предусматривает ее осуществление в отношении конфидентов. Кроме того, стоит отметить, что лицо, оказывающее содействие правоохранительным органам не приобретает статуса участника уголовного судопроизводства, а это значит, что в отношении него сотрудниками оперативных подразделений не может быть заведено специальное дело оперативного учета по государственной защите. Возникает вопрос: какие меры защиты в рамках действующего правового поля могут быть применены в отношении негласного аппарата в случае прямой угрозы их жизни или здоровью, а также их близких. По факту, получается, что никакие.

Хотелось бы подчеркнуть, что в законодательстве об ОРД в настоящее время не содержится механизма применения мер безопасности к лицам, которые оказывают содействие или сотрудничающих с правоохранительными органами, хотя в ч. 4 ст. 15 и ст. 18 ФЗ «Об ОРД» такая возможность предусмотрена.

Важно отметить, что при привлечении лица к конфиденциальному сотрудничеству, сотрудниками оперативных подразделений не может быть гарантирована его конфиденциальность, хотя в соответствии со ст. 17–18 ФЗ «Об ОРД», она должна быть обеспечена. Так, например, Маслов А.А., Косов Д.В. при исследовании настоящей проблемы в своих научных трудах говорили о том, что «правоотношения, возникающие между лицом, не подписавшим контракт, и оперативным сотрудником, являются односторонними. То есть фактически в данном случае негласный сотрудник социально оказывается не защищен государством» [2, с. 187–190].

Это приводит к негативным последствиям при раскрытии преступлений, проведении ОРМ, получении оперативно-значимой информации, а также к замене работы с негласным аппаратом на личный сыск. По нашему мнению, настоящий факт реально препятствует достижению основных целей ОРД.

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, нами видится необходимым еще раз подчеркнуть наличие серьезных пробелов в обеспечении правовой защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД. В рамках действующего правового поля конфиденты не приобретают статус участника уголовного судопроизводства, а это значит, что на них не распространяются меры государственной защиты, предусмотренные ФЗ №119-ФЗ, ФЗ №45-ФЗ, а также не может быть заведено специальное дело оперативного учета.

По нашему мнению, настоящий пробел в законодательстве негативным образом влияет на работу с негласным аппаратом сотрудников оперативных подразделений ОВД. В связи с этим видится необходимой разработка новых правовых положений, которые регламентировали бы защиту конфидентов в полном объеме и были способны обеспечить их конфиденциальность, что прямо указано в действующем законодательстве об ОРД.

Список источников

1. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011. С. 110.

2. *Маслов А.А., Косов Д.В.* Некоторые проблемы правового регулирования содействия граждан и иных лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 2. С. 187–190.

3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 25.06.2021).

4. Федеральный закон от 20 августа 2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12136633/> (дата обращения: 25.06.2021).

5. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант. URL: <http://base.garant.ru/10104593/> (дата обращения: 25.06.2021).

Гладышев Ю. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород

НАЧАЛЬНИК КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность начальника криминальной полиции в организации работы оперативно-розыскного отдела. Показана его роль в предупреждении и раскрытии преступлений.

Ключевые слова: преступность; криминальная полиция; управленческая деятельность.

Преступность есть неизбежный и естественный спутник человечества на все времена. Это негативное социальное явление появилось с момента появления человеческого общества и будет сопровождать его, потому что само человеческое общество породило преступность и воспроизводит причины его существования. Но это не значит, что с преступностью не нужно бороться. Актуальной задачей остается ее удержание на так называемом цивилизованном уровне [2, с. 285]. Это важно для обеспечения безопасности в обществе. Многое в этом зависит от работы оперативно-розыскных отделов, насколько качественно начальниками криминальной полиции организовано выполнение поставленных перед ними задач.

Руководитель оперативно-розыскного отдела полиции выступает в качестве организатора работы всего оперативного аппарата. Его компетенция в настоящее время получила свое нормативное закрепление. Так, в ст. 22 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] предусмотрено, что руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Имеются и иные нормативные акты, которые определяют правовое положение начальника отдела криминальной полиции и возлагают на него обязанность управлять деятельностью сотрудников вверенного ему отдела в целях быстрого и полного раскрытия преступлений. Они же устанавливают его персональную ответственность за общие результаты

работы криминальной полиции по раскрытию преступлений. Начальник отдела криминальной полиции в соответствии с ведомственными нормативными актами, определяющими его функции, непосредственно организует работу подразделения, а также совместно с другими службами разрабатывает комплексные мероприятия по борьбе с преступлениями, контролирует их исполнение [1, с. 209].

Исходя из поставленных задач по раскрытию преступлений, начальник криминальной полиции: организует оперативное обслуживание территорий и объектов; систематически анализирует оперативную обстановку и при необходимости вносит изменения в расстановку личного состава; организует информационно-аналитическую работу в аппарате по вопросам раскрытия преступлений и разработку на этой основе практических предложений и рекомендаций; непосредственно руководит работой по делам оперативного учета; обеспечивает постоянную оперативную готовность имеющихся в его распоряжении сил и средств к действиям по раскрытию преступлений и задержанию преступников; осуществляет меры по организации и поддержанию постоянного взаимодействия сотрудников криминальной полиции со следователями, дознавателями и работниками других подразделений, а также общественностью при выполнении задач по раскрытию преступлений; обеспечивает эффективное применение подчиненными сотрудниками криминалистических и оперативно-технических средств и новейших методов при раскрытии преступлений; внедряет в работу по раскрытию преступлений достижения передового опыта и научные рекомендации; контролирует работу подчиненных, оказывает им практическую помощь, непосредственно организует и проводит наиболее сложные мероприятия по раскрытию преступлений; организует обучение личного состава аппарата с целью повышения профессионального мастерства сотрудников; обеспечивает соблюдение законности сотрудниками аппарата в процессе раскрытия преступлений; осуществляет объективную оценку деятельности каждого оперативного работника, структурных подразделений и аппарата в целом.

Указанный перечень функций начальника криминальной полиции, а также его непосредственное руководство работой по делам оперативного учета, личное участие и оказание практической помощи оперативным работникам в работе по тяжким, особо тяжким преступлениям и при осуществлении наиболее сложных оперативно-розыскных мероприятий свидетельствуют о многогранности его работы по организации раскрытия

преступлений. Он объединяет и согласовывает усилия всех работников аппарата по раскрытию преступлений и несет персональную ответственность за организацию его работы. В то же время руководитель аппарата криминальной полиции, являясь субъектом управленческого звена, по ряду вопросов, связанных с раскрытием преступлений, принимает лишь предварительные решения, которые в последующем утверждает начальник органа внутренних дел полиции. Он же осуществляет и предварительный контроль по некоторым принимаемым подчиненными работниками решениям, дает согласие на заведение сотрудниками аппарата дел оперативного учета и утверждает планы оперативно-розыскных мероприятий.

Всю деятельность руководителя аппарата криминальной полиции по организации раскрытия преступлений условно можно разделить на два вида: организационно-управленческая деятельность по раскрытию преступлений, в т.ч. по обеспечению постоянной оперативно-тактической готовности аппарата к реагированию на сигналы о совершаемых преступлениях, и организационно-тактическая деятельность, осуществляемая непосредственно в процессе раскрытия преступлений. В процессе организационно-управленческой деятельности по раскрытию преступлений начальник аппарата криминальной полиции осуществляет информационно-аналитическую работу, планирование, контроль, организует взаимодействие с другими службами органов внутренних дел, подготавливает и проводит оперативные совещания, занятия в системе служебной подготовки, изучает и обобщает передовой опыт работы сотрудников аппарата по раскрытию преступлений и т.д.

Рассмотрим основные элементы его организационно-управленческой деятельности. Большое значение при оценке состояния деятельности по раскрытию преступлений имеет аналитическая работа. Правильно поставленная, она позволяет руководителям выявлять как положительные, так и отрицательные моменты в раскрытии преступлений, намечать меры по устранению имеющихся недостатков. Глубокие и всесторонние выводы о состоянии работы по раскрытию преступлений обеспечивают объективную оценку деятельности не только всего аппарата в целом, но и отдельных сотрудников, позволяют правильно спланировать деятельность аппарата криминальной полиции на ближайшее время и перспективу. Просчет в организации оперативной работы может серьезно сказаться на ее результатах. Вот характерный пример. В поселке Зеленый Город имел факт бандитизма и разбоя. В ночное время на ферму

напали вооруженные огнестрельным оружием люди, связали сторожа и погрузили в автомашины половину содержавшегося стада коров. По факту преступления было возбуждено уголовное дело, началась оперативно-розыскная работа. Вскоре были задержаны ее отдельные участники. Однако те, кто оставался еще на свободе, стали думать, как избежать суровой ответственности за тяжкие преступления и облегчить судьбу соучастников, находящихся в СИЗО. И вот что они предпринимают. К сторожу домой приходят бандиты, те, кто еще оставались на свободе, и требуют, чтобы он явился в полицию и сделал заявление о том, что никакого оружия при нападении на ферму не было. Все сказанное им ранее оперативным работникам – неправда. Ложная информация была придумана для оправдания хищения имущества, находившегося под его охраной. Преступление было совершено им в соучастии с теми людьми, которые сейчас находятся в СИЗО. Если он принимает это предложение, то ему гарантируют денежное вознаграждение и поддержку в местах лишения свободы в случае осуждения. В противном случае угрожают сжечь дом и изнасиловать дочь. На размышление дают сутки. На следующий день сторож приходит в ОВД и пишет явку с повинной о преступлении, которого не совершал. О визите к сторожу узнают оперативные работники. Сотрудники полиции понимают, что заявление сторожа – результат угроз преступников. Уговаривают его не идти на поводу у уголовников, но он настолько напуган угрозами бандитов, что повлиять на его поведение не могут. Как мы понимаем, это просчет не только в работе оперативных сотрудников, но и в организации их деятельности начальником оперативно-розыскного отдела. Оперативные работники должны были предугадать поведение преступников и вовремя обеспечить безопасность свидетеля, а руководитель должен был координировать их деятельность.

Как мы видим, в процессе анализа начальнику криминальной полиции важно правильно определить источники получения информации о деятельности отдельных подразделений аппарата и каждого из сотрудников. Оценка эффективности деятельности по раскрытию преступлений в основном производится на основе данных статистической отчетности. Полученные статистические данные о количестве совершенных и раскрытых (в том числе и при участии других служб) преступлений начальник криминальной полиции сопоставляет с соответствующими данными за аналогичные периоды предшествующего года, а также прошлых лет, на основе чего определяет тенденции по отдельным показателям, выявляет наиболее распространенные и существенные недостатки в организации

и осуществлении деятельности по раскрытию преступлений. Все вместе взятое позволяет наметить меры по устранению имеющихся недостатков и повышению эффективности участия сотрудников оперативно-розыскного отдела в раскрытии преступлений.

Важное значение в управленческой деятельности начальника аппарата имеет организация контроля за исполнением подчиненными принимаемых решений по раскрытию преступлений [3]. С помощью контроля он решает ряд важных вопросов: обеспечение строгого соблюдения подчиненными законности; повышение исполнительской дисциплины сотрудников; оказание помощи сотрудникам, координация их деятельности; обнаружение недостатков, ошибок, допускаемых при раскрытии преступлений, и своевременное их устранение. Это направление управленческой деятельности начальника аппарата криминальной полиции включает и контроль за деятельностью подчиненных сотрудников по раскрытию наиболее опасных преступлений и осуществление организационно-методических мероприятий, обеспечивающих активную и непрерывную работу по раскрытию преступлений.

На основании вышеизложенного считаем справедливым наличие положения в ст. 22 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которому руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Занимая важное место среди субъектов управления процессом раскрытия преступлений в органах внутренних дел, начальник отдела криминальной полиции является ключевым звеном в руководимом им аппарате и организующим началом в деятельности по раскрытию преступлений.

Список источников

1. *Майоров В.И.* Управление отделом полиции с ориентацией на общественность // *Полицейское право. Научно-практический журнал.* № 1 (9). 2007. С. 209.
2. *Панченко П.Н.* Уголовная политика как фактор эффективного противодействия преступлениям, осуществляемая на основе усиления ее информационного ресурса // *Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2019. С. 285.*
3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ(ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 22 // *Российская газета.* 1995. № 160. 18 августа.

Исаев В. В.,

*судья Выксунского городского суда Нижегородской области,
г. Выкса, Нижегородская область*

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ЗАКРЫТОМ СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация. В статье с учетом анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и судебной практики приводится необходимость упорядочения использования систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании по уголовному делу, путем дачи Верховным Судом РФ разъяснений судебной практики по данному вопросу в целях формирования единого правового подхода к его регулированию.

Ключевые слова: уголовный процесс; закрытое судебное заседание; системы видео-конференц-связи.

Закрепленная действующим федеральным законодательством возможность применения в процессе отправления правосудия систем видео-конференц-связи несомненно доказала свою рациональность и эффективность в судопроизводстве по различным категориям дел.

При этом вопрос использования систем видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях, где в силу специфики предмета и обстоятельств, рассматриваемых в них, необходимо сохранение конфиденциальности определенной информативной составляющей, прямо урегулирован всеми процессуальными кодексами Российской Федерации за исключением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ).

Так, закрепленные в ч.6 ст.10 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч.8 ст.11 Кодекса административного судопроизводства РФ, ч. 2.1 ст. 24.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ч. 6 ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ положения, все как один устанавливают однозначный запрет на использование систем видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях.

Учитывая единую позицию по данному вопросу, нашедшую отражение в действующем законодательстве Российской Федерации применительно к процессу рассмотрения судами различных категорий дел, логичным выглядело бы существование подобного нормативного положения и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Однако, в отличие от всех иных процессуальных кодексов Российской Федерации, в тексте УПК РФ в настоящей редакции императивная норма с однозначной определенностью, содержащая запрет на использование систем видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях по уголовным делам, отсутствует.

Вместе с тем, исходя из п. 1.3 Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний¹, использование видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях осуществляется в соответствии с требованиями процессуального законодательства и с учетом положений законодательства о государственной тайне.

Согласно ч. 3 ст. 241 УПК РФ уголовное дело рассматривается в закрытом судебном заседании с соблюдением всех норм уголовного судопроизводства и с учетом особенностей, предусмотренных УПК РФ.

К таким особенностям, в частности, относится и закрепленное в ч. 1 ст. 259 УПК РФ положение, согласно которому при рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании использование средств аудиозаписи не допускается.

Каких-либо отдельных особенностей, касающихся использования систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит.

Следует отметить, что Верховным Судом РФ какого-либо разъяснения по данному вопросу судебной практики в соответствии с закрепленными в ст. 126 Конституции РФ полномочиями не давалось, отсутствует и какая-либо правовая позиция Конституционного Суда РФ по анализируемой тематике.

Учитывая вышеизложенное, следует констатировать наличие в уголовном процессе правового пробела относительно вопроса возможности применения систем видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях по уголовным делам, что с явной очевидностью может привести к выработке судами различных подходов к разрешению данного вопроса и тем самым создать препятствия по формированию единообразной судебной практики в масштабах нашей огромной страны, что недопустимо.

---

¹ Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28.12.2015 № 401 и согласован постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 30.11.2015 № 479.

Анализ судебной практики свидетельствует о широком применении при рассмотрении уголовных дел в закрытых судебных заседаниях как в суде первой инстанции, так и при апелляционном и кассационном рассмотрении уголовного дела систем видео-конференц-связи, что обусловлено объективными причинами.

Данное обстоятельство представляется процессуально разумным и обоснованным, поскольку применение видео-конференц-связи в судебном заседании позволяет обеспечить минимизацию возможности побега лица, содержащегося под стражей, снижение материальных затрат [1, с. 85, 132–134], соблюсти разумный срок уголовного судопроизводства, выступить дополнительным способом фиксации показаний [2, с. 2–3], разрешить сложности, возникающие при этапировании лиц, содержащихся под стражей, обеспечить безопасность должностных лиц при производстве процессуальных действий на удалении [3, с. 92].

Несмотря на эти явные преимущества, в силу специфики закрытого судебного заседания, закрепленного в уголовном процессе, в первую очередь для сохранения конфиденциальности ряда сведений, использование систем видео-конференц-связи при рассмотрении в такой форме уголовного дела может привести к тому, что его обстоятельства станут известны посторонним лицам (например, лицам, обеспечивающим проведение видео-конференц-связи), что недопустимо и будет идти вразрез с самим институтом закрытого судебного заседания, нарушая права участвующих в нем лиц.

В связи с изложенным представляется необходимым нормативно закрепить положения, устанавливающие запрет на использование систем видео-конференц-связи в закрытых судебных заседаниях, что будет согласовываться с иным процессуальным законодательством Российской Федерации, и явится дополнительным гарантом соблюдения прав участвующих в подобном судебном заседании лиц.

При этом указанные предложения не требуют обличения их в форму федеральной законодательной инициативы, предполагающей внесение изменений в положения УПК РФ, что влечет, в свою очередь, обширную и трудоемкую процедуру, а вполне могут быть внедрены путем внесения соответствующих корректировок в разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», объективно обусловленная необходимостью которых явственно прослеживается из совокупного анализа положений действующего законодательства в их взаимосвязи.

Список источников

1. *Архипова Е.А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. *Новиков С.А.* Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1.
3. *Поликарпов Б.А.* Видеоконференц-связь как современный способ преодоления противодействия уголовному преследованию // Уголовная юстиция. Томск: ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 2014. № 1 (3).

Клоков С. Н.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам правоприменительной практики межотраслевого института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ, ст. 397 и 399 УПК РФ, ст. 175 УИК РФ). По результатам проведенного научного исследования автором предложены конкретные изменения в части применения указанного института к пожизненно осужденным, а также к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; несовершеннолетние; преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; пожизненно осужденные.

Поводом к обращению внимания автора к обозначенной в названии данной научной статьи теме несовершеннолетия законодательной регламентации института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ, ст. 175 УИК РФ) послужили события двухгодичной давности, когда в СМИ Нижегородской области прошла инфор-

мация о том, что в районе деревни Горный Борок Кстовского района пропала 13-летняя Мария Лошкарева. Предпринятые волонтерами усилия по поиску пропавшей не дали положительных результатов, что объясняется последовавшими за этим событиями – органами предварительного расследования было установлено, что 1 августа 2018 года Маша была похищена, изнасилована и убита 44-летним Д. Синицыным, ранее судимым за преступление, связанное с педофилией. Также СК РФ по Нижегородской области установлено, что данное чудовищное преступление Синицин совершил после условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее – УДО) за совершение им полового надругательства в отношении 10-летней девочки. При этом повторное преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего 14 лет, Синицин совершил в период неотбытой им части наказания, назначенного судом при рассмотрении дела по существу.

Исключая даже мысль о необоснованности принятия судом в отношении Синицина решения о его УДО в порядке ст. 397 и 399 УПК РФ, автор с учетом вышеназванных трагических событий приходит к единственному выводу, что институт освобождения от наказания в связи с условно-досрочным освобождением имеет существенные законодательные недоработки и, как следствие этому, проблемы правоприменительной практики.

Комплексный анализ норм института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания позволил нам констатировать, что он является межотраслевым, так как вобрал в себя как нормы уголовного (глава 12 УК РФ), так и уголовно-исполнительного (глава 21 УИК РФ) и уголовно-процессуального права (глава 47 УПК РФ).

Для нас очевидно, что исследуемый нами институт УДО в настоящее время находится в стадии законодательного реформирования: ст. 79 УК РФ за последние десять лет претерпела существенные законодательные изменения, последние из которых датированы июлем 2020 года, когда в ней появились новые части 3.1 и 4.1.

Налицо и доктринальный интерес к институту условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, о чем говорит последнее фундаментальное исследование в этой области, проведенное Ефремовой И.А. [3, с. 16–17].

Указанные выше обстоятельства и подтолкнули нас к вынесению на публичное обсуждение проблемных вопросов законодательной регламен-

тации института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении отдельной категории осужденных.

Для нас очевидно, что правовая природа института УДО лежит в плоскости освобождения от отбывания наказания при условии обязательного соблюдения осужденным предписаний, перечисленных в ч. 5 ст. 73 УК РФ (ч.2 ст. 79 УК РФ). При этом главным назначением охранительной функции института УДО является формирование частной превенции, а именно, предотвращение совершения условно освобожденным от отбывания наказания нового преступления [5, с. 147–148].

Комплексный анализ норм ст. 79 УК РФ во взаимосвязи с постановлением Пленума ВС РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. (далее – ПП ВС РФ №8-2009 г.) позволил нам выделить несколько оснований, наличие которых наделяет суд правом рассмотреть вопрос об освобождении осужденного от дальнейшего отбытия наказания [4]:

– это отбытие определенного срока основного наказания, минимальный размер которого для совершеннолетних осужденных зафиксирован в ч. 3 ст. 79 УК РФ и в ч. 1 ст. 93 УК РФ – для несовершеннолетних осужденных;

– высокая степень вероятности того, что за указанный срок осужденный перестал быть опасным для общества, так как исправился.

По нашему мнению, первое основание неразрывно связано со вторым – данный вывод мы делаем из того, что минимально необходимый срок, который должен отбыть осужденный в учреждениях пенитенциарной системы, чтобы к нему было возможно применение института условно-досрочного освобождения от наказания, напрямую зависит от тяжести совершенного им преступления.

При этом отечественное законодательство наделило правом рассмотрения вопроса о возможности применения УДО исключительно суд по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание в дисциплинарной воинской части, в виде принудительных работ или лишения свободы (пункты 4, 4.1, 5 ст. 397 УПК РФ, ч. 3 ст.396 УПК РФ), предусматривая возможность полного либо частичного освобождения от наказания лица, осужденного за совершение преступления любой тяжести.

Мы согласны, что причина законодательного закрепления данного минимального срока, который осужденный должен фактически отбыть в местах лишения свободы до момента получения права на подачу ходатайства перед судом об УДО, лежит в области человеческой психологии: в условиях адаптации к новым для осужденного условиям «неволи»,

т.е., по сути, в самый тяжелый этап в его жизни, пенитенциарная система им воспринимается крайне негативно, и лишь по прошествии 5-6 месяцев начинается процесс его исправления [6, с. 16].

Нами обнаружена предложенная еще в 1974 г. достаточно интересная доктринальная классификация уровней исправления осужденного в период отбытия им наказания в исправительных учреждениях [7, с. 40–42]:

– «осужденный встал на путь исправления», т.е. своим поведением доказал стремление стать законопослушным гражданином, окончательно порвав с преступным прошлым;

– «осужденный твердо встал на путь исправления», а значит, осужденный в течение длительного времени не допускал нарушения режимных требований, продолжительное время добросовестно относится к труду и учебе, хотя эти качества еще не переросли в устойчивую жизненную привычку;

– «осужденный доказал свое исправление», а значит, у такого осужденного выработались устойчивые трудовые навыки и привычки правомерного поведения.

Исходя из предложенной условной классификации, нам представляется верным утверждение о том, что нормы ст. 79 УК РФ могут быть применены только к осужденным, «твердо вставшим на путь исправления» [2, с. 71].

Вместе с тем, п. 6 ПП ВС РФ №8-2009 года содержит разъяснение, что наличие у осужденного взысканий, полученных в период отбытия ими назначенного наказания само по себе не может рассматриваться судами в качестве довода о том, что осужденный для своего исправления все еще нуждается в дальнейшем отбытии наказания.

Отдельного изучения, как нам кажется, требует предписание ч. 4 ст. 79 УК РФ о необходимости выяснить в судебном заседании отношение осужденному к содеянному. С одной стороны, факт признания вины и чистосердечное раскаяние уже был учтен судом первой инстанции при назначении наказания (ст. 61 УК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). С другой стороны, нераскаявшийся осужденный будет считать назначенное ему наказание не справедливым. Такой осужденный изначально не подлежит исправлению, так как воспринимает все происходящее с ним не в качестве справедливой кары за совершенное, а как нечто излишнее и ненужное для него. Это чувство мнимой несправедливости на всем протяжении срока отбытия наказания будет мешать осужденному «самоисправиться»,

поэтому искреннее раскаяние за содеянное, по нашему мнению, является неотъемлемой частью процесса его исправления [1, с. 21].

В свете данного утверждения нам представляется возможным констатировать, что действующая редакция ч. 5 ст. 79 УК РФ требует своей законодательной корректировки в той части, в которой она фиксирует право пожизненно осужденного рассчитывать на возможность применения к нему института условно досрочного освобождения при одновременном соблюдении двух условий:

- фактического отбытия им не менее двадцати пяти лет лишения свободы;

- отсутствие у него за последние три года фактов злостного нарушения режима.

Содержание термина «злостное нарушение порядка отбывания наказания» мы обнаружим в ст. 116 УИК РФ, согласно которой пожизненно осужденный будет признан злостным нарушителем, если за указанный период совершит такие серьезные проступки, перечисленные в ч. 1 и 2 указанной статьи, как нахождение в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, отказ от работы, проявление иных форм неповиновения режимным требованиям администрации, повторное, в течение одного года, водворение в штрафной или дисциплинарный изолятор, установление факта мужеложства и т.д.

Нам представляется деструктивным требование Закона к положительному поведению такого пожизненно осужденного только за последние три года из минимально необходимых к отбытию им двадцати пяти лет в учреждении, исполняющем наказание, так как:

- в данном случае исчезает мотивация к исправлению осужденного на всем протяжении отбытия пожизненного наказания, ведь ч. 5 ст. 79 УК РФ фиксирует право злостного нарушителя порядка отбывания наказания, зарекомендовавшего себя таковым на протяжении первых двадцати двух лет отбытия пожизненного срока наказания, рассчитывать на возможность применения к нему института УДО при соблюдении режимных требований исключительно за последующие три года;

- поощряет такого осужденного к показному и неискреннему «исправлению» в течение трех лет на фоне вполне понятного страха совершить серьезное режимное нарушение, которое, в том числе, может быть спровоцировано поведением других осужденных.

Нам представляется следующий способ разрешения указанной проблемы:

– зафиксировать в ст. 79 УК РФ факт отказа пожизненно осужденным в праве на условно-досрочное освобождение от наказания;

– дополнить ст. 85 УК РФ нормой, позволяющей рассчитывать данной категории осужденных на освобождение от наказания актом помилования по истечении не менее двадцати пяти лет фактического отбытия срока в виде лишения свободы.

Что же касается осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет, то мы предлагаем исключить эту категорию осужденных из перечня тех, кто имеет право рассчитывать на применение к ним института УДО, как это сейчас предусмотрено п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ, оставив за ними право ходатайствовать о замене неотбытой части назначенного наказания более мягким видом при отбытии не менее четырех пятых срока наказания, как это предусмотрено пятым абзацем ч. 2 ст. 80 УК РФ. Тем самым мы, как минимум, исключим возможность совершения данной категорией особо опасных осужденных повторного преступления в период неотбытой ими части наказания, назначенного судом при рассмотрении дела по существу.

Список источников

1. *Антонян Ю.М.* Наказание и исправление преступников // Российский следователь. 2008. № 3.

2. *Васягина М.М.* Проблемы правового регулирования основания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Юридическая наука. 2020. № 4.

3. *Ефремова И.А.* Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике: автореф. дис...доктора юрид. наук. Саратов. 2018. 56 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690871/> (дата обращения: 13.06.2021).

5. *Тарханов И.А.* Личность преступника и индивидуализация наказания // Личность преступника и применение наказания. М.: Проспект, 2007. 216 с.

6. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология // Вестник гражданского права. 2007. № 7.

7. *Шмаров И.В.* Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М. : Юрлитиздат, 1974. 136 с.

Кузьменко В. С.,

кандидат юридических наук,

судья Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода

ОБМАН КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159⁵ УК РФ, УСТАНОВЛЕННЫЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА

Аннотация. К написанию данной статьи автора подвигли непрекращающиеся попытки недобросовестного, а в некоторых случаях противоправного поведения участников гражданского судопроизводства при рассмотрении дел, возникающих из страховых отношений в рамках ДТП. В статье раскрываются конструктивные элементы обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором со стороны страхователя или иного лица при подаче заявления о выплате страхового возмещения.

Ключевые слова: уголовный закон; гражданский процесс; преюдиция; страховой случай; мошенничество; ст. 159.5 УК РФ.

Актуальность проблемы борьбы с мошенничеством в сфере страхования не снижается с момента введения в действие Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и по настоящее время.

Важность проблемы была осознана и государством. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен нормой, предусматривающей ответственность за указанную разновидность преступления. Однако картина, демонстрирующая желание обогатиться за счёт страховых компаний, которая разворачивается перед глазами, и отсутствие информации о неотвратимой ответственности лиц, чей обман был раскрыт судом, указывают на низкий уровень работы правоохранительных органов в данной сфере. Так, с 2015 года Канавинским районным судом г. Н. Новгорода было рассмотрено всего два уголовных дела по преступлению, предусмотренному ст. 159.5 УК РФ.

Между тем по итогам опубликованного Российским союзом автостраховщиков рейтинга регионов России по уровню риска мошеннических выплат в ОСАГО Нижегородская область занимает «почётное» 7 место, поднявшись по сравнению с 1 кварталом 2020 года с 10 места¹. Данный рейтинг указывает на то, что наша область входит число субъек-

---

¹ См.: https://autoins.ru/novosti/tekushchie/?ELEMENT_ID=761131.

тов Российской Федерации с максимально негативными показателями. Для сравнения: Москва и Санкт-Петербург занимают соответственно 67 и 68 места, несмотря на гораздо большее количество транспортных средств, передвигающихся по дорогам данных субъектов РФ.

Только с 2017 года автором было рассмотрено 471 гражданское дело о взыскании страхового возмещения. Подавляющее большинство дел было рассмотрено по взаимоотношениям, регулируемым Федеральным законом от 25.04.2002 №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Из указанного количества дел 54 дела было рассмотрено с вынесением решения об отказе в удовлетворении требований. При этом – более 20 дел в связи с полным несоответствием повреждений автомобиля истца заявленному им страховому случаю. Также более 20 дел было оставлено без рассмотрения в связи с тем, что истец или представитель истца потеряли интерес к делу после поступления заключения судебного эксперта о несоответствии повреждений обстоятельствам ДТП и перестали обеспечивать свою явку на судебное заседание. То есть порядка 14% рассмотренных дел по данной категории являются потенциально мошенническими. Также среди решений об удовлетворении требований практически все содержат указания на частичный отказ истца от иска в связи с согласием с выводами эксперта по назначенной судом экспертизе, содержащими указание на частичное несоответствие повреждений автомобиля истца обстоятельствам указанного им же ДТП.

При этом автору не известно ни об одном факте возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 159⁵ УК РФ, даже в случаях рассмотренных вопиющих попыток незаконного обогащения посредством использования судебной власти. Между тем одни только гражданско-правовыми способами защититься от нападков преступников у страховщиков не всегда получается. Уровень квалификации лиц, инсценирующих ДТП постоянно растёт, в т.ч. и по итогам анализа выводов судебных экспертов по ранее рассмотренным делам.

В качестве основной причины, к сожалению, можно назвать крайне низкий процент процессуально правильного реагирования на заявления страховых компаний со стороны правоохранительных органов.

Безусловно, наиболее явной причиной здесь усматриваются трудности при доказывании умысла лица на совершение хищения денежных средств страховой компании при обращении с заявлением о наступлении страхового случая.

Как известно и неоднократно разъяснялось и Верховным Судом РФ, способами хищения чужого имущества при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со ст. 159⁵ УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества передаёт имущество другому лицу. Обман как способ совершения хищения может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Как известно, в соответствии с положениями ст. 90 УПК РФ, вступившее в силу решение суда об отказе в удовлетворении требований о взыскании страхового возмещения по причине несоответствия повреждений автомобиля истца обстоятельствам заявленного им ДТП, имеет преюдициальное значение в уголовном процессе. Однако дополнительной проверки судом, прокурором, следователем, дознавателем не будет требовать лишь факт несоответствия повреждений. Указанное решение не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

И здесь имеется почва для основной полемики вокруг вопроса: имел ли место обман относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором со стороны страхователя или иного лица, при подаче заявления о выплате страхового возмещения или указанные лица добросовестно заблуждались.

Возможность добросовестного поведения лица даже в случаях, когда истец соглашается с выводами судебного эксперта и уменьшает требуемый размер возмещения, признаётся судами в случаях, когда будет установлено, что истец не мог знать об иной стоимости ущерба, кроме представленного им заключения досудебной экспертизы, на основании которого истцом изначально заявлены иски требования.

На основе рассмотренных дел можно выделить три основные группы повреждений, по которым выводы судебных экспертов существенным образом отличаются от представленных истцами досудебных исследований.

Первая группа включает в себя случаи применения специалистами, производящими досудебную оценку поврежденного имущества неверных артикулов запасных частей, несоответствующих модельному году или комплектации поврежденного автомобиля. В эту же группу можно включить случаи, когда стоимость запасных частей в каталогах РСА, подвергается ревизии и переоценке со стороны самого РСА.

Во вторую группу можно включить случаи, когда наличие скрытых повреждений устанавливается судебным экспертом, но механизм и время образования не может быть установлен. В качестве примера можно привести повреждения рулевых реек, деталей подвески. Как правило, осмотр автомобиля независимыми экспертами производится спустя относительно длительный период времени после ДТП, при его эксплуатации потерпевшим. Вывод о необходимости замены производится в результате оценки состояния исключительно по внешним признакам деталей, без проведения обязательной дефектовки. Осмотр судебным экспертом производится спустя еще более длительное время. И в ситуации, когда указанные механизмы могут пострадать в результате воздействия, имеющего накопительный характер или в процессе вождения по дорогам с неудовлетворительным состоянием покрытия, определить время возникновения неисправности невозможно. Такие ситуации во многом являются следствием непрофессионализма независимых экспертов, не инициирующих проведение дефектовки поврежденных деталей.

Представляется, что ситуации, подпадающие в указанные группы, не дают значимых предпосылок для поиска преступного умысла в действиях истца, обратившегося с требованием к страховой компании, даже в случае поступления в суд заключения по результатам судебной экспертизы с установленной стоимостью восстановительного ремонта ниже, чем указывал истец.

Третья группа представляет наибольший интерес для правоохранительных органов. В неё можно включить повреждения кузовных элементов автомобиля или салона, в отношении которых сделан вывод о несоответствии их обстоятельствам заявленного страхователем ДТП. Именно установление факта несоответствия повреждений автомобиля заявителя обстоятельствам указанного им ДТП и свидетельствует о наличии умысла у лица совершить обман страховщика относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором.

При установлении факта, указывающего на то, что заявленные истцом повреждения автомобиля получены при разных обстоятельствах, от разных деформаторов и не могут быть объединены в единый комплекс повреждений с точки зрения автора, указывает на прямой умысел заявителя: осознание им общественной опасности своих действий по сообщению ложных сведений относительно объема повреждений автомобиля или бездействия по умолчанию сведений о том, что ряд повреждений получены при иных от заявляемых обстоятельствах, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде ущерба страховщику и желание наступления данных последствий, объясняемое желанием получить незаконное страховое возмещение.

При этом рассматриваемая группа повреждений относится к явным – то есть указания страхователя, при дальнейшем потенциальном расследовании уголовного дела, о том, что исключенные экспертом повреждения не были им замечены до заявленного им ДТП, будут опровергаться объективной невозможностью такой ситуации. Нельзя, к примеру, заявлять к возмещению разбитое стекло автомобиля, а потом указывать, что данный недостаток не был замечен до ДТП. Хотя надо отметить, что именно после ДТП владелец автомобиля наиболее тщательно его осматривает, выявляет все имеющиеся повреждения и здесь велик соблазн «вписать» их в извещение о ДТП или документ по факту ДТП, оформляемые сотрудниками ДПС.

Но здесь в большей степени идет речь не о недалевидных владельцах, которые включают в размер требований и ликвидацию пары сколов, а о лицах полностью инсценирующих ДТП.

Полученный опыт во многом уже на стадии принятия дела к производству позволяет, не предрешая исход дела, производить осторожные прогнозы на исход судебной экспертизы. В частности, из общего числа рассмотренных, в категории дел с вынесением решения об отказе в удовлетворении иска лидируют собственники автомобилей иностранного производства сегмента «бизнес» и «премиум» 2010 г.в. и старше, владеющие данными автомобилями меньше недели к моменту ДТП, не поставившие их на учёт, и уже к моменту судебного разбирательства произведшие их отчуждение. Такие автомобили внешне не имеют большого количества повреждений, но перечень скрытых охватывает исключительно самые дорогостоящие агрегаты: АКПП, редукторы, катализаторы. При этом агрегаты имеют только повреждения корпусов, не исключаящие их ежедневную эксплуатацию.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

– решение суда, устанавливающее факт несоответствия заявленных истцом повреждений автомобиля обстоятельствам заявленного им же ДТП, имеет преюдициальное значение при проведении проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ и при расследовании уголовного дела;

– установление умысла лица на совершение преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, во многом возможно путём анализа заявляемых им в комплекс указываемого ДТП повреждений и выводов эксперта о причинах их исключения.

– только путём активизации работы правоохранительных органов над пресечением указанного вида преступлений можно достичь исключения нашей области из достаточно сомнительного лидерства в рейтинге РСА, а также снижения нагрузки на судебную систему, и, как следствие, добиться восстановления законности.

Кузьмин М. Н.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного процесса

Ростовского юридического института МВД России,

г. Ростов-на-Дону

ПРОКУРОРСКАЯ ПРОВЕРКА КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Аннотация. Анализируются понятие и сущность прокурорской проверки, ее свойства и значение в досудебном производстве по уголовным делам. Особое внимание автор уделяет специфическим особенностям и отличительным чертам, характеризующим прокурорские проверки на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство; прокурорские проверки; надзор; формы осуществления.

Проверка в целом как самостоятельное явление – это всегда комплекс мер, направленный на установление соответствия чего-либо предъявляемым требованиям [2, с. 167].

При анализе научной литературы можно выделить две основные группы точек зрения на определение прокурорской проверки. Первая группа авторов определяет прокурорскую проверку как широко используемое на практике полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов должностными лицами, метод осуществления высшего надзора [3].

Существование правового и демократического государства невозможно без четко отлаженного функционирования системы правоохранительных органов, среди которых значимое место занимает прокуратура. Как верно отмечает Н.Э. Шабанов, прокурорский надзор – наиболее действенный и эффективный механизм обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека, а органы прокуратуры, на которые возложены настоящие функции, на протяжении долгих лет являются системообразующим звеном в обеспечении соблюдения законности в различных сферах правового регулирования [6, с. 170].

Во время выступления на ежегодном докладе перед Федеральным собранием Российской Федерации Генеральный прокурор отметил, что за 2019 год было совершено 5 139 782 нарушений закона на досудебной стадии уголовного судопроизводства, из них 3 627 932 при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, 1 511 850 – в ходе производства предварительного расследования.

По сравнению с предыдущим годом общий показатель выявленных нарушений на указанной стадии уменьшился на 0,4%. Исходя из этого, можно сделать два вывода: 1) количество допускаемых нарушений на этой стадии остается стабильно высоким из года в год; 2) приведенные числа впечатляют своей масштабностью, однако, несмотря на имеющиеся высокие цифры нарушений, это не означает, что прокурорский надзор за данным направлением является неэффективным [4].

Основой для классификации проверок также может быть периодичность их осуществления. К примеру, на основании п. 1.1 приказа Генпрокурора РФ от 16.01.2014 № 6 для прокуроров, которые занимаются надзором за тем, как исполняются законы в ряде следственных изоляторов и помещений, которые функционируют как следственные изоляторы, важно каждый месяц проверять законность содержания под стражей подозреваемого и обвиняемого в осуществлении незаконных деяний.

Так, одной из форм участия прокурора в гражданском деле является обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц. Главной особенностью является то, что прокурор ини-

цирует возбуждение гражданского дела от своего имени, но только в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц. Сам прокурор, выступая в защиту других лиц, пользуется всеми процессуальными правами истца.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации на сегодняшний день сужен круг лиц, в отношении которых прокурор может принимать участие в процессе.

На современном этапе акцент в процессуальной деятельности прокуроров смещен в сторону защиты интересов публичных, а также интересов государства.

В судебной практике можно встретить разбирательства, когда прокурор выступает в защиту интересов Российской Федерации как субъект ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, но на деле Российская Федерация не является пострадавшей стороной и защита ее интересов не требуется. Так как прокурор обладает общей компетенцией, то и характер его процессуальной правоспособности – общий. Поэтому ему дано право обращаться в защиту чужого интереса, независимо от сферы отношений, где произошло нарушение прав и интересов других лиц. Ограничения его действий проистекают из положений ст. 45 ГПК РФ.

Соответственно, при отказе в принятии заявления прокурора суд должен применять в совокупности ст. 45 и ст. 134 ГПК РФ. Но, исходя из положений ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, прокурор может выступать в защиту интереса других лиц только в том случае, если лица лишены возможности самостоятельно защищать нарушенные права. Обращение прокурора опосредует реализацию права на судебную защиту и всегда должно быть обоснованным, законным и квалифицированным. Только в этом случае можно говорить о достижении целей правосудия – защиты государственных интересов посредством института участия прокурора в гражданском процессе РФ.

При этом под качеством надзора понимается совокупность свойств или состояний, его характеризующих и позволяющих судить о его достоинствах или недостатках. В научной и практической среде выработаны критерии и отдельные свойства, с помощью которых определяется уровень эффективности прокурорского надзора. К ним относят критерии оценки и показатели измерения эффективности.

В большинстве случаев для дачи оценки эффективности прокурорского надзора используются собранные статистические данные текущего и предыдущих периодов, как результаты проведенной работы. Однако

будет ли данный метод практичным и можно ли с его помощью судить и говорить об эффективности прокурорского надзора?

Скорее нет, чем да. Механическое увеличение/уменьшение показателей деятельности далеко не всегда свидетельствует о качестве достигнутого результата, поскольку происходит банальное наращивание статистических данных. Если исходить из подобной логики, то наибольшей продуктивностью будет выделяться тот прокурор, у которого будут наибольшие показатели. Это далеко неверное суждение, поскольку прокурор, прежде всего, должен ставить перед собой задачу выполнения работы качественно и результативно, а не работать на увеличение «статистической массы». Для справедливой и объективной оценки не следует ограничиваться статистическими показателями, а использовать другие способы и методы для определения уровня эффективности прокурорского надзора. К ним можно отнести: анализ путем сопоставления статистических данных прокуратуры и других правоохранительных органов, ведомств, проведение дополнительных проверок, привлечение специалистов конкретной сферы и т.д. Как известно, значительная доля нарушений на стадии досудебного производства осуществляется на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях.

В.И. Безрядин обобщил следственную практику и выявил, что наиболее распространенное нарушение на данном этапе – сокрытие преступлений, осуществляемое путем отказа в приеме сообщения о преступлении либо в нарушении требований закона при отказе в возбуждении уголовного дела. Как он пишет в своей работе: «Так, в приказах и указаниях Генерального прокурора РФ отмечается, что нередко жертвам преступлений отказывается в приеме заявлений, сообщений о преступлениях, принятые заявления не регистрируются и не рассматриваются; нередко работники полиции стремятся уговорить или заставить потерпевших не подавать заявления. Уголовно наказуемые деяния квалифицируются как административные проступки, при очевидных признаках состава преступления принимаются незаконные решения об отказе в возбуждении уголовных дел, в отдельных случаях учиняются подлоги и фальсифицируются материалы проверок. Ежегодно по результатам проверок возбуждается около 50 тыс. уголовных дел» [1, с. 58].

На мой взгляд, не привлечение лиц, совершивших преступление, к соответствующей уголовной ответственности, нередко приводит к тому, что лицо вновь совершает преступление, которое может представлять собой большую общественную опасность, чем совершенное деяние ра-

нее, и, тем самым, оказывая негативное влияние на рост общего уровня преступности.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ привлекает внимание следующая неурегулированность: по смыслу п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [5], прокурор обязан проверять исполнение требований федерального законодательства при приеме и регистрации сообщения о преступлении. В то же время, исходя из содержания ст. 144 УПК РФ, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания обязаны рассмотреть и принять процессуальное решение по сообщению, однако прямая обязанность зарегистрировать это обращение не упомянута.

Также стоит отметить, что среди указанных в ст. 144 УПК РФ должностных лиц отсутствует упоминание прокурора, но обязанность разрешения заявления, жалобы и иных обращений, содержащих сведения о нарушении федеральных законов, прямо указана в ст. 10 ФЗ «О прокуратуре».

Я считаю, что для урегулирования образовавшегося законодательного пробела и в целях повышения качества прокурорского надзора на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях следует законодательно закрепить новое полномочие прокурора: требовать от правоохранительных органов предоставлять принятые заявления и обращения вместе с имеющимися материалами, указывающими на признаки преступления, но которые по какой-либо причине не были зарегистрированы. Указанное полномочие будет способствовать укреплению законности на территории нашего государства путем возбуждения сокрытых уголовных дел и привлечения к установленной уголовной ответственности виновных лиц, а также восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Кроме того, негативное влияние на качество осуществляемого прокурорского надзора за указанным этапом оказали результаты реформирования уголовно-процессуального законодательства, вследствие которого прокурор лишен права самостоятельно возбуждать уголовные дела. В случае выявления нарушения должностного лица, которое образует состав преступления, прокурор не имеет должной меры реагирования. Вместо этого прокурор вправе направить в соответствующий орган предварительного расследования мотивационное постановление для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений.

Можно ли в данном случае сказать, что принятые действия будут эффективны? – Вряд ли.

Следователь (дознатель) самостоятельно должны изучить материалы, установить обстоятельства, которые послужат основанием для возбуждения уголовного дела, в то время как само постановление прокурора является не больше, чем поводом.

В уголовно-процессуальной среде существует позиция о возвращении прокурору полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела. В подтверждение данного мнения приводится достаточно аргументов, один из которых рассмотрен выше. Стоит отметить, что возврат утраченного права будет способствовать своевременному выявлению нарушений и привлечению виновных лиц к соответствующей ответственности. Исходя из этого, возвращение прокурору полномочия возбуждать уголовные дела является практической потребностью, реализация которой способствовала бы укреплению и повышению уровня законности в стране и в целом оказала бы положительное влияние на эффективность прокурорского надзора за уголовно-процессуальной сферой.

Таким образом, прокурорский надзор является эффективным инструментом государства для достижения и укрепления законности, в то же время данное средство далеко от идеала и нуждается в ряде изменений и доработок. На мой взгляд, принятие указанных мер, конечно, не может решить полностью существующие проблемы, не сделает прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, абсолютно совершенным, но проведение реформирования в области его организации будет способствовать повышению его качества в разы.

Список источников

1. *Безрядин В.И.* Проблемы эффективности прокурорского надзора в уголовном процессе // Царскосельские чтения. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnosti-prokurorskogo-nadzora-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 21.06.2021).

2. *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.

3. *Ергашев Е.Р., Фирсова А.А.* К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // Российский юридический журнал. 2013. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).

4. Основные результаты прокурорской деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) [Электронный ресурс]. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.06.2021).

6. *Шабанов Н.Э.* Прокурорский надзор за предварительным следствием: проблемы и перспективы развития // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 170–172. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-predvaritelnyim-sledstviem-problemy-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (дата обращения: 21.06.2021).

Кучерук Д. С.,

кандидат юридических наук,

судья Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: К ЧЕМУ ПРИВОДИТ «ШАТАНИЕ» ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯМ

Аннотация. В статье автором критически оцениваются законодательные эксперименты, производимые с уголовно-процессуальным институтом особого порядка судебного разбирательства, предусмотренным главой 40 УПК РФ. По мнению автора статьи, законодатель неоправданно ушел от первоначально заданных критериев применения особого порядка, что с течением времени стало очевидно и отразилось, в числе прочего, в судебной статистике. К рассмотрению в особом порядке, без допроса свидетелей и исследования доказательств, стало приниматься более 50% всех дел о тяжких преступлениях, и кроме того, пусть в единичных случаях, он применялся и к особо тяжким преступлениям. Федеральный закон от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ, предоставивший государственным или частным обвинителям и (или) потерпевшим право безаргументированного возражения против заявленного обвиняемым ходатайства об особом порядке судебного разбирательства, еще более усугубил ситуацию. Злоупотребление процессуальным правом со стороны обвинения уже сейчас приводит к существенному снижению процессуальных гарантий для обвиняемых, в том числе, как это ни парадоксально, по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Ключевые слова: особый порядок; судебное разбирательство; постановление приговора; государственный обвинитель; возражение; глава 40 УПК РФ.

Проблема обеспечения интересов всех участников уголовного судопроизводства в сочетании с достаточностью мер, направленных на обеспечение публичного порядка и охрану общественно-значимых ценностей, всегда стояла в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Одним из институтов современного уголовного судопроизводства, призванных адекватным образом решать указанную задачу, является институт особого порядка судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ. Малое внимание, которое в последнее время уделяется указанному институту в научной литературе (ввиду смещения интереса исследователей к главе 40.1 УПК РФ), может создать впечатление об его эффективной работе, однако на практике в реализации особого порядка по-прежнему сохраняются сложности, прежде всего, по причине неоднократных законодательных изменений уголовно-процессуального закона. С момента вступления в 2002 году в силу действующего УПК РФ в указанную главу неоднократно вносились изменения, принципиально менявшие категориальные критерии и процедурные нормы, по которым особый порядок реализуется. Последние из таких изменений случилось в июле 2020 года и, что особенно важно отметить, их инициатива исходила от Верховного Суда Российской Федерации [14].

Напомним, что первоначальная редакция статьи 314 УПК РФ предусматривала применение особого порядка судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ только по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), не превышает пяти лет лишения свободы.

С учетом редакции уголовного закона того времени это означало, что особый порядок распространялся исключительно на дела о преступлениях небольшой тяжести (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышало двух лет лишения свободы) и средней тяжести (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышало пяти лет лишения свободы).

Фактически суды не успели опробовать указанное нормативное положение, поскольку уже через год с момента вступления УПК РФ в силу Федеральным законом № 92-ФЗ от 4 июля 2003 года редакция статьи 314 УПК РФ была скорректирована и процедура постановления приговора без проведения судебного разбирательства была распространена на уго-

ловные дела о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышало 10 лет лишения свободы (без упоминания категории преступления) [12].

Исчерпывающей статистикой правореализационной практики первых лет действия УПК РФ мы не обладаем, однако данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации говорят нам, что в 2004 году на уровне районных судов особый порядок производства применялся в 16,4% случаев от общего числа рассмотренных дел с вынесением приговора, мировые судьи использовали указанный процессуальный порядок по 26,6% дел [2].

В 2007 году (первом году, за который на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации доступны статистические данные) из общего массива дел, рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями (без военных судов) особый порядок применялся уже в 34,33% случаев (из 1114753 дел рассмотренных по существу с вынесением приговора или прекращением дела в особом порядке было рассмотрено 382763 дела) [9]. Из указанного массива наибольшую долю составляли дела о следующих видах преступлений: кража (132799 – 34,69 %), незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами (40227 – 10,52%), грабеж (22444 – 5,86%), мошенничество (17121 – 4,47%), умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (16449 – 4,29%), экологические преступления (10 924 – 2,85%). Следует отметить, что уже в этот период в особом порядке рассматривались в том числе и дела, которые традиционно вызывают большой общественный резонанс: убийство без смягчающих обстоятельств – 82 дела, иные посягательства на жизнь человека – 1061, террористический акт, содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма – 156; бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них – 27; преступления экстремистской направленности – 18; преступления в сфере экономики – 4675; дача и получение взятки (соответственно 1983 и 613).

Поскольку при установлении судьей того, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, назначаемое по обвинительному приговору подсудимому наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (часть 2 статья 316 УПК РФ,

в дальнейшем – часть 7 той же статьи), указанный порядок с течением времени приобрел все большую «популярность» как в среде лиц, преступивших закон, так и в среде правоприменителей. Так, через 10 лет действия УПК РФ, в 2012 году особый порядок рассмотрения дел составлял уже 63% от общего количества дел рассмотренных судами общей юрисдикции и мировыми судьями по существу (573003 уголовных дел из 909461) [10]. При этом из общего числа дел по преступлениям небольшой тяжести в особом порядке рассматривалось 66,8% дел (317906 из 475697), средней тяжести – 66,15 % (156499 из 236582), тяжкие – 62,97 % (98553 из 156502), особо тяжкие – 0,11 % (45 из 40680).

В 2019 году, когда законодатели в очередной раз решили изменить редакцию статьи 314 УПК РФ, доля дел, рассмотренных в особом порядке, несколько снизилась, однако по-прежнему составляла большинство по всем категориям дел, за исключением особо тяжких: по преступлениям небольшой тяжести – 65,20% дел (278988 дел из 427876), средней тяжести – 51,49 % (91680 дел из 178050), тяжким – 50,79 % (60582 дел из 119259), особо тяжким – 0,13 % (42 дела из 30301). В 2020 году, с учетом того, что рассматриваемый процессуальный институт снова был изменен законодателем [14], особый порядок еще в большей степени был вытеснен общим, сократившись даже по преступлениям небольшой тяжести на 5,71 %, а в совокупности по всем категориям дел – на 7,68 % [11].

Впрочем, статистика даже за 2020 год не вполне репрезентативна, поскольку в данном случае имеет эффект «переживания закона», и производства, начатые до вступления в силу названного закона, т.е. до 31 июля 2020 года (через 10 дней с момента его официального опубликования), продолжились по ранее действовавшим процедурным нормам. Так, статистические сведения по Канавинскому районному суду города Нижнего Новгорода свидетельствуют: если за 2020 год в суд поступило 507 уголовных дел, из них в особом порядке было рассмотрено 252 уголовных дела (49,70%), то за шесть месяцев 2021 года из 253 поступивших дел в особом порядке рассмотрено только 93 (36,75%). Таким образом, процент рассмотрения дел в порядке главы 40 УПК РФ, очевидно, падает, и по итогам 2021 года такое падение может составить до 30% по отношению к показателям прошлых лет.

Хороши или плохи происходящие изменения? Прежде всего, следует отметить, что в вопросе реализации процессуального института, предусмотренного главой 40 УПК РФ, тесно переплелись уголовно-правовые

и собственно уголовно-процессуальные аспекты, затрудняющие правоприменительную деятельность.

Во-первых, в статью 15 УК РФ неоднократно вносились изменения, которые изменяли категорирование преступлений в зависимости от формы вины лица, их совершившего, а также назначаемого за их совершение наказания. Поскольку статья 314 УПК РФ в разных своих редакциях содержала указание как на категорию преступления, так и на срок назначаемого наказания, это открыло возможность для стороны защиты обеспечивать подсудимым снижение отбываемого наказания за счет применения к ним особого порядка судопроизводства. Кроме того, в 2011 году статья 15 УК РФ была дополнена частью шестой, позволяющей суду с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности изменить категорию преступления на менее тяжкую [13]. К примеру, при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, обычно квалифицируемое как особо тяжкое, однако за которое осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы, могло быть переведено в категорию тяжких преступлений. Очевидно, подобные законодательные отклонения открывают большой простор как для правоприменительного усмотрения, так и, возможно, коррупции, что само по себе неоднозначно трактуется общественностью.

Во-вторых, статьи особенной части УК РФ также неоднократно подвергались изменениям, что не позволяет абсолютно однозначно трактовать статистические данные начального периода действия УПК РФ и современного периода. За последние два десятилетия значительная часть преступлений была декриминализована, а по многим составам максимальные сроки наказания были снижены, что повлекло изменение их принадлежности к той или иной категории общественной опасности.

Судебная практика в данном случае существенно осложнилась, поскольку правоприменителям было бы необходимо, в числе прочего, соотносить особенности одновременного применения материального и процессуального права. Так, преступность и наказуемость деяния согласно статье 9 УК РФ определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. В тоже время согласно статье 4 УПК РФ при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено УПК РФ. Данное обстоятельство имеет

особое значение, поскольку в последнее время судьи неоднократно сталкивались с обжалованием своих решений об отказе в принятии дела к рассмотрению в особом порядке.

В этой связи в июне 2021 года Президиуму Верховного Суда пришлось официально разъяснить судам, можно ли рассмотреть в особом порядке уголовное дело о тяжком преступлении, если оно было совершено до вступления в силу закона от 20 июля 2020 года № 224. Верховный Суд РФ разъяснил: «...вопрос о форме судопроизводства (в общем порядке судебного разбирательства либо в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением) не связан с моментом совершения преступления и зависит исключительно от того, принято ли судьей процессуальное решение о назначении судебного заседания на момент вступления в силу Федерального закона от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ» [6].

Поразительным эффектом непродуманных действий законодателя в сочетании с запоздалым разъяснением правоприменительной практики стало то, что изменения главы 40 УПК РФ, произошедшие в июле 2020 года, нанесли удар даже по процессуальным гарантиям, предоставленным лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести: прокуроры все чаще представляли возражения против особого порядка рассмотрения дела, а суды – прибегали к общему порядку рассмотрения дел (и те и другие зачастую делали это «на всякий случай»). Предоставив государственным обвинителям и потерпевшим право безаргументированного возражения против заявленного обвиняемым ходатайства об особом порядке судебного разбирательства (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ), законодатель в очередной раз существенно осложнил сложившуюся правоприменительную практику. Если со стороны потерпевших злоупотребление процессуальным правом представления возражений не является критичным с точки зрения общего объема таких дел, то со стороны обвинения в лице сотрудников прокуратуры такое злоупотребление, с нашей точки зрения, уже сейчас приводит к существенному снижению процессуальных гарантий подсудимых. Несмотря на то, что с завидной периодичностью Генеральной прокуратурой России издаются приказы об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства, в которых прокурорам предписывается «назначать государственных обвинителей заблаговременно, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству», а государственным обвинителям в свою очередь «заблаговременно готовиться

к судебному заседанию» [7], судьям неоднократно приходится сталкиваться с формальным исполнением государственными обвинителями своих обязанностей. Для многих из них представление возражения против заявленного обвиняемым ходатайства об особом порядке судебного разбирательства является лишь дополнительной возможностью изменения собственной отчетности об участии в судебном разбирательстве по уголовным делам¹, подкрепляемой процессуальным полномочием принесения апелляционных представлений. Обращаясь к сотрудникам прокуратуры в судебном заседании с вопросом об аргументации заявляемого ими возражения, во многих случаях, к сожалению, мы не получаем должного ответа.

Между тем, основываясь на необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, мы считаем необходимым дополнение положений главы 40 УПК РФ нормой, определяющей исчерпывающие основания принесения возражений против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Отметим, что в вышеупомянутом приказе Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 года № 376 (п. 3.8) государственным обвинителям предписывается при даче согласия на рассмотрение уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства (главы 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ) руководствоваться требованиями закона *об условиях* его применения (курсив мой – Д.К.). В качестве оснований принесения возражений, с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [4], следует считать:

- отсутствие заявления обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением в совершении преступления;
- нарушение добровольности представления обвиняемым ходатайства;
- обоснованное сомнение в понимании обвиняемым существа обвинения или отсутствие согласия с ним в полном объеме;
- представление обвиняемым ходатайства в отсутствие защитника, без консультации с ним в период, установленный частью 2 статьи 315 УПК РФ;

---

¹ К сожалению, приходится констатировать, что «палочная» система продолжает жить. См. для примера отчетность органов прокуратуры, в которой рост количества апелляционных представлений рассматривается как показатель эффективности деятельности [3].

– неосознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства;

– неправильная квалификация деяния лица, не подпадающая под критерии степени тяжести преступления (часть 1 статьи 314 УПК РФ);

– необоснованность обвинения, отсутствие его подтверждения собранными по делу доказательствами (часть 7 статьи 316 УПК РФ);

– наличие оснований для прекращения уголовного дела.

С нашей точки зрения, из вышеуказанных обстоятельств наиболее критичными с точки зрения доказывания являются обстоятельства, нарушающие интеллектуальный и волевой компоненты заявляемого обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства [1]. Так, обоснованное сомнение в понимании обвиняемым существа обвинения должно возникать в отношении лиц, которые по заключению судебно-психиатрической экспертизы в применении мер медицинского характера не нуждались, однако страдали различными психическими заболеваниями, например, состояли на учете или проходили лечение в психиатрической больнице. Также имеет существенное значение при принятии решения об особом порядке судебного разбирательства отсутствие согласия с предъявляемым обвинением в полном объеме. К примеру, нередко позиция подсудимых о фактических обстоятельствах произошедшего полностью либо частично расходится с позицией потерпевших и свидетелей, что в совокупности с иными обстоятельствами дела может влиять на квалификацию предъявляемого ему обвинения. В судебном заседании должно быть подтверждено однозначное понимание и признание подсудимым вины в инкриминируемом ему деянии с учетом всех квалифицирующих признаков, смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. В свое время Пленум Верховного Суда РФ разъяснил это, указав, что под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, следует понимать *фактические обстоятельства* содеянного обвиняемым, *форму вины, мотивы* совершения деяния, *юридическую оценку* содеянного, а также *характер и размер вреда*, причиненного деянием обвиняемого [4] (курсив мой – Д.К.). Естественно, что обеспечение указанного права подсудимого должно осуществляться в присутствии защитника, надлежащим образом исполняющего свои обязанности.

Что же остается в сухом остатке? Как часто и бывает в юридической науке и практике, спустя 20 лет экспериментов над обществом законода-

тель фактически вернулся к исходной редакции рассматриваемого нами процессуального института особого порядка постановления приговора без проведения судебного разбирательства. При этом ровно та же аргументация, которая звучала при расширении критериев, предусмотренных статьей 314 УПК РФ, звучит и теперь, когда обосновывается необходимость их сокращения. До рассматриваемой реформы исследователи писали: «ускорение рассмотрения в судах несложных уголовных дел, какими часто являются даже дела *о тяжких и особо тяжких преступлениях* (курсив мой – Д.К.), разгрузила суды первой инстанции и создала возможность сосредоточить усилия на спорных в доказательственном отношении случаях, по иным уголовным делам» [8]. В процессе реформы разработчики законопроекта строили свою аргументацию уже от обратного: «...дела о преступлениях, отнесенных законом к категории тяжких ввиду их повышенной общественной опасности, как правило, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации, что требует установление на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия» [5].

Таким образом, теперь считается, что обеспечение надлежащих гарантий судопроизводства возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании. При этом, к сожалению, нередко за соблюдением формальностей правоприменители не видят судеб конкретные личности как со стороны защиты, так и стороны обвинения. А между тем именно права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, должны оставаться в центре всеобщего внимания, и поэтому производимые законодателем эксперименты с нормами как материального, так и процессуального права должны быть тщательно выверены, чтобы никоим образом не отменять и не умалять права человека.

Список источников

1. Курченко В.Н. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением – условие особого порядка судебного разбирательства // Российский судья. 2015. № 6. С. 22–25.

2. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_12_2004.doc (дата обращения: 19.08.2021).

3. Основные результаты прокурорской деятельности за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 года № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1A037360-BBAF-46A8-AF15-B32680560544> (дата обращения: 19.08.2021).

6. Президиум ВС дал разъяснения по поводу рассмотрения дел в особом порядке. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30106/ (дата обращения: 25.08.2021).

7. Приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 года № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

8. Разъяснение законодательства: Особый порядок судебного разбирательства по уголовному делу [Электронный ресурс]. URL: <https://sao.mos.ru/news/news/detail/1034890.html> (дата обращения: 19.08.2021).

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей (без военных судов) за 2007 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=847> (дата обращения: 19.08.2021).

10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения: 19.08.2021).

11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 19.08.2021).

12. Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

13. Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 декабря.

14. Федеральный закон от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 24 июля.

Лизунов А. С.,
*преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Волжского государственного университета водного транспорта,
адвокат, г. Нижний Новгород*

АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализирована возможность введения аудиопротоколирования допроса и очной ставки на стадии предварительного расследования. Рассмотрены проблемные аспекты внедрения данного требования в практическую деятельность следователей и дознавателей. Выделены положительные моменты его реализации. Приведен в качестве примера опыт английской полиции в части регламентации ведения аудио- и видеозаписи допроса подозреваемого.

Ключевые слова: аудиопротоколирование; допрос; очная ставка; неотложные следственные действия.

1 сентября 2020 года на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов Министерством юстиции Российской Федерации размещен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» [3].

Данный проект федерального закона направлен на дальнейшую «цифровизацию» уголовного процесса и предусматривает, помимо прочего, внесение изменений в статьи 189 и 192 УПК РФ. Согласно новой редакции этих статей, допрос и очная ставка должны проводиться с обязательным проведением аудио-и (или) видеозаписи, материалы которой приобщаются к протоколу допроса (очной ставки) и хранятся при уголовном деле.

Практикующие юристы, в частности адвокаты, встретили данную новеллу уголовно-процессуального законодательства позитивно, высказали надежду на скорое принятие закона [1; 2].

Однако сбыться ей оказалось непросто. Без малого год данный проект закона находится в стадии обсуждения. Представляется, что длительность обсуждения обусловлена, прежде всего, радикальностью вносимых изменений. Фактически вслед за стадиями судебного разбиратель-

ства аудиопротоколирование вводится на стадии предварительного расследования.

Из числа проблем введения новых требований к проведению допроса и очной ставки возможно выделить следующие:

- повышение стоимости расследования уголовного дела. Аудио- видеозапись допроса и очной ставки потребуют приобретения не только соответствующего оборудования для записи, но и носителей информации (например, CD-диски), которые необходимо будет приобщать к бумажному протоколу допроса;

- увеличение времени проведения следственных действий. Дополнительное время потребуется для настройки и включения средств записи, возможного воспроизведения записи в ходе следственного действия в целях устранения неточностей;

- необходимость обучения следователей/дознавателей новым криминалистическим приемам проведения следственных действий;

- необходимость внедрения повышенных требований к защите персональных данных. Требуется дополнительной регламентации вопрос копирования файлов с записью и их хранения вне материалов уголовного дела.

Кроме того, возникает вопрос, как проводить неотложные следственные действия, когда нет технической возможности осуществить аудио- или видеозапись. Допустимо ли в данной ситуации отступать от требования аудио- или видеозаписи допроса или очной ставки.

Вместе с тем нельзя не отметить прогрессивность законопроекта Министерства юстиции Российской Федерации, который, прежде всего, направлен на повышение гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Решается сразу несколько проблем:

- в ходе допроса или очной ставки, в условиях, когда они проходят под аудио- или видеозапись значительно труднее оказать психологическое давление на допрашиваемое лицо, поскольку каждое слово участников следственного действия фиксируется как минимум на аудиозаписи. В случае, если допрашиваемое лицо в дальнейшем, например, в суде заявит, что давал показания под давлением, данный факт значительно проще будет проверить;

- исключается момент неверной интерпретации либо фиксации некорректным образом в протоколе показаний допрашиваемого, поскольку в любой момент возможно включить аудио- или видеозапись и сопоставить ее с бумажным протоколом следственного действия;

– значительно повышаются гарантии прав допрашиваемых лиц в части разъяснения им процессуальных прав и, в целом, в части соблюдения уголовно-процессуальных норм при проведении следственных действий.

Характерно, что аудиозапись допроса подозреваемого уже применяется в ряде развитых стран.

Так, важное значение в правоприменительной деятельности английской полиции имеет направление её работы по производству аудиозаписи собеседований (англ. audio recording interviews) с подозреваемыми лицами [4, с. 65].

Процедура аудиозаписи допроса подозреваемого в Англии подробно регламентирована CODE E Revised Code of Practice on Audio Recording Interviews with Suspects (КОДЕКС E Кодекс практики аудиозаписи допросов подозреваемых) [5].

Причем английские коллеги настолько детально подошли к процедуре регламентации аудиозаписи допроса, что приняли отдельный кодифицированный нормативный акт, посвящённый данному вопросу, регламентировав саму процедуру аудиозаписи, хранения носителя информации, его распаковку, упаковку, перерывы в аудиозаписи, допрос подозреваемого с проблемами здоровья, процедуру передачи аудиозаписи в суд и др. [5].

Подводя итог, нельзя не заметить, что введение аудиопротоколирования допроса и очной ставки в ходе предварительного расследования является важным этапом дальнейшей модернизации всего уголовного процесса, повышения его качественного уровня. Безусловно, возникнут трудности на этом пути. Однако любой прогресс сталкивается с препятствиями, тормозящими его развитие. При этом, насколько быстро российское государство сможет изменить нормативную базу, а затем правоприменительную практику в указанном направлении, будет свидетельствовать о том, насколько оно готово к подлинному обеспечению гарантий участникам уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Долгожданная инициатива // Сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dolgozhdannaya-initsiativa/> (дата обращения: 30.07.2021).

2. *Нагорная М.* Адвокаты прокомментировали проект поправок в УК и УПК о воспрепятствовании адвокатской деятельности // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-prokommentirovali-proekt-popravok-v-uk-i-upk-o-vostryepyatstvovanii-advokatskoy-deyatelnosti/?sphrase_id=177012 (дата обращения: 30.07.2021).

3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=107783> (дата обращения: 30.07.2021).

4. *Чимаров С.Ю.* Практика работы английской полиции по соблюдению прав человека в процессе аудиointервью с подозреваемыми лицами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 65.

5. CODE E Revised Code of Practice on Audio Recording Interviews with Suspects (КОДЕКС E Кодекс практики аудиозаписи допросов подозреваемых [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/495716/52344_00_Pace_Code_E_Accessible_v0.3.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

Маслов Д. Е.,

кандидат юридических наук,

судья Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. Автор, опираясь на свой практический опыт, обращается к актуальным проблемам функционирования суда присяжных заседателей, высвечивает наиболее острые вопросы, связанные с участием граждан в осуществлении правосудия, формулирует и развивает дискуссионные вопросы совершенствования названного института.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд присяжных; участие граждан в осуществлении правосудия; совершенствование судопроизводства.

Судебная система России прошла долгий путь становления. В древние времена суд, по своей сути, играл огромную роль не только в разрешении каких-либо споров, но и являлся своеобразным источником права, представленном в виде судебной практики. С каждым этапом развития российской государственности менялась структура данной системы, пол-

номочия, лица, осуществляющие судебную власть и другие её элементы. Пройдя свой путь от нерегулируемого и не отделённого от других ветвей власти обычного института, судебная власть стала сложной системой органов, полностью независимой ветвью и в целом улучшенной в плане реализации своих полномочий.

Реалии современного мира таковы, что эффективность работы общественных систем, структур и ветвей власти определяется вполне реальными цифровыми показателями, получение и определение которых стало возможным благодаря внедрению цифровых технологий. Процесс цифровизации не обошел стороной и судебную систему. Так, Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы признала российскую судебную систему наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств. Такие выводы были сделаны на основе масштабного исследования, проведенного данной комиссией. Было установлено, что отечественные суды работают достаточно быстро. Средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров в России составляет 50 дней. В сравнении: в Германии данный срок составил 220 дней, во Франции – 420 дней, а в Италии – 527 дней. При этом указанные страны, включая Россию, являются представителями одной правовой модели – романо-германской [1].

Достижение таких высоких результатов стало возможным благодаря постоянной и качественной работе по реформированию судебной системы РФ. Необходимо отметить, что реформирование судебной системы связано не только со структурными изменениями в судебной системе, но и необходимостью соответствия судов потребностям времени, общественным запросам, общественно-экономическому укладу, поскольку судебная система не самобытна и замкнута, а является частью общественного механизма, отвечающего за разрешение конфликтов и спорных ситуаций в обществе.

Необходимость гармоничного развития судебной системы в интересах общества отмечена в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р, в которой указано, что развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к судебной системе. Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защи-

щает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности [4].

Данный документ является программным и содержит перечень мер для долгосрочного поступательного развития судебной системы. Проанализировав его, несложно прийти к выводу, что одним из приоритетных направлений развития всей судебной системы, является ее открытость и доступность для граждан. Достижение данной цели становится возможным благодаря внедрению современных технологий в систему исполнения судебных актов, обеспечения доступа граждан к правосудию, информатизации судебной системы и внедрению современных информационных технологий в деятельность судебной системы и т.д.

Стоит отметить, что взаимодействие судебной системы с гражданским обществом определяется не только реализацией принципа доступа граждан к правосудию, но и развитием правовых механизмов участия граждан в осуществлении правосудия. Необходимость изучения данных механизмов обозначена и в Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 03.12.2012 № 2237-р (Приложение № 2, глава XI «Общественные науки») [3]. Однако, несмотря на отмеченную исполнительной ветвью власти необходимость дополнительного изучения и теоретических изысканий, некоторые механизмы участия граждан в осуществлении правосудия внедряются и применяются на практике уже сегодня.

Так, Федеральным законом от 29.12.2017 № 467-ФЗ внесены изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая дополнена частью 2.1, в соответствии с которой указано, что судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей по ходатайству обвиняемого рассматривают в качестве суда первой инстанции уголовные дела о преступлениях, перечень которых определен законом.

Нельзя утверждать, что для отечественной судебной системы данный механизм отправления правосудия является новым и необычным, поскольку судами субъектов РФ уголовные дела с участием присяжных заседателей рассматривались и ранее. Вместе с тем, безусловно, довольно интересным шагом и опытом является внедрение института суда присяж-

ных заседателей на уровне районных судов и гарнизонных военных судов. Представляется, что положительным аспектом такого законодательного решения является расширение участия граждан в осуществлении правосудия и возможностью подсудимых, по определенной категории дел, прибегнуть к данной процедуре уголовного судопроизводства, что должно повысить доверие общества к конкретным итоговым решениям по уголовным делам и к судебной системе в целом.

Внедрение любого нового решения в сложной законодательной и правоприменительной системе имеет как положительные моменты, так и определенные трудности в реализации. Имеются таковые и в случае введения суда присяжных в районных судах. Хотелось бы проанализировать некоторые из проблемных моментов, которые возникают при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей на примере уголовного дела в отношении П.С.Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 30 ч. 3, 105 ч. 1 УК РФ¹.

Согласно ч. 1 ст. 326 УПК РФ, после назначения судебного заседания по распоряжению председательствующего, секретарь судебного заседания или помощник судьи производит отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», исполнительно-распорядительный орган муниципального образования каждые четыре года составляет список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, включая в указанные списки граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования.

Из изложенного следует, что список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели формируется из числа жителей конкретного муниципалитета, которые проживают по месту нахождения соответствующего районного суда. Из вышеприведенного уголовного дела следует, что при отборе кандидатов в присяжные заседатели из представленных муниципальным образованием списков, было извещено о необходимости явиться в суд в качестве кандидатов в присяжные заседатели 400 человек, из которых в суд явились двое. Поскольку данного количества реально

---

¹ Дело предоставлено по запросу из архива Канавинского районного суда г. Н. Новгорода.

явившихся граждан было недостаточно для формирования коллегии присяжных заседателей, путем случайной выборки были отобраны и извещены о необходимости явки в суд еще 1000 человек, из которых явилось 18 человек, и в последующем была сформирована коллегия присяжных заседателей. Данная проблематика представляется существенной. Поскольку законодателем сформулирована возможность привлечения в качестве кандидатов в присяжные заседатели лишь жителей конкретного муниципального образования, в данном случае района города, и учитывая уровень правосознания граждан, становится действительно простой задачей сформировать коллегия присяжных заседателей в короткий срок. Стоит отметить и наличие ряда цензов, сформулированных в ст. 3 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», которые являются вполне справедливыми, но также сужают круг кандидатов для участия в отборе в присяжные заседатели. Даже если не обсуждать размер финансовых затрат, которые стоит понести для извещения кандидатов, то уж точно необходимо говорить о том, что размер некоторых муниципалитетов не всегда позволит произвести качественную выборку кандидатов в присяжные заседатели. Кроме того, необходимо отметить, что в случае активного использования данной формы правосудия, в муниципалитетах с небольшим количеством населения, дополнительным существенным ограничением при отборе кандидатов в присяжные заседатели является невозможность участия более одного раза в год гражданина в суде в качестве присяжного заседателя.

Сопутствующим проблемным фактором становится то обстоятельство, что ряд преступлений совершаются лицами из числа жителей того муниципального района, в котором в последующем производится выборка кандидатов в присяжные заседатели.

С учетом требований, сформулированных ст. 335 ч. 7 УПК РФ, в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 настоящего Кодекса. В ходе судебного следствия перед председательствующим судьей периодически возникает вопрос, каким образом оградить присяжных заседателей от оказания на них воздействия, например, в тех случаях, когда подсудимый и сторона защиты заявляют об оказании давления на подсудимого в ходе предварительного следствия и о сфабрикованности доказательств по де-

лу, пытаясь, тем самым, сформировать положительный образ подсудимого в глазах присяжных. В данной связи представляется необходимым разрабатывать механизмы, которые позволяли бы более эффективно реагировать на случаи нарушений, связанных с попыткой воздействия на присяжных заседателей.

В силу требований закона, сформулированных в ст. 339 УПК РФ, следует, что присяжные заседатели должны дать ответ на вопросы о виновности лица привлекаемого к уголовной ответственности по конкретному деянию, о том, имело ли деяние место быть и ответить на вопрос о причастности подсудимого к совершению преступного деяния. В данной связи стоит учесть, что присяжным иногда сложно дать оценку конкретным действиям лиц с обывательской точки зрения, так как зачастую присяжные не имеют базовых юридических знаний. Например, повышенной сложностью для ответа на поставленные вопросы, обладают уголовные дела по преступлениям с двойной формой вины (например, ст. 111 ч. 4 УК РФ), когда лицо умышленно совершает деяние и наступают последствия, которые не охватываются умыслом лица, но по отношению к которым можно констатировать его вину в форме неосторожности. Дополнительным осложняющим фактором для присяжных при ответах на вопросы в вопросном листе, становится оценка действий соучастников, совершивших преступление с двойной формой вины. Например, при квалификации действий соучастников по ст. 111 ч. 4 УК РФ, когда лицо не наносит удары потерпевшему, не применяет к нему физическое насилие, однако активно вербально поддерживает лица, которые наносят удары, снимает происходящее на видеокамеру, не предпринимает мер по пресечению преступных действий, а также предпринимает меры к сокрытию следов преступления. С обывательской точки зрения вполне логичен вопрос, будет ли такое лицо соучастником преступления, учитывая, что оно не применяло физического насилия непосредственно к потерпевшему. Пример оправдательного приговора судом присяжных в отношении такого лица существует на практике.

В целом, на примере все более широкого внедрения суда присяжных в систему российского правосудия, можно сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся трудности, российское правосудие является прогрессивным, успешно развивающимся, идущим в ногу со временем, информационно и технологически развитым и отвечающим новым вызовам в ходе развития общества в целом. В коллективном научном труде под редакцией председателя Верховного Суда РФ Лебедева В.М. отмечено: «Взгляд

в будущее правосудия всегда будет иметь незавершенный и небесспорный характер, так как в условиях идеологического и правового многообразия не может быть абсолютного совпадения интересов различных социальных групп и отдельных индивидов, а также единых концепций различных правовых явлений. Совокупность коллективных и индивидуальных научных представлений о правосудии образует относительно самостоятельный пласт национальной культуры, отражающий особенности исторического развития права и государства в России. ... Российское правосудие, отражая особенности исторического развития нашей страны, развивается в русле тех принципов и норм, которые установлены международным правом, Конституцией и законодательством Российской Федерации. Потенциал дальнейшего развития и совершенствования российского правосудия далеко не исчерпан. Необходимы новые шаги в направлении его раскрытия с учетом как мирового опыта, так и национальных традиций» [2].

Исторический опыт в развитии судебной системы имеет непосредственную важность. Большинство реформ основываются на предыдущей судебной модели. Чтобы понять, где необходимо проводить улучшения, нужно изучить то, что было ранее. На современном этапе принято множество актов для регламентации деятельности суда. Достаточно подробно описано каждое звено, однако это не означает отсутствие пробелов в нормативном регулировании и проблем в деятельности судов в целом, в связи с чем для успешного функционирования и развития судебной системы необходимо постоянное ее преобразование с сохранением накопленного опыта и традиций отправления правосудия.

Список источников

1. Куликов В. Судим правильно // Российская газета. Федеральный выпуск № 250 (8304) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/11/05/sudebnaia-sistema-rossii-priznana-naibolee-effektivnoj-v-evrope.html>.

2. Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма; Инфра-М, 2012. 704 с.

3. Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7089.

4. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2020/410/>.

Скорев В. А.,

старший преподаватель

*Сибирского института бизнеса и информационных технологий;
кафедры философии, истории, экономической теории и права экономического факультета
Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина,
г. Омск*

К ВОПРОСУ О КОПИРОВАНИИ ОБВИНЕНИЙ В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье анализируется принцип независимости суда как элемент механизма антикоррупционной политики. Делается вывод, что нарушение независимости и вмешательство в осуществление правосудия являются формой неуважения к суду и коррупционным фактором. Предлагается обратить внимание на передачу судьбе на электронных носителях копий обвинительных документов как на требующий правового регулирования аспект.

Ключевые слова: суд; независимость; противодействие коррупции; приговор; обвинительное заключение; заимствование; составление приговора.

Основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, вопросы минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10]. С момента начала действия данного федерального нормативно-правового акта и на апрель 2021 года законодательная власть приняла 23 федеральных закона-спутника, внося в ФЗ «О противодействии коррупции» в той или иной степени изменения и дополнения.

При этом нормативное понимание коррупции и противодействия ей остались неизменными. В понятие коррупции включены: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение этих же деяний от имени или в интересах юридического лица.

Широко раскрыто понимание противодействия коррупции, которое заключается в деятельности органов публичной власти, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по трем магистральным направлениям: профилактика коррупции, борьба с коррупцией и минимизация (ликвидация) ее последствий. Профилактика коррупции занимает ведущее значение в системе мер противодействия коррупции.

Правовые и этические отношения между людьми, а тем более между участниками различных видов судопроизводств не могут быть совмещены с коррумпированными отношениями, поскольку в любом проявлении последние являются аномалиями, причиняющими существенный вред обществу и государству. Коррупционные отношения ставят власть, в т.ч. судебную власть, в зависимое положение, способствуют принятию несправедливых решений. Следует признать справедливость высказывания А.Ф. Скутина о том, что «если судья при осуществлении правосудия не зависим, то он и не коррумпирован, и наоборот, коррумпированный судья всегда «прислушивается» к мнению других лиц» [8].

Безусловно, эффективно выполнять высокую миссию осуществления правосудия способны независимый суд и независимый судья. Только в таком случае судебное решение и приговор, выносимые от имени Российской Федерации, будут признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как ценность высшую, неотчуждаемую и действующую непосредственно.

В статье 1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [3] определены точки координат, надежно закрепляющие в процессуально-правовой среде принцип независимости судебной власти.

Во-первых, судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей.

Во-вторых, лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и являющиеся судьями, исполняют свои обязанности на профессиональной основе.

В-третьих, судьи независимы, подчиняются только Конституции РФ и закону, в деятельности по осуществлению правосудия никому не подотчетны.

Все эти ключевые позиции находятся между собой в причинно-следственной связи и взаимно обусловлены. Представляется, что принцип независимости судей будет погран, если хотя бы один из этих эле-

ментов или связь между ними испытают на себе негативное воздействие коррупционных механизмов.

Исходя из логики построения статьи, привлечение к ответственности за проявление неуважения к суду или судьям в первую очередь следует за проявление неуважения к самостоятельности судебной власти, к порядку наделения полномочий судей и их профессионализму, к независимости судей, ставящих под сомнение принятия судьей самостоятельного решения.

Нет оснований сомневаться в том, что большинство судей в России добросовестно исполняют возложенные на них обязанности, имеют высокий уровень профессионализма, правосознания и правовой культуры. Противодействие коррупции в судах, усиление независимости судей – одна из важнейших задач государства и общества.

Одним из направлений противодействия коррупции является профилактика, под которой понимается деятельность, направленная на предупреждение коррупции, выявление и устранение ее причин. По образному выражению А.В. Бухарева, главное преимущество профилактических мер в том, что они позволяют пресекать коррупцию «в зародыше», бороться с предпосылками, причинами и условиями ее проявления, а не с негативными последствиями [2, с. 202].

В п. 1 ст. 6 Кодекса судейской этики [4] закрепляется, что судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи. Честность судьи, правдивость, принципиальность, верность принятым обязательствам являются обязательными составляющими его независимости, а также важными антикоррупционными факторами. Эти качества должны проявляться не только в ходе ведения судопроизводства, но и в постановляемом судебном решении, приговоре.

Приговор среди иных процессуальных документов уголовного судопроизводства обладает уникальностью, в том числе благодаря специальному механизму его постановления. Как справедливо замечено Бородиновой Т.Г., «процедура постановления приговора представляет собой комплексное явление, складывающееся под влиянием ряда социально-правовых факторов, таких как: уголовно-процессуальные, уголовно-правовые, фактические, нравственные и психологические, которые впоследствии ложатся в основу формирования приговора и обеспечивают

такие свойства приговора как законность, обоснованность, справедливость, одним словом, его правосудность» [1]. Следует дополнить мнение ученого, включив в этот перечень антикоррупционные факторы.

В судах общей юрисдикции возникает проблема так называемых «флеш»-приговоров, т.е. приговоров, изготавливаемых судьями с использованием заимствованных текстов – текстов, предоставляемых им на электронных носителях информации органами следствия и прокурором (стороной обвинения), копий обвинительных заключений. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на недопустимость перенесения в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре») [6]. Практика апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции также свидетельствует, что такая практика является неприемлемой, нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, служит основанием для отмены приговоров и дисциплинарной ответственности судей (например, решение ККС Ростовской области от 30 августа 2019 г. [7]).

Прямого запрета на переписывание или перенесение из обвинительного заключения и использование этой текстовой информации при составлении приговора уголовно-процессуальное законодательство не содержит. Вместе с тем, следует признать, что подобная практика не соответствует Конституции Российской Федерации о независимости судебной власти от власти исполнительной и законодательной (ст. 10) [5]; не соответствует принципам правосудия, изложенным в ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [11] (о самостоятельном осуществлении судебной власти судами независимо от чьей бы то ни было воли). Подобная практика противоречит и смыслу ст. 303 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, согласно которой «Приговор должен быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств одним из судей, участвующих в его постановлении» [9]. Требование императивное и не допускает никаких вмешательств в процесс изготовления судьей решения (приговора), даже с учетом интеллектуальных заимствований.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает и не регламентирует передачу стороной обвинения либо сто-

роной защиты суду копии обвинительного заключения или иных процессуальных документов на электронном носителе информации. Это касается как стадии окончания расследования дела, так и стадии судебного разбирательства. Процессуально такое возможно стороной обвинения и стороной защиты по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату в рамках ч. 7 ст. 292, в условиях публичного производства. Вне указанных законных процессуальных рамок передачу в суд любых процессуальных документов вне регламента судебного разбирательства можно трактовать как внепроцессуальное обращение с учетом положений п. 1 ст. 10 Закона РФ от 26.06.1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации».

В совокупности подобную практику передачи судье на электронном носителе текстов обвинительных заключений с целью последующего использования содержащихся там формулировок и выводов при мотивировании судебных решений можно охарактеризовать как внепроцессуальную. Случаи внепроцессуального оказания услуг судье и помощи в составлении судебных решений и приговоров со стороны обвинения или защиты путем передачи собственных уникальных процессуальных текстов можно оценивать как способ вмешательства в осуществление правосудия. Может ли быть это оценено как фактор, способный повлиять на мнение судьи при мотивировании собственных решений? Представляется, что такая форма внепроцессуальных отношений требует дискуссии.

Объективным является тот факт, что составление приговоров по уголовным делам об экономических преступлениях, по делам о преступлениях, совершенных организованной группой, с большим числом эпизодов обвинения, а также по «серийным» преступлениям против личности без использования текстов обвинения (в этом нет ничего незаконного при разумном подходе), займет продолжительное время, иногда до нескольких дней или даже недель, будет носить неоправданно длительный характер и вызовет новые трудности. Уголовно-процессуальный закон, в свою очередь, правом передавать копии обвинительных заключений наделяет лишь прокурора (ст. 222 УПК РФ), передача текста обвинительного заключения на электронном носителе информации уголовно-процессуальным законом вообще не регламентируется.

В таком случае, представляется допустимым в рамках закона, на условиях состязательности, предоставить стороне обвинения и стороне защиты право в соответствии со ст. 292 УПК РФ передавать суду на электронных носителях информации копии текстов обвинительных

заклучений по рассматриваемым уголовным делам, не имеющим для суда обязательной силы. Предлагаемые изменения позволят обеспечить соблюдение прав всех участников уголовного процесса и усилить принцип независимости суда.

Список источников

1. *Бородинова Т.Г.* Приговор: понятие, существенные черты и виды // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prigovor-ponyatiyesuschnostnye-cherty-i-vidy> (дата обращения: 27.02.2021).

2. *Бухарев А.В.* Формирование системы мер по профилактике коррупции в районных судах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 3.

3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации»// Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.92. № 30. Ст. 1792.

4. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.)// Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

5. Конституция Российской Федерации. С изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. М. : Эксмо, 2020. 64 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016г. № 55 «О судебном приговоре»// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

7. Приговор как копия обвинения. Не слишком ли просто? : Решение ККС Ростовской области от 30 августа 2019 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2020. № 2 (70).

8. *Скутин А.Ф.* Судебная реформа и проблема коррупции в судах// Российское правосудие. 2008. № 10.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть 1). Ст. 4921; 2003. №50. Ст. 4847.

10. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»// Российская газета. 2008. № 266.

11. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

Страхова Е. Р.,

старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ДОСТАВЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье анализируются некоторые прямо не урегулированные законом вопросы принудительного доставления (привода) участников уголовного судопроизводства, предлагаются пути разрешения имеющихся проблем применения уголовно-процессуального привода путем внесения дополнений в статью 113 УПК РФ.

Ключевые слова: мера принуждения; привод; вызов; принудительное доставление; участники уголовного процесса; случаи, не терпящие отлагательства; надлежащее извещение.

Достижение задач уголовного процесса напрямую зависит от надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного процесса, в том числе такой обязанности как явиться для дачи показаний по вызову к следователю, дознавателю или в суд.

Практика расследования уголовных дел показывает, что не все участники процесса надлежаще исполняют эту обязанность. Для обеспечения порядка судопроизводства в случаях, установленных УПК РФ, могут быть применены меры принуждения, в т.ч. и привод [4], заключающийся в принудительном доставлении участника процесса по вызову следователя или дознавателя, либо в суд, когда возникла конфликтная ситуация, и лицо противится выполнению своих процессуальных обязанностей. Таким образом, цель привода состоит в том, чтобы принудительно обеспечить процессуальное действие, когда заочное их производство невозможно. Причинами уклонения свидетелей и потерпевших от явки на процессуальные действия могут быть как боязнь мести со стороны обвиняемого (подозреваемого), так и, наоборот, желание помочь обвиняемому, если участники уголовного процесса знакомы ранее между собой, кроме этого одной из причин все чаще и чаще становится правовой нигилизм граждан, особенно молодежи.

Анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопрос осуществления привода, практика его применения показывают наличие пробелов в правовом регулировании указанной меры принуждения,

в связи с чем принципиальные вопросы, касающиеся порядка осуществления привода недостаточно четко и полно отражены в Законе, что затрудняет применение указанной меры принуждения в практике расследования и рассмотрения уголовных дел.

Так, порядок применения привода содержится в общей (ст. 111 УПК РФ) и специальной (ст. 113 УПК РФ) нормах, и первое, на что следует обратить внимание, это то, что законодатель перечисляет в вышеуказанных нормах лица, к кому может быть применен привод: потерпевшему, свидетелю, гражданскому ответчику, гражданскому истцу, эксперту, специалисту, понятому, переводчику, подозреваемому, обвиняемому, лицу, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако в данном перечне нет представителя юридического лица, что является очень актуальным при расследовании уголовных дел, где юридическому лицу причинен ущерб, и потерпевшим является юридическое лицо, а представитель такого потерпевшего по различным причинам уклоняется от явки по вызовам к следователю (дознавателю), либо уже однажды дав показания на предварительном следствии, не считает нужным являться в судебное заседание. В то время как оглашение показаний, полученных во время предварительного следствия, допускается либо при согласии стороны защиты либо же в соответствии со ст. 281 УПК РФ в строго ограниченных случаях. В связи с чем считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 111 УПК РФ в части перечня лиц, к кому может быть применен привод указанным участником уголовного процесса.

Принимая во внимание, что принудительный привод, осуществляемый помимо воли лица, подвергнутого этой мере принуждения, хоть и кратковременно, но все же существенно ограничивает такие важные конституционные права и свободы граждан, как право на личную свободу, право на свободу передвижения, то применение привода должно базироваться строго на законных основаниях. Одним из условий законности и обоснованности применения привода выступает, в соответствии с ч. 1 ст. 113 УПК РФ, неявка участника уголовного процесса по вызову без уважительных причин, т.е. подвергаемое приводу лицо должно знать, что он ранее вызывался следователем, дознавателем или судом, не иметь уважительных причин для неявки по вызову, не уведомить о причинах своей неявки и не явиться к следователю, дознавателю или в суд в назначенное время. Лицо или орган, осуществляющий вызов участника процесса обязан иметь доказательства того факта, что вызов лица был осу-

ществлен надлежащим образом, т.е. в соответствии с предусмотренным ст. 188 УПК РФ порядком вызова на допрос. В противном случае привод может быть признан незаконным, а постановление о приводе – отменено. Так, анализ изученной автором настоящего исследования апелляционной судебной практики за 2016–2020 гг. об обжаловании постановлений о приводе, показывает, что нередко следователи, дознаватели и суд выносят решения о приводе без должного вызова лиц и без выяснения причин неявки. Несоблюдение порядка вызова по повесткам лиц приводит к оказанию физического сопротивления лицами, в отношении которых применяется привод, а также к отмене незаконных постановлений о приводе.

Так, 22 ноября 2020 года апелляционным определением Ставропольского краевого суда отменено постановление Промышленного районного суда о принудительном приводе свидетеля гр. Н., так как в ходе заседания установлено, что в материалах дела Промышленного районного суда не имелось доказательств надлежащего вызова свидетеля в судебное заседание, не приведено каких-либо конкретных фактов, свидетельствующих о том, когда и каким образом направлялись повестки о его вызове в суд и были ли они последним получены, при том, что сам свидетель заявил, что он находился в командировке, а в материалах дела имеется его сотовый телефон, указаны контактные данные и место работы, однако по телефону его в суд никто не вызывал. Отсутствие доказательств надлежащего извещения свидетеля о дате, времени и месте судебного заседания расценено апелляционной инстанцией как препятствие для применения к нему привода, в связи с чем привод признан незаконным [1].

Существенной проблемой применения привода, особенно в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми (обвиняемыми) по уголовным делам, является отсутствие законодательной регламентации возможности осуществления вхождения в жилые помещения для принудительного доставления лиц. Уголовно-процессуальное законодательство в качестве основополагающего начала уголовного судопроизводства воспроизводит конституционную норму о неприкосновенности жилища [4, ст. 12]. Право граждан на неприкосновенность жилища констатировано в статье 25 Конституции РФ, которая гарантирует защиту граждан от незаконных проникновений как со стороны других лиц, так и со стороны представителей государства. В соответствии с указанной нормой никто не имеет права без законного основания войти в жилище, а также оставаться в жилище против воли проживающих в нем лиц. Таким образом, законодатель, допуская

принудительное доставление лица к следователю (дознавателю) или в суд, ограничивает проникновение в жилище в ходе осуществления привода получением согласия на проникновение в жилище от проживающих или находящихся там лиц, в том числе и тех лиц, кто уклоняется от явки по вызову и в отношении кого осуществляется принудительный привод. Таким образом, в указанной ситуации фактически в жилище для обеспечения результативности привода нужно проведение обыска.

При этом, если для привода подозреваемого и обвиняемого, уклоняющегося от явки, чтобы проникнуть в жилище, где он проживает, возможно ходатайствовать перед судом о производстве там обыска для его розыска и последующего привода, то обыск в жилище свидетеля, потерпевшего, эксперта или понятого в целях их привода, невозможен [3]. Для разрешения указанной ситуации ряд ученых предлагают действовать по аналогии с положениями ст.12 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ, допускающими производство осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательства, для чего предлагают дополнить ст. 113 соответствующими частями: «9. Если при исполнении постановления о приводе возникает необходимость войти в жилище против воли проживающих в нем лиц, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о получении разрешения на проникновение в жилище подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого или иных лиц, у которых они находятся. Суд рассматривает ходатайство в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса, 10. В исключительных случаях, когда осуществление привода с проникновением в жилище не терпит отлагательства, указанное действие может быть произведено на основании постановления дознавателя, следователя без судебного решения с последующим уведомлением в порядке, установленном частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса» [2].

Следует отметить, что законодатель внес в ч. 5 ст. 113 УПК РФ оценочную формулировку «случай, не терпящий отлагательства», не раскрывая какого-либо перечня ситуаций, которые могут быть признаны таковыми и позволить осуществить привод в ночное время, не содержит, что затрудняет применения этой нормы.

Представляется, что при определении неотложности ситуации необходимо учесть следующий нюанс: если осуществление привода не потеряет своего значения и будет возможно его осуществление в иное (за ис-

ключением ночного) время суток, значит, принудительное доставление в данном случае нельзя признать не терпящим отлагательства.

Запрещая осуществление привода в ночное время, законодатель никак не урегулировал вопрос, где и в течение какого времени может содержаться лицо, подвергнутое приводу, так как на практике осуществить привод строго к назначенному следователем (дознавателем) времени не всегда представляется возможным по объективным причинам, например в случае доставления лица из другой местности или населенного пункта, что может быть связано с расписанием движения транспорта и т.п. Помещать и содержать указанных лиц в изоляторах временного содержания или комнатах для административно-задержанных, является нарушением прав граждан, так как привод применяется не только в отношении подозреваемых (обвиняемых), но и потерпевших, свидетелей и др.

В связи с вышеуказанным, считаем целесообразным предусмотреть срок, в течение которого принудительно доставленное лицо может содержаться до начала производства с ним процессуальных действий, ради которых лицо подвергнуто приводу.

Перечисленные в настоящем исследовании пробелы в правовом регулировании уголовно-процессуального привода нередко являются причиной необоснованного ограничения прав и свобод граждан, изменить ситуацию возможно на законодательном уровне как путем внесения дополнений в ст.ст. 111 и 113 УПК РФ, так и путем издания ведомственных нормативно-правовых актов, наиболее полно регламентировав механизм реализации указанной меры процессуального принуждения.

Список источников

1. Апелляционное постановление № 22к-6022/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-739/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SWRhOLbMc661/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+113/ (дата обращения: 29.07.2021).

2. *Останина О.Е.* Некоторые вопросы правового регулирования привода в уголовном судопроизводстве России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-privoda-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii/> (дата обращения: 29.07.2021).

3. Привод [Электронный ресурс]. URL: <https://studbooks.net/1039336/pravo/privod/> (дата обращения: 29.07.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/4bf594e84619210652e185596d084e31ec639723/ (дата обращения: 29.07.2021).

Стукалова Т. В.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В рамках данной статьи автор попытается проанализировать некоторые современные внутригосударственные законодательные и правоприменительные проблемы, возникающие в ходе обеспечения прав и свобод личности в ходе досудебного производства по уголовным делам. В рамках самостоятельно проведенного научного исследования современной уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики российских правоохранительных органов автор предлагает варианты решения выявленных проблем.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса; права и свободы личности; общепризнанные принципы и нормы международного права; Совет Европы; Европейский Суд по правам человека; допустимость доказательств по уголовному делу.

В статье 2 Конституции РФ провозглашается то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В продолжение мысли закрепляется то, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Если вести речь о внутригосударственной уголовно-процессуальной деятельности, то необходимо подчеркнуть, что права и свободы личности в рамках такой деятельности подвержены наиболее жесткому и серьезному ограничению (в отличие от других сфер жизнедеятельности). Обеспечение прав участников уголовного процесса должно отвечать актуальным требованиям о правовом статусе личности, а также должно соответствовать современным, вырабатываемым многими десятками лет мировым сообществом, международным стандартам в области прав человека.

В ходе уголовно-процессуальной деятельности должны обеспечиваться и соблюдаться личные (право на жизнь, право на достоинство, свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, право на неприкосновенность жилища, и др.), экономические (право на собственность) и юридические права (право на получение квалифицированной юридической помощи, право на презумпцию невиновности, право на свидетельский иммунитет, право на доступ к право-

судию, право на возмещение причиненного ущерба, право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и др.).

В связи с исследуемыми проблемами, следует обратить особое внимание на правоприменительную практику Совета Европы. Так, по итогам 2020 года лидером по количеству жалоб, находящихся в производстве Европейского Суда по правам человека (в рамках различных процедур) является Россия (22 %) [4]. Основная часть из них – это нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, права на справедливый суд и права на запрет бесчеловечного и унижающее достоинство обращение.

Основопологающей и фундаментальной причиной не совсем надлежащего обеспечения прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, является неэффективная правотворческая деятельность законодательной власти страны. В современный период российский законодатель еще до конца не уяснил содержание правового института прав человека в его понимании международным сообществом. Ярким примером тому может служить взгляд на правовой институт такой меры уголовно-процессуального принуждения как задержание. Так, в п. 15 ст. 5 УПК РФ содержится определение момента фактического задержания. В данном случае это момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Следует отметить, что в соответствии с международными стандартами при задержании по подозрению в совершении преступления лицо, во-первых, ограничивается, а не лишается прав человека. Во-вторых, ограничивается право на свободу и личную неприкосновенность, а не право на свободу передвижения (которое является менее ценным). Из-за некорректного определения момента фактического задержания следователи и дознаватели правоохранительных органов вынуждены путаться и пребывать в заблуждении относительно реального положения правового статуса личности в момент задержания.

Кроме того, необходимо отметить, что в период с января по август 2020 года нами было проведено анкетирование и интервьюирование следователей подразделений органов внутренних дел по расследованию преступлений на территории Нижегородского, Приокского и Советского районов города Нижнего Новгорода по вопросам обеспечения прав человека в уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, в исследовании участвовали и сотрудники изоляторов временного содержания орга-

нов внутренних дел, а также сотрудники следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний города Нижнего Новгорода и Нижегородской области (Арзамасский район, Богородский район, Выксунский район, Дзержинский район, Дивеевский район, Княгининский район, Навашинский район, Семеновский район). Всего анкетированию в рамках исследования подверглись 110 сотрудников. Необходимо отметить, что 96 % респондентов считают, что при задержании ограничивается именно право на свободу передвижения. Кроме того, в ответе на вопрос о том, какое право является самым ценным после права на жизнь, анкетированные отвечали, что это: право на свободу, право на личную неприкосновенность, право на здоровье, право на неприкосновенность личной жизни и др. Тогда как главным в данном случае является – право на достоинство (ответил правильно только один респондент). Указанное право относится к основополагающему и абсолютному праву человека. Возникает риторический вопрос о том, какие требования могут предъявляться к деятельности по надлежащему и эффективному обеспечению прав и свобод личности в уголовном процессе сотрудников подразделений предварительного расследования и уголовно-исполнительной системы, если у указанных лиц практически отсутствуют элементарные знания и представления о правах человека.

Кроме того, продолжая мысль о недостатках деятельности законодательной власти, следует подчеркнуть, что необходимо, на наш взгляд, исключить из УПК РФ словосочетание «законные интересы» личности. Необходимо отметить, что в международных договорах (Всеобщей декларации прав человека (ООН, 1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (ООН, 1966 г.), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Совет Европы, 1950 г. и др.) крайне редко употребляется словосочетание «законный интерес» лица (тогда как в УПК РФ данное словосочетание встречается достаточно часто). Таким образом, очевидно, что употребление словосочетания защита «законных интересов личности» является, на наш взгляд, не совсем точной и корректной, поскольку очевидно, что законные интересы обладают меньшей ценностью, чем права и свободы личности, во-первых. Во-вторых, если у человека существует законные интересы, то он находит свое законодательное закрепление уже в виде «права человека».

Из российской статистики и международных судебных прецедентов Европейского Суда по правам человека [5] известно о большом количестве нарушения личных и юридических прав участников уголовного

судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Следует отметить, что известно, естественно, только о выявленных фактах. Однако не стоит забывать о латентной (незаявленной, неучтенной, неустановленной) преступности, которая, по мнению ученого-криминолога В.В. Лунева, составляет в различных странах мира, включая Россию, количество, превышающее в 3–5 раз установленную преступность [3, с. 133]. Если предположить, что доказательства по уголовным делам собирались и фиксировались с нарушением закона и нарушением прав человека (например, нарушение права на достоинство; не разъяснение прав участника уголовного судопроизводства; нарушение права на оказание квалифицированной юридической помощи; фальсификация доказательств и пр.), и эти факты не были выявлены в ходе рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции, то смеем предположить, что где-то от 20 % до 33 % обвинительных приговоров являются незаконными, необоснованными и несправедливыми. Следует так утверждать, поскольку указанные приговоры обоснованы и мотивированы недопустимыми доказательствами.

В судебной практике при выявлении фактов нарушения прав человека судьи не всегда надлежащим образом реагируют на ненадлежащее обеспечение прав человека в ходе досудебного производства по уголовному делу, и, не объявляя доказательства недопустимыми, прибегают к «суррогатам» типовых формулировок в приговорах, например, «суд расценивает доводы обвиняемого как способ защиты с целью уменьшения степени ответственности», «нет основания не доверять...», «показания свидетелей защиты вызваны их знакомством с обвиняемым и желанием помочь ему избежать уголовной ответственности, в связи с чем, суд относится к ним критически», «доказательства оценены в своей совокупности в соответствии с требованиями статьи...» и др.

В соответствии со статьей 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года) [2] каждое государство-член ООН обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано.

В ряде Постановлений Пленума Верховного Суда (в частности, в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»; в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»; в пп. 12–14 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре») устанавливается то, что, если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого о даче им показаний под воздействием недозволённых методов ведения расследования не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании (поскольку они являются недопустимыми).

В целях совершенствования деятельности по обеспечению прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, необходимо:

1. Приведение отечественного уголовно-процессуального и корректирующего законодательства в соответствие с международными, в частности европейскими, стандартами в области прав человека. Корректирование в соответствии с международным пониманием понятие «пытка» соотносительно с главными и неотъемлемыми признаками указанного деяния, закреплёнными в статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Введение полноценной уголовной ответственности за «пытку» в ее международном понимании (корректировка понятия «пытка», содержащейся в примечании к статье 117 УК РФ). Закрепление в российском законодательстве нормы о возможности судей напрямую ссылаться в своих итоговых и промежуточных судебных решениях на судебные прецеденты Европейского Суда по правам человека в области обеспечения прав человека в уголовно-процессуальной деятельности.

2. Совершенствование отечественной правотворческой деятельности в области уголовного процесса. В частности, необходимо, на наш взгляд, внедрение в правотворчество технологии блокчейн [1] с присвоением определенного кода общественным отношениям в области прав человека. Использование указанной технологии позволит превратить процесс правотворчества в определенный алгоритм (закрепление различных последовательностей операций, практически без участия человека). В рамках блокчейна следует использовать принцип смарт-контракта (принцип

компьютерного алгоритма, предназначенного для процесса формирования, осуществления контроля и предоставления информации о текущем состоянии дел).

3. Подготовка высококвалифицированных кадров для российских правоохранительных органов, особенно сотрудников и работников следственных подразделений, подразделений дознания, судейского корпуса, органов уголовно-исполнительной системы. Систематическое повышение их правовой культуры. Выработка знаний, умений, навыков и, в совокупности, компетенций по стойкому неприятию бесчеловечного, унижающего человеческое достоинство, обращению или наказанию. Систематически проведение воспитательной работы с представителями власти с целью формирования абсолютной нетерпимости к любым нарушениям прав и свобод личности. Обеспечение реальной независимости и беспристрастности судей при принятии судебных решений по уголовным делам. Отказ от обвинительного уклона судов.

4. Усиление всех видов контроля и надзора (прокурорского надзора, внутриведомственного, судебного, общественного контроля (включая контроль международных неправительственных организаций, например, Amnesty International [Международной Амнистии]) и международного контроля (со стороны ООН, Совета Европы) за уголовно-процессуальной деятельностью сотрудников и работников отечественных правоохранительных органов. Борьба с неэффективным внутриведомственным контролем, который выражается в современный период в «официальном повторстве», «официальной терпимости» к любому нарушению прав и свобод личности.

5. Обеспечение реализации принципа неотвратимости ответственности за нарушение закона и нарушение прав человека со стороны государственных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе путем гарантирования эффективности подачи жалоб жертвами нарушения прав и путем безотлагательного, беспристрастного и эффективного расследования фактов нарушения прав человека и наказания виновных.

6. Полная публичная реабилитация жертв нарушения прав человека, включая возмещение всех видов вреда (морального, физического, материального).

7. Улучшение условий содержания задержанных и заключенных под стражу, включая, помимо материально-технического обеспечения, также и гуманное отношение сотрудников правоохранительных органов в процессе применения мер уголовно-процессуального принуждения.

8. Выработка законодателем или правоприменителем (в лице Пленума Верховного Суда РФ) развернутого перечня нарушений прав и свобод человека и гражданина, влекущих недопустимость доказательств по уголовному делу, а также разработка конкретных официальных критериев для определения существенности таких нарушений.

9. Систематическое и эффективное внедрение в следственно-судебную практику политики однозначности признания доказательств, полученных с нарушением прав человека, недопустимыми (не имеющими юридической силы и не могущие быть положенными в основу обвинения, а также использованными для доказывания любого из обстоятельств по уголовному делу).

Список источников

1. *Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Япрынцев И.М.* Технология блокчейн в правотворчестве: опыт применения // Проблемы права. 2020. № 2 (76). С. 46–50; *Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Япрынцев И.М.* Правотворчество в условиях алгоритмизации права // Lex russica (Русский закон). 2020 . Т. 73. № 7 (164). С. 97–104.

2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 28.07.2021).

3. *Лунеев В.В.* Криминология: учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. С. 133.

4. Обзор статистики Европейского Суда по правам человека за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rpspress.ru/news/843/> (дата обращения: 29.07.2021).

5. Обобщение правовых позиций международных договорных органов по вопросам обеспечения права обвиняемого на защиту при оценке доказательств по уголовному делу: Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26347/ (дата обращения: 28.07.2021); Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения: Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/29220/ (дата обращения: 28.07.2021).

Ярцев Р. В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ПФ РГУП,
судья Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород*

Акопян А. А.,

*помощник судьи Нижегородского областного суда,
г. Нижний Новгород*

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (ПОСТАНОВЛЕНИЕ) СУДА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА: ПРОБЕЛЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Уникальное, эксклюзивное, авторское видение одной из проблем властного полномочия суда, предусматривающего вынесение частного определения (постановления) в отношении стороны защиты. Представлены алгоритмы и рекомендации судьям во избежание скоропалительных решений.

Ключевые слова: предназначение уголовного судопроизводства; частное определение; законность и обоснованность решения.

Среди поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката сообщения суда составляют 29,4%, от общего количестве всех дисциплинарных производств.

Характеристика субъектного состава лиц, органов, чьи обращения, представления, жалобы являются поводом для возбуждения дисциплинарного производства, позволяет отметить, что частные определения (постановления) это второй по значимости ресурс, лежащий в основе поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов.

В руках судей частные определения (постановления) являются универсальным «оружием» в борьбе с допущенными нарушениями, «оружием», спектр воздействия которого ограничен только рамками закона. Если точнее, рамками установленных судом нарушений закона.

Ввиду этого определим виды нарушений, которые стали основанием для вынесения судом частного определения (постановления).

Анализ обобщённых данных дисциплинарной практики ПАНО за 5-летний период (с 2016 по 2020 г.) в отношении адвокатов позволяет сделать вывод, что основной причиной обращения судов к положениям ч. 4 ст. 29 УПК РФ является неявка адвоката в судебное заседание – 27 слу-

чаев. Это составляет 60% от общего числа вынесенных судом частных определений (постановлений). Данное нарушение выражается в отсутствии уважительных причин неявки в судебное заседание, а также в неуведомлении (ненадлежащем уведомлении) суда о невозможности своего участия.

Также в качестве причины вынесения частного определения (постановления) являются ситуации, связанные с выявлением и установлением противоречия позиции адвоката с его доверителем – 3 случая. Это составляет 7% от общего числа вынесенных судом частных определений (постановлений). Данное нарушение связано с позицией адвоката, направленной на ухудшение положения подзащитного, в том числе, занятия иной позиции в прениях сторон в отличие от позиции своего доверителя. Данное нарушение свидетельствует, во-первых, о нарушении адвокатом пп. 2 п. 1 ст. 9 КПЭА, согласно которому адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного; во-вторых, о поверхностном отношении стороны защиты к предмету (ст. 73, 299 УПК РФ) и пределам доказывания (ст. 252 УПК РФ) по уголовному делу; в- третьих, о невнимательном отношении к ходу судебного процесса.

Еще одним поводом для вынесения частного определения (постановления) является факт близкого родства адвоката с иным участником процесса – 3 случая. Это составляет 7% от общего числа вынесенных судом частных определений (постановлений). Данное нарушение связано с нарушением положений ст. 72 УПК РФ.

Серьезным поводом для вынесения частного определения (постановления) является неоказание квалифицированной юридической помощи, ненадлежащее исполнение обязанностей защитника – 7%.

Несмотря на то, что адвокат (защитник) является профессиональным участником процесса, есть случаи привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушение адвокатом норм поведения во время судебного заседания, неисполнение требований суда – 4%. Данные нарушения выражаются в перебивании иных участников процесса, нереагировании на замечание суда, «резкие» высказывания.

Остальные нарушения, выявляемые судом, имеют единичные случаи (2% каждое):

– оказание давления на участников судебного процесса, в том числе склонение адвокатом потерпевшего к даче иных показаний;

- совершение адвокатом административного правонарушения;
- оказание юридической помощи лицу, интересы которого противостоят интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика;
- осуществление ненадлежащей защиты вследствие неполного ознакомления адвоката с материалами дела;
- отказ адвоката от ознакомления с материалами дела.

Частное определение (постановление) суда как вид судебного решения не упомянуто в КПЭА в качестве повода для возбуждения дисциплинарного производства. Согласно пп. 4 п. 1 ст. 20 КПЭА поводом для возбуждения дисциплинарного производства является обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты. Вместе с тем, обобщение показывает, что направленным в адрес адвокатской палаты частным определениям (постановлениям) суда «присваивается статус» обращения.

Напомним, что среднестатистическая составляющая выявленного за исследуемый период соотношения мер дисциплинарной ответственности по всем поводам, указанным в п. 1 ст. 20 КПЭА на уровне регионального компонента позволяет отметить следующую применимость: замечание – 53,6%; предупреждение – 34,7%; прекращение статуса адвоката – 11,7%.

Соотношение мер дисциплинарной ответственности, применяемых только при рассмотрении обращения судов (судьи) показывает, что самой часто применяемой дисциплинарной мерой является замечание, показатель которого представлен следующим образом: 2016 г. – 83,3%, 2017 г. – 100%, 2018 г. – 50%, 2019 г. – 100%, 2020 г. – 62,5%.

Далее «по популярности» применения располагается:

- предупреждение, показатель которого представлен следующим образом: 2016 г. – 16,7%, 2017 г. – 0%, 2018 г. – 25%, 2019 г. – 0%, 2020 г. – 37,5%.

- прекращение статуса адвоката, показатель которого представлен следующим образом: 2016 г. – 0%, 2017 г. – 0%, 2018 г. – 0,25%, 2019 г. – 0%, 2020 г. – 0%.

Среднестатистическая составляющая выявленного за исследуемый период позволяет отметить, что востребованность меры дисциплинарного воздействия выглядит следующим образом:

- замечание – 79,2%;

- предупреждение – 15,8%;
- прекращение статуса адвоката – 0,05%.

Ранее приведённые выводы о соотношении мер дисциплинарной ответственности в отношении поводов, указанных в п. 1 ст. 20 КПЭА, будут справедливы и в отношении случаев привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности только по обращениям судов (судей).

Однако возбуждение дисциплинарного производства не всегда является основанием привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Анализ дисциплинарной практики ПАНО показывает, что в большинстве случаев дисциплинарное производство прекращается вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре... (пп. 2 п. 1 ст. 25).

Данный вывод справедлив и при анализе дисциплинарной практики в отношении адвокатов, поводом возбуждения которой стали обращения судов (судьи).

Соотношение количества оснований, предусмотренных пп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА (вследствие отсутствия в его действиях или бездействии нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре...), к количеству оснований прекращения дисциплинарного производства Советом ПАНО представлено следующим образом: 2016 г. – 83,3%, 2017 г. – 100%, 2018 г. – 25%, 2019 г. – 71,4%, 2020 г. – 75%.

Соотношение количества оснований, предусмотренных пп. 7 п. 1 ст. 25 КПЭА (вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение), к количеству оснований прекращения дисциплинарного производства Советом ПАНО – третий по значимости показатель, который представлен следующим образом: 2016 г. – 0%, 2017 г. – 0%, 2018 г. – 75%, 2019 г. – 28,6%, 2020 г. – 0%.

Соотношение количества оснований, предусмотренных пп. 4 п. 1 ст. 25 КПЭА (вследствие отзыва жалобы, представления, обращения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката), к количеству оснований прекращения дисциплинарного производства Советом ПАНО – второй по значимости показатель, который представлен следующим образом: 2016 г. – 0%, 2017 г. – 0%, 2018 г. – 0%, 2019 г. – 0%, 2020 г. – 25%.

Соотношение количества оснований, предусмотренных пп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА (вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства), к количеству оснований прекращения

дисциплинарного производства Советом ПАНО – второй по значимости показатель, который представлен следующим образом: 2016 г. – 16,7%, 2017 г. – 0%, 2018 г. – 0%, 2019 г. – 0%, 2020 г. – 0%.

Среднестатистическая составляющая выявленного за исследуемый период соотношения позволяет отметить, что дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращалось:

- вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре – 71%;
- вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение – 20,7%;
- вследствие отзыва обращения – 5%;
- вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства – 3,3%.

Сравним два параметра: 53% и 71%, которые касаются прекращения дисциплинарного производства в отношении адвокатов. Первая характеризует общую картину по всем материалам дисциплинарного производства, вторая – только по тем, предметом рассмотрения которых являлись обращения судов (судьи), другими словами, частные определения (постановления) судов.

Зададимся вопросом, почему обстоятельства выявленных судом нарушений не находят своего подтверждения при разбирательстве в квалификационной коллегии и Совете ПАНО.

Судам при вынесении частного определения (постановления) необходимо исходить из того, что данное решение, как иные судебные решения, должно быть: законным, обоснованным и мотивированным (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Частное определение (постановление) должно содержать выводы о наличии достаточных обстоятельств, указывающих на необходимость процессуального реагирования в виде частного определения на допущенные нарушения [1]. Именно несоответствие рассматриваемых судебных актов (частное определение (постановление)) положениям ст. 7 УПК РФ может стать причиной «пустого» обращения к полномочию суда, установленном в ч. 4 ст. 29 УПК РФ. Зачастую суды, прибегая к данной мере, указывают лишь на факт нарушения.

Согласимся с мнением Беляева М.В., что обоснованность судебных решений всегда обусловлена надлежащим установлением фактических

обстоятельств, составляющих материальную основу для принятия решения [2].

Отсутствие в материалах уголовного дела, а равно непредставление судом доказательств, подтверждающих ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей, в материалы дисциплинарного производства, влечет отказ в применении к адвокату мер дисциплинарного воздействия в связи с отсутствием в его действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Так, в производстве Нижегородского областного суда находились судебные материалы о проверке законности и обоснованности решения Советского районного суда г. Н. Новгорода от 22.07.2016 г. о продлении обвиняемому З.В.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Как следует из частного постановления суда, слушание было назначено к рассмотрению в апелляционном порядке на 24.08.2016 г. на 14 часов 45 минут, о чем участники процесса были надлежащим образом извещены заблаговременно, в том числе защитник – адвокат Г.С.А., посредством передачи телефонограммы по номеру телефона. Адвокат Г.С.А. подтвердила наличие заключенного соглашения на осуществление защиты обвиняемого З.В.Ю., каких-либо сведений о невозможности своего участия 24.08.2016 г. на 14 ч. 45 мин. в судебном заседании суда апелляционной инстанции адвокат суду не предоставила.

На рассмотрение данной жалобы в суд апелляционной инстанции 24.08.2016 г. адвокат Г.С.А. не явилась, о причине неявки суд апелляционной инстанции не известила, документов, подтверждающих уважительность причин неявки в суд апелляционной инстанции, не представила, в связи с чем, по ходатайству обвиняемого З.В.Ю., настаивавшего на участии данного защитника в суде апелляционной инстанции, слушание по материалу было отложено. В суд апелляционной инстанции 25 августа 2016 года адвокат Г.С.А. также не явилась, что также повлекло отложение судебного заседания.

Обвиняемый З.В.Ю. от услуг защитника по назначению отказался, поскольку у него имеются соглашения на осуществление защиты его прав и интересов в уголовном судопроизводстве с адвокатом Г.С.А.

В этой связи суд апелляционной инстанции вновь был вынужден отложить слушание материала о продлении срока содержания под стражей в отношении З.В.Ю.

Адвокат Г.С.А. 30.08.2016 г. принимала участие в судебном заседании апелляционной инстанции. В обоснование своей неявки в суд апел-

ляционной инстанции она предъявила справку за подписью председателя Лукояновского районного суда Нижегородском области о своем участии в данном районном суде по рассмотрению уголовного дела.

Ввиду того, что у адвоката была возможность уведомить суд апелляционной инстанции о своей занятости, суд апелляционной инстанции считает неявку адвоката неуважительной¹.

Однако, как установлено квалификационной комиссией ПАНО, адвокат сообщила помощнику судьи о невозможности своей явки в судебное заседание. Данные обстоятельства подтверждаются справкой телефонных переговоров с номера адвоката Г.С.А.

В суд апелляционной инстанции 25.08.2016 г. адвокат Г.С.А. не явилась. Как видно из показаний адвоката Г.С.А. и приложенного к материалам дисциплинарного производства больничного листа, адвокат заболела. Поэтому в судебное заседание 25.08.2016 г. явиться не могла, о чем сообщила в Нижегородский областной суд помощнику. Затем позвонила в адвокатскую контору и перезвонила вновь в Нижегородский областной суд, что она поставила в известность заведующего.

Квалификационная комиссия ПАНО пришла к выводу, что доводы заявителя о том, что адвокат сорвала два судебных заседания без уважительной причины и не поставила Нижегородский областной суд в известность о своей неявке, не нашли своего подтверждения в материалах дисциплинарного производства, а, следовательно, в действиях адвоката Г.С.А. отсутствуют нарушения норм ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», КПЭА. Квалификационная комиссия вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката².

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено³.

Неявка адвоката может быть связана с ненадлежащим выполнением судом положений ч. 4 ст. 231 УПК РФ, где указано, что стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала.

Так, в частном постановлении Нижегородского областного суда указано следующее: постановлением Канавинского районного суда

---

¹ См.: Частное постановление судьи Нижегородского областного суда от 30.08.2016 г. № 22-4698/2016 // Архив Нижегородского областного суда. 2016 г.

² См.: Выписка из протокола от 21.09.2016 г. № 09 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

³ См.: Выписка из протокола от 05.09.2016 г. № 12 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

г. Н. Новгорода гр. С.Г.А., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, продлен срок содержания под стражей. По апелляционной жалобе защитника обвиняемого – адвоката П.О.В., не согласившейся с решением суда, слушание по материалу было назначено к рассмотрению в апелляционном порядке, о чем участники процесса были надлежаще и заблаговременно извещены, в т.ч. защитник – адвокат. Однако на рассмотрение данной жалобы в суд апелляционной инстанции адвокат не явилась, о причине неявки суд не известила, документов, подтверждающих уважительность причин неявки в суд апелляционной инстанции, не представила, в связи с чем, по ходатайству обвиняемого, настаивавшего на участии защитника в суде апелляционной инстанции, слушание по материалу было отложено.

В частном постановлении также указано, что явившаяся с суд апелляционной инстанции адвокат П.О.В. пояснила, что находилась в командировке в г. Москве, однако каких-либо данных, свидетельствующих о невозможности явиться в суд апелляционной инстанции для рассмотрения материала в отношении обвиняемого, адвокат не представила, также не представила данных, свидетельствующих о невозможности уведомить суд о причинах своей неявки для соблюдения разумных сроков рассмотрения материала¹.

Как было установлено квалификационной комиссией ПАНО, уведомление из областного суда Нижегородской области поступило менее чем за сутки до судебного заседания.

Квалификационная комиссия вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката².

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено³.

Из примера видно, что довод заявителя о надлежащем и своевременном уведомлении адвоката не нашел своего подтверждения в материалах дисциплинарного производства. Это говорит о том, что суд, который является участником (судья, вынесший частное постановление) необоснованно дал повод для возбуждения дисциплинарного производства. В данном случае судом не представлено доказательств, подтвер-

---

¹ См.: Частное постановление судьи Нижегородского областного суда от 14.04.2016 г. № 22-2063 // Архив Нижегородского областного суда. 2016 г.

² См.: Выписка из протокола от 25.05.2016 г. № 05 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

³ См.: Выписка из протокола от 11.06.2016 г. № 8 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

ждающих его доводы, изложенные в частном постановлении, тогда как адвокат к своим объяснениям представил ряд документов в обоснование своих.

В данной ситуации адвокат, как участник дисциплинарного производства, доказал уважительность неявки в судебное заседание.

Данный пример не единственный. Нередко суды, не удостоверившись в невозможности участия защитника по уважительным причинам (болезнь, участие в ином судебном заседании), необоснованно прибегают к положениям ч. 4 ст. 29 УПК РФ¹.

При этом Совет палаты по аналогичным примерам дисциплинарной практики принимал решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвокатов вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

Так, в сообщении Арзамасского городского суда Нижегородской области указано, что адвокат И.Е.А. осуществляет по соглашению защиты подсудимого Т.Д.Н. по уголовному делу в отношении Д.А.А. и Т.Д.Н.

В ходе судебного заседания подсудимым Д.А.А. было заявлено ходатайство о предоставлении времени для подготовки письменного ходатайства, в связи с чем судом был объявлен перерыв. Судебное заседание было продолжено менее чем через час, однако защитник Т.Д.Н. – адвокат И.Е.А., в судебное заседание не явилась, доказательств неявки в суд по уважительной причине представлено не было. В связи с этим судебное заседание было отложено из-за неявки адвоката².

К сообщению приложена выписка из протокола судебного заседания, где не отражено сообщение адвокатом И.Е.А. информации о занятости адвоката в ином процессе. Однако факт участия адвоката в ином про-

---

¹ См., например, сообщение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 27.03.2017 г. // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области. 2017 г.; частное постановление судьи Нижегородского областного суда от 30.08.2016 г. №22-4698 // Архив Нижегородского областного суда. 2016 г.; сообщение судьи Балахнинского городского суда Нижегородской области от 03.02.2017 г. // Архив Балахнинского городского суда Нижегородской области. 2017 г.; частное постановление Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода от 19.01.2017 г. №1-69/2017 // Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода. 2017 г.; частное постановление судьи Ленинского районного суда г. Н. Новгорода от 22.08.2019 г. №1-233/18 // Архив Ленинского районного суда г. Н. Новгорода. 2018 г.; сообщение судьи Бутурлинского районного суда Нижегородской области от 06.12.2018 г. // Архив Бутурлинского районного суда Нижегородской области. 2018 г.

² См.: сообщение судьи Арзамасского городского суда Нижегородской области от 27.03.2017 г. // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области. 2017 г.

пессе подтверждается предоставленной копией протокола судебного заседания по гражданскому делу.

Квалификационная комиссия вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката¹.

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено².

В данном случае необходимо констатировать излишнюю поспешность (торопливость) суда в вопросах выяснения действительных причин неявки адвоката в судебное заседание. Суду ничего не претило выяснить действительное положение дел и лишний раз не «ставить под удар» судебное решение.

Судьи, уповая на обязательность исполнения частного определения (постановления), не всегда обращают внимание на допускаемые ими ошибки или не считают их таковыми, что приводит к необоснованному вынесению частного определения (постановления).

Так, в частном постановлении Дзержинского городского суда Нижегородской области указано, что адвокат К.Ю.А. осуществляет защиту подсудимого А.А.А. 09.01.2017 г. в 09 ч. 00 мин. в Дзержинский городской суд Нижегородской области поступило ходатайство следователя о продлении обвиняемому А.А.А. срока содержания под стражей.

Рассмотрение ходатайства было назначено судом на 09.01.2017 г. на 15 ч. 00 мин. 09.01.2017 г. в 09 часов 50 минут адвокат К.Ю.А. был извещен следователем о дне, времени и месте рассмотрения ходатайства, что подтверждается телефонограммой и детализацией телефонных соединений.

В постановлении также указано, что о намерении направить данное ходатайство в суд именно 09.01.2017 г. следователь уведомила адвоката заблаговременно 27.12.2016 г., однако адвокат К.Ю.А. в назначенное время в судебное заседание не явился, по телефону сообщил помощнику судьи, что считает способ его извещения следователем ненадлежащим, в силу чего явиться в судебное заседание не намерен. Сведений о невозможности явки в судебное заседание для осуществления принятой на себя защиты обвиняемого А.А.А. по уважительной причине не сообщил, об отложении рассмотрения данного вопроса не ходатайствовал. В связи

---

¹ См.: Выписка из протокола от 10.05.2017 г. № 05 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2017 г.

² См.: Выписка из протокола от 07.01.2017 г. № 8 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

с изложенным причина неявки адвоката К.Ю.А. судом признана неуважительной и по ходатайству обвиняемого ему был предоставлен адвокат по назначению суда¹.

Однако квалификационная комиссия и Совет ПАНО пришли к другим выводам, указав, что доказательств надлежащего уведомления судом адвоката К.Ю.А. о дате, времени и месте рассмотрения ходатайства следователя о продлении обвиняемому А.А.А. срока содержания под стражей в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Довод суда о том, что К.Ю.А. 27.12.2016 г. был уведомлен следователем о намерении следователя именно 09.01.2017 г. обратиться в суд с указанным выше ходатайством, опровергается выпиской из журнала входящих сообщений Адвокатской конторы города Дзержинска НОКА, согласно которой 27.12.2016 г. сообщений от следователя отдела полиции № 3 ГУМВД России по г. Дзержинску К.С.Г. по поводу продления срока содержания под стражей обвиняемого А.А.А. в адвокатскую контору не поступало.

Квалификационная комиссия вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката, поскольку адвокат не допустил нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА².

Совет ПАНО прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката³.

Обратимся к п. 9.1 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 01.10.2019 г. № 225 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в апелляционных судах общей юрисдикции», согласно которому лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики по гражданским и административным делам, лица, подлежащие вызову в судебное заседание на основании постановления о назначении судебного заседания по уголовным делам, извещаются уполномоченным работником аппарата суда.

Выводы суда о нарушениях, которые не находят своего подтверждения в рамках дисциплинарного производства, могут касаться не только неявки адвоката в судебное заседание без уважительной причины, но и

---

¹ См.: Частное постановление Дзержинского городского суда Нижегородской области от 09.01.2017 г. №3/2-1/2017 // Архив Дзержинского городского суда Нижегородской области. 2017 г.

² См.: Выписка из протокола от 12.04.2017 г. № 04 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2017 г.

³ См.: Выписка из протокола от 03.05.2017 г. заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2017 г.

более серьезных вопросов, поверхностное отношение к разрешению которых умаляют авторитет судебной власти.

Так, приговором Советского районного суда г. Н. Новгорода от 07.04.2017 г. К.Н.Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Защиту подсудимого в суде осуществлял адвокат П.И.А.

Судом был допрошен потерпевший С.С.А., который, указав на активный и умышленный характер действий подсудимого по нанесению ему ножевого удара в область груди, подал суду исковое заявление о взыскании с виновника компенсации морального вреда, а также в письменном виде обратился к суду с заявлением, в котором, сославшись на свою занятость на работе, отказался от дальнейшего участия в судебном разбирательстве и в судебных прениях. После этого потерпевший С.С.А. на судебные заседания не приходил, и судебные прения были проведены без него.

В связи с подачей адвокатом П.И.А. ходатайства о возобновлении судебного следствия, судебное следствие было возобновлено.

После приобщения к материалам дела различных документов (со стороны защиты), пришедший в судебное заседание потерпевший С.С.А., обратился к суду с ходатайством, в котором изложил новое видение произошедших событий, в связи с чем суд был вынужден вновь допросить потерпевшего по обстоятельствам преступления.

Не приводя какой-либо аргументации, потерпевший стал утверждать о неосторожном характере действий подсудимого при нанесении ему ножевого ранения. При этом, при выяснении судом причины изменения показаний, С.С.А. указал на его встречу с адвокатом П.И.А. и на просьбу последнего по написанию ходатайства в адрес суда, склонения С.С.А. к даче иных показаний относительно лица, нанесшего ему ножевое ранение¹.

Однако из представленной адвокатом П.И.А. аудиозаписи переговоров с С.С.А. следует, что каких-либо просьб по написанию ходатайств в адрес суда к даче иных показаний со стороны адвоката П.И.А. не поступало.

Из представленной аудиозаписи судебного заседания следует, что на уточняющие вопросы адвоката П.И.А. С.С.А.: «Сегодняшние показания

---

¹ См.: Частное постановление судьи Советского районного суда г. Н. Новгорода от 07.04.2017 г. № 1-42 // Архив Нижегородского областного суда. 2017 г.

Ваши как-то связаны с тем, что с Вами разговаривал адвокат?» – С.С.А. ответил: «Нет»; на вопрос адвоката: «О чем-либо, произошедшем сегодня, Вас просил адвокат?» – С.С.А. ответил: «Нет». Указанные сведения отсутствуют в протоколе судебного заседания, однако были включены адвокатом П.И.А. в письменные замечания на протокол судебного заседания с приложением копий аудиозаписи, которые были отклонены судом.

Квалификационная комиссия ПАНО вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката¹.

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено².

Согласно решениям Конституционного Суда РФ не допускается отказ от мотивировки решений без указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются³.

Так, в сообщении Кулебакского городского суда Нижегородской области суд указывал защитнику в судебном заседании на нарушение регламента судебного заседания. Ввиду некорректных высказываний защитнику объявлено замечание. Суд установил, что защитник, нарушая порядок судебного заседания, встал и, сказав, что рабочий день закончился, самовольно покинул зал судебного заседания, тем самым сорвав судебное заседание по причине отсутствия у подсудимого защитника, грубо нарушив права подсудимого⁴.

Однако квалификационная коллегия и Совет ПАНО выяснили мнение адвоката, который указал, что был поставлен перед необходимостью выбора: соблюдения требований судьи об участии в прениях сторон в условиях, когда подзащитный возражает против этого, ссылаясь на не-

---

¹ См.: Выписка из протокола от 16.08.2017 г. № 08 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2017 г.

² См.: Выписка из протокола от 06.09.2017 г. № 11 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2017 г.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748; Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45.

⁴ См.: сообщение судьи Кулебакского городского суда Нижегородской области от 09.09.2016 г. // Архив Кулебакского городского суда Нижегородской области. 2016 г.

обходимость подготовки к приемам или соблюдением прав подзащитных в уголовном судопроизводстве. Адвокат сделал выбор в пользу исполнения надлежащим образом профессиональных обязанностей в отстаивании прав и интересов подзащитных, руководствуясь Конституцией РФ, УПК РФ и КПЭА, не согласившись участвовать в уголовном процессе за пределами рабочего времени, установленного решением Совета палаты от 10.06.2013 года.

Квалификационная комиссия ПАНО вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Согласно решению Совета ПАНО адвокатов Нижегородской области, дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено¹.

Ранее указывалось, что суд, как участник дисциплинарного производства, должен обосновывать выявленные им нарушения, поскольку дисциплинарное производство может нести за собой негативные последствия в отношении адвоката. Данные действия влияют на эффективность мер, направленных на устранение нарушений, что впоследствии может привести к выхолащиванию функций частных определений (постановлений).

Так, в частном постановлении Нижегородского областного суда указано, что в производстве Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода находилось уголовное дело по обвинению Б.А.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст.30, ч. 6 ст. 290 УК РФ, защиту которого осуществлял адвокат К.И.С.

В ходе судебного следствия 12.11.2015 г. государственным обвинителем было сделано заявление об отводе защитника подсудимого Б.А.В. – адвоката К.И.С. и отстранении адвоката К.И.С. от участия в производстве по уголовному делу по обвинению Б.А.В. на основании п. 3 ч.1 ст.72 УПК РФ.

Судом, с учетом мнения участников процесса, а также доводов адвоката К.И.С., не отрицавшей факт оказания ей юридических услуг К.С.А., вынесено постановление об отстранении защитника – адвоката К.И.С. от участия в деле и защиты подсудимого Б.А.В.

В постановлении указано, что в ходе рассмотрения заявления государственного обвинителя об отводе защитника К.И.С. судом было установлено, что адвокат К.И.С., являвшаяся защитником подсудимого

---

¹ См.: Выписка из протокола от 14.11.2016 г. № 14 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

Б.А.В., представляла интересы ИП К.С.А. в арбитражном деле по иску ОАО «П» к ИП К.С.А. Данное обстоятельство было подтверждено представленными суду документами, а именно доверенностью, выданной К.С.А. на имя К.И.С., заявление К.С.А. о допуске К.И.С. к участию в данном деле, а также документами, представленными стороной защиты¹.

Квалификационная комиссия ПАНО пришла к выводу, что противоречие интересов должно быть явным, а не предполагаемым. Более того, суд, как участник дисциплинарного производства, должен доказать наличие конфликта интересов между доверителями адвоката, а не презюмировать его в своем определении. Исходя из материалов дисциплинарного производства, квалификационная комиссия не усмотрела наличия конфликта интересов.

Согласно решению квалификационной комиссии ПАНО вынесено заключение о прекращении дисциплинарного производства, поскольку адвокат не допустил нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА².

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката было прекращено вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре³.

Нераскрытие действий, в которых проявляются нарушения, допущенные адвокатом, также является основанием для прекращения дисциплинарного производства. Выявленные недостатки влияют на эффективность судебных решений.

Данные решения также выставляют суды с негативной стороны и ставят вопрос об их профессионализме как участников дисциплинарного производства.

Так, в сообщении Канавинского районного суда г. Н. Новгорода указано, что адвокат Е.З.Л. осуществляла защиту М.Ш.С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Судом 25.11.2019г. было вынесено частное постановление на допущенные адвокатом нарушения в ходе рассмотрения уголовного дела.

---

¹ См.: Частное постановление судьи Нижегородского областного суда от 20.01.2016 // Архив Нижегородского областного суда. 2016 г.

² См.: Выписка из протокола от 15.06.2016 г. № 6 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

³ См.: Выписка из протокола от 06.07.2016 г. № 9 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

К сообщению судьи приложено частное постановление Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 25.11.2019 г., выписка из протокола судебного заседания от 19.11.2019 г. и 25.11.2019 г., копия аудиопrotocola судебного заседания 25.11.2019 г.

В качестве оснований для привлечения адвоката Е.З.Л. к дисциплинарной ответственности судом указано, что адвокат Е.З.Л. оказывала давление на свидетеля М.Е.А. Суд при этом ссылался на показания свидетеля М.Е.А.

Суд констатировал, что адвокат Е.З.Л. в ходе выступления в судебных прениях допустила некорректные выражения по отношению к действиям суда и иных участников процесса, в т.ч. указав, что председательствующим по уголовному делу были допущены наводящие вопросы в отношении свидетелей стороны государственного обвинения, что судом не соблюдался принцип равноправия сторон, председательствующим было допущено укрывательство доказательственной базы путем отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты и подсудимого.

По мнению суда, адвокатом Е.З.Л. допущены нарушения ст. 5 и ст. 12 КПЭА¹.

Само по себе намерение обратиться в правоохранительные органы не может быть расценено как угроза свидетелю или оказание давления на свидетеля. Кроме того, достоверных доказательств оказания давления на свидетеля М.Е.А с целью изменения ею показаний в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Как следует из выписки протокола судебного заседания от 19.11.2019 г., в которой отражен допрос свидетеля М.Е.А., последняя указывает, что добровольно давала объяснения адвокату Е.З.Л. и расписалась в объяснении. При этом адвокат разъяснила ей ст. 51 Конституции РФ.

На вопрос адвоката Е.З.Л.: «В чем заключались угрозы Вам?», свидетель М.Е.А. указала, что: «Вы говорили, что подписи не мои, что Вы будете проводить экспертизу».

Заявителем (судом) не раскрывается в чем, по его мнению, состоит некорректность примененных адвокатом Е.З.Л. в судебных прениях выражений, на которые ссылается суд, и каким образом данные выражения подрывают доверие к адвокату Е.З.Л. или адвокатуре.

---

¹ См.: Частное постановление судьи Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 25.11.2019 г. // Архив Канавинского районного суда г. Н. Новгорода. 2019 г.

Согласно решению квалификационной комиссии ПАНО вынесено заключение о прекращении дисциплинарного производства, поскольку адвокат не допустил нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА¹.

Согласно решению Совета ПАНО дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено².

Данные примеры показывают, насколько важны доводы, указанные судом в частном определении (постановлении). Если они не будут соответствовать фактическим обстоятельствам, то Совет палаты, как контрольный орган, сочтет их недостаточными для применения мер дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Так, в частном постановлении Московского районного суда г. Н. Новгорода от 25.01.2019 г. указано, что в его производстве находится уголовное дело по обвинению Г.А.В. в совершении одного преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Для защиты подсудимого Г.А.В., с 18.12.2018 года, ввиду замены защитника – адвоката З.А.И., был допущен адвокат по назначению К.С.А. Также, по ходатайству подсудимого Г.А.В., к его защите была допущена защитник Ш.Н.Н.

Адвокатом К.С.А. и защитником Ш.Н.Н. были заявлены ходатайства о предоставлении им времени для ознакомления с материалами дела по обвинению Г.А.В.

Судом данные ходатайства были удовлетворены, защитнику – адвокату К.С.А. и защитнику Ш.Н.Н. был предоставлен для ознакомления с материалами уголовного дела период времени с 26.12.2018 г. по 11.01.2019 г., дополнительно до 15.01.2019 г.

Судом указывается, что в ходе судебного заседания 16.01.2019 г. защитником – адвокатом К.С.А. было заявлено о не ознакомлении с материалами дела и невозможностью осуществлять защиту Г.А.В. в полном объеме.

Судом 16.01.2019 г. вынесено постановление об ограничении срока ознакомления защитников с материалами уголовного дела, было

---

¹ См.: Выписка из протокола от 15.07.2016 г. № 05 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

² См. Выписка из протокола от 05.08.2016 г. № 9 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2016 г.

предоставлено время для ознакомления – 17.01.2019 г., 18.01.2019 г., 21.01.2019 г., 22.01.2019 г., 23.01.2019 г.

Суд указывает, что 17.01.2019 г. защитник К.С.А. для ознакомления с материалами дела не явился, представил в суд 18.01.2019 г. несоответствующие действительности сведения о якобы ознакомлении его 17.01.2019 г. с материалами уголовного дела (с томом № 1) в период времени с 14 до 17 ч.; 18.01.2019 г. защитник К.С.А. ознакомился с материалами дела с 14 ч. 00 мин. до 14 ч. 30 мин. (ознакомился с томом № 2). 21.01.2019 г. защитник К.С.А. с материалами дела не ознакомился. 22.01.2019 г. представил в суд не соответствующие действительности сведения о якобы ознакомлении его 21.01.2019 г. в период времени с 14 ч. до 17 ч. с томом № 3 материалов дела. 22.01.2019 г. защитник К.С.А. ознакомился с материалами дела с 14 до 17 ч. (ознакомился с томом № 4). 23.01.2019 г. защитник К.С.А. с материалами дела не ознакомился, представил в суд также не соответствующие действительности сведения в виде заявления с собственноручной записью об ознакомлении его в этот день с материалами дела с 14 до 17 ч. (якобы об ознакомлении с томом № 5).

В судебном заседании 24.01.2019 г. защитник К.С.А. заявил, что ознакомлен с материалами уголовного дела не в полном объеме. 24.01.2019 г. судом вынесено постановление о прекращении ознакомления с материалами дела.

Суд указывает, что после вынесения судом постановления о прекращении ознакомления в судебном заседании 24 января 2019 года защитник К.С.А. заявил, что ознакомлен с материалами уголовного дела не в полном объеме, а время, предоставленное им судом, является недостаточным, позиция защиты с подсудимым Г.А.В. не согласована. На вопрос председательствующего, может ли он осуществлять защиту Г.А.В., защитник К.С.А. ответил, что «не может ответить на этот вопрос». В судебном заседании 25 января 2019 года заявил, что к судебному следствию «в общем, готов», однако о готовности осуществлять защиту Г.А.В. в полном объеме заявить не может, в т.ч. ввиду не предоставления ему судом протокола судебного заседания.

После этого защитником К.С.А. было заявлено о невозможности осуществления защиты Г.А.В. в полном объеме ввиду того, что судом ему не было предоставлено достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела, а также в т.ч. ввиду не предоставления ему

протокола судебного заседания, что, по его мнению, не позволяет ему согласовать с подсудимым Г.А.В. позицию защиты.

Заявителем указывается, что для обеспечения прав подсудимого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела судом предприняты меры для ознакомления защитника, такая возможность судом предоставлена была¹.

В дисциплинарное производство были представлены фотокопии заявлений об ознакомлении с материалами дела, в т.ч. об ознакомлении с материалами уголовного дела 27.12.2018 г., 28.12.2018 г., 29.12.2018 г., 17.01.2019 г., 21.01.2019 г. и 23.01.2019 г. Данные заявления содержали подписи секретаря судебного заседания С.Т.А. о выдаче материалов уголовного дела и принятии их после ознакомления адвокатом.

Квалификационная комиссия ПАНО указала, что иных доказательств, в т.ч. доказательств, подтверждающих отсутствие со стороны адвоката К.С.А. факта ознакомления с материалами уголовного дела, в указанные даты не представлено.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что доводы частного постановления в части того, что адвокат К.С.А. представил в материалы дела заявления об ознакомлении с материалами уголовного дела 27.12.2018г., 28.12.2018 г., 29.12.2018 г., 17.01.2019 г., 21.01.2019 г. и 23.01.2019 г., которые не соответствуют фактическим датам ознакомления, не подтверждаются представленными в материалы дисциплинарного производства доказательствами.

В части доводов частного постановления Московского районного суда г. Н. Новгорода о том, что К.С.А. самоустранился от осуществления защиты подсудимого Г.А.В., чем нарушил право подсудимого Г.А.В. на защиту, квалификационная комиссия пришла к следующему заключению.

В материалы дисциплинарного производства представлена выписка из протокола судебного заседания 24.01.2019 г. и 25.01.2019 г.

В соответствии с содержанием протокола судебного заседания, К.С.А. в ходе судебных заседаний 24.01.2019 г. и 25.01.2019 г. указывал, что его неознакомление с материалами уголовного дела вызвано ограничением по времени ознакомления. Также адвокат указывал, что для осуществления надлежащей защиты ему необходимо ознакомиться

---

¹ См.: Частное постановление Московского районного суда г. Н. Новгорода от 25.01.2019 г. // Архив Московского районного суда г. Н. Новгорода. 2019 г.

с протоколом судебного заседания в той части, на которой адвокат не присутствовал.

Квалификационная комиссия вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА¹.

Совет ПАНО прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката².

Можно сказать, что частное определение (постановление) в отношении адвоката является юридическим фактом, который является основанием для дисциплинарного производства. Поэтому необходимо, чтобы данный юридический факт «впустую» не запускал процедуру дисциплинарного производства.

Так, в частном постановлении Арзамасского городского суда Нижегородской области указано, что приговором Арзамасского городского суда Нижегородской области от 17.06.2019 г. П.В.Н. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 3 годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением административно-хозяйственных и организационно-распорядительных функций в коммерческих организациях, на срок 2 года с отбыванием наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Защиту осужденного П.В.Н. на стадии предварительного следствия и в судебных заседаниях осуществлял адвокат П.С.Е. по соглашению с клиентом.

В ходе рассмотрения судом уголовного дела и при вынесении обвинительного приговора в отношении П.В.Н. по ходатайству государственного обвинителя, а также по инициативе суда, из числа доказательств были исключены показания свидетеля Н.О.М., данные ею в ходе предварительного следствия, в т.ч. в ходе очных ставок со свидетелем Ф.А.Е. и обвиняемым П.В.Н.

Суд указал, что основанием для признания показаний свидетеля Н.О.М. недопустимым доказательством и исключения их из числа доказательств по делу послужило то, что Н.О.М. была допрошена с участием

---

¹ См.: Выписка из протокола от 20.03.2018 г. № 02 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2018 г.

² См.: Выписка из протокола от 03.04.2018 г. № 5 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2018 г.

адвоката П.А.С., являющегося близким родственником адвоката П.С.Е., осуществляющего защиту подсудимого П.В.Н. Интересы свидетеля Н.О.М. противоречили интересам П.В.Н., поскольку ее показания избличали подсудимого, в связи с чем данное обстоятельство в соответствии со ст. 72 УПК РФ исключало участие защитника П.А.С. в производстве по данному уголовному делу, и, соответственно, следственные действия с участием свидетеля Н.О.М. в присутствии адвоката П.А.С. были проведены следователем с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства¹.

Квалификационная комиссия указала, что в Определении от 15 октября 2018 г. № 2518-О Конституционный Суд отметил, что данный запрет в равной мере распространяется и на адвоката, приглашенного свидетелем для оказания юридической помощи при даче им показаний в ходе допроса, если этот адвокат оказывает или оказывал юридическую помощь в качестве представителя или защитника одной из сторон, интересы которой противоречат интересам данного свидетеля.

Таким образом, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ поводом для отвода защитника, а также адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю, является не само по себе родство адвокатов, а наличие каких-либо противоречий интересов участвующих в деле лиц.

Квалификационная комиссия также учла, что судом не представлено каких-либо документов, подтверждающих наличие «противоречия интересов» между свидетелем Н.О.М. и подозреваемым П.В.Н.

Квалификационная комиссия вынесла заключение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвокатов².

Совет палаты прекратил дисциплинарное производство в отношении адвокатов³.

Из проведенного анализа дисциплинарной практики в отношении адвокатов можно сделать вывод о том, насколько важной является активность участников дисциплинарного производства, направленная на обоснование своих доводов, на предоставление доказательств, которые будут

---

¹ См.: Частное постановление Арзамасского городского суда Нижегородской области Моисеевой И.В. от 03.07.2019 г. № 1-4/2019 // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области. 2019 г.

² См.: Выписка из протокола от 18.09.2019 г. № 07 заседания квалификационной комиссии ПАНО // Архив ПАНО. 2019 г.

³ См.: Выписка из протокола от 02.10.2019 г. № 12 заседания Совета ПАНО // Архив ПАНО. 2019 г.

подтверждать фактические обстоятельства, являющиеся предметом дисциплинарного производства.

Повторно обратим внимание на то, что, хотя частные определения (постановления) и являются обязательными для исполнения, они должны соответствовать требованиям, предъявляемым к судебному акту, а именно быть законными, обоснованными и мотивированными. Иначе суды не смогут выполнять возложенную на него функцию – правосудие.

Для частных определений (постановлений) нет исключения, и чтобы данный судебный акт мог исполнять возложенные на него задачи, орган судебной власти (суд), в чью компетенцию входит использование данного судебного акта, должен понимать, что лишь указание на факт нарушения, без обоснований фактических обстоятельств, подкрепленных доказательствами (выписка из протокола, телефонограмма, аудиозапись судебного заседания и иные), не приведут к применению желаемых мер, направленных на устранение выявленных нарушений.

Список источников

1. *Багаутдинов Ф.Н.* Частное постановление суда: актуальные вопросы вынесения и обжалования // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 22–28.

2. *Беляев М.В.* Обоснованность судебных решений в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2018. № 3. С. 20–24.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748; Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45.

РАЗДЕЛ V.

**ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ**

Базурина Е. Н.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Кувычков С. И.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

**ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ
СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация. В статье обсуждается состояние судебной системы в России, разъясняется суть её внутренней противоречивости, рассмотрены исторические особенности возникновения судебных систем, обозначены проблемы судебных систем «цивилизованного» мира, принципиальная невозможность поиска объективной истины в судебном процессе, приведены примеры наказаний, несоизмеренных совершённым преступлениям.

Ключевые слова: проблемы судебной системы; исторические особенности и противоречивость; субъективность судебного процесса.

Судебная система в Российской Федерации переживает сейчас непростые времена – это ни для кого не секрет. Обычно, обсуждая эту ситуацию, начинают вспоминать советское наследие, 90-е годы, противоречивость законодательства, недостаточное финансирование и текучку кадров. Однако нам представляется, что современное состояние судебной системы в России¹ во многом обусловлено внутренней противоречиво-

---

¹ И не только в России, поскольку во многом аналогичные «претензии» предъявляют своим судебным системам граждане многих стран.

стью общего положения судебной системы в современном капиталистическом мире. Для разъяснения самой сути этой внутренней противоречивости нам необходимо обратиться к некоторым базовым основаниям формирования человеческих коллективов.

Если рассматривать человека как биологический вид, то к его базовым поведенческим характеристикам относятся следующие.

Человек – существо, по сути своей формирующееся в больших группах. Так, например, нам известно, что неандертальцы (другой, отдельный вид людей) жили относительно небольшими группами (по 10-15 человек) в отличие от кроманьонцев (к этому виду принадлежат все ныне живущие), которые часто проживали группами по 30-50 человек.

С этой особенностью у людей связано и особое строение головного мозга, резко отличающее наш вид от других рода Номо, а именно – хорошо развитые лобные доли, поскольку именно эта часть мозга отвечает, в числе прочего, за способность к взаимодействию с другими, т.е. за способность ДОГОВАРИВАТЬСЯ.

Для того чтобы большие группы людей выживали в сложнейших условиях (а условия были суровые – специалисты говорят об износе костей у детей 7-9 летнего возраста сродни 50-летним современности), необходимо было гасить или разрешать возникающие конфликты на самой ранней стадии. В случае же, если человек категорически не желал соблюдать правила общежития, оставались крайние меры воздействия – такие, как казнь или изгнание.

Постепенно, по мере развития и численного увеличения человеческого сообщества, правила общежития неизбежно усложнялись, общество структурировалось. Наконец появляются первые Кодексы и Законы (Ману, Хаммурапи и т.д.). При изучении этих интереснейших источников законотворчества первое, что бросается в глаза нашему современнику, это непропорциональная, вроде бы, жестокость наказаний за почти любую провинность. И это повод для нас вспомнить еще одну специфическую особенность нашего вида – частое непропорциональное проявление агрессии как по отношению к своему виду, так и по отношению к окружающему миру (животным, растениям, предметам неживой природы...). Связано это опять-таки с биологией человека: реакции торможения у человека по сравнению с хищниками развиты слабо. Еще лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц в своей работе «Агрессия (так называемое «зло»)» убедительно показал, что «беззащитные» по формальным признакам животные, т.е. не имеющие серьезных орудий нападения (клыки,

когти), более агрессивны, чем хищники, для которых характерны своеобразные нормы поведенческой морали. Таким образом, в природе действует принцип: чем лучше «вооружен» субъект, тем он менее агрессивен по отношению к объекту, поскольку действует инстинкт торможения проявлений непропорциональной агрессии. У человека никаких формальных «орудий» нападения нет и инстинкт торможения потому крайне слабо развит.

В этом контексте легко объяснить, почему человек с такой легкостью использует на протяжении всей своей истории жестокое отношение ко всем окружающим. Это же во многом объясняет и жестокость законов и во многих случаях частоту нарушения этих законов.

А теперь вернемся к социальным аспектам системы права. Обычай, табу и закон с древнейших времен выступают основными регуляторами человеческих отношений. Причем с того момента, как система права начала свое формирование, она призвана была восстанавливать «справедливость», т.е. воздавать каждому по его поступкам – кому-то кнут, кому-то пряник. Таким образом, получается, что система правосудия выступает уже не просто регулятором взаимоотношений, а неким мерилom справедливости в обществе, которое должно сокращать возможные конфликтные ситуации до минимума за счет реализации права каждого на непредвзятый анализ поступков его самого и других членов общества.

До формального провозглашения демократии и формальной констатации факта равенства всех перед законом, справедливого, в буквальном смысле слова, рассмотрения любого нарушения правопорядка люди от суда не ожидали по определению, поскольку общество было сословным всегда и везде. Однако специфика капиталистического общества как социального устройства состоит в противоречии между формальной констатацией равенства всех перед законом и возможностями реализации этого равенства из-за вопиющего неравенства экономического!

Ни для кого не секрет, что специалисты в любой сфере, в том числе в сфере юриспруденции, бывают разного уровня – по интеллекту, связям, знакомствам и уровню знаний. В условиях капиталистического общества высокий уровень качества стоит дороже, если, например, речь идет о работе адвоката или консультанта. Суд, хотя, на первый взгляд, при демократическом устройстве общества является независимым, таковым не будет, поскольку независимость эта иллюзорна. Независимость суда – иллюзия, и причин тому несколько.

Во-первых, система права в любом государстве диктуется той социальной группой, которая находится у власти («каждая метла по-своему метет», если коротко), и потому, конечно же, в законах находят отражение интересы власть имущих, а судья априори стоит, тем самым, в любом государстве (совершенно не важно, «демократическое» оно или «тоталитарное») на страже действующего закона и им руководствуется в любом деле.

Во-вторых, не существует в природе такой системы, которая гарантировала бы беспристрастность судей, поскольку они – живые люди со своими пристрастиями, характерами, амбициями и интересами. Следует согласиться с С.А. Пашиным в том, что в судопроизводстве мы говорим не об истинности, а о доказанности; «объективная истина» – это вообще философская категория, которой нет места в законе [3].

Что касается практических соображений, то по этому поводу высказано немало критики по адресу концепции объективной истины. Тот же А.С. Александров исходит из того, что концепция «объективной истины» увязана с авторитаризмом; она есть концентрированное выражение инквизиционной идеологии [1]. В.Л. Будников также идеологическое значение концепции объективной истины в процессе усматривает в возвращении к неоинквизиционным конструкциям и порядкам советского уголовного процесса [2]. Впечатляющий перечень «грехов» объективной истины приводит и Г.М. Резник, главный из которых – оправдание фактического неравенства сторон в доказывании [4].

И наконец, третье. В так называемом «цивилизованном» мире сейчас в судебной системе нарушаются базовые принципы, на которых была основана с древнейших времен система права. В частности, речь идет как о нарушении «справедливости» по принципам обычного права, так и относительно недавно человечеством приобретенная идея о равенстве всех перед законом.

Чтобы было понятнее, приведем пример – всем известное дело Брейвика. Преступник убивает 77 человек и 151 получают ранения, после чего приговаривается к заключению (21 год тюремного заключения с возможностью неограниченного продления срока). Каково же фактическое наказание? Брейвик содержится в одиночной камере площадью 24 квадратных метра, состоящей из трёх комнат: спальни, кабинета и спортзала. Он имеет возможность вести переписку, прогуливаться во внутреннем двореке под надзором охраны. Любопытно, что Брейвик позиционирует себя как активный противник мультикультурализма, но

именно благодаря этой системе его комфорт и жизнь для системы правосудия в его стране фактически оказывается ценнее, чем жизнь 77 убитых им людей! Парадокс! Россияне эту внутреннюю несправедливость и противоречивость основ современного законодательства воспринимают особо остро, именно поэтому подавляющее большинство граждан нашего государства выступает за возвращение смертной казни.

Если говорить в целом о современной ситуации, хоть в России, хоть за рубежом, все исследователи мира в равной степени сходятся в одном – речь сейчас идет о всеобщем глобальном мировом кризисе. И так совпало, что связано это как с серьезными изменениями внешними (изменения климатических условий, катаклизмы в перспективе, увы, планетарного масштаба), так и внутренними (глобализация, технологизация, цифровизация с одновременным резким падением уровня жизни, образования, возрождением самых странных верований, недоверия к науке и т.д.). Судебная система любой страны – это не что-то аморфное и абстрактное, это конкретные люди, работающие в конкретных условиях. Таким образом, все процессы, происходящие в обществе и активно обсуждаемые, естественным образом находят свое отражение в поведенческих установках людей, работающих в системе правосудия.

Последние полтора года, с начала победного распространения по миру печально известного заболевания, стали серьезным испытанием не только для всех государственных систем мира в целом, но и для отдельных элементов этих систем. Судебная система в Российской Федерации также столкнулась с рядом проблем, которые ранее решать просто не приходилось, поскольку в этом не было необходимости. На наш взгляд, на фоне всего происходящего в других странах (США, ЮАР, Франция, Польша и т.д.), Россия как государство и российская система правосудия как часть государственной системы по крайней мере пока выдерживает значительно возросшие нагрузки.

Однако в целом, при обсуждении любых процессов в судебном сообществе, будь то вопросы как реформирования, так и усовершенствования существующей судебной системы, на наш взгляд, гуманитарные аспекты происходящих процессов необходимо учитывать. Важно понимать базовые основы формирования судебной системы, и это позволит в перспективе хотя бы частично нивелировать неудовлетворенность общества существующей на данный момент судебной системой.

Список источников

1. Александров А.С. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 23–24.
2. Будников В.Л. Следственный комитет Российской Федерации пытается определить место суда в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 3.
3. Пашин С.А. Объективная истина. В вине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/62070.html> (дата обращения: 31.07.2021).
4. Резник Г. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия [Электронный ресурс]. URL: <http://soprotivlenie.org/news/o-glavnom/institut-obektivnoj-istiny-kak-prikrytie-repressivnosti-pravosudiya-2>. (дата обращения: 31.07.2021).

Иванова Л. Н.,

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС В ПРАВОСУДИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В СУДЕЙСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье обсуждается этическая сторона конфликтов в судейской среде и социальные технологии урегулирования конфликтных ситуаций в деятельности органов судейского сообщества в связи с привлечением судей к дисциплинарной ответственности. Исследуются возможности внедрения элементов медиативного подхода в деятельность ККС, рассматривающих дисциплинарные нарушения судей. Приводятся данные правовой статистики и результаты опроса студентов-юристов о перспективах внедрения медиативного подхода в практику разрешения споров.

Ключевые слова: личность судьи; этика; дисциплинарный конфликт; примирительная процедура; медиативный подход.

«Судьи завалены делами и вынуждены в короткие сроки перерабатывать огромные объемы информации... Качество рассмотрения дел может оказаться под угрозой, ведь человеческий интеллектуальный ресурс в правосудии – ключевой компонент, без которого невозможно обеспечить полноценную защиту прав и свобод граждан», – отметил председатель

Совета судей РФ Момотов В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 года, предложив активнее использовать потенциал досудебного урегулирования споров и примирительных процедур для снижения судебной нагрузки [3]. Для этого расширить сферы использования обязательных досудебных примирительных процедур по отдельным категориям гражданских дел и по спорам с участием органов власти [см.: 12].

Как известно, примирение сторон нашло свое закрепление в процессуальных кодексах в числе задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Достижение целей цивилистического процесса требует, как отмечает доктор наук А.В. Чекмарева, развития механизмов убеждения, примирения сторон и отхода от методов принуждения; примирение должно стать более приемлемым, чем принятие судебного решения, как отличительная особенность правосудия в демократическом обществе. Будучи условием повышения эффективности правосудия примирение способствует социальной справедливости, приближая правосудие к потребностям общества и реализуя социальное предназначение судебной деятельности [17].

Технологии примирения как социальные инструменты регулирования межличностных отношений имеют свою форму и содержание. С одной стороны, это последовательность действий посредника по управлению проблемной, конфликтной ситуацией (в т.ч. пониманием и поведением участников такой ситуации), с другой – предполагают наличие у посредника особых компетенций и личностных качеств, позволяющих ему влиять на участников конфликта, менять их ожидания, развивая в них необходимые для данной ситуации представления и установки, за счет самоизменения и саморазвития. Эти особенности социальных технологий указывают на их отличительный признак – они являются психотехнологиями и разработаны с учетом практики управления конфликтными ситуациями.

Общепризнано, что судебная деятельность сопряжена с многочисленными и разнообразными конфликтами. Это не только конфликты между участниками процесса, но и конфликты в самой судебной среде, между судьями, судьями и руководством суда. Местные советы судей не в состоянии, как отметил В.В. Момотов, предотвращать такие конфликты; судебной среде необходим конструктивный диалог и соблюдение судьями Кодекса этики [2].

Конструктивный диалог актуален в наиболее острых конфликтах судей, связанных с привлечением их к дисциплинарной ответственно-

сти. Конечно, случаи досрочного прекращения полномочий судьи из-за систематических нарушений или однократного грубого нарушения, несовместимого со статусом судьи и дискредитирующего судебную власть, исключительны. Это либо волокита, несоблюдение процессуальных сроков, либо изменение приговора после его провозглашения, нарушение тайны совещания судей, вынесение решения без судебного заседания [7].

Результатом разрешения конфликта в судебской среде может стать выявление ККС неумышленных судебных ошибок (неверная оценка доказательств, неправильное применения норм и др.), которые не расцениваются как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям, поскольку судья действовал в рамках судебного усмотрения [7]. В 2020 году ВККС РФ всего один раз отказала в привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, в то время как региональные ККС сделали это 95 раз, в 2019 году ККС приняли 21 решение об отказе в привлечении к дисциплинарной ответственности судей [1]. Такая практика говорит о бережном отношении ККС к людям и их уверенности, что соблюдение Кодекса судебской этики для большинства судей является «внутренним убеждением судьи, правилом его жизни» (ст. 4 Кодекса).

Конечно, конфликт начинается не на заседании ККС по делу того или иного судьи. Порочащие судью действия (такие как организационные упущения, когда рассмотренные дела не сдаются вовремя в канцелярию, неверно оформляются статистические карточки, решения не выкладывались на сайте суда и др.), становясь системными, накапливают потенциал конфликта, усиливая его эскалацию. Особенно, если эти действия препятствуют законным интересам участников процесса (например, непринятие судом доказательств от защиты, его участие на чьей-либо стороне советами, укрывательство вышестоящими инстанциями необоснованных приговоров и др.) [8].

Анализ обзоров и отдельных постановлений ВККС РФ и ВС РФ показывает, что каждый конкретный конфликт, приведший к дисциплинарному наказанию судьи, имеет объективные и субъективные причины. Первые – это рост нагрузки на суды по гражданским делам (+10% за год, 38,4 млн дел рассмотрели суды в 2020 году, что на 11% больше, чем в 2019). Кроме того, быстро меняется законодательство и практика. Дополнительные трудности может вызвать обсуждаемое в юридической

прессе предложение привлекать к дисциплинарной ответственности судей за нарушение единообразия судебной практики [5].

Вторые – это собственно личностные причины поведения судьи, повлекшие привлечение его к дисциплинарной ответственности. Несомненно, ККС, определяя соразмерность примененной к судье меры дисциплинарной ответственности, тяжести совершенного им дисциплинарного проступка, исследует данные, характеризующие личность судьи и его профессиональную деятельность, в т.ч. морально-нравственные качества судьи, обстоятельства его семейной жизни и др. [9, ст. 28; 11].

Однако остаются без внимания результаты его психологического обследования в статусе претендента на должность судьи. Внимательный их анализ позволит понять, как с течением времени профессиональной деятельности изменилась мотивация и качества личности судьи, признанные в начале его карьеры как проявление его пригодности к судебской деятельности. Конечно, условия профессиональной деятельности судьи предъявляют высокие требования к сформированности у него многих профессионально важных качеств, которые не всегда выявляются психологическими методами [см.: 14].

Повторные психологические обследования судьи (так же, как ежегодные медицинские профосмотры) позволят выявить те изменения его личности, мотивации, нервно-психической устойчивости и др., которые только еще могут стать собственно личностной причиной конфликтов с участниками процесса и того виновного действия (бездействия) судьи, которым были нарушены права, свободы и законные интересы граждан и организаций.

Если IX Всероссийский съезд судей обсуждал проблемы назначения на должность судей (увеличение числа кандидатов, получивших положительное заключение ККС, но не рекомендованных к назначению кадровой комиссией) и решением проблемы стало изменение ряда норм Кодекса судебской этики, то X съезду в период пандемии важно обратить внимание не только на то, как преумножить, но, главным образом, как сохранить человеческий интеллектуальный потенциал в правосудии.

Огромную работу выполняют ККС субъектов РФ, рассматривая дисциплинарные дела судей. Приведем цифры: в 2018 году к дисциплинарной ответственности по РФ привлечены 172 судьи, в 2019 году – 175, в 2020 году – 148. По Нижегородской области в 2019 г. – 6 судей, в 2020 году – 7. Результатом этой работы являются судьбы людей, продолжающих службу в судах и тех, кто ее оставил досрочно, а также впе-

чатление о принятых дисциплинарных решениях у граждан и юридического сообщества [см., например, 8].

Процессуальные новации в судопроизводстве, внедрение альтернативных процедур урегулирования споров убеждают, что аналогичные подходы могут быть внедрены в деятельность Советов судей и ККС, которые, принимая справедливые и обоснованные решения, могут также влиять на отношение судей к своим обязанностям: во-первых, содержанием, мотивировкой принятых решений; во-вторых, процедурой, содержащей элементы медиативного подхода и судебного примирения.

В поиске новых альтернативных процедур разрешения дисциплинарных конфликтов важно учесть действующее законодательство: процедура медиации не применяется к спорам, если они затрагивают публичные интересы [17, п. 5 ст. 1]; процедура медиации не допускается по административным делам об оспаривании актов, обладающих нормативными свойствами (ст. 137.5 КАС РФ); примирение сторон возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон (ст. 137 КАС РФ).

Вместе с тем исследования эффективности процедуры медиации показали, что более чем в 70% стороны заключают медиативные соглашения, более 80 % таких соглашений исполняется сторонами добровольно и в срок ¹. Проведенный нами опрос студентов, будущих юристов, показал, что значимым для них является не столько правовое регулирование примирительных процедур, сколько человечность процедуры, наличие у посредника и инициатора примирения психологической и конфликтологической компетентности. Перспективными для процедур примирения являются (по мнению респондентов) семейные, жилищные, трудовые споры и споры в сфере административного судопроизводства.

Технология судебного примирения установлена Регламентом [13], в котором раскрыта шестиступенчатая процедура взаимодействия примирителя со сторонами. Значимым ее достоинством является единообразие применения в разных видах процессов (ст. 153.6 ГПК РФ, ст. 137.6 КАС РФ ст. 138.5 АПК РФ). В основе унификации процедуры лежит медиативный подход, подтверждающий, что результаты примирения зависят не от специфики судебного процесса, а от способности участников конфликта освоить эффективные образцы коммуникативного поведения.

Наличие медиативных навыков судьи должно стать показателем его высокой профессиональной подготовленности, поэтому по поручению

---

¹ См.: <https://mediacia.com/mediator> (дата обращения: 29.01.2021).

Совета судей РФ наш университет в мае 2021 г. подготовил специальные программы повышения квалификации судей, где раскрыты вопросы использования примирительных процедур и результатов примирения.

Для целей нашего исследования представляются интересными тенденции развития законодательства других юридических сообществ. Так, Кодекс профессиональной этики адвокатов устанавливает, что «отзыв жалобы, ... примирение адвоката с заявителем... могут повлечь прекращение дисциплинарного производства» [5, п. 7 ст. 19]. При вынесении решения о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности принимают во внимание признание им своей вины и исправление дисциплинарного проступка.

Сравним статистику: в России за последние 5 лет более 125 судей лишились полномочий, в то время как в США за все время существования современной американской судебной системы – всего 7 судей за нарушения основополагающих принципов правосудия [6].

Неэтичное поведение российского судьи (грубое и пренебрежительное поведение по отношению к участникам процесса, демонстративное нарушение прав сторон и др.) становятся поводом проведения проверок по жалобе на неэтичное поведение для принятия дисциплинарного решения. С этой целью получают объяснительную от судьи и опрашивают лица, которые могут подтвердить или опровергнуть доводы жалобы. Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ рассматривает административные дела о досрочном прекращении полномочий судьи в открытом судебном заседании [10, ст. 6], размещая свои решения в сети Интернет. В ряде случаев, игнорируя социально-психологические последствия такой открытости для репутации и душевного состояния судьи, как например, в деле мирового судьи Г.А. Мищенко (г. Омск) [15]. Когда ККС рассматривают такого рода «деликатные дела», стоит ввести норму этической конфиденциальности, которая могла бы сохранить в тайне обстоятельства личной жизни несчастной женщины, которая никак не может найти свое женское счастье и создать крепкую семью.

Меняется характер дисциплинарных проступков судей (так, в 2020 г. большая часть судей привлечены к дисциплинарной ответственности за публикации видеоматериалов в интернете [1]). В то время как кодексы этики «страдают содержательной размытостью и непредсказуемостью, ... невозможно заранее предвидеть, какие действия (бездействие) ... могут лечь в основу лишения особого статуса лица, их совершившего». В силу этого этический кодекс должен стать «дорожной картой» корпоративного

поведения, устанавливая правила предупреждения и разрешения конфликтов [6, с. 168].

Таким образом, исследование выявило два подхода. Первый утверждает требование четкого разграничения сфер регулирования закона и корпоративного акта, где любые основания, влекущие наложение каких-либо ограничений, должны быть закреплены в законе. Второй – в поиске новых альтернативных процедур предполагает гибкое совмещение требований закона и кодекса этики, чтобы поступки, влекущие наложение дисциплинарных взысканий, могли быть рассмотрены в контексте управления конфликтной ситуацией для обеспечения защиты интересов правосудия и личности судьи. Убедена, что рациональное использование альтернативных механизмов разрешения дисциплинарного конфликта будет способствовать сбережению человеческого ресурса в правосудии.

В заключение отметим, что повышению роли судейского сообщества в осуществлении стандартов независимости судей будет способствовать внедрение в сферу дисциплинарного производства новых социальных практик и технологий по урегулированию конфликтов. Готовность судейского сообщества применять в своей деятельности при разрешении конфликтов в судейской среде элементы медиативного подхода будет, в свою очередь, содействовать формированию правовой культуры граждан обращаться к альтернативным процедурам урегулирования споров. Медиативный подход становится общедоступным средством разрешения конфликтов, а компетентное его применение составляет основу формирования в обществе культуры сотрудничества, опираясь на гуманистические ценности позитивного общественного взаимодействия.

Список источников

1. *Вараксин М.* Глава дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ научил себя вести себя в соцсетях // Право.Ru. 09.02. 2021.
2. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на семинаре-совещании председателей советов судей субъектов Российской Федерации 4 февраля 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkks.ru> (дата обращения: 21.07.2021).
3. Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkks.ru> (дата обращения: 21.07.2021).
4. *Клейменов А.* К вопросу о дисциплинарной ответственности судей за нарушение единообразия судебной практики // Закон.гу. 2020. 11 мая.
5. Кодекс профессиональной этики адвокатов (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г., ред. 15.04.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL:

<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 21.07.2021).

6. *Михайлов В.К.* Кодексы этики профессиональных сообществ: гарантия независимости или инструмент давления? // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 160–170.

7. Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017–2018 гг. и первом полугодии 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfg.ru/documents/all/28943/> (дата обращения: 21.07.2021).

8. *Павлова З.* Верховный Суд указал, какие ошибки и нарушения могут стать основаниями для прекращения полномочий судей // Адвокатская газета. 2020. 28 мая.

9. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. от 17.06.2020) // Вестник ВККС РФ. 2007. № 2 (12).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 5 (ред. от 24.03.2016) «Об утверждении Положения о Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.07.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 2021. № 144.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. 2019. № 254.

14. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 19.12.2018 № ДК18-73 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122018-n-dk18-73/> (дата обращения: 21.07.2021).

15. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 марта 2009 г. № 44 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=464866> (дата обращения: 21.07.2021).

16. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

17. *Чекмарева А.В.* Развитие норм о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству в цивилистических процессуальных кодексах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 165–190.

Овчаров А. О.,

*доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Овчарова Т. Н.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

ПРАВОВОЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА СУБСИДИАРНОСТИ

Аннотация. В статье правовая природа принципа субсидиарности рассматривается применительно к европейской системе защиты прав человека. Как политическая категория принцип субсидиарности исследуется через деятельность Европейского союза. Исследование социально-экономического аспекта данного принципа базируется на социальной доктрине католической церкви.

Ключевые слова: принцип субсидиарности; права человека; государство; Европейский Союз; управление; дистрибутизм.

В современной литературе принцип субсидиарности встречается, когда рассматриваются вопросы государственных отношений с надгосударственными образованиями, а также при рассмотрении внутренних процессов в рамках современных демократических правовых государств. Термин «субсидиарность» происходит от латинского понятия «subsidiarius», что означает «вспомогательный». Впервые принцип субсидиарности получил развитие в социальных взглядах представителей Римско-католической церкви в период XIX–XX вв. Трансформация его содержательных аспектов через энциклики римских понтификов (Льва XIII, Пия XI, Иоанна XXIII и Иоанна-Павла II) рассмотрена в [9]. При этом основной смысл субсидиарности оставался неизменным, хотя акценты толкования принципа определялись конкретной социально-политической и экономической ситуацией, которая складывалась на время обращения с энцикликой.

Классическую формулировку принципа субсидиарности предложил в 1931 г. Папа Пий XI в энциклике «Quadragesimo Anno» («В сороковой год»). Сущность принципа, который оценивается им как «принцип социальной мудрости», может быть выражена следующим образом: социаль-

ные проблемы должны решаться самими людьми, опираясь на их инициативу и трудолюбие, а вышестоящие объединения не могут исполнять то, что по силам нижестоящим объединениям. Сегодня принцип субсидиарности трудно однозначно определить в силу его многоаспектности. Субсидиарность проникает в разные сферы общественной жизни – правовую, политическую, экономическую, социальную. Но, несмотря на многоплановость принципа, смысловое наполнение всех его проявлений позволяет рассматривать его как принцип, «в соответствии с которым даже самые маленькие территориальные, социальные и политические единицы могут иметь все права, в которых они нуждаются для того, чтобы регулировать свои собственные дела свободно и эффективно. В свою очередь, это требует ограничения сфер ответственности (выполняемых функций) более крупных единиц теми вопросами, которые не могут быть осуществлены самостоятельно более мелкими единицами» [8, с. 39]. Подробный анализ принципа субсидиарности происходит, прежде всего, при рассмотрении его как правовой и политической категории.

О правовой природе данного принципа идет речь в статье А.С. Григоряна, при этом автор обращает внимание на позиции ученых, которые трактуют его либо как только политический принцип, либо как имеющий и правовое, и политическое содержание [2]. Юридическая основа принципа субсидиарности в контексте деятельности международных организаций по защите прав и свобод человека рассматривается в [6]. Принцип субсидиарности является основополагающим для всей европейской системы защиты прав человека.

Деятельность Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в соответствии с этим принципом означает, что, прежде всего, государственные национальные системы защиты прав человека обязаны обеспечить соблюдение прав человека, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Столкнувшись с несправедливостью, произволом и не получив защиты в рамках национальной правовой системы, человек может обратиться в европейский суд и получить защиту на международном уровне. Подача жалобы в ЕСПЧ выступает вспомогательным средством для справедливого судебного разбирательства. Таким образом, принцип субсидиарности лежит в основе взаимодействия национального и международного уровней защиты прав и свобод человека, является способом их согласования.

Наиболее наглядно принцип субсидиарности получил отражение в такой отрасли права как международное право прав человека. Однако

«в научной доктрине нет пока работ, в которых бы принцип субсидиарности в сфере международной защиты прав и свобод человека характеризовался как принцип права» [3, с. 65]. Принципы права выражают нормативно-руководящие начала, и автор указывает, в каких нормах данный принцип представляет нормативно-руководящее начало и, значит, может рассматриваться как принцип права. Проведенный анализ позволяет автору отнести принцип субсидиарности к числу отраслевых принципов «международного права прав человека, на основе которого обеспечиваются вспомогательные функции международных договорных органов по защите прав и свобод человека с целью надлежащего выполнения государствами их международно-правовых обязательств» [3, с. 67].

В политическом аспекте принцип субсидиарности является отражением механизма управления обществом, который строится «снизу вверх» и предполагает в иерархической структуре управления максимальные полномочия у местных органов власти, наиболее тесно взаимодействующих с населением и хорошо информированных о его запросах, потребностях. Использование современных информационных технологий имеет значение для повышения эффективности работы муниципальных органов, способствует наиболее успешной реализации в управлении принципа субсидиарности.

Субсидиарность, по мнению С.В. Дергачева, «проявляет себя как принцип социального (в т.ч. государственного и муниципального) управления, согласно которому вопросы, которые могут быть решены на низовых уровнях управления, решаются именно здесь, а властные органы более высокого уровня вмешиваются в них лишь тогда, когда нижестоящие не в состоянии самостоятельно решить данную проблему» [4, с. 84]. Преимущество принципа субсидиарности в управлении заключается в том, что он предполагает инициативу и творческий подход к решению управленческих проблем на местах. Но для самостоятельного решения проблем нижестоящим управленческим звеньям необходимы условия, создание которых в компетенции вышестоящих органов управления, выполняющих субсидиарную (вспомогательную) роль. Поэтому в отношениях дополнительности находятся федеральный и муниципальный уровни управления по совместному достижению общих целей.

Большое значение принцип субсидиарности имеет в политической концепции Европейского Союза (ЕС). Это касается отношений между руководством ЕС и государствами-членами. Если поставленные цели могут быть достигнуты государствами-членами Союза самостоятельно,

то ЕС не должен вмешиваться, его полномочия ограничены сферами, где действий отдельных стран недостаточно и требуется в интересах интеграционного процесса урегулировать вопросы в области общей экономической, таможенной, природоохранной и другой внутрисоюзной политики. Разграничение компетенций ЕС и входящих в его состав государств отвечает требованиям субсидиарного подхода в политической сфере. Соблюдение принципов субсидиарности в деятельности ЕС возлагается на институты ЕС – Европейскую комиссию как основного субъекта законодательной инициативы, Суд ЕС, который может аннулировать правовой акт ЕС, нарушающий принцип субсидиарности, а также Европейский парламент и Совет ЕС. (Подробнее о практической реализации правового и политического аспектов принципа субсидиарности в деятельности ЕС см. в [7]).

Таким образом, следование принципу субсидиарности означает приверженность демократической идее, в соответствии с которой чем более многообразным выступает политическое сообщество, тем в меньшей степени возглавляющая его власть должна быть запретительной, ущемляющей права нижележащих уровней управления. Принцип субсидиарности ориентирует на принятие своеобразия государств-членов Союза вместо того, чтобы преодолевать их «сверху», со стороны Евросоюза.

Политический аспект принципа субсидиарности нередко ассоциируется с идеей децентрализации управления [1; 5]. В статье И.В. Ирхина отмечается, что для принципа субсидиарности усиление децентрализации в системе публичного управления обусловлено необходимостью приоритетного права нижестоящих единиц на решение проблем в рамках их компетенций и содействием «реализации ресурсов партиципаторной демократии, а также нацеленностью на плюрализацию всей системы публичного управления» [5, с. 162]. Предполагая баланс между уровнями публичного управления, принцип субсидиарности допускает приоритет уровня управления, наиболее приближенного к населению.

В социальном аспекте субсидиарность возлагает ответственность за благосостояние граждан на самих граждан, а социальные гарантии обеспечиваются государством лишь тем из них, у кого не хватает сил и возможностей для этого. Центральная власть должна играть вспомогательную роль, предоставляя больше самостоятельности человеку, поддерживая личную свободу, инициативу и ответственность.

Основу принципа субсидиарности в социально-экономической сфере заложило социальное учение католической церкви. Так, Папа Лев XIII

сформулировал положение об ответственности государства за социальную и экономическую ситуацию в стране: «...равная забота обо всех общественных классах есть первоочередная задача благородного правителя, реализуемая посредством воплощения в жизнь принципа распределительной справедливости» [9, с. 34]. Кроме того, выдвигался тезис об ограниченном вмешательстве государства: «...справедливым можно считать такое положение, когда человек и семья обладают достаточной свободой действий в той мере и до тех пор, пока наличие такой свободы не будет вредить общему благу» [там же]. Социальная помощь семье, индивиду носит вторичный характер, каждый член общества должен стремиться достичь благосостояния сам, а государство (правительство) осуществляет поддержку, оказывает социальную помощь лишь в случае, когда человек оказался не в состоянии самостоятельно обеспечить себя и своих близких. Субсидиарность в социальной сфере поддерживает основную идею либерализма о преимущественных правах отдельного человека перед правами государства или общества. Каждый член общества является способным и имеет право осуществлять свою социальную роль в достижении общего блага.

Социальное учение католической церкви, изложенное в папских энцикликах Льва XIII «*Rerum Novarum*» и «*Quadragesimo Anno*» Пия XI выступило основанием для дистрибутизма – социально-экономического направления, зародившегося в Европе в конце XIX – начале XX века, сторонники которого привержены принципу subsidiarности. Двумя самыми ранними представителями дистрибутизма, оказавшими влияние на его развитие, являются католические авторы: Г.К. Честертон, известный как писатель, создатель известного персонажа его детективных рассказов отца Брауна, и Илер Беллок, автор работы «Государство рабов», в которой он теорию дистрибутизма предлагает в качестве альтернативы как капитализма, так и социализма. Их совместная работа дала жизнь термину «Честербеллок». В дальнейшем изложении мы будем опираться на материал из [10].

Согласно теории дистрибутистов собственность на средства производства должна быть рассредоточена и не концентрироваться в руках государства или отдельных лиц. Малая, а не крупная, экономическая единица должна быть основной в любом производстве, и такой единицей в дистрибутивном обществе выступает не отдельный человек, а семья. «В соответствии с принципом subsidiarности ни одна крупная единица (социальная, экономическая или политическая) не должна выполнять функ-

цию, которую может выполнять меньшая единица» [10]. Люди, владеющие собственностью (землей, орудиями труда) в дистрибутивном обществе смогут зарабатывать себе на жизнь, обеспечивать семью. Честертон подытожил свои дистрибуторские взгляды во фразе «Три акра и корова», имея в виду не только семьи фермеров, но и местные общины, некрупные объединения владельцев средств производства. Сторонники дистрибутизма «верят в общество, которое максимально опирается на собственные силы», при этом многие из них выступают «за создание систем социальной защиты, которые бы адекватно обеспечивали материальные потребности наиболее уязвимых слоев общества» [10].

Что касается России, то федеративное устройство государства предполагает разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти. Однако существующая вертикаль власти «сверху-вниз», а не наоборот, зачастую не позволяет принимать эффективные решения на местном уровне без согласования с вышестоящими органами, и это тормозит развитие общества. В Конституции РФ нет понятия субсидиарности, хотя конструктивный потенциал принципа субсидиарности мог бы быть полезен при теоретическом рассмотрении и практическом решении ряда актуальных вопросов по достижению баланса централизации и децентрализации в управлении.

Список источников

1. *Глыбовская Н.А.* Принцип субсидиарности как средство децентрализации управления // Управление в социальных и экономических системах. 2017. № 26. С. 128–129.
2. *Григорян А.С.* К вопросу о правовой природе принципа субсидиарности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 139–146.
3. *Григорян А.С.* Принцип субсидиарности как отраслевой принцип международного права прав человека // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 64–68.
4. *Дергачев С.В.* Субсидиарность как базовый принцип организации и функционирования современной государственной гражданской службы и муниципальной службы // Марийский юридический вестник. 2016. № 2(17). С. 83–85.
5. *Ирхин И.В.* Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 160–171.
6. *Казанцева О.Г., Кациева Р.К.* Действие принципа субсидиарности в процедуре международной судебной защиты прав человека // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9 (112). С. 59–62.

7. *Пименова О.И.* Принцип субсидиарности в Европейском союзе: перипетии применения // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 4. С. 144–163.

8. *Пименова О.И.* Субсидиарность как нравственная, философская и правовая категория // *Актуальные проблемы российского права.* 2017. № 11 (84) ноябрь. С. 37–47.

9. *Серебряков К.Д.* Понятие и характеристика дефиниции «субсидиарность» в научно-философском дискурсе: генезис и трансформация представлений в католической социальной доктрине // *Русская политология.* 2018. № 3 (8). С. 33–39.

10. *Distributism.* [Электронный ресурс]. URL: <https://max-k-studio.com/distributism/> (дата обращения: 06.07.2021).

Свешников Г. А.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского процессуального права ПФ РГУП,

судья Нижегородского областного суда,

г. Нижний Новгород

Свешникова И. Ю.,

преподаватель кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП,

г. Нижний Новгород

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы открытости и прозрачности правосудия, повышения доверия к судебной системе посредством реализации информационной политики при взаимодействии с образовательными организациями.

Ключевые слова: открытость правосудия; доверие к суду; информационная политика судебной системы; информационно-образовательная среда судов; мониторинг открытости и доступности правосудия.

Судебная реформа, проводимая в России в последние годы, повлекла значительные изменения в судебной системе, выражающиеся, прежде всего, в повышении уровня транспарентности судебного разбирательства, открытости, прозрачности и доступности правосудия.

Открытость правосудия следует рассматривать с позиции доступа к информации о деятельности судов и повышения уровня правовой осве-

домленности граждан о судеустройстве и судепроизводстве, что, в свою очередь, оказывает влияние на поддержание доверия общества к суду.

В качестве одной из приоритетных задач федеральной целевой программы (далее – ФЦП) «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» было обозначено обеспечение открытости и прозрачности правосудия. Своей актуальности задача не потеряла и на современном этапе развития судебной системы, являясь важнейшей в ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы».

Нормативное регулирование открытости правосудия осуществляется, начиная с 2000-х годов, когда общая политика государства была направлена на построение информационного общества. За это время были приняты и утверждены следующие, определяющие в этом вопросе, правовые акты: Концепция информационной политики судебной системы, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судепроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», Кодекс судейской этики и др.

5 декабря 2019 года Советом судей РФ одобрена «Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы» (далее – Концепция), выражающая официальные взгляды судейского сообщества России на цели, задачи, принципы и основные направления работы в информационной сфере, а также на системы регулирования возникающих при этом общественных и правовых отношений[2].

Концепция развивает идеи об обеспечении открытости, прозрачности и доступности правосудия, о повышении доверия к судебной власти, о совершенствовании и повышении эффективности информационной политики, проводимой судебной системой, о создании единых подходов при организации и осуществлении взаимодействия со СМИ, выраженные в ранее принятых актах [6; 4; 5].

Среди целей Концепции указывается гармонизация отношений судебной власти и общества; открытость и гласность судепроизводства; совершенствование способов доступа граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, представителей средств массовой информации к информации о деятельности судов; объективное освещение деятельности

судов в средствах массовой информации; формирование благоприятного имиджа органов судебной власти; повышение уровня доверия к судебной системе.

Под информационной политикой судебной системы понимается проведение комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, направленных на гармонизацию отношений судебной власти и общества, понимание гражданами целей и содержания проводимой в государстве судебной реформы, а также на объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации [2].

Приоритетными направлениями и механизмами информационной политики судебной системы являются: популяризация знаний о судебной системе и деятельности судов, формирование эффективной и устойчивой информационно-образовательной среды судов, обеспечение интересов судебной системы Российской Федерации в информационной сфере и некоторые другие.

Следует более подробно остановиться на направлениях информационной политики, которые реализуются или планируют воплотиться в жизнь при взаимодействии судебной системы Нижегородской области и Приволжского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (ПФ РГУП).

Популяризация знаний о судебной системе предполагает создание музеев, посвященных становлению, формированию, функционированию судебной системы в регионах, организацию экскурсий учащихся учебных заведений в данные музеи. Совет судей Нижегородской области проводит такую работу: в музее проводятся экскурсии для студентов юридических вузов (в том числе, Приволжского филиала РГУП), а также планируется привлекать в дальнейшем студентов ПФ РГУП для самостоятельного проведения экскурсий для других учащихся.

Журнал судейского сообщества Нижегородской области «Судебный вестник Нижегородской области», освещающий деятельность судов, размещен на сайтах учредителей издания (Нижегородского областного суда и Управления Судебного департамента в Нижегородской области), а также на официальном сайте Приволжского филиала РГУП (vrb.rgup.ru). Кроме того, журнал активно сотрудничает с ПФ РГУП, освещает деятельность филиала, публикует статьи преподавателей и студентов по актуальным вопросам юридической науки.

Формирование эффективной и устойчивой информационно-образовательной среды судов включает в себя внутренний и внешний образовательные компоненты. Под внешним образовательным компонентом понимается взаимодействие судов с институтами гражданского общества и, прежде всего, с образовательными организациями (как среднего образования, так и среднего профессионального и высшего образования), с целью повышения уровня знаний о правосудии.

Это может быть достигнуто с помощью различных механизмов:

1) проведение совместных научных и образовательных мероприятий (семинары, конкурсы, круглые столы, конференции) с учебными заведениями различного уровня;

Нижегородский областной суд и Приволжский филиал ФГБОУВО «РГУП» проводят такое взаимодействие на основании договора о сотрудничестве от 26.01.2015 г.

На протяжении нескольких лет проводятся совместные мероприятия научного характера:

В 2018 году был опубликован сборник научных трудов в двух частях, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда под редакцией А.В. Бондара, В.В. Ершова, Ю.В. Журавлевой, Р.В. Ярцева; 7-8 ноября 2019 г. на базе Нижегородского областного суда состоялся двухдневный научно-практический семинар «Международные аспекты защиты прав ребенка. Практика применения Гаагских конвенций о защите детей»; 27 февраля 2019 года на площадке Нижегородского областного суда при организационной поддержке Приволжского филиала РГУП и межправительственной организации Совет Европы был проведен круглый стол по тематике: «Проблемы обеспечения прав личности при разрешении уголовных дел: практика и механизмы Совета Европы по борьбе с торговлей людьми и домашним насилием» в рамках реализации программы Совета Европы HELP; в апреле и мае 2021 года в рамках той же программы на базе ПФ РГУП и Нижегородского областного суда состоялись «круглые столы», посвященные запуску 3 курсов HELP по следующим тематикам: «Введение в Европейскую конвенцию по правам человека и Европейский суд по правам человека» (для группы мировых судей Нижегородской области и профессорско-преподавательского состава ПФ РГУП), «Запрет жестокого обращения при осуществлении правоохранительной деятельности, обеспечении безопасности и применении иных мер принуждения» (для группы судей и работников аппарата Нижегородского областного суда, преподавателей ПФ РГУП), «Право на свободу и

личную неприкосновенность» (для федеральных судей и помощников судей районных и городских судов Нижегородской области). Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Правосудие в современном мире» также является примером взаимодействия и сотрудничества ПФ РГУП с судебной системой.

2) участие судов в программах профессиональной ориентации школьников и студентов;

Ежегодно на площадке Приволжского филиала РГУП проходит мероприятие «Ярмарка вакансий», направленное на оказание содействия в трудоустройстве выпускников. Традиционно в этом мероприятии принимают участие представители судебной системы Нижегородского областного суда, Арбитражного суда Нижегородской области, Арбитражного суда Волго-Вятского округа, а также Управления Судебного департамента в Нижегородской области.

На протяжении пяти лет происходит сотрудничество ПФ РГУП с Нижегородским областным судом в части профориентационной работы со студентами факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы. Такая деятельность осуществляется действующими судьями Нижегородского областного суда в форме лекций-бесед по развитию профессионально важных качеств личности. Так, например, Шаймердяновой Г.Ш. (судья Нижегородского областного суда) в 2021 году были проведены лекции-беседы для студентов 2 курса ФНО на тему: «Нравственные требования к судье: Кодекс судейской этики и присяга судьи».

Ежегодно Арбитражный суд Нижегородской области проводит День открытых дверей для студентов Приволжского филиала РГУП.

3) организация производственной практики студентов юридических специальностей в судах;

Согласно договору о сотрудничестве между Нижегородским областным судом и ПФ РГУП, суд обеспечивает: прохождение стажировки, учебной, производственной, преддипломной практики обучающихся в ПФ РГУП; доступ студентов к материалам, необходимым для подготовки и написания отчета о прохождении практики, курсовой, дипломной, научной работы, магистерской диссертации.

4) из Концепции следует необходимость включения в базовую подготовку юридических ВУЗов России (и, в первую очередь, РГУП) образовательных курсов, посвященных принципам и проблемам взаимодействия судебной системы и СМИ, изучению вопросов организации

электронного правосудия, применения федерального законодательства в сфере информатизации судов.

В Приволжском филиале РГУП успешно реализуются такие курсы и учебные дисциплины. Среди них можно выделить: «Судебное делопроизводство», «Организация судебной деятельности» (на программах среднего профессионального образования и высшего образования). В рамках программы среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование» предусмотрен профессиональный модуль, состоящий из двух междисциплинарных курсов: «Информационные технологии в деятельности суда» и «Информационные системы судопроизводства». Модуль завершается прохождением учебной (в здании ПФ РГУП) и производственной (в судах Нижегородской области) практики.

Кроме того, при разработке специализированных учебных планов и программ, филиал приглашает к участию представителей судебной системы, а утверждение образовательных программ согласуется с председателями судов, с которыми сотрудничает ПФ РГУП.

Для судейского сообщества и сотрудников аппарата суда особую актуальность приобретает внутренний образовательный компонент. В этой части факультет повышения квалификации Приволжского филиала РГУП осуществляет деятельность вот уже на протяжении двадцати лет, реализуя различные виды программ как для мировых судей, так и для работников аппаратов судов. Содержание программ направлено на формирование и дальнейшее совершенствование профессионально важных качеств, умений и навыков в соответствии с квалификационными требованиями, предъявляемыми к работникам судебной системы.

С течением времени запросы в программах обучения меняются. Сегодня довольно остро стоит необходимость в обучении пресс-секретарей судов и в повышении навыков работы с информационными ресурсами, автоматизированными системами среди судей и работников судебной системы.

Приволжский филиал РГУП планирует включить в учебный план на 2022 год программу подготовки сотрудников пресс-служб судебной системы «Роль сотрудников пресс-служб судов, управлений Судебного департамента и органов судейского сообщества в разрешении проблем современного законодательства», видя в этом особую актуальность.

На сегодняшний день в рамках некоторых существующих программ обучения рассматриваются вопросы информатизации судов. Представля-

ется необходимым разработать и внедрить в процесс повышения квалификации отдельной программы обучения: «Информационные технологии в деятельности судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента».

В рамках обеспечения интересов судебной системы Российской Федерации в информационной сфере большое внимание уделяется формированию общественного мнения в отношении судебной власти.

Согласно Концепции, предлагается сформировать при советах судей субъектов Российской Федерации постоянно действующие комиссии по мониторингу открытости и доступности правосудия на территории субъектов Российской Федерации, в состав которых войдут, в том числе, представители профильных высших и средних специальных учебных заведений.

Опыт подобного мониторинга был получен весной 2018 года в рамках проекта Центра правовых программ Л. Никитинского при поддержке Фонда президентских грантов (в четырех регионах страны был проведен независимый гражданский мониторинг открытости и доступности судов) [9]. Представляется, что в скором времени такие комиссии могут начать свою работу в регионах на постоянной основе. Целесообразно рассмотреть вопрос о включении представителей Приволжского филиала РГУП в состав такой комиссии.

Не может быть сомнений, что передовая и прогрессивная судебная система Нижегородской области при взаимодействии с Приволжским филиалом РГУП будут развиваться соразмерно вызовам времени.

Список источников

1. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012). [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 29.07.2021).
2. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 29.07.2021).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. 2012. № 292 (5965). 19 декабря.
4. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» // Российская газета. 2006. № 4211. 1 ноября.

5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 24.12.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

6. Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/12124885/> (дата обращения: 20.07.2021).

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 4131. 29 июля.

8. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. 2008. № 4822. 26 декабря.

9. Центр правовых программ члена Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Леонида Никитинского. Реализация проекта «Мониторинг судебной деятельности с привлечением региональных активистов». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/5083/> (дата обращения: 30.07.2021).

Терехов А. М.,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

Кувычков С. И.,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

АНАЛИЗ СУДИМОСТИ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. В статье приведен статистический анализ данных о судимости за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В процессе исследования задействованы методы анализа показателей динамики, коэффициентный анализ, регрессионный анализ, прогнозирование, обобщение. Установлено снижение числа осужденных по рассматриваемой категории преступлений, показана значимая статистическая связь числа осужденных со среднедушевыми денежными доходами, представлен динамический прогноз, показывающий снижение количества осужденных в 2021–2023 гг.

Ключевые слова: анализ судимости; динамика судимости; прогнозирование судимости; предикторы судимости; моделирование.

Согласно действующему уголовному кодексу ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрена статьями: ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 113 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»; ст. 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

В данной статье будет рассмотрен статистический анализ преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, поскольку данный вид преступлений близок к преступлениям против жизни и поэтому имеет наиболее опасный характер [1, с. 193].

Хотя по данным генеральной прокуратуры Российской Федерации в структуре преступности доля убийств и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью составляет всего 1,5%, но удельный вес умышленного причинения тяжкого вреда здоровью среди преступлений, совершенных на улицах, составляет 18,9%¹.

Для анализа динамики преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, рассмотрим официальные статистические показатели и данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2008 по 2020 год [3; 5] (*см. таблицу 1 «Анализ показателей динамики по преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью за 2008–2020 годы»*).

Таким образом, наблюдается ежегодное снижение числа осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Наибольшее снижение к уровню предыдущего года отмечено в 2017 г. и в 2020 г. (10,32% и 13,3% соответственно).

Всего за анализируемый период число осужденных по рассматриваемой категории сократилось более чем в 2 раза (на 55,34% – с 36,5 тыс. чел. до 16,3 тыс. чел.).

Снижение числа осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью согласуется с тенденцией снижения общего числа осужденных в стране по всем категориям судимости. Так, если в 2008 г. эта доля составляла 3,95% в общем числе осужденных, то к 2020 г. она снизилась незначительно и составила 3,07%.

---

¹ См.: URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 26.07.2021).

**Анализ показателей динамики по преступлениям,
связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью
за 2008–2020 годы¹**

Наименование показателя	2008 г	2009 г	2010 г	2011 г	2012 г	2013 г	2014 г	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	2019 г	2020 г
Всего осуждено за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, тыс. чел.	36,5	36,0	33,8	32,4	30,9	30,2	28,8	26,9	25,2	22,6	20,5	18,8	16,3
Темп прироста (цепной), %	-	-1,37	-6,11	-4,14	-4,63	-2,27	-4,64	-6,6	-6,32	-10,32	-9,29	-8,29	-13,3
Темп прироста (базисный), %	-	-1,37	-7,4	-11,23	-15,34	-17,26	-21,1	-26,3	-30,96	-38,08	-43,84	-48,49	-55,34
Доля осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в общем составе осужденных, %	3,95	4,03	4,00	4,14	4,18	4,11	4,00	3,66	3,40	3,24	3,11	3,14	3,07
Коэффициент судимости за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на 100 тыс. населения	40,18	39,97	37,86	36,65	35,34	34,92	33,21	31,43	29,80	27,00	24,74	22,86	19,97

В течение 2008–2020 гг. наблюдались периоды как увеличения, так и уменьшения доли осужденных по статье 111 УК РФ. Значение коэффициента судимости также снизилось более чем в 2 раза (с 40,18% до 19,97%).

Такая тенденция может быть связана с развитием социальной сферы, улучшением экономического благополучия граждан, трансформацией законодательства, увеличением объема и качества профилактических мероприятий, направленных на борьбу с преступностью. Нельзя не учитывать фактора увеличения латентности данных преступлений и виртуализацию социальной жизни.

¹ Таблица составлена автором на основе статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

Подробная динамика судимости по преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью за 2008–2020 годы представлена на рисунке 1.

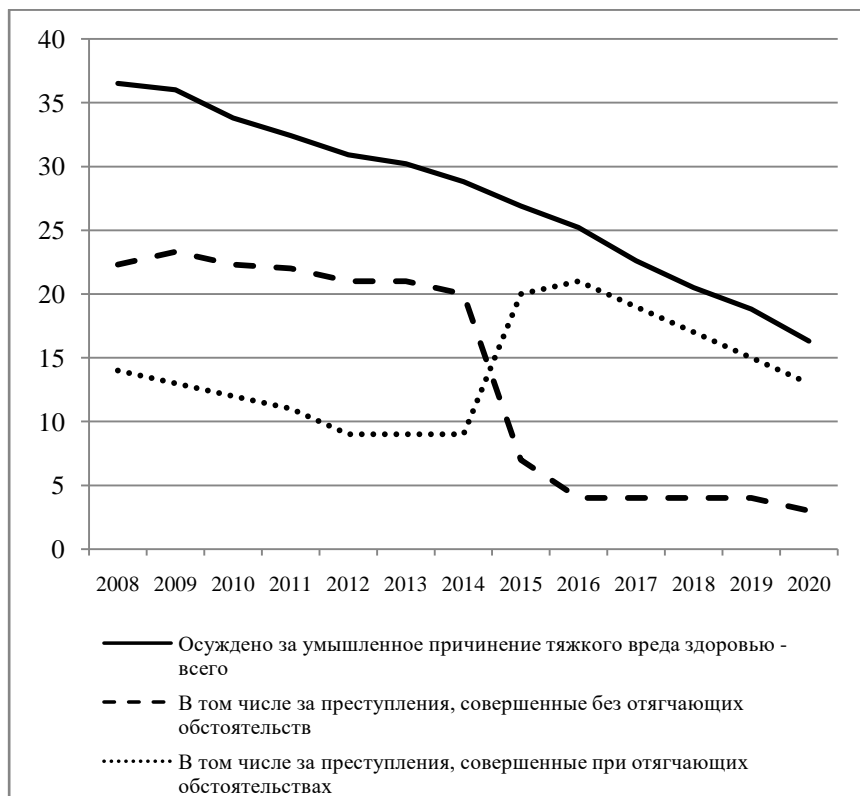

Рисунок 1. Динамика судимости за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, тыс. чел.

Рассматривая информацию, представленную на рис. 1, в 2015 г. мы наблюдаем резкую смену динамики относительно обстоятельств, отягчающих наказание.

Так, если до 2014 г. число осужденных без отягчающих обстоятельств значительно превышало число осужденных при отягчающих обстоятельствах (в 1,8-2 раза), то после указанного периода картина карди-

нально поменялась, к 2020 г. количество осужденных при отягчающих обстоятельствах превысило число осужденных без отягчающих обстоятельств в 4 раза. Данное обстоятельство связано с изменением уголовного законодательства, в частности, статьи 63 УК РФ. В динамике отдельных видов преступлений наибольший прирост демонстрируют такие отягчающие обстоятельства как террористический характер (21,7%) и экстремистская направленность (40,8%)¹.

С целью выявления статистических связей социально-экономических факторов с количеством осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, нами проведен регрессионный анализ в приложении Gretl. Для анализа выбраны следующие переменные за 2008–2020 гг. (по Российской Федерации): всего безработных, тыс. чел.; уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, %; среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.; число посещений музеев, млн раз. [2; 3]. Перечисленные переменные характеризуют состояние рынка труда, уровень жизни населения, уровень культуры – наиболее общие и важные факторы, которые могут оказывать влияние на динамику преступности/судимости. В связи с тем, что для анализа использовались данные временных рядов, в которых отсутствует стационарность (ввиду наличия тренда), для исключения ложной корреляции и ложной регрессии в модель включена переменная времени (*time*) [4, с. 51]. Полученная методом наименьших квадратов, модель имеет вид:

$$\hat{Y} = 28,6 + 0,00077 * X1 - 3,05 * time$$

где $\hat{Y}$ – осуждено за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, тыс. чел.; $X1$ – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.

Стандартные ошибки модели: *const* (2,04), $X1$ (0,000149), *time* (0,280); коэффициент детерминации (R^2) = 0,996.

Полученная модель успешно прошла все основные тесты на статистическую значимость. При этом включенный в модель фактор $X1$ указывает на то, что среднедушевые денежные доходы населения имеют значимые статистические связи с зависимой переменной $\hat{Y}$ в рамках построенной модели. Нами не отвергаются статистические связи $\hat{Y}$ и с другими (как включенными, так и не включенными в исследование) влияющими переменными, при этом для детального исследования такого влияния необходимо, с одной стороны, принятие условия стационарности

---

¹ См.: URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения 26.07.2021).

для динамических рядов, с другой – детализация статистической информации, которая не раскрывается (либо частично раскрывается) на статистических ресурсах.

В основу прогнозирования количества осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью нами заложена интегрированная модель авторегрессии Бокса-Дженкинса с прогнозным периодом – 2021-2023 гг. В процессе исследования временного ряда на стационарность, с учетом анализа АСF¹ и РАСF², на основе полученных значений информационных критериев Акаике (AIC), Шварца (SC) и Хеннана-Куинна (HQC), оптимальной была признана модель случайного блуждания – ARIMA (0,1,0). Использован точный метод максимального правдоподобия. Данная модель успешно прошла все необходимые тесты на статистическую значимость и имеет следующие параметры: $R^2 = 0,993$; ст. ошибка = 0,185796; AIC = 26,43; SC = 27,40; HQC = 26,08.

Уравнение модели имеет вид:

$$Y_t = -1,68333 + Y_{t-1} + u_t$$

где Y_t – прогнозное значение количества осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в t-периоде; Y_{t-1} – предыдущий уровень динамического ряда; u_t – белый шум.

На основе данной модели получены следующие прогнозные данные: 2021 г. – 14,6 тыс. чел., 2022 г. – 12,9 тыс. чел., 2023 г. – 11,3 тыс. чел. Полученные значения прогнозируют снижение числа осужденных в среднесрочной перспективе.

Важность прогнозирования количества осужденных обусловлена необходимостью планирования деятельности правоохранительной системы, в том числе планированием нагрузки на суды и судей, планированием мероприятий, направленных на профилактику преступности, планирование финансирования и пр.

Список источников

1. Буньковский Д.В. Метод экономического анализа в практике юриста // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы XXIV Всерос. науч.-метод. конф. (Иркутск, 28 февраля – 1 марта 2019 г.). Иркутск : Изд-во Восточно-Сибирского института МВД РФ, 2019. С. 193–196.

---

¹ Автокорреляционная функция.

² Частная автокорреляционная функция.

2. Буньковский Д.В., Капустюк П.А. Экономические факторы, влияющие на развитие организованной преступности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 18–19 мая 2017 г.). / отв. ред. С.А. Карнович, П.А. Капустюк В 2 т. Иркутск : Изд-во Восточно-Сибирского института МВД РФ, 2017. С. 35–39.

3. Терехов А.М., Кувычков С.И., Смирнов С.А. Особенности статистического моделирования и прогнозирования преступности: теоретический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 123–130.

4. Хулхачиева Г.Д., Хулхачиев Д.П. Моделирование внутреннего аудита производственных затрат в сельскохозяйственных организациях : сб. трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета / отв. ред. В.О. Имеев. Элиста : Изд-во ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет», 2013. С. 51–53.

5. Шумилина Т.В., Газизьянова Ю.Ю. Статистика: учеб. пособие. Кинель : РИО Самарского ГАУ, 2020. 223 с.

Шмелев К. В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права ПФ РГУП,
г. Нижний Новгород*

АНАЛИЗ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В предлагаемой статье автор кратко определяет феномен цифровизации, называя ее общие предпосылки, констатирует, что в Российской Федерации постепенно формируется инфраструктура для цифрового правосудия и намечает возможные пути решения проблемы доступности правосудия для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: цифровизация; цифровое правосудие; доступность; лица с ограниченными возможностями здоровья.

Вопросам цифровизации посвящается в литературе все больше авторских исследований.

Цифровизация современной экономики как новый этап ее развития, ставит перед законодателями и правоприменителями новые разноплановые задачи. Ожидается, что это затронет различные отрасли и сегменты

экономики, в связи с чем новому регулированию процессов, связанных с цифровизацией, отводится особая роль [3, с. 43].

По мнению отечественных экспертов, к 2030 году рост ВВП будет связан с цифровизацией более чем наполовину, в основном вследствие повышения эффективности и конкурентоспособности всех секторов экономики [6, с. 41].

Для осмысления заявленной темы, думается, необходимо сначала определиться с основными понятиями. Это вызвано приходом в юридический понятийный аппарат новой терминологии, раскрывающей новые социально-экономические и технологические явления.

Термин «цифровизация» может пониматься в широком и узком смыслах.

Цифровизация в широком смысле представляет собой современный общемировой вектор развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и должен приводить к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Цифровизация в узком смысле слова – это преобразование информации в цифровую форму, которая, в конечном счете, ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей взаимодействия и т.д.

В условиях цифровой трансформации необходим механизм, обеспечивающий защиту интересов заинтересованных субъектов. Это важно для всех сфер, которые затрагивает цифровизация, поэтому перед правовой системой встает концептуально новая проблема – придание цифровым механизмам правовой формы.

В рамках настоящей краткой работы хотелось бы обратить внимание на такое явление как цифровое правосудие и его доступность для граждан с ограниченными возможностями здоровья.

В теории цифровой экономики возникло и получило распространение в других науках понятие «цифровое государство», под которым понимается комплекс мер по обеспечению информационных аспектов государственной деятельности, основанный на использовании информационных технологий и систем, а также новый тип государства, основанный на применении этих технологий. «Цифровое государство», или, как его еще принято обозначать, «электронное государство», подразумевает поддержку при помощи информационных технологий деятельности исполнительной, законодательной и судебной властей [1, с. 25].

Применительно к публичной власти, по мнению большинства ученых правоведов, основными причинами перехода к цифровому формату являются:

– растущий объем информации, которую нужно обрабатывать и затем использовать;

– оптимизация чисто технических действий.

Тренд на цифровизацию охватывает, в том числе, и деятельность судебной системы России. Уже ведутся работы по созданию цифровой инфраструктуры и электронных сервисов, способствующих осуществлению правосудия.

На сегодняшний день в Российской Федерации, по разъяснению Пленума Верховного Суда, существует система автоматизации судопроизводства. Это программно-технический комплекс, обеспечивающий ведение судебного делопроизводства, закрепление в электронном виде результатов и хода осуществляемых судом и другими участниками судопроизводства процессуальных действий (в частности, Автоматизированная информационная система Верховного Суда Российской Федерации, Государственная автоматизированная система «Правосудие», иные автоматизированные информационные системы судов общей юрисдикции, комплекс автоматизированных информационных систем арбитражных судов, включая автоматизированную информационную систему «Судопроизводство», программный комплекс «Судебно-арбитражное делопроизводство», информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов») [5].

Это особенно является актуальным для граждан с ограниченными возможностями здоровья (в частности – с ограничениями по зрению). Информационные компьютерные технологии являются весьма распространенным средством коммуникаций данной категории лиц, при этом прежние методы содействия доступности государственных органов, в том числе и судебных, в силу объективных причин постепенно утрачивают свою актуальность.

Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» устанавливается, что достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается, в том числе, путем решения задачи повышения качества социальных услуг и их доступности для всех граждан, формирования условий

для активного участия в жизни общества лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц старших возрастных групп [7].

Активное участие в жизни общества в современных условиях невозможно без доступности к судебной защите своих прав. Говоря об этом, на наш взгляд, можно выделить условно два аспекта такой доступности: реальный и цифровой.

Реальный аспект доступности правосудия для лиц с инвалидностью в Российской Федерации получил правовое оформление и поддержку на уровне Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в этой связи можно упомянуть ст. 15 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ в ред. от 11 июня 2021 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ в ред. от 2 июля 2013 г. «Технический регламент безопасности зданий и сооружений» и т.д. [8]

Далее, согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», проведение судебного разбирательства дела, в котором участвуют лица с ограниченными возможностями здоровья, должно быть организовано в доступном для них зале судебного заседания (расположение зала судебного заседания на первом этаже, наличие лифта в здании суда и т.п.).

Кроме того, п. 33 данного постановления предусматривает, что в целях оперативного ознакомления пользователей с текущей информацией о деятельности судов, в занимаемых судами помещениях должны быть установлены информационные стенды и (или) технические средства аналогичного назначения, на которых размещаются сведения, перечисленные в части 1 статьи 16 Закона об обеспечении доступа к информации. Указанные стенды должны быть размещены в местах, доступных для посетителей, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья [4].

Важно отметить, что указанные стенды не решают стоящих перед ними задач в отношении граждан с ограниченными возможностями. В этой ситуации на первый план выдвигаются средства информационно-коммуникационной сети Интернет, т.е. цифровой аспект.

Система автоматизации судопроизводства служит для подачи обращений в суды (исковых заявлений, в том числе заявлений о выдаче судебного приказа, административных исковых заявлений, ходатайств, жалоб), прилагаемых документов (например, документ об уплате

государственной пошлины, доверенность, ордер адвоката, документ об образовании представителя по административному делу), судебных актов, за исключением определений, которые заносятся в протокол судебного заседания (протокольные определения) и т.п.

Таким образом, главной задачей системы автоматизации судопроизводства является обеспечение ведения судебного делопроизводства, закрепления в электронном виде результатов и хода осуществляемых судом и другими участниками судопроизводства процессуальных действий, т.е. информационная интеграция судебной деятельности; она направлена на создание основы, способной обеспечить реализацию функции цифрового правосудия, в то время как основная задача самого цифрового правосудия – урегулирование споров с использованием информационных технологий.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на еще одну возможную причину внедрения «цифрового правосудия» – это содействие доступности правосудия для граждан с ограниченными возможностями здоровья как категории лиц, нуждающихся в дополнительной поддержке со стороны государства.

Надо сказать, что цифровизация является весьма позитивным явлением с точки зрения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Так, например, официальный интернет-портал «Госуслуги» является основным инструментом получения всеми гражданами, в т.ч. гражданами с инвалидностью, наиболее распространенного каталога государственных услуг, что в значительной степени способствует решению проблемы доступности.

Однако, позволяя совершить цифровые действия, интернет-портал «Госуслуги» не всегда дает возможности получения цифрового результата (цифрового документа, автоматически реализуемого права без очного обращения в орган власти), и эта проблема сближает его с системой автоматизации судопроизводства.

По нашему глубокому убеждению, было бы желательно расширение практики внедрения в судебный процесс элементов взаимодействия лиц, в особенности – с ограниченными возможностями здоровья, принимающих участие в рассмотрении дела с помощью информационно-коммуникационной сети Интернет, таких, как использование в судебном процессе online-конференций и предоставление результатов слушания в формате цифровых документов с последующим их движением по инстанциям.

Очевидно, что полноценный переход на цифровые технологии в России потребует целый комплекс мероприятий: разработку новых и уточнение действующих нормативно-правовых актов, создание программного обеспечения, решение вопросов электронной подписи и т.д.

Думается, что диджитализации взаимодействия граждан между собой и с государством, в том числе и в сфере правосудия, могла бы способствовать постепенная интеграция ныне обособленных государственных автоматизированных информационных систем, отражающих и обслуживающих деятельность отдельных ветвей и уровней власти.

Список источников

1. *Зеленцов А.Б., Натрошвили Г.И.* Цифровое обеспечение административного правосудия в условиях построения «электронного государства: некоторые теоретические вопросы // *Административное право и процесс.* 2020. № 12. С. 24–28.

2. *Омаров М.Д.* Правовое регулирование информатизации судов общей юрисдикции – необходимое условие перехода к электронному правосудию // *Российская юстиция.* 2014. № 6. С. 54–55.

3. *Петров А.В.* Сетевые эффекты и недобросовестная конкуренция на рынках цифровых платформ // *Предпринимательское право.* 2020. № 4. С. 43–50.

4. Постановление Пленума Верховного Суда от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2013. № 3.

5. Постановление Пленума Верховного Суда от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2018. № 4.

6. *Тихомиров К.А.* Банковская система Российской Федерации в условиях цифровой экономики // *Финансовое право.* 2020. № 11. С. 41–43.

7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* 2021. № 27. Ч. 2. Ст. 5351.

8. Федеральный закон от 24 ноября 1995 № 181-ФЗ в ред. от 11 июня 2021 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* 1995. № 48. Ст. 4563.

9. Федеральный закон от 30 декабря 2009 № 384-ФЗ в ред. от 2 июля 2013 «Технический регламент безопасности зданий и сооружений» // *Собрание законодательства РФ.* 2010. № 1. Ст. 5.

РАЗДЕЛ VI.

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Верюлин А. В.,

*судья Верховного Суда Республики Мордовия,
г. Саранск*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ С ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия судов со средствами массовой информации. Анализируются основные методы работы прессы службы Верховного Суда Республики Мордовия с представителями федеральных и региональных СМИ.

Ключевые слова: Верховный Суд; средства массовой информации; взаимодействие.

Гласность судопроизводства и открытость судебных процессов для публики и представителей СМИ, официальные сайты судов, электронные базы данных и архивы судебных решений, информация о движении дела в режиме онлайн, возможность подачи и получения документов в электронном виде есть продолжение концепции демократичной, всё более приближающейся к гражданам судебной власти, но уже с использованием современных цифровых технологий [3].

Дискуссии о способах и методах взаимодействия с судебной властью ведутся в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий. В течение всех этих лет под словом «общество» подразумеваются чаще всего средства массовой информации. И связано это с тем, что большинство граждан именно из СМИ черпают информацию о работе судебной системы, СМИ зачастую формируют отношение общества к судам.

Конечно, взаимодействие судов и СМИ в настоящее время неидеально, тем не менее сегодня оно становится всё более конструктивным и системным. Главное, что работа по совершенствованию этого взаимодей-

ствия должна вестись непрерывно, тогда и позитивные результаты её будут очевидны.

В период проведения судебных реформ ситуация меняется, и интерес к информации о деятельности судейского сообщества возрастает в несколько раз. Тогда СМИ, выступая посредниками в передаче сведений, стремятся удовлетворить потребность их целевой аудитории в актуальной информации (и, соответственно, обеспечить высокий рейтинг), что заставляет их активнее идти на сотрудничество с представителями органов судейского сообщества [2].

Насыщение информационного поля высокопрофессиональными материалами о работе судов, обеспечение понимания этой информации и облегчение доступа к ней безусловно способствует положительной оценке качества правосудия и росту доверия к судебной системе. А доверие к суду – это доверие к закону.

В рамках проекта «Поддержка судебной реформы» (специалистами НОУ УЦ «Сетевая академия» Москва) проведены исследования и оценка эффективности взаимодействия судов и СМИ, в процессе которых в 10 выбранных регионах была проанализирована работа пресс-служб судов; качество и количество информации, содержащейся на официальных сайтах судов в информационно-коммуникационной сети Интернет; работа региональных редакций СМИ с судами; профессиональный уровень публикаций о судебной теме. Анализ полученных результатов показал, что причины неэффективного взаимодействия содержатся как в деятельности СМИ, так и в деятельности судов.

Подавляющее большинство журналистов считает, что их читателями более востребована негативная информация о государственных органах вообще и о судах в частности. Дополнительным подтверждением этому служит мнение экспертов о том, что негативные публикации о судах отличаются более высоким качеством и актуальностью, чем позитивные [7].

Эксперты считают, что одним из важных условий возникновения эффективного взаимодействия между судами и СМИ является наличие в редакциях профессионального судебного журналиста.

Исследование позволило выявить два типа информационной политики судов: пассивной, которая предполагает лишь формальное размещение информации, предусмотренной Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», и активной, предполагающей своевременное обновление

информации и представление её в максимально удобной для пользователя форме. Таким образом, можно считать, что вторым условием возникновения эффективного взаимодействия между судами и СМИ является наличие у судов активной информационной политики.

Третьим условием возникновения эффективного взаимодействия между судами и СМИ является наличие в судах детальной и практически применимой системы работы с общественностью и СМИ, в которой ключевая роль отводится пресс-службе и пресс-секретарю [10].

На преодоление проблем взаимодействия судов и СМИ направлены закрепленные в законе и выработанные в результате практики формы и методы взаимодействия со СМИ.

Частью 2 статьи 21 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» установлен следующий открытый перечень форм информационного взаимодействия:

1) присутствие представителей редакций СМИ на заседаниях органов судейского сообщества в порядке, установленном актами, регламентирующими деятельность указанных органов;

2) информационное освещение деятельности органов судейского сообщества, в том числе вопросов совершенствования законодательства, регулирующего указанную деятельность;

3) участие представителей органов судейского сообщества в пресс-конференциях и иных совместных с представителями редакций СМИ мероприятиях;

4) предоставление информации о деятельности судов по запросам редакций средств массовой информации;

5) аккредитация в органах судейского сообщества представителей редакций СМИ;

6) иные формы взаимодействия, обеспечивающие информирование пользователей информацией о деятельности судов [9].

Данные формы служат гарантиями исполнения принципа гласности и в то же время, оставляя перечень открытым, законодатель позволяет органам судейского сообщества и судам с учетом конкретных обстоятельств и потребностей применять иные формы.

Необходимо ещё раз отметить, что перечень форм взаимодействия судов и средств массовой информации, определенный законом, не является закрытым. Он допускает поиск новых форм с целью наиболее полного информирования пользователей о деятельности судебной системы,

а реализация зависит от инициативной и конструктивной совместной работы. Расширение информационных границ транспарентной судебной системы проявляется в поиске новых форм распространения информации о деятельности судов [8].

Так как все суды Республики Мордовия входят в пресс-службу при Верховном Суде региона, именно она обеспечивает работу со СМИ. В частности, пресс-секретарь Верховного Суда Республики Мордовия организует работу журналистов в суде, в том числе подготовку ответов на запросы, взаимодействует со СМИ в плане поиска новых форм правового воспитания населения, обеспечения доступности правосудия, проводит мониторинг информационного поля (регионального и федерального), анализирует динамику общественного мнения по ключевым вопросам деятельности суда и осуществления правосудия, осуществляет информационное сопровождение всех мероприятий суда, организует и проводит мероприятия суда различного формата, является модератором сайта суда и т.д.

В Верховном Суде Республики Мордовия ежегодно проводятся ставшие уже традиционными встречи руководства суда с представителями средств массовой информации региона, в рамках которых подводятся итоги прошедшего информационного года, а также происходит награждение журналистов за профессиональное и объективное освещение деятельности Верховного Суда Республики Мордовия.

Работа пресс-службы при Верховном Суде Республики Мордовия ведётся параллельно как минимум по трём направлениям. Первое – это аналитика, в рамках которой осуществляется ежедневный мониторинг публикаций, выходящих в регионе и касающихся деятельности суда, с целью отслеживания общей информационной ситуации, а также оперативного реагирования на критические и негативные публикации. Второе – информационная работа, непосредственное освещение деятельности суда. И третье, обязательное направление – расширение и укрепление связей с общественностью, направленное на формирование позитивного и открытого образа суда и его сотрудников.

Учитывая стремление средств массовой информации находиться в центре событий, а также, обеспечивая право общественности на получение достоверной информации о деятельности судебной системы в целом, и Верховного Суда Республики Мордовия в частности, является необходимым создание устойчивой системы взаимодействия судов

Мордовии со СМИ. В связи с этим долгосрочная стратегия PR-деятельности судов выстраивается следующим образом:

- постоянное сотрудничество со средствами массовой информации;
- организация и проведение пресс-конференций, круглых столов и т.п. с целью укрепления взаимодействия и освещения деятельности Верховного Суда Республики Мордовия;
- предоставление СМИ информации по делам, являющихся социально значимыми;
- квалифицированные комментарии по вопросам деятельности суда;
- проведение обучающих мероприятий, направленных на повышение правовой грамотности журналистов, освещающих деятельность суда.

Пресс-служба при Верховном Суде Республики Мордовия ежедневно работает с информацией и не ограничивается мониторингом исключительно СМИ: изучаются различные форумы, социальные сети, блоги. Обязательно отслеживаются как темы, предлагаемые к обсуждению, так и само обсуждение предложенной темы.

Используя возможности сайтов судов общей юрисдикции Республики Мордовия, представители прессы могут направить заявку на интервью с руководством суда.

Как и в предыдущие годы, большинство публикаций в СМИ, освещающих судебную тематику, посвящены конкретным судебным разбирательствам и не несут в себе какой-либо оценки организационной деятельности суда. В данном случае СМИ выступают в качестве посредника между судебной властью и общественностью, оперативно информируя граждан о наиболее важных, значимых практически для каждого событиях, происходящих в регионе. А эффективность судебной деятельности во многом зависит от доверия к ней со стороны общества, от должного понимания обществом правовых мотивов принятых судом решений [5].

Представители региональных СМИ неоднократно пользовались своим правом присутствовать в открытых судебных заседаниях, в ходе которых все слушатели имеют право делать заметки, а также публиковать эти заметки в информационно-телекоммуникационной сети Интернет без специального разрешения на то судьи и участников процесса. Кроме того, любое лицо вправе вести аудиозапись заседания, специально не уведомляя об этом судью и не спрашивая его разрешения.

Однако на осуществление прямой трансляции заседания, фото и видеосъемки требуется разрешение судьи. Представители средств массовой информации в соответствии с требованиями законодательства заранее

либо непосредственно перед судебным заседанием направляют письменные и устные ходатайства о разрешении фото- и видеосъемки судебного заседания через пресс-службу суда.

В большинстве случаев журналисты обращаются в пресс-службу суда за подтверждением тех или иных, ставших им известными фактов либо за подробностями событий или судебных разбирательств. Во всех случаях обращений пресс-службой суда были даны исчерпывающие комментарии.

Наиболее доступной информация о деятельности судов Республики Мордовия является для посетителей официальных сайтов судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Именно здесь можно найти подробную и актуальную информацию о судебной практике, посмотреть информацию по находящимся на рассмотрении суда делам, судебные решения.

Опросы, проводимые на сайтах судов, показывают, что для многих опрошенных положительной стороной «электронного правосудия» является возможность получить информацию по процессу, а также электронное взаимодействие на портале. Ведь одной из важнейших целей, которую преследует поддержание судом собственного сайта в сети Интернет, является предоставление информации, которую нужно знать при обращении в суд.

Наполняемость сайта Верховного Суда Республики Мордовия новостями происходит по мере поступления информационных поводов. Сайт продолжает успешно развиваться и совершенствоваться. Содержание с каждым днем обогащается, добавляются новые разделы и страницы, внедряются элементы интерактивности.

На сайте Верховного Суда Республики Мордовия был создан раздел «Новости районных судов», в котором поддерживается в актуальном состоянии информация о находящихся в производстве районных судов республики делах, имеющих общественный резонанс, и результатах их рассмотрения. Кроме того, на сайте есть такие разделы как «Пресс-служба» и «Обращение граждан». Это оказывает существенное влияние на развитие взаимодействия судов и общества [1].

Задачей страницы Верховного Суда Республики Мордовия в социальной сети «ВКонтакте» является предоставление актуальной, объективной, точной и достоверной информации о деятельности Верховного Суда Республики Мордовия, районных судов и мировых судей региона, а также органов судейского сообщества. Кроме повышения доверия обще-

ства к суду, надо учитывать и те возможности, которые предоставляют новые медиа для повышения грамотности заявителей, самостоятельно представляющих свои интересы. Количество подписчиков на данной странице превысило 1000 и ежедневно растет. Отметим, что информационное наполнение официальных сайтов судов общей юрисдикции Республики Мордовия также не теряет своей актуальности – информация, размещаемая на сайтах, востребована пользователями, о чем говорят данные статистики (за два месяца 2021 года это свыше 16 500 посетителей, за 2020 год – свыше 110000).

Разработка и реализация Регионального проекта Республики Мордовия по взаимодействию школьников и судей «Территория права» стала большим достижением пресс-службы при Верховном Суде Республики Мордовия. Данный проект предусматривает сотрудничество Верховного и районных судов, мировых судей с общеобразовательными учреждениями при содействии Министерства образования и Управления Судебного департамента в Республике Мордовия.

Основная цель проекта – показать школьникам судебную систему изнутри. Это позволит школьникам познакомиться с механизмом судебной защиты, усвоить основы российского законодательства, сформировать позитивное отношение к российской судебной системе, узнать о разнообразных юридических профессиях и, безусловно, способствовать профилактике правонарушений среди подростков и росту правовой культуры учащихся.

Приступая к реализации проекта «Территория права», Верховный Суд Республики Мордовия ставил основную задачу – вызвать интерес к праву и к деятельности судов среди учащихся разных возрастов, сформировать у них уважение к Закону. За 6 лет функционирования проекта в нем были задействованы более 35 тысяч учащихся республики, а ежегодные победители конкурсных отборов – 6 школьников – зачислены на бюджетную форму обучения юридического факультета Мордовского государственного университета. На протяжении своего обучения эти студенты продолжают сотрудничество с судебной системой, в дальнейшем им предлагается трудоустройство в аппарат суда.

В реализацию проекта «Территория права» вложено много внимания и сил со стороны судейского сообщества республики, пресс-служб судов, судебного департамента республики. Было проведено много встреч с учащимися, экскурсий в судах, модельных судебных заседаний, конкурсов на знание права.

По итогам Пленарного заседания Совета судей Российской Федерации 8 декабря 2020 года были озвучены итоги Всероссийского конкурса пресс-служб судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В номинации «Лучший реализованный проект» победителем конкурса был признан Верховный Суд Республики Мордовия с проектом «Территория права».

Хотелось бы отметить, что кроме роста правового просвещения среди школьников, наблюдается и рост активности среди судей республики – судьи зачастую самостоятельно инициатируют встречи и темы бесед с учащимися.

Для преодоления информационного барьера и совершенствования взаимодействия судов со СМИ был проведён конкурс на лучшее информационное сопровождение деятельности судов общей юрисдикции Республики Мордовия. Задачей мероприятия стало повышение качества публикации информационных материалов о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет) и в средствах массовой информации, а также повышение уровня взаимодействия судов с государственными органами, общественностью и средствами массовой информации. Кроме того, был учреждён ежегодный конкурс на лучшее информационное освещение деятельности судебной системы Республики Мордовия в средствах массовой информации «На страже закона». Все это позволило повысить взаимодействие СМИ с судами и их пресс-службами и улучшить качество издаваемых журналов и редакций [6].

В целях преодоления проблемного поля СМИ, суды и органы судебного сообщества создают собственные информационные ресурсы и средства массовой информации. Это не только эффективный механизм доведения до общества сведений о деятельности судов, но и способ свободного выражения взглядов и мнений представителей судебной власти как по вопросам деятельности судов, так и по иным проблемам, связанным с обеспечением независимости и самостоятельности правосудия [4].

Создание пресс-службы при Верховном Суде Республики Мордовия и работа пресс-секретарей судов позволили Пролетарскому районному суду г. Саранска создать мини-газету «Пролетарский вестник», подготовленную силами аппарата суда и изданной при финансовой поддержке Управления судебного департамента в Республике Мордовия. В газете рассказывается о способах судебной защиты прав граждан, работе мировой юстиции, затрагиваются вопросы правового воспитания подрастаю-

щего поколения, содержится информация об актуальных изменениях в законодательстве. Кроме того, в каждом номере публикуются судебные очерки по гражданским, административным и уголовным делам, а также делам об административных правонарушениях, вызвавшим наибольший общественный резонанс.

О профессиональной деятельности судей, актуальных изменениях в законодательстве жители Мордовии узнают из выпусков собственной телевизионной программы судебной системы Мордовии «Время суда». Еще одной трибуной для судей и учёных является журнал «Правосудие в Республике Мордовия».

Открытость самой судебной деятельности по осуществлению правосудия по конкретным делам, доступ для каждого к любой, необходимой для осуществления своих гражданских прав информации – достояние современного развития общедемократических начал в организации и деятельности судебной власти.

Принцип транспарентности судебной власти, гласности правосудия представляется надежным механизмом в системе обеспечения самостоятельности и независимости суда, поскольку в условиях открытости и прозрачности деятельности суда на него значительно сложнее воздействовать извне.

С каждым годом увеличивается интерес со стороны СМИ и общества, судебный процесс становится более открытым, однако в нынешних реалиях также возможны улучшения взаимодействия судов с общественностью. Это может выражаться в совершенствовании юридического языка СМИ, при освещении деятельности судов и судебных органов, в совершении экскурсии для школьников на судебные процессы, в развитии сайта Верховного Суда Республики Мордовия, в наиболее полном освещении СМИ работы судов, в развитии информационных сайтов судов в социальных сетях «ВКонтакте», «Instagram», «Одноклассники», «Telegram», в организации и проведении пресс-конференций, круглых столов, способствующих освещению деятельности суда и укреплению его взаимодействия со средствами массовой информации.

Список источников

1. Верховный Суд Республики Мордовия // Официальный сайт Верховного Суда Республики Мордовия. URL: <http://vs.mor.sudrf.ru/>.

2. *Винокурова М.Ю.* Особенности взаимодействия органов судейского сообщества и средств массовой информации // Российский судья. 2016. № 5. С. 31–34.

3. *Гусев И.Ю.* Новый закон объединил Верховный и Высший арбитражный суды. // Упрощенка. 2017. № 3.

4. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы от 5.12.2019 // Совет судей Российской Федерации.

5. *Полиева О.М.* Основы информационно-правового взаимодействия районных судов и средств массовой информации // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1 С. 77–81.

6. Положение о конкурсе на лучшее информационное сопровождение деятельности судов общей юрисдикции Республики Мордовия: постановление от 15.03.2019 // Совет судей Республики Мордовия.

7. *Потапов Ю.А., Тюменцев А.Н.* Актуальные проблемы взаимодействия судебных и правоохранительных органов со средствами массовой информации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 3 (44). С. 22–28.

8. Правосудие в современном мире: монография / Верховный Суд РФ; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. М. : Норма: НИЦ Инфра-М, 2020. 704 с.

9. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства. 2008. № 52. Ст. 6217.

10. *Шевченко В.В.* Пресс-служба как инструмент взаимодействия судебной власти и средств массовой информации // Юридический сетевой электронный научный журнал. Краснодар, 2017. № 1. С. 116–126.

Фетисова Т. В.,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права ПФ РГУП,

*помощник председателя Нижегородского областного суда, руководитель объединенной
пресс-службы судов общей юрисдикции Нижегородской области,*

г. Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Исследование посвящено анализу механизма взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы на примере судов общей юрисдикции Нижегородской области, выявлению вызовов и угроз информационному

обеспечению деятельности судебной системы, разработке рекомендаций в части формирования критериев эффективности взаимодействия органов судебной системы и СМИ.

Выводы автора основаны на базе фактологических материалов, позволяющих анализировать «заметность» судов общей юрисдикции Нижегородской области в информационном пространстве. При исследовании использованы данные системы мониторинга и анализа СМИ в реальном времени «Скан-Интерфакс» и системы веб-аналитики «Яндекс Метрика».

Ключевые слова: органы судебной системы; средства массовой информации; эффективность взаимодействия судов и СМИ; критерии эффективности.

В последнее десятилетие в Российской Федерации вопросам информационной открытости судебной системы, гармонизации взаимоотношений судебной власти и общества, механизму взаимодействия СМИ и судебной системы уделяется особое внимание на доктринальном [1; 15], правотворческом [14], правоприменительном [11], правоинтерпретационном [7] и правоинтеграционном [10] уровнях. Необходимость повышения эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы в целях реализации Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы обуславливает особую актуальность данного исследования.

К настоящему времени по вопросам информационной открытости судебной системы, формирования благоприятного имиджа органов судебной власти, а также проблематике эффективности взаимодействия СМИ и судебной системы издано значительное количество работ, в т.ч. монографии, учебные пособия, диссертационные исследования, научные статьи.

Следует отметить работы, посвященные как общим вопросам функционирования журналистики в правовом поле, формирования информационной политики государственных органов, так и частным аспектам транспарентности судебной системы и обеспечения журналистам доступа к информации о деятельности судов [1, с. 5].

В декабре 2015 года и июне 2020 года указанной проблематике были посвящены отдельные выпуски журнала «Судья» с темами номера «Суд. Общество. СМИ», «Судебная власть в медийном пространстве»¹.

---

¹ См.: Журнал «Судья» [Электронный ресурс]. 2015, № 12. URL: <https://www.zhurnalsudya.ru/archive/2015/>; 2020, №6. URL: <https://www.zhurnalsudya.ru/archive/2020/> (дата обращения: 30.07.2021).

Традиционными стали социологические исследования, оценивающие уровень доверия к судебной системе, т.ч. исследования Фонда ИНДЕМ «Как эксперты оценивают судей и суды» [4], «Судебная власть и предприниматели: результаты социологического анализа» [6], «Справедливость в представлениях и практике граждан и власти в России» [5]; исследование Левада-центра «Права человека» [3]; проект общественного мониторинга открытости и доступности судов, проведенный «Центром правовых программ Леонида Никитинского» при поддержке Фонда президентских грантов [12].

Воскресенский Ф.А. и Тимченко А.В. справедливо отмечают: «Изучение и объективная оценка ожиданий общества является одним из базисных элементов формирования всей правовой политики государства; степень реализации требований к судебной системе во многом определяется мнением самих граждан как основных бенефициаров функционирования судебной власти [2, с. 108].

При этом работы филологической, социологической и правовой направленности, как правило, не обеспечивают решение общей задачи повышения эффективности взаимодействия СМИ и судебной системы, не касаются разработки критериев эффективности их взаимодействия. Не имея четкого понимания о таких критериях, невозможно дать оценку ни социальной, ни, тем более, социально-экономической эффективности механизма взаимодействия СМИ и органов судебной системы. Автору не известны научные работы экономического содержания по оценке собственно экономической эффективности формирования благоприятного имиджа органов судебной власти посредством СМИ¹.

В условиях цифровизации правового поля, резкого количественного роста информационных источников, содержащих те или иные сообщения о судебной системе, необходимо ответить на следующие принципиальные вопросы. Что представляет собой понятие «эффективность» применительно к процессу взаимодействия СМИ и органов судебной системы? Целесообразна ли сама постановка вопроса о разработке критериев эффективности взаимодействия судов и СМИ? Если да, то какие показатели

---

¹ Специалисты в области права в основном обращаются к разработке системы критериев и показателей эффективности судопроизводства в целом. См., например: Курочкин С.А. Критерии и показатели эффективности гражданского судопроизводства [8]. Пристальному вниманию к судебной власти со стороны гражданского общества, вопросам социальной ответственности судебной власти, экономической эффективности отправления правосудия посвящена статья председателя Совета судей РФ В.В. Момотова «Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность» [9].

могли бы составить основу критериальной системы оценки? Какие факторы следует учесть при разработке критериев и непосредственно алгоритма оценки эффективности взаимодействия СМИ и органов судебной системы? Каковы правовые, финансовые и иные последствия при внедрении системы оценки эффективности взаимодействия судов и СМИ в отечественную практику?

Ответы на эти весьма актуальные вопросы требуют всестороннего комплексного научно-обоснованного исследования. В рамках данной работы автором рассмотрены лишь некоторые аспекты проблемы разработки критериев эффективности взаимодействия СМИ и органов судебной системы. Целями настоящего исследования являются:

- анализ результатов взаимодействия органов судебной системы и СМИ (на примере судов общей юрисдикции Нижегородской области),
- выявление вызовов и угроз, снижающих эффективность информационного обеспечения деятельности судов,
- разработка рекомендаций в части формирования критериев эффективности взаимодействия органов судебной системы и СМИ.

Инструментарием для анализа выступили система мониторинга и анализа СМИ в реальном времени «Скан-Интерфакс» и система веб-аналитики «Яндекс Метрика».

Обозначим границы эмпирического исследования, в котором:

- представлена динамика публикаций, содержащих упоминание Нижегородского областного суда, в т.ч. в печатных и электронных СМИ;
- проведен анализ заметности Нижегородского областного суда в сравнении с районными судами города Нижнего Новгорода, десятью городскими судами Нижегородской области;
- дан обзор источников публикаций по категориям, уровню, странам, регионам, охвату читательской аудитории;
- выделены наиболее популярные сюжеты публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда.

Веб-аналитика сайта Нижегородского областного суда представлена в основных блоках: посетители, источники трафика, тип устройств, глубина просмотра, наиболее популярные разделы.

Общее количество публикаций в СМИ, содержащих упоминание Нижегородского областного суда в I полугодии, составило 1485. Наибольшее количество публикаций пришлось на февраль, апрель и май 2021 года (представлены на рисунке 1).

Динамика публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда в СМИ

01.01.2021-30.06.2021

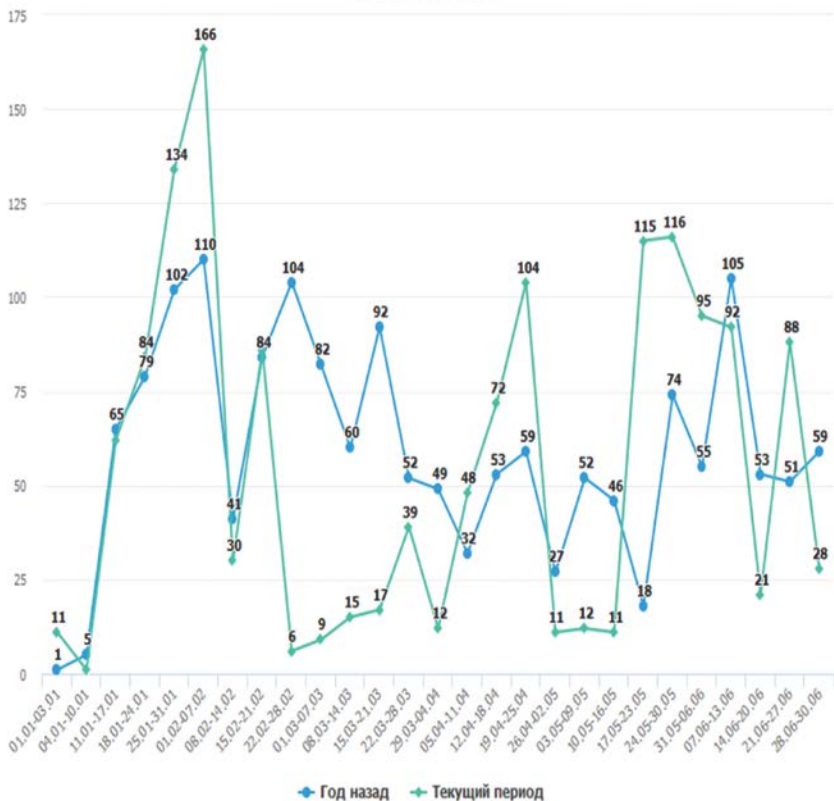

Рисунок 1. Динамика публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда в СМИ

Всего за анализируемый период вышло 9 статей в печатных СМИ, освещающих деятельность Нижегородского областного суда, в их числе: 1 статья федерального издания «Наша версия», 8 статей региональных изданий: 4 – «Коммерсант Нижний Новгород», 1 – «Российская газета. Экономика Поволжья», 3 статьи – «Ленинская смена». Публикации в местных печатных изданиях содержат материал о городских и районных судах Нижегородской области, в т.ч. о Кстовском и Городецком городских судах, Сокольском районном суде Нижегородской области. Большая часть из них подготовлена по материалам журнала «Судебный Вестник Нижегородской области».

Всплеск публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда в электронных СМИ (рисунок 2) имел место в феврале (приговор россиянину за государственную измену к 9 годам тюрьмы), в конце апреля 2021 года, в основном связан с делом Дмитрия Синицына (материалы по убийству Маши Ложкаревой). Во второй половине мая 2021 года наибольшее количество публикаций было посвящено апелляции на приговор экс-главе республики Марий Эл; делу Виктора Жаринова (Цезаря); ДТП со школьниками; жалобе Михаила Иосилевича и др.).

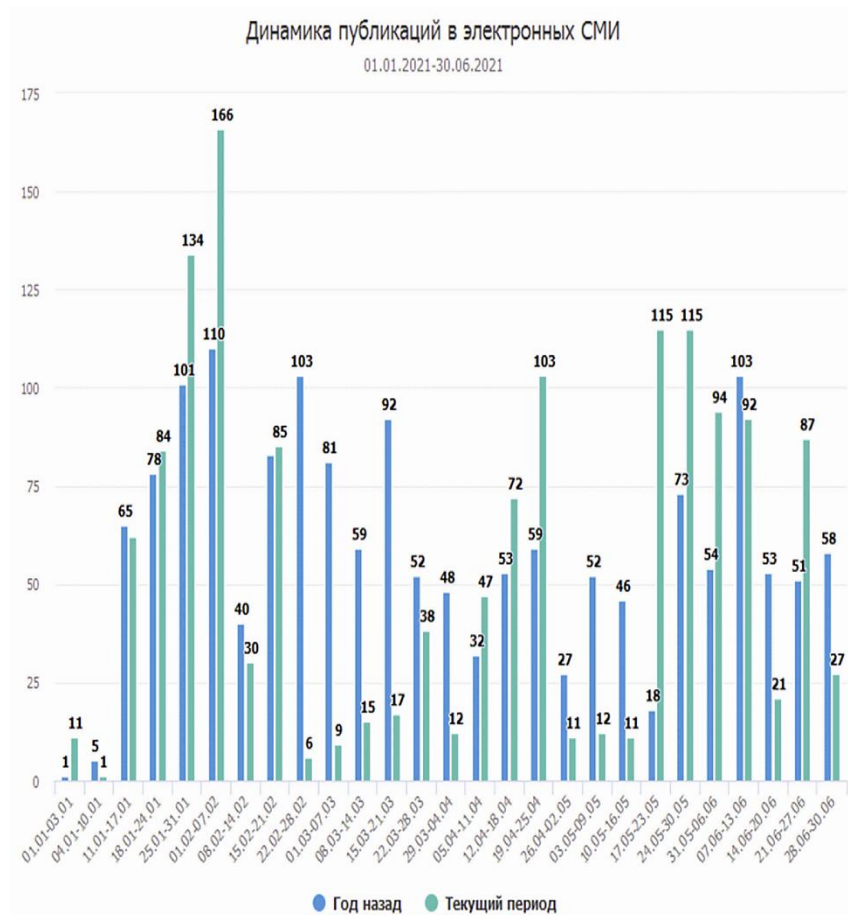

Рисунок 2. Динамика публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда в электронных СМИ

Характеризуя заметность Нижегородского областного суда и районных судов г. Нижнего Новгорода (рисунок 3), отметим: во II квартале 2021 года в информационном пространстве наиболее «заметны» были Нижегородский областной суд (812 публикаций), Нижегородский районный суд (303 публикации), Канавинский районный суд (208 публикаций). В сравнении с предыдущим кварталом тенденция в целом сохранилась. Лидером по заметности в I квартале был Нижегородский районный суд (876 публикаций).

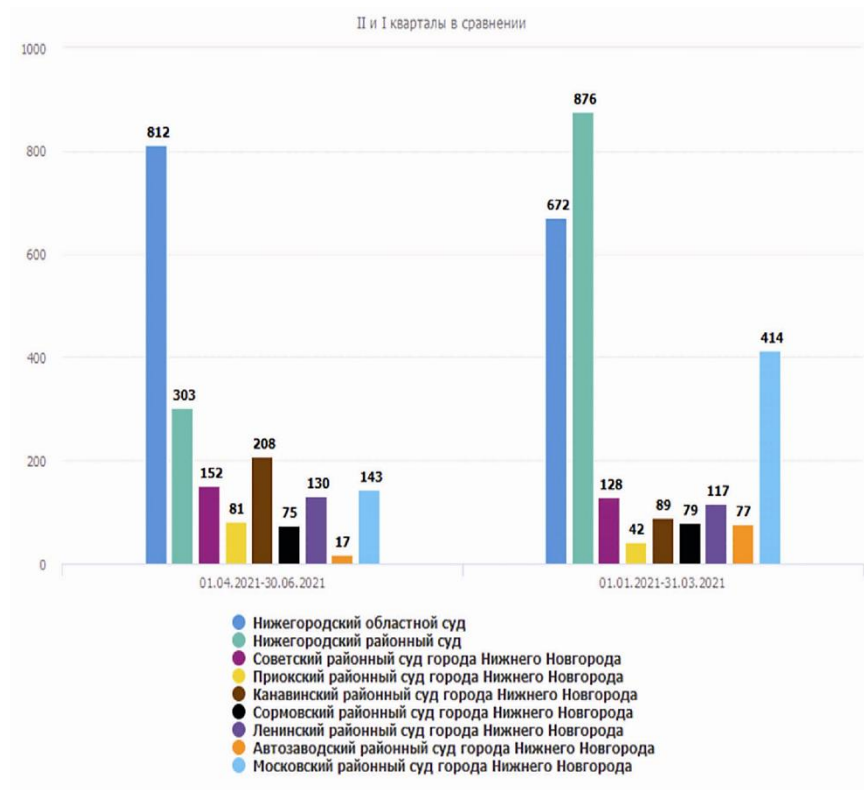

Рисунок 3. Заметность Нижегородского областного суда и районных судов г. Нижнего Новгорода в информационном пространстве

На рисунке 4 представлены данные по заметности десяти городских судов Нижегородской области.

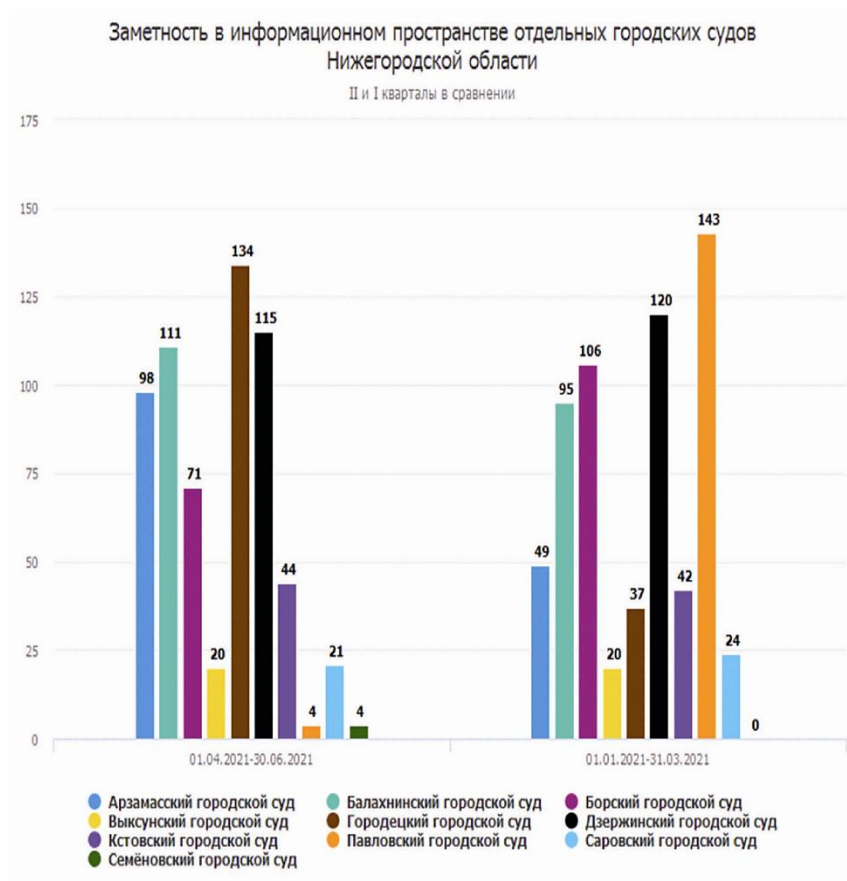

Рисунок 4. Заметность отдельных городских судов
Нижегородской области в информационном пространстве

Во II квартале 2021 года в информационном пространстве наиболее заметны были: Городецкий городской суд (134 публикации/ 171 за полугодие), Дзержинский городской суд (115 публикаций / 235 за полугодие), Балахнинский городской суд (111 публикаций / 206 за полугодие). По совокупности публикаций за первое полугодие: Борский городской суд – 177; Арзамасский и Павловский городские суды – по 147 публикаций.

В топ-тройку по упоминанию Нижегородского областного суда вошли следующие источники электронных СМИ: Городской портал – 110 публикаций, БезФормата – 101 публикация, третье место поделили Lookatnews.info и Russia24.pro – по 62 публикации (рисунок 5).

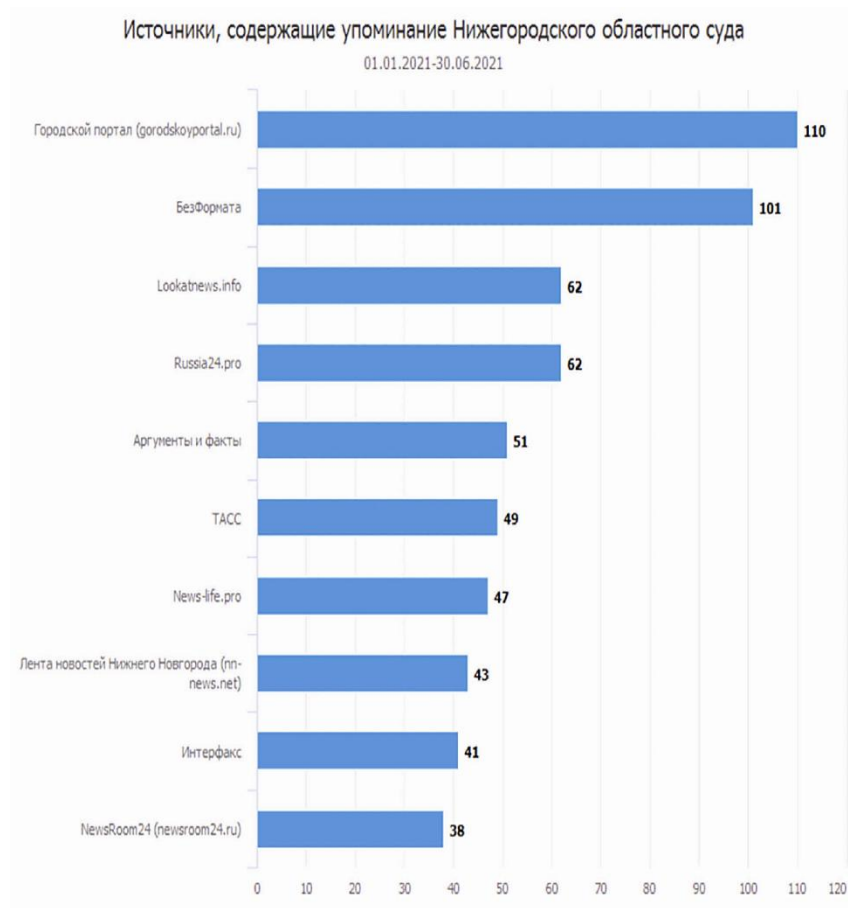

Рисунок 5. Источники, содержащие публикации с упоминанием Нижегородского областного суда

Наибольший удельный вес в структуре источников по категориям (рисунок 6) занимают сайты СМИ (43,3 %) и агрегаторы СМИ (40,4 %); в структуре источников по уровню – 64% региональных, 34,3 % – федеральных (рисунок 7).

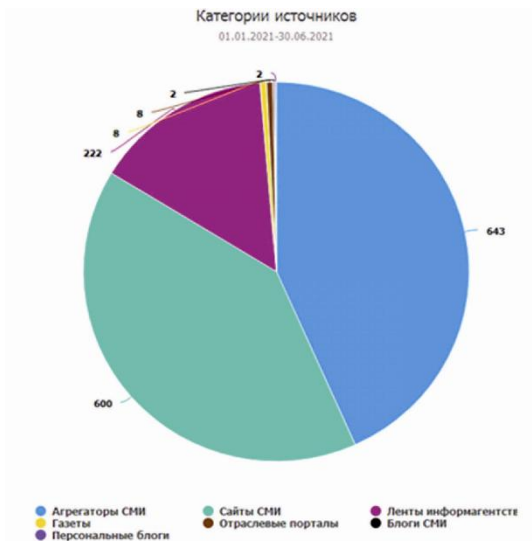

Рисунок 6. Категории источников, содержащих публикации с упоминанием Нижегородского областного суда

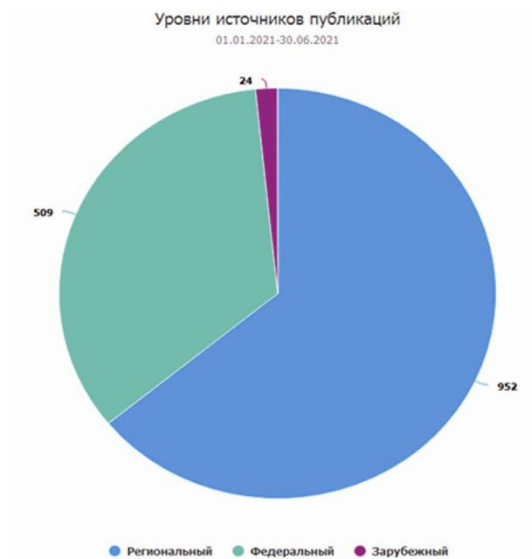

Рисунок 7. Уровни источников, содержащих публикации с упоминанием Нижегородского областного суда

В первом полугодии работа Нижегородского областного суда упоминается не только в России, но и в Украине, Беларуси, Казахстане, Литве, Молдове. Большое количество публикаций с упоминанием Нижегородского областного суда содержалось в анализируемый период в средствах массовой информации города Москвы (543 публикации).

Наибольший охват читательской аудитории имеют: News.yandex.ru – 8,6 млн человек, РИА Новости и Lenta.ru – по 3,3 млн человек и РБК – 3,1 млн человек (рисунок 8).

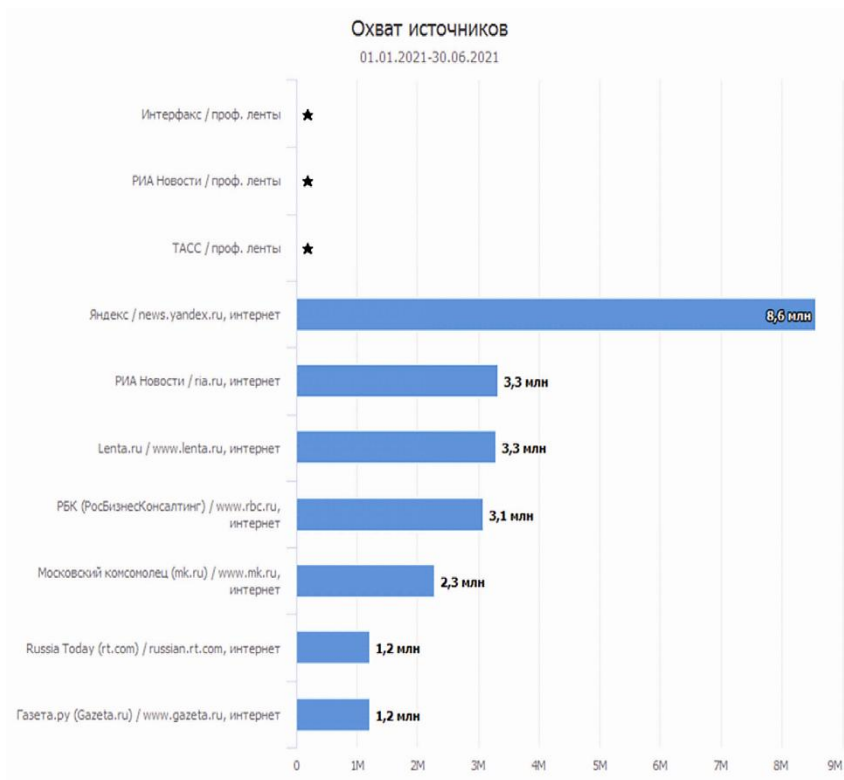

Рисунок 8. Охват источников, содержащих публикации с упоминанием Нижегородского областного суда

Вэб-аналитика сайта Нижегородского областного суда показывает, что в 1 полугодии 2021 года количество посетителей сайта составило

453,5 тыс., из них 440,5 тыс. – новые посетители. По возрастной структуре – в основном это люди от 25 до 34 лет (29 %), и от 35 до 44 (28,5%) (рисунок 9).

Основной источник трафика – переходы из поисковых систем (93,5%). Большая часть посетителей заходит на сайт Нижегородского областного суда с персональных компьютеров (61,8%) и смартфонов (36,8%). Среднее значение глубины просмотра (напомним, это число страниц, которые пользователь посмотрел за 1 посещение) – 1,37 страницы. Наиболее востребованы разделы: справочная информация видео-конференц-связь, обзоры судебной практики, справочная информация порядок обращения в суд, исковое заявление о расторжении брака (рисунок 10).

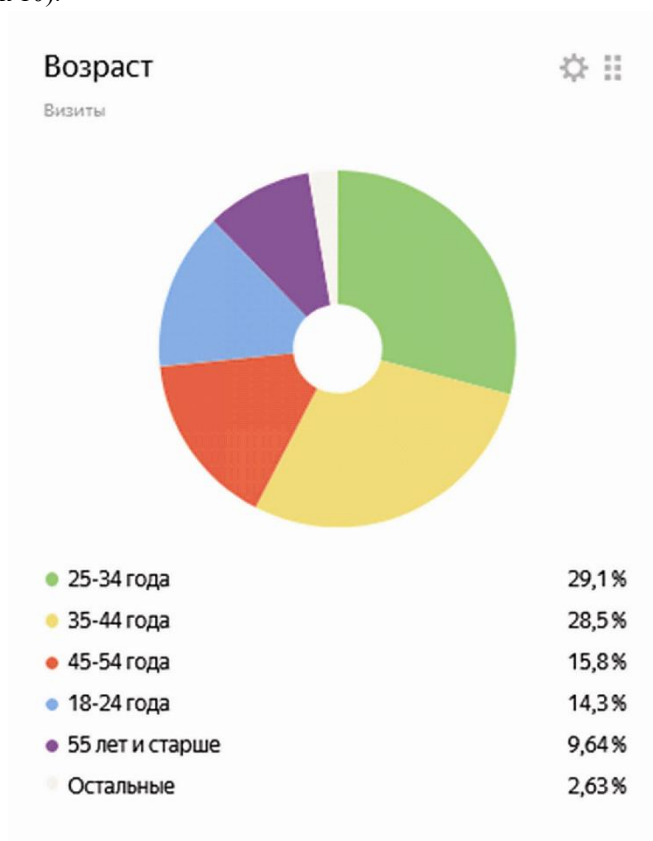
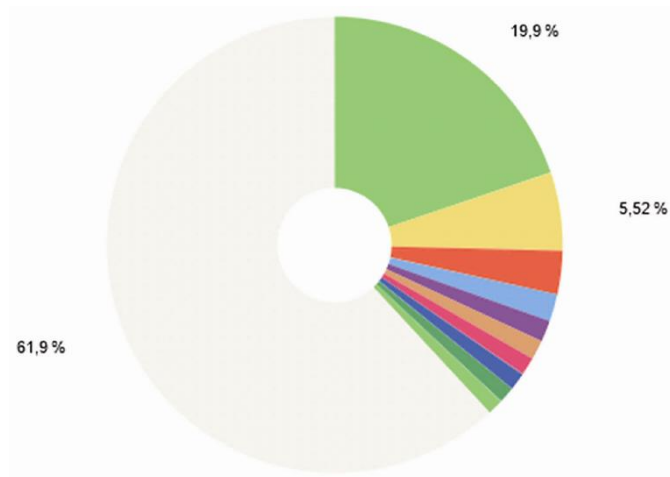

Рисунок 9. Вэб-аналитика сайта Нижегородского областного суда: разрез – возрастная структура посетителей

- ✓ <http://oblsudnn.ru/>
- ✓ <http://oblsudnn.ru/index.php/spravochnaya-informatsiya/vid-eokonferents-svyaz/1415-raznitsa-vo-vremeni-mezhdu-gorodami-rossii-i-moskvoj>
- ✓ <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1219-obzor-sudebnoj-praktiki-rassmotreniya-del-svyazannykh-s-ispolnitelnym-proizvodstvom>
- ✓ <http://oblsudnn.ru/index.php/spravochnaya-informatsiya/poryadok-obrashcheniya-v-sud/1476-obrazets-zhaloby-na-postanovlenie-po-delu-ob-administrativnom-pravonarushenii-vnesennoe-rajonnym-sudom>
- ✓ <http://oblsudnn.ru/index.php/spravochnaya-informatsiya/260-iskovoe-zayavlenie-o-rastorzhennii-braka>
- ✓ <http://oblsudnn.ru/index.php/spravochnaya-informatsiya/poryadok-obzhalovaniya-sudebnykh-aktov/1350->

Рисунок 10. Вэб-аналитика сайта Нижегородского областного суда: разрез – наиболее популярные разделы

На основе проведенного анализа результатов взаимодействия судов общей юрисдикции Нижегородской области и СМИ можно сделать следующие выводы:

- взаимодействие судов общей юрисдикции Нижегородской области и средств массовой информации обеспечивается посредством специального института – объединенной пресс-службы;

- реализуются единая информационная политика судов общей юрисдикции Нижегородской области, универсальный подход при взаимодействии со СМИ и общественностью;

- обеспечено присутствие судов в информационном пространстве, сформированы информационные поводы для СМИ, география публикаций и охват источников, содержащих публикации о деятельности судов, достаточно обширны;

- информационные поводы для журналистов в основном составляют решения, приговоры по резонансным делам;

- сайты судов Нижегородской области, новостные ленты являются востребованным информационным ресурсом, в т.ч. для представителей СМИ.

Полученные результаты позволяют также констатировать наличие определенных вызовов и угроз актуальному информационному обеспечению деятельности судебной системы. Целесообразно разделить их на две группы: *внешние* и *внутренние*.

К первым следует отнести: явления скандализации правосудия, «найма журналиста на процесс», фейк-ньюз, а также набирающую обороты технологию дипфейк. Наряду с этим для современных СМИ не представляют особого интереса исторические факты, особенности функционирования конкретных судов, этические нормы, научные и иные достижения судейского сообщества.

Во второй группе особо выделим:

- ограниченный доступ пресс-служб к автоматизированным системам мониторинга СМИ и социальных сетей, который не позволяет оперативно получить комплексную информацию обо всех актуальных публикациях и, прежде всего, об их тональности, что не всегда позволяет обеспечить надлежащее реагирование;

- «непростые отношения» со СМИ (в т.ч. проблема некорректной интерпретации официальной информации пресс-служб судов в медиaprостранстве);

- недостаточная информационная насыщенность сайтов судов; нерегулярность обновления новостных лент отдельными судами;

– недостаточный уровень лингвистического контроля как в судах, так и в СМИ.

На этом фоне в условиях повышения требований к качеству работы, существующих бюджетных ограничениях, растущей нагрузке, повсеместной цифровизации необходимость разработки конкретных критериев эффективности взаимодействия СМИ и органов судебной системы представляется очевидной. При этом эффективность можно понимать как в самом широком смысле (результаты деятельности, соотнесенные с затратами), так и в узком смысле (социальная эффективность, социально-экономическая эффективность, экономическая эффективность).

Значительные финансовые затраты, временные и профессиональные усилия представителей СМИ, пресс-служб судов должны быть исключительно продуктивными, обеспечивать как количественные, так и качественные результаты. При анализе эффективности работы со СМИ оценке подлежат не только результаты, но и затраты, в т.ч. на реализацию контрольных функций.

Данные такой аналитики позволяют своевременно отслеживать изменения, происходящие в оценке средствами массовой информации судебной системы, усиливать позитивные тенденции, адекватно реагировать на негативные перемены; дают возможность определить степень обеспеченности судов в целом и пресс-служб в частности кадровыми, финансовыми и материальными ресурсами, прогнозировать потребности; оценивать риски и обеспечить бюджетирование, нацеленное на конкретный результат.

В основу системы оценки могут быть положены как *ценностно-ориентированные* критерии (в частности, доверие к судебной системе, открытость судебной системы, соответственно показатели: рост доли граждан, доверяющих судебной системе; рост доли граждан, считающих информацию о деятельности судов достаточной), так и *функционально-ориентированные* критерии: *общие* (соответствие стандартам, нормам и правилам передачи информации; наличие системы информационной безопасности; наличие современных информационно-коммуникационных технологий; оптимальное количество коммуникационных каналов, наличие/отсутствие коммуникационных барьеров; наличие/отсутствие системы мониторинга внешней информации, системы обратной связи и др.; отдельное внимание должно быть уделено управлению слухами) и *частные*, детализирующие общие.

Полагаем возможным предложить к обсуждению возможные частные критерии, которые характеризуют:

● *оптимизацию взаимодействия внутри объединенных пресс-служб судов:*

– план мероприятий по формированию благоприятного имиджа суда (плана взаимодействия суда со СМИ) на очередной год;

– программа повышения квалификации пресс-секретарей по профильным направлениям;

– актуальные сведения о сотрудниках пресс-служб на сайтах судов;

– оперативное взаимодействие между сотрудниками объединенных пресс-служб посредством ИКТ.

● *оптимизацию взаимодействия судов со СМИ:*

– рубрики в местных и региональных СМИ, освещающих деятельность судебной системы;

– заметность того или иного суда в информационном пространстве (динамика и структура публикаций, охват источников читательской аудитории и др.);

– наличие обратной связи;

● *работу судов с сайтами:*

– регулярный мониторинг сайтов городских и районных судов (на предмет актуальности и своевременности информации, наполнения разделов, демонстрации достижений);

– создание разделов фото- и видеогалереи; освещение на сайте научной деятельности судей и т.д.;

– осуществление качественного лингвистического контроля.

Критериями, *характеризующими нацеленность на развитие взаимодействия со СМИ*, выступают:

– анализ лучших практик взаимодействия судов со СМИ;

– технология управления информационными поводами (формирование информационных поводов, мониторинг интерпретации СМИ информационных поводов судов, мониторинг тональности информационных сообщений);

– наличие работающих проектов по изучению общественного мнения о деятельности суда (с учетом требований к репрезентативности выборки и др. требований к методике исследования);

– наращивание присутствия в информационном пространстве, в т.ч. на площадках социальных медиа (показатели: количество площадок, количество подписчиков, тональность отзывов);

– использование инновационных методов взаимодействия с обществом в целом и каждым его членом в отдельности без посредников (собственные каналы, подкасты и т.д.);

– создание «портфеля» эксклюзивных проектов.

Итогами исследования выступают следующие выводы:

1. Эффективность взаимодействия органов судебной системы и средств массовой информации – один из приоритетов информационной политики судебной системы.

2. Разработка критериев эффективности и алгоритма оценки эффективности взаимодействия органов судебной системы и СМИ требует фундаментальной научной проработки.

3. Для достижения целей современного гражданского общества и исключения одностороннего представления о деятельности судебной системы, обеспечения баланса интересов всех заинтересованных сторон к разработке должны быть привлечены специалисты различных областей: права (определение правовых последствий), филологии (разработка канон лингвистического контроля), социологии (изучение общественного мнения), экономики (оценка социально-экономической эффективности), IT-специалисты (автоматизация процесса оценки).

Предложенные автором рекомендации в части формирования критериев эффективности взаимодействия органов судебной системы и СМИ могут стать основой для плодотворной научной дискуссии. Формирование критериальной системы оценки эффективности взаимодействия СМИ и органов судебной системы с последующим регулярным ее проведением позволит обеспечить реализацию активной информационной политики судебной системы России в целом.

Список источников

1. *Боброва Д.А.* СМИ и проблема доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 28 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/smi-i-problema-dostupa-k-informatsii-o-deyatelnosti-sudov-v-rossiiskoi-federatsii/read> (дата обращения: 30.07.2021).

2. *Воскресенский Ф.А., Тимченко А.В.* Ожидания российского общества от правосудия: поможет ли цифровизация? // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 4. С. 108–120. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/view/25907> (дата обращения: 30.07.2021).

3. Исследование Левада-центра «Права человека», 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (дата обращения: 30.07.2021).

4. Исследование Фонда ИНДЕМ «Как эксперты оценивают судей и суды», 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://indem.ru/Proj/SudRef/Court_IE_Rim_sum_1.htm (дата обращения: 30.07.2021).

5. Исследование Фонда ИНДЕМ «Справедливость в представлениях и практике граждан и власти в России» (2013–2015 гг.), 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://indem.ru/Proj/Fairness/index.html> (дата обращения: 30.07.2021).

6. Исследование Фонда ИНДЕМ «Судебная власть и предприниматели: результаты социологического анализа», 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://indem.ru/Proj/SudRef/soc/CIPE.htm#_Тoc226455577 (дата обращения: 30.07.2021).

7. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (дата обращения: 30.07.2021).

8. Курочкин С.А. Критерии и показатели эффективности гражданского судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 129–154. [Электронный ресурс]. URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2020/12/08/1356190220/%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B8%D0%BD.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

9. Момотов В.В. Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность // Судья. 2021. № 1. С. 4–9.

10. Онлайн-марафон «Пресс-день судов», 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLoTwwZbu-aNdn3JkjPCyHrOMqN9IRKd8i> (дата обращения: 30.07.2021).

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 года № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139119/ (дата обращения: 30.07.2021).

12. Проект общественного мониторинга открытости и доступности судов «Центра правовых программ Леонида Никитинского», 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5083/> (дата обращения: 30.07.2021).

13. Судебная власть в медийном пространстве // Журнал «Судья». 2020. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhurnalsudya.ru/archive/2020/> (дата обращения: 30.07.2021).

14. Федеральный закон РФ от 22.12.2008 №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в российской федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 30.07.2021).

15. Шишкина А.В. Жанровая динамика публицистических материалов о деятельности судебной системы в Республике Адыгея : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 25 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhanrovaya-dinamika-publitsisticheskikh-materialov-o-deyatelnosti-sudebnoi-sistemy-v-respubl> (дата обращения: 30.07.2021).

Яшина Н. В.,

консультант Пензенского областного суда,

г. Пенза

ОПЫТ РАБОТЫ ПРЕСС-СЛУЖБ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. Статья посвящена вопросам взаимодействия судов Пензенской области со средствами массовой информации, возникающим проблемам и способам их решения. Автор рассказывает про инструментарий в работе пресс-секретаря и вносит предложения по усовершенствованию деятельности работников, отвечающих за взаимодействие со СМИ.

Ключевые слова: пресс-служба; суд; взаимодействие со СМИ; управление Судебного департамента; конфликт.

Эффективное функционирование правосудия, организация информирования о деятельности судебной системы и обеспечение реализации средствами массовой информации права на получение и распространение информации зависят от взаимодействия двух институтов государства и общества: суда, как самостоятельного органа власти, и СМИ, как влиятельного механизма воздействия на сознание людей. Своеобразным «мостиком», соединяющим в информационном пространстве третью и четвертую власти, стали пресс-секретари судебной системы.

Перед судебной властью стояли задачи, направленные на максимальную открытость судов, увеличение поступающих дел различных категорий, возрастающую потребность судебной системы в объективной и качественной информации, обязанность судов вести официальные сайты. В связи с этим решение Терехина В.А., возглавлявшего на тот момент областной суд, о выделении этого направления в качестве ключевого, было дальновидным и абсолютно верным.

В настоящее время в пресс-службу судов Пензенской области входят ответственные за взаимодействие со СМИ работники Пензенского областного суда, управления Судебного департамента Пензенской области, всех 32 районных (городских) судов области (включая Пензенский гарнизонный военный суд), Арбитражного суда Пензенской области, органов судейского сообщества области.

Одной из главных проблем была и остаётся запредельная нагрузка на работников аппарата районных судов, которая не позволяет в полной мере заниматься деятельностью по взаимодействию со СМИ, из-за чего

информация появляется не всегда оперативно. Наличие освобожденных от других обязанностей пресс-секретарей хотя бы в крупных районных (городских) судах или дополнительное стимулирование работников, отвечающих за взаимодействие со СМИ, могло бы частично решить данную проблему.

Открытость деятельности судов области – уже не актуальная задача работы пресс-службы: судебная власть в настоящее время и так достаточно открыта, практически все решения публикуются на сайтах судов. Наши основные цели заключаются в том, чтобы информация, распространяемая в СМИ, была достоверной, объективной, своевременной.

Именно суд, а не другие «информаторы», должен стать первоисточником. Мы первыми должны объективно рассказать о решении суда, для того, чтобы предотвратить распространение недостоверной информации, нередко передергивающей установленные судом факты. По понятным причинам судьи не всегда в режиме реального времени готовы предоставить информацию о не вступившем в законную силу судебном акте. Напротив, СМИ, узнавшие о деле, заинтересованы в скорейшем его обнародовании. В любом случае, даже отсутствие комментария со стороны суда должно быть объяснимым и понятным. Продуктивное сотрудничество со СМИ способствует нивелированию, а иногда и нейтрализации негативной оценки судебного решения.

Апробированными формами общения с представителями СМИ являются интервью и пресс-конференции, на которых судьи рассказывают об изменениях в законодательстве, судебной практике и др. Мы всегда принимаем предложения и сами предлагаем сюжеты для телевидения и материалы для печатных и электронных изданий СМИ.

Работа по взаимодействию со СМИ не останавливалась и в период жёстких ограничений, связанных с пандемией, когда участие в судебных заседаниях для журналистов было ограничено. Пресс-службы предоставляли информацию и фотоматериалы при помощи сайтов судов, по телефону.

В 2020 году в приложении-мессенджере Viber пресс-службами судов области создана группа «Суд и СМИ», задачей которой является, в первую очередь, оперативное и грамотное освещение деятельности судов Пензенской области. Учитывая большое количество источников предоставления одной и той же информации, встречающиеся фактические ошибки и неточности, указанные уже в первоисточнике, возникла необходимость более оперативного, чем официальный сайт суда, способа

распространения информации. После проведения устного опроса среди журналистов и пресс-секретарей судов было решено в качестве дополнительной (вспомогательной) площадки выбрать приложение Viber, так как им все активно пользовались.

Работа в приложении строится следующим образом: пресс-секретари судов размещают в группе анонсы материалов, опубликованных на официальных сайтах, ссылки на них, а также пересылают фото- и видеоматериалы, отвечают на вопросы журналистов.

Отметим, что такой способ работы позволил повысить цитируемость пресс-служб судов, а также избежать ошибок в публикациях журналистов. Эффективность такого общения проявилась в освещении широко обсуждаемого уголовного дела по обвинению 28 лиц цыганской национальности в совершении массовых беспорядков в с. Чемодановка, в результате которых серьезно пострадали представители нецыганской национальности: один человек погиб, другой получил тяжкий вред здоровью.

Проведение процесса и провозглашение приговора проходило в выездном заседании в здании УМВД, откуда пресс-секретарь оперативно выкладывал сообщения и фото в группу, которые сразу же становились доступными всем её участникам.

Для совершенствования работы и стимулирования дальнейшей деятельности пресс-секретарей проводятся различные мероприятия, целью которых стало не только популяризация должности пресс-секретаря, но и привлечение внимания к необходимости квалифицированного освещения деятельности судов области, совершенствования взаимодействия представителей судебной власти и средств массовой информации, выявление и распространение положительного опыта среди пресс-секретарей судов.

На базе управления Судебного департамента Пензенской области проходят семинары с работниками районных судов области, ответственными за взаимодействие со средствами массовой информации, на которые мы приглашаем сотрудников пресс-служб правоохранительных структур, журналистов, которые делятся опытом, высказывают свои предложения по улучшению работы пресс-секретарей судебной системы, минимизации негативных публикаций в СМИ.

Хорошей традицией стало в Международный день солидарности журналистов, 8 сентября, отмечать работу представителей СМИ: редакторов, корреспондентов, монтажёров, верстальщиков, фотографов, операторов и др., а в последние годы ещё и пресс-секретарей районных су-

дов. На одной из таких встреч председатель Пензенского областного суда Трифонов В.Н. высказал мнение о необходимости возрождения судебной журналистики.

Несмотря на то, что сегодня, как никогда, суды открыты, и журналист не испытывает трудности в получении информации из зала суда или из архивов, состояние судебной журналистики в Пензенской области можно охарактеризовать как инертное. В СМИ размещаются выхолощенные материалы по пресс-релизам судов.

Для насыщения материалов мы предлагаем корреспондентам свою помощь, и, не прикрываясь законодательством о конфиденциальной информации и персональных данных, с согласия сторон по делу, помогаем представителям СМИ связаться с истцами, ответчиками, представителями и другими сторонами по делу. Одно дело, когда решение прокомментирует представитель суда, и совсем другой эффект, если участник процесса расскажет, как суд защитил его права и интересы.

Наши предложения в адрес опытных и грамотных журналистов занять эту нишу не встречают оптимизма – журналисты ссылаются на занятость и отсутствие времени. На наш взгляд, финансовая подоплека является одной из составляющих отказа от сотрудничества.

Для разрешения этой ситуации в 2018 году управление Судебного департамента Пензенской области, Пензенский областной суд, Арбитражный суд Пензенской области, совет судей Пензенской области и Департамент информационной политики и средств массовой информации Пензенской области заключили соглашение о взаимодействии, направленном на реализацию информационной политики судебной системы, органов судейского сообщества и Управления Судебного департамента в Пензенской области.

Есть и обратная сторона ситуации сотрудничества со СМИ. В своём выступлении на заседании клуба имени Д.Н. Замятина 27 февраля 2019 года председатель Совета судей РФ Момотов В.В. отметил: «В современных условиях важнейшим аспектом уважения к суду являются уважительные отношения между гражданским обществом и судом, и здесь мы вплотную подходим к категории "скандализации правосудия". Появление этой категории связано с тем, что развитие традиционных средств массовой информации, а затем – Интернета, привело к тому, что манипулирование общественным мнением нередко стало использоваться для давления на суд. При этом часто используются не просто тенденциозные публикации, а попросту лживая информация. В Российской Феде-

рации ответственность за "скандализацию правосудия" отсутствует, в результате чего судьи, скованные этическими нормами, оказываются практически беззащитными перед лицом лжи, распространяемой недобросовестными средствами массовой информации.

Однако без уважения к суду невозможно обеспечить подлинную судебную независимость. Отсутствие адекватного ответа на откровенное давление, оказываемое на правосудие, ведет к крайне негативным последствиям для правопорядка. В связи с этим, очевидно назрела необходимость поставить на общественное обсуждение вопрос введения ответственности за «скандализацию правосудия» [2, с. 5].

Советом судей РФ 5 декабря 2019 года одобрена «Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы» [1, с. 5], которая предусматривает оперативное реагирование со стороны судебных органов на размещение не соответствующей действительности информации. В случаях выявления действий по оказанию давления на судей и суды со стороны СМИ предполагается организация незамедлительного и эффективного реагирования через другие средства массовой информации и иными способами для защиты репутации судебных органов и их представителей.

Если ранее суды относительно лояльно относились к подобной информации, по большей части в телефонном разговоре пресс-секретарь указывал на недостоверную информацию и просил её исправить или пользовался правом на опровержение, то теперь мы, опираясь на ресурс Концепции, работаем на опережение. Сведения, не соответствующие действительности, получают мотивированную и обоснованную оценку на официальных сайтах судов. Комментарий судебной власти позволяет общественности задуматься о профессионализме автора статьи и авторитете СМИ.

Немаловажным направлением в работе суда, его пресс-служб является образовательная деятельность. С 2012 года реализуется образовательный проект «Школа Права – Academia Legis», где обучается более 500 человек.

Традиционными стали встречи руководства суда, судей, работников аппаратов со студентами юридических факультетов ВУЗов и колледжей, будущими журналистами, школьниками. Они приходят на экскурсии в суды, смотрят помещения архива, охотно общаются с судьями в их кабинетах, заходят в залы судебных заседаний. В форме вопросы – ответы ребята получают знания о работе судов и судебной системы России, су-

дейской профессии. Всегда рад встречи со школьниками единственный музей Правосудия в Пензенской области, открытый в 2014 году в городе Нижний Ломов. Посетители с интересом рассматривают «изюминки музея» – печать Министерства юстиции примерно 1928 года, серебряный колокол конца XIX века, который был обнаружен при переезде в новое здание, стол первого председателя Нижнеломовского районного народного суда П.К. Иньякова, изготовленный в 1962 году. Картины прошлых лет воссоздают и другие экспонаты: печатные машинки, магнитофон, фотоаппарат. О современной истории рассказывают множественные фотографии с различных событий.

Стремлением увековечить всё, что сегодня происходит в судебной системе региона, объясняется и идея создания сборника «Власть судебная в Пензенской области», который выпускается с 2007 года. Он выходит 2 раза в год тиражом 400 экземпляров.

Каждый год ставит перед судебной властью новые задачи в плане информационно-образовательной деятельности, реализации принципа открытости, популяризации знаний о судебной системе, поэтому пресс-службы судов постоянно совершенствуют свою работу, применяя новые методы для того, чтобы взаимодействие судейского сообщества со СМИ и общественностью было более эффективным.

Список источников

1. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/>.

2. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/31935>.

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ **(к X Всероссийскому съезду судей)**

*Сборник материалов
Всероссийской межведомственной научно-практической конференции*

В двух частях

Часть I

Под редакцией В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева

Научное издание

Корректор: Т. В. Мельникова
Компьютерная верстка: А.А. Руин
Обложка: А.А. Руин

Подписано к печати 18.07.2022 г. Формат 70 × 90 1/16.

Усл. печ. л. 20,4. Тираж 100 экз. Заказ № 37

Отпечатано в ООО «Издательство «Автор»
ИНН 5259049690 ОГРН 1065259035632
603140, г. Нижний Новгород, пр-т Ленина, 15/1

